

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 1/2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2024 г. Том 15. № 1

2024. Vol. 15. No. 1

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

Ф. Зимбардо (США),
В.А. Лабунская (Россия), М. Линч (США),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексруется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНИТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 500 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

P.G. Zimbardo (USA),
V.A. Labunskaya (Russia), M.F. Lynch (USA),
I. Markova (Great Britain),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia),
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

500 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed
in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Рягузова Е.В.* Парадоксы доброты в контексте просоциального поведения: анализ современных концепций 5
- Волосникова Л.М., Федина Л.В., Брук Ж.Ю.* Позиции лидеров — директоров инклюзивных школ: зарубежный дискурс 22
- Альперович В.Д.* Жизненные сценарии и биографические нарративы: сравнительный анализ концептуальных моделей 39
- Котова М.В.* Трансформация предубеждения в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях 57

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Радина Н.К.* Реконструкция медийных социальных представлений с использованием показателей статистики текста (на материале медиадискурса о пандемии) 76
- Баранов О.О., Галятина В.Н.* Стратегии совладания в контексте самооффективности российской молодежи в современной геополитической ситуации 92
- Карпов А.Б., Базаров Т.Ю.* Взаимосвязь компетенций руководителя и вовлеченности сотрудников 112
- Ай Ю., Исмаил Р., Чонг Ш.Ц.* Исследование эффекта стороннего наблюдателя в различных ситуациях оказания помощи (на английском языке) 127
- Воронцова Т.А.* Социально-психологические предикторы воспринимаемого возраста как прогностического маркера старения и риска смерти 137
- Нартова-Бочавер С.К., Ларионов П., Щерба Е.К.* Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям — есть ли связь? 156

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Ульянина О.А., Александрова Л.А., Дмитриева С.О.* Особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий 171

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Марарица Л.В., Кинунен Т.А., Гуриева С.Д., Яничева Т.Г., Юмкина Е.А.* Адаптация методики восприятия организационной политики (POPS) М. Качмар и Д. Карслон: анализ внутренней структуры 190

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Белинская Е.П.* Утомленные социально — сегодня и навсегда? Рецензия на книгу Бён-Чхоль Хана «Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива». Москва: Издательство АСТ, 2023. 161 с. 209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Гриценко В.В., Павлова О.С.* Теория и практика этнопсихологии: 20 лет в российском контексте 215

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Ryaguzova E.V.* Paradoxes of Kindness in the Context of Prosocial Behavior: Analysis of Modern Concepts 5
- Volosnikova L.M., Fedina L.V., Bruk Zh.Yu.* Positions of Leaders – Principals of Inclusive Schools: Foreign Discourse 22
- Alperovich V.D.* Life Scenarios and Biographical Narratives: Comparative Analysis of Conceptual Models 39
- Kotova M.V.* Prejudice Transformation from Overt to Covert Forms as an Indicator of its Functions in Intergroup Relations 57

EMPIRICAL RESEARCH

- Radina N.K.* Reconstruction of Media Social Representations Using Indicators of Text Statistics (Based on Media Discourse on the Pandemic) 76
- Baranov O.O., Galyapina V.N.* Coping Strategies in the Context of Russian Youth Self-Efficacy in the Modern Geopolitical Situation 92
- Karpov A.B., Bazarov T.Yu.* Effect of Managers Competencies on Employee Engagement 112
- Ai Y., Ismail R., Chong S.T.* A Study of the Bystander Effect in Different Helping Situations 127
- Vorontsova T.A.* Socio-Psychological Predictors of Perceived Age as a Prognostic Marker of Aging and Risk of Death 137
- Nartova-Bochaver S.K., Larionov P., Scherba E.K.* Attachment to Pet and Love for People – is There a Connection? 156

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Ulyanina O.A., Aleksandrova L.A., Dmitrieva S.O.* Features of the Current State of Students in Regions with High Involvement in the Consequences of Hostilities 171

METHODOLOGICAL TOOLS

- Mararitsa L.V., Kinunen T.A., Gurieva S.D., Yanicheva T.G., Yumkina E.A.* Adaptation of the Perception of Organizational Policy Scale (POPS) M. Kacmar and D. Carlson: Analysis of Internal Structure 190

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Belinskaya E.P.* Tired Socially – Now and Forever? Review of the Book by Byung-Chol Khan «The Society of Fatigue. Negative Experience in the Era of Excessive Positivity». Moscow: AST Publishing House, 2023. 161 p. 209

SCIENTIFIC LIFE

- Gritsenko V.V., Pavlova O.S.* Theory and Practice of Cross-Cultural Psychology: 20 Years in the Russian Context 215

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Парадоксы доброты в контексте просоциального поведения: анализ современных концепций

Рягузова Е.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского), г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, e-mail: rjaguzova@yandex.ru

Цель. Проанализировать современные концепции доброты как нравственно-этического образования и предиктора просоциального поведения человека, выявить парадоксы доброты, свидетельствующие о многомерности и разнонаправленности содержания доброты, амбивалентности последствий проявления и неоднозначности интерпретации субъектами взаимодействия.

Контекст и актуальность. В современном информационно-технологичном мире четко обозначается проблема сохранения человеческого в человеке и его нравственного культурного кода, которая отчетливо усиливается в эпоху неопределенности, нестабильности и глобальных рисков. Доброта как добродетель и ценность, личностное качество и один из предикторов просоциального поведения, имея междисциплинарный статус, достаточно подробно изучается различными исследователями, но не все полученные ими результаты представлены в отечественной литературе, в связи с чем требуется их консолидация и уточнение конструкта «доброта» в рамках социальной психологии.

Основные выводы. Уточнено понятие «доброта» в качестве этического образования личности и предиктора просоциального поведения, а также как социальной нормы, регулирующей межличностные взаимодействия, укрепляющей доверие и обеспечивающей социальные связи. Выявлены «парадоксы» доброты, содержащие разнонаправленные психологические ориентации — заботу о Другом и заботу о себе, амбивалентные последствия проявления доброты и ее неоднозначную интерпретацию субъектами взаимодействия. Определены перспективы эмпирического исследования, направленного на изучение субъективных представлений о доброте, диагностику ее режимов, выявление социально-психологических медиаторов и модераторов.

Ключевые слова: просоциальное поведение; парадоксы доброты; забота о Другом — забота о себе; духовная сила — воспринимаемая слабость; нормативность — проактивность.

Для цитаты: Рягузова Е.В. Парадоксы доброты в контексте просоциального поведения: анализ современных концепций // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150101>

Paradoxes of Kindness in the Context of Prosocial Behavior: Analysis of Modern Concepts

Elena V. Ryaguzova

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, e-mail: rjaguzova@yandex.ru

Objective. *Analysis of the modern concepts of kindness as a moral and ethical construct and a predictor of prosocial human behavior, to identify paradoxes of kindness, indicating the multidimensionality and multidirectionality of the content of kindness, the ambivalence of the consequences of manifestation and the ambiguity of interpretation by the subjects of interaction.*

Background. *In the modern information technology world, the problem of preserving the human in man and his moral cultural code is clearly identified, which is clearly intensifying in an era of uncertainty, instability and global risks. Kindness as a virtue and value, a personal quality and one of the predictors of prosocial behavior, having an interdisciplinary status, is studied in sufficient detail by various researchers, but not all of their results are presented in the domestic literature, and therefore their consolidation and clarification of the “kindness” construct in within the framework of social psychology.*

Conclusions. *Main conclusions. The concept of “kindness” is clarified as an ethical construct of the individual and a predictor of prosocial behavior, as well as a social norm that regulates interpersonal interactions, strengthens trust and ensures social connections. “Paradoxes” of kindness have been identified, containing multidirectional psychological orientations — care for the Other and care for oneself, ambivalent consequences of showing kindness and its ambiguous interpretation by the subjects of interaction. The prospects for empirical research aimed at studying subjective ideas about kindness, diagnosing its modes, and identifying socio-psychological mediators and moderators are identified.*

Keywords: *prosocial behavior; paradoxes of kindness; caring for the Other — caring for oneself; spiritual strength — perceived weakness; normativity — proactivity.*

For citation: Ryaguzova E.V. Paradoxes of Kindness in the Context of Prosocial Behavior: Analysis of Modern Concepts. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150101> (In Russ.).

Введение

Современный высокотехнологичный мир, наполненный цифровыми инструментами, нейросетями и интеллектуальными системами, предъявляет повышенные требования к живущему в нем человеку. Эти требования разнообразны и касаются всех аспектов функционирования психики. Так, в познавательной сфере кроме качества и эффективности когнитивных процессов необходимыми являются такие характеристики, как устойчивость к неопределенности и изменениям, гибкость и умение быстро анализировать

проблемные ситуации, нестандартность мышления и креативность; в коммуникативной сфере значимыми атрибутами успешности взаимодействия выступают межличностная сензитивность, коммуникабельность, коммуникативная компетентность, включенность в команду; в регулятивной сфере важным становится освоение новых поведенческих алгоритмов и сценариев, предполагающих умение работать в цифровой среде, на стыке профессий, готовность к самообучению, переобучению, смене сферы деятельности и новым вызовам современного мира.

Научно-технический прогресс, безусловно, необходим и его невозможно остановить. Действительно, рутинные операции, раньше выполняемые человеком, теперь осуществляют роботы, а искусственный интеллект безошибочно и точно совершает действия, которые были прерогативой исключительно людей, информационные потоки повышают уровень осведомленности человека в разных областях.

Однако многих исследователей совершенно обоснованно волнуют вопросы относительно того, не сопровождается ли стремительный научно-технический прогресс регрессом человеческого в человеке, духовно-нравственным кризисом человечества [11; 18], экзистенциальным безразличием людей [35], утратой духовного начала, нарушением экологии личности и ее антиразвитием [1], неопределенной трансформацией идентичности личности, пересоздающей окружающий мир [23]. Не приведет ли трансгуманизм, в рамках которого человек превращается в совершенный объект техносферы, к тотальной дегуманизации общества и уничтожению человеческого культурного кода [19; 27], а постправда — к размытости границ между видимостью и реальностью на игровом поле времени [22].

Поставленные вопросы имеют отношение к духовно-нравственной сфере человека, к таким этическим категориям, как вера, справедливость, совесть, великодушные, милосердие, доброта, щедрость, сострадание, к тому, насколько эти добродетели востребованы в современном цифровом мире и каково их содержание и смысловая наполненность.

Целью настоящего исследования является анализ современных концепций доброты как нравственно-этического образования и предиктора просоциального поведения человека, выявление па-

радоксов доброты, свидетельствующих о многомерности и разнонаправленности содержания доброты, амбивалентности последствий проявления и неоднозначности интерпретации субъектами взаимодействия.

Доброта как этическое качество человека и предиктор просоциального поведения

Просоциальное поведение человека трактуется как его добровольная преднамеренная социально-ориентированная активность, направленная на благо Другого и не мотивированная собственной выгодой. При этом в литературе имеется как содержательно широкое толкование этого конструкта в контексте сотрудничества и кооперации людей, так и узкое — в формате альтруистического и помогающего поведения [16].

Кооперативное поведение предполагает наличие глобальной цели, реализация которой связана с генерализованным доверием, социальным оптимизмом и консолидацией совместных усилий членов социальной общности для ее достижения [12]. Для кооперативного поведения характерны общая осмысленность жизненного существования, рефлексия значимости безвозмездного служения группе или обществу [7], координация действий, взаимная поддержка и эмоциональная привязанность людей друг к другу, личностная вовлеченность и открытость коммуникации [2], инвестирование в социальный капитал группы [9], совместное расширение и объединение психологических ресурсов для развития общества и благополучия каждого актора в конкретном историческом контексте.

Альтруизм как форма просоциального поведения связывается не только с направленностью личности на благо Другого и осуществлением действий,

приводящих к изменению его актуального состояния, но и с готовностью к риску и самопожертвованию в контексте этических норм конкретной культуры [6; 13; 29]. Степень такого самопожертвования, его субъективная цена могут быть разными — от сознательного приоритета интересов и потребностей Другого над собственными до обесценивания и причинения значительного вреда себе. Подробная дифференциация просоциального и альтруистического поведения с выделением областей сходства и различия по таким показателям, как намерение и мотивация, затраты и выгоды, социальный контекст, представлена в исследовании С. Пфаттайхер, Й. Нильсен, И. Тильманн (S. Pfattheicher, Y. Nielsen, I. Thielmann) [42].

Просоциальное поведение формируется в ходе социализации и воспитания; детерминируется ситуативным и социокультурным контекстом; реализуется благодаря альтруистическим мотивам личности, ее установкам и моральным убеждениям, ключевым свойствам и доминирующим ценностям. Рассмотрение просоциального поведения в рамках направленности личности, опирающееся на идеи Л.И. Божович, обладает серьезным эвристическим потенциалом и позволяет разрабатывать экспериментальные процедуры, ориентированные на изучение устойчивой системы доминирующих мотивов разного содержания и уровня развития [3; 10].

Одним из предикторов просоциального поведения выступает доброта, которая трактуется в психологии как морально-этическая категория и личностное качество, конституирующее человеческое в человеке, связанное со стремлением одного субъекта делать добро другому, укрепляя жизнеспособность и благополучие всей со-бытийной общности [17], решая

«вопрос выживания человечества» [24; 32] и принимая ответственность за Другого [44], а также репрезентируется в виде поступков, направленных на помощь, поддержку и сочувствие Другому [8; 38]. При этом Другой понимается обобщенно, но не в смысле обобщенного Другого Дж.Г. Мида, а как генерализованный Другой, включающий в себя любого и каждого вне зависимости от степени родства или знакомства, принадлежности к той или иной культуре или группе, общности взглядов и интересов, статусной роли или межличностной дистанции.

Мы считаем, что доброта представляет собой сложное, многомерное и многослойное образование, включающее в себя разнонаправленные ориентации и установки личности, ее проявления могут трактоваться как нормативно необходимые и социально желательные, а результаты по-разному интерпретироваться человеком, совершающим добрый поступок, и тем, кто принимает дар. Кроме того, действия, совершенные во благо Другого, не всегда являются таковыми, и возникает вопрос о том, кто определяет «благо» для Другого. Указанные смысловые оппозиции мы обозначаем как парадоксы доброты, эмпирическое изучение которых может способствовать более точному и объемному пониманию доброты и просоциального поведения, выявлению некоторых малоизученных аспектов, связанных с позицией и спецификой атрибутивных процессов взаимодействующих субъектов, их ожиданиями и перспективами, затратами и приобретениями; позволит дифференцировать просоциальные сценарии доброты и сострадания; разработать обучающие и тренинговые программы, направленные на формирование культуры социально ориентированной активности. Вместе с тем на этапе постановки проблемы тре-

буется теоретический анализ имеющихся концепций, в которых артикулируются заявленные положения.

Доброта как забота о Другом и о себе

В контексте философского дискурса доброта трактуется как добродетель, как морально-этическая категория, содержание которой связано с искренней и глубокой заботой человека о Других и о себе. При этом забота чаще всего соотносится с осознанным состраданием (эмпатическая забота), влекущим сочувствие, сопереживание Другому и, в целом, понимание сходного опыта человеческого экзистенциального страдания. Вместе с тем личность может испытывать сострадание и к самой себе. В этом случае сострадание проявляется в виде этической вины, имеющей место в том случае, когда она совершает какой-то проступок, страдает или терпит неудачу.

М. Фуко считает, что забота личности о себе требует значительных усилий и времени, она связана с процессом самопознания и доступом к истине — смыслу жизни, внутреннему порядку, определению того места, которое субъект занимает в мире, и рефлексии тех связей, в которые он включен. Проявляя заботу о себе, человек «выступает для самого себя предметом критики, местом сражения, очагом патологии» [20, с. 71] и тем самым осуществляет рост и нравственную трансформацию, формируя этические компетенции и достигая внутреннего равновесия и достоинства, которые позволяют ему отразить всевозможные атаки извне и соответствовать требованиям, предъявляемым внешними обстоятельствами. Однако развитие заботы о себе, подчеркивает М. Фуко, возможно только в контексте множественных социальных отношений личности с разнообразными Другими [21].

Сходные представления о доброте высказывает Т. Мальти (T. Malti), разрабатывая психологическую теорию доброты и конструируя модель ее развития, позволяющую формировать заботливое отношение к себе и Другому на разных этапах онтогенеза. Доброта как добродетель предполагает особую мягкость и доброжелательность и также включает две ориентации, первая из которых направлена на Других, выражая заботу о том, кто нуждается в помощи и поддержке, а вторая — на саму личность и обусловлена заботой о себе [39]. Автор полагает, что доброта связана с наличием специфической эмпатической позиции, требующей от личности рефлексии эмоций Другого и собственного психического состояния, а также осмысления отношений между собой и Другими. С ее точки зрения быть добрым означает не просто помогать себе и другим, а расти и преобразовываться за счет искренней связи с Другими. Содержательно заботливое отношение проявляется через доброжелательные мысли, добрые чувства, добрые действия, соответственно, формировать доброту возможно, основываясь на этих компонентах.

Д.-Т. Бинфет (J.-T. Binfet) высказывает аналогичную идею о возможностях формирования доброты в рамках педагогического взаимодействия [30]. Он уточняет, что доброта с точки зрения субъектов образования интерпретируется по-разному: например, младшими школьниками доброта воспринимается как акт эмоциональной или физической поддержки, который помогает строить или поддерживать отношения с Другими. Д.-Т. Бинфет системно изучает проявления доброты в школьной среде, выделяя ее интерперсональный и интраперсональный аспекты, и дифференцирует разные виды — отзывчивая

доброта (реакция на фрустрированные потребности Другого), преднамеренная доброта (планирование и реализация доброго поступка) и тихая доброта («доброта без аудитории»). Он предлагает измерительный инструмент для оценки уровня доброты в школе [26] и эмпирически доказывает, что посредством поощрения преднамеренных добрых поступков учеников возможны повышение их субъективного благополучия и гармонизация межличностных отношений [31]. По мнению Д.-Т. Бинфета, акты тихой доброты оказывают влияние на личность, ее самосознание, самоуправление, социальное познание, социальные навыки и ответственное принятие решений [26].

Ряд исследований устанавливают связь психологического благополучия и доброты личности, проявленной по отношению к хорошо знакомым, знакомым и незнакомым людям [37], однако вопрос о том, что в диаде «благополучие — доброта» выступает причиной, а что — следствием, нуждается в дополнительном исследовании.

Забота о себе как эмоционально позитивное самоотношение личности противопоставляется проявлениям нарциссизма, эгоцентризма и жалости, которые ослабляют личностные ресурсы [40]. Забота о себе предполагает доброту к себе, включает самопринятие и исключает излишнюю самокритичность; восприятие своих переживаний как часть универсального человеческого опыта; позитивное переосмысление жизненных вызовов и имеющихся ресурсов [40] и поддержание адаптивных процессов создания смысла [43].

Безусловная доброта к себе изучается в контексте общих и потенциальных вредных угроз, которые включают критику и неприятие личности другим чело-

веком, неудачу или совершение ошибки, осознание личных недостатков и несовершенства. Показатели безусловной доброты к себе выступают в качестве детерминант психического здоровья человека при контроле защитных факторов, включая мужество, надежду, устойчивость, чувство собственного достоинства и социальную поддержку [45]. Важно отметить то, что безусловная доброта к себе тесно связана с социальной поддержкой как прямо, так и косвенно через переживание собственного присутствия в жизни Другого [46].

Г.В. Иванченко отмечает, что забота о себе не тождественна любви и доверию к себе, самосовершенствованию и стремлению к счастью; она не гарантирует эффективных результатов и самоуспокоенности, но приводит к актуализации чувства собственного достоинства через обретение внутренней силы и свободы, осознанности жизни и ответственности за нее [5].

Таким образом, содержательные компоненты доброты представлены двумя взаимосвязанными ориентациями — интерсубъектной, предполагающей ориентацию на Другого и искреннюю заботу о нем, и интрасубъектной, связанной с ориентацией на себя и заботой о себе. Ориентация личности на Другого обусловлена ее открытостью, эмпатией, состраданием, сочувствием, осознанием общности экзистенциального опыта и совместного сосуществования. Ориентация на себя детерминирована мотивами самопознания, саморазвития и самодетерминации личности, а ее забота о себе представляет собой предельное отношение личности к себе и своей жизни [15], личностный выбор желаемых Я и аутентичности [5], технологию производства субъективности [21].

Доброта: духовная сила личности и воспринимаемая Другими слабость

А. Делурм (A. Deoume) изучает поведенческие проявления доброты в рамках межличностных интеракций и конструирует типологию людей, где основным классификационным критерием выступает интегративный показатель, отражающий соотношение двух направленностей личности — вектора заботы о себе и о Другом. Исходя из этого, выделяются следующие типы [4]:

гиперотзывчивый человек, делающий добро из-за неуверенности и слабости собственного Я, всегда готовый бескорыстно предложить свою помощь, ставящий интересы Других выше собственных интересов, избегающий конфликтных и стрессовых ситуаций, идущий на любые уступки, практически подчиняясь Другому и фактически обесценивая себя;

человек, делающий добро из расчета, внимателен и заботлив по отношению к Другому только в том случае, если надеется на эквивалентное эмоциональное проявление с его стороны, такая стратегия связана с защитой собственного Я от возможных манипуляций Другого и межличностных стрессов;

человек, осознанно делающий добро, не ущемляет собственное сильное Я и не обязывает ни к чему Другого, выстраивая гармоничные доброжелательные отношения;

человек, делающий добро, ущемляя собственные интересы и принося себя в жертву.

А. Делурм полагает, что при сбалансированности психологических ориентаций на себя и на Другого личность осознанно проявляет доброту, равно заботится и о себе, и о Другом, конструирует гармоничные доброжелательные межличностные отношения, признает

ценность, суверенность и автономность Другого [4].

Обратим внимание на два варианта проявления доброты, которые трактуются как слабость и неуверенность личности, уступчивость и избегание конфликтов, приоритет интересов Другого и отмена себя, своеобразная деперсонализация, жертвенность, обезличивание и обнуление собственного Я. Вместе с тем признаем некоторую упрощенность и уплощенность представленных типов, поскольку мотивация и интерпретация покорного и смиренного поведения могут быть разными: с одной стороны, сторонний наблюдатель однозначно атрибутирует такому человеку пассивность, нерешительность, беспомощность, отсутствие субъектности, тотальную зависимость от Другого, что, действительно, может свидетельствовать о незрелости, слабости или травмированности Я [25], а с другой стороны, например, в рамках социальной, духовной и телесной практики юродства такие формы смирения, как самоуничтожение, посмешище, аскеза, могут интерпретироваться самой личностью как преодоление зла и указывать на ее силу, которая опирается на значимую внутреннюю инстанцию [14].

Действительно, добрый поступок, совершенный одним человеком по отношению к другому, может по-разному ими оцениваться. В научной литературе часто выделяют две формы доброты как проявления просоциального поведения — альтруистическая доброта и стратегическая доброта. Альтруистическая доброта основана на сострадании и эмпатии, позитивной чуткости и открытости Другому, она побуждается мотивами аффилиации и сопереживания, центрируется на чувствительности личности к переживаниям и опыту Другого, признании его в качестве бесспорной ценности, подчеркивании важности достоинства

каждого человека, рефлексии общности экзистенциального существования.

Стратегическая доброта мотивирована возможным одобрением со стороны Других, повышением собственного престижа и репутации, расчетом на ответное сходное действие со стороны Другого в любом временном режиме. Иногда стратегическая доброта имеет негативную коннотацию, поскольку считается, что доброта и расчет не могут сочетаться. На мой взгляд, это не совсем так, проявляя стратегическую доброту, человек заботится о себе, выражая доброту по отношению к Другому, познает себя и выстраивает траекторию личностного роста, ориентируясь на доброжелательное взаимодействие с Другими, предполагая встречное отношение и рассчитывая на него.

В психологии дискутируется вопрос о безвозмездности искреннего дара одного человека другому. В этом контексте можно вспомнить один из принципов нескольких мировых духовных традиций — «Блаженнее отдавать, чем получать», т.е. бескорыстно отдавая, человек получает не только внешнее, но и внутреннее эмоциональное вознаграждение. На феноменологическом уровне проявление искренней душевной доброты по отношению к Другому возвращается человеку в виде эйфорического чувства, «теплого внутреннего свечения» (“warm glow”), переживание которого длится некоторое время и возникает вновь при воспоминании о совершенном добром поступке [28; 33; 36]. Эмпирически доказано, что ценность внутреннего свечения зависит от доступности имеющихся у личности мотивационных альтернатив, главным образом эгоцентрического характера. Следовательно, личность получает внутреннее вознаграждение и личное удовлетворение за «правильный» и «хороший» поступок — выбор действия

в пользу Другого при ослаблении собственной эгоистичной мотивации [34].

Оценка личностью доброго поступка, совершенного по отношению к ней, также может оцениваться по-разному в зависимости от субъективной значимости ситуации, соразмерности участия Другого, ее ожиданий и антиципации возможных последствий. Во-первых, тот, кто получает непрошенную помощь, может трактовать ее как навязанное действие, вторжение в его персональное пространство, приводящее к нарушению психологических границ личности и вызывающее у нее сопротивление, раздражение и желание защититься; во-вторых, легкость получения от Другого какого-то ресурса может привести к расширению репертуара манипулятивных техник личности и атрибуции «дающему» дефензивности и слабости; в-третьих, расчет на помощь Другого в различных ситуациях может способствовать ослаблению и виктимизации личности, снижению способности преодолевать трудности, усилению субъективно переживаемой уязвимости и беспомощности, формированию рентных установок.

Следовательно, добрые поступки, детерминированные разными мотивами и интенциями личности, актуализируют разнообразный спектр эмоциональных переживаний как у нее самой, так и у «получателя», их результаты по-разному вознаграждаются, а оценки того, на кого направлен добрый поступок, могут располагаться в диапазоне от признания духовной силы субъекта, совершающего добро, до убежденности в его слабости.

Доброта как благо: проактивность и нормативность поведенческих форм

Поведенческие проявления доброты связаны с комплексом соответствующих

нормативных представлений, определяющих их специфику в разных контекстах взаимодействия. Возникает вопрос о том, в каких ситуациях проявления доброты являются культурно заданными, а в каких — личностно обусловленными.

В этой связи обратимся к теории доброты, разработанной Е. Янгс, М.А. Янева, Д.В. Кантер (D.E. Youngs, M.A. Yaneva, D.V. Canter) [48]. Теория основывается на двух ключевых положениях: 1) доброта проявляется при наличии психологического источника, т.е. того, что инициирует проявление доброты, и 2) существуют разные поведенческие формы выражения доброты или режимы доброты. Авторы считают, что побудительными силами доброты, ее психологическими источниками могут быть моральные принципы, выступающие в качестве интернализированных этических норм, предписанных обществом, и ценностей, присвоенных личностью как нравственных императивов и эталонов в ходе процессов социализации и индивидуации, а также эмпатия, предполагающая эмоциональное вчувствование в Другого, сострадание, сочувствие и сопереживание ему. При этом отмечается, что моральные принципы чаще побуждают личность проявлять доброту по отношению к малознакомым или незнакомым людям, в то время как эмпатия проявляется в большей степени по отношению к близким или знакомым Другим.

Что касается поведенческих форм проявления доброты, то авторы рассматривают две базовые формы: проактивное поведение и социально-предписанное поведение. Проактивность позиционируется как готовность личности действовать, исходя из собственных внутренних побуждений, осознанности и ответственности за свои поступки, ориентации на убеждения и ценности. Она

содержательно характеризует личность как активного, инициативного, креативного и ответственного автора и актора собственной жизни, опирающегося в своих действиях в большей степени на присущие ему, а не социально заданные образцы. Применительно к проявлению доброты и заботы о Другом проактивность связана с активной добротой, которая выражается даже при отсутствии внешних призывов о помощи и поддержке, например, в виде благотворительности, добровольческой или волонтерской деятельности.

Социально-предписанная форма поведения основывается на его культурной детерминированности и социальной заданности, нормативной фреймированности, существовании установленных и социально одобряемых поведенческих границ, нарушение которых сопряжено с определенными общественными санкциями. В контексте практик доброты социальная предписанность предполагает выполнение определенных ритуалов вежливости и поддержки, учет поведенческих сигналов, посылаемых Другими, или ответную реакцию на прямую просьбу об оказании помощи.

Ядром доброты выступает человеколюбие (в оригинале *Anthropophilia* — антропофилия), которое включает поведение, опосредованное как психологическими источниками (моральными принципами и эмпатией), так и обеими формами выражения доброты (проактивность и нормативность). Человеколюбие представляет собой системную характеристику личности, проявляемую в процессе взаимодействия с Другими, выраженную в ее готовности сочувствовать и сопереживать, сострадать и помогать, прощать и поддерживать, ориентируясь не на личную выгоду, а на бескорыстные побуждения и устремления, понимая,

что даже если нуждается сам, есть те, кому помощь нужна еще больше.

Опираясь на рассмотренную концепцию, опишем возможные разновидности поведенческих форм доброты.

Пассивная или латентная форма доброты, представляющая собой социально-предписанную доброту, основанную на принципах, имеет когнитивное происхождение и предполагает наличие у личности просоциальных мыслей и демонстрацию знаний о благожелательных действиях, которые соответствуют нормативным предписаниям и не требуют проявления активности, скорее это декларация о доброжелательных намерениях и желании оказать помощь Другому. Подобный вид доброты проявляется в том, что личность не обидит слабого и не унизит достоинства другого человека, придет на помощь, когда ее об этом попросят, поддержит Другого в трудную минуту.

Созидательная доброта или социально-предписанная проактивная доброта также представляет собой форму, которая обусловлена когнитивными процессами. Однако приоритетными при выражении именно этой формы являются не столько актуализированные усвоенные и присвоенные личностью социальные, культурно-специфичные нормы и наличие у нее морально-этических эталонов, сколько внутренние побуждения и интенции, реализация которых предполагает выход за рамки требуемого поведения и социально предписанного режима поддержки. Человек, проявляя такой вид доброты, не будет ждать, когда его попросят о помощи, а сам ее предложит, не просто защитит слабого, но и сделает попытки наказать обидчика, он остро чувствует несправедливость и активно борется против нее, находится в состоянии постоянной готовности оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. Имен-

но такая форма доброты проявляется не только в формате оказания помощи Другому, но и в умении принести ему радость.

Сопереживающая доброта или аффективно-проактивная доброта опосредована эмоциональной доминантой личности в сочетании с ее активными действиями, направленными на помощь и поддержку Другого. Проявляя такой режим доброты, человек чувствует боль, страх и страдания Другого как собственные, осознавая первопричину этого переживания, он достигает определенного эмпатического резонанса с Другим, проникает в его внутренний мир, сохраняя его аутентичные эмоциональные и смысловые оттенки, что требует определенного напряжения, терпения и жертвенности со стороны личности. При этом она способна не просто оценить ситуацию с позиции Другого, но и предложить различные варианты активной защиты, действительной поддержки и реальной помощи.

Сочувственная доброта или аффективно-социально-предписанная доброта характеризуется тем, что представляет собой эмоциональный отклик одного человека на чрезвычайные обстоятельства и тяжелые жизненные события, в которых оказался Другой, его искреннее желание помочь и поддержать, выразить сочувствие, сострадание и сожаление, позаботиться и утешить. Эта же форма доброты характерна для многих межличностных взаимодействий, разворачивающихся в режиме повседневных коммуникаций.

Анализ доброты в поведенческом и нормативно-измерительном контексте позволяет не только выделить и описать разные режимы доброты, но и сфокусировать внимание на различном понимании помощи как пользы для Другого: в одном случае помощь — заботливость и сострадание — будет связана с утешени-

ем, поддержкой, переживанием сходных с Другим эмоций и чувств, ситуативным отождествлением себя с Другим и фактически предоставлением Другому в режиме здесь-и-теперь собственных ресурсов (материальных, психологических, временных), что может приводить как к удовлетворенности от сострадания (*compassion satisfaction*), так и утомлению от сострадания (*compassion fatigue*) [41; 47]. В другом случае помощь — забота и ответственность за будущее Другого — будет ориентирована на поддержание и активизацию ресурсов самой личности, чтобы она могла самостоятельно справиться с возникшей проблемой и двигаться по пути самопознания, саморазвития, самоактуализации и самодетерминации.

Заключение

Доброта представляет собой интегральное этическое образование человека, формирующееся и проявляющееся в рамках социальных взаимодействий Я — Другой, включающее в себя интраличностный и интерличностный компоненты, связанные с его искренней и глубокой заботой о Других и о себе.

Забота о Другом основана на понимании и принятии личностью Другого, признании его ценности, сочувствии и сопереживании ему, подразумевает оказание помощи и содействие Другому, находящемуся в трудной жизненной ситуации, а также трансляцию вовне оптимистичного мировоззрения, морально-этических принципов, глубокой веры, искренней радости, надежды и жизненного позитива. Кроме того, забота о Другом выступает в качестве социальной нормы совместного существования людей, регулирующей межличностные интеракции, укрепляющей доверие и признание между людьми, обеспечива-

ющей социальные связи и повседневные коммуникации. Личностными предикторами заботы о Другом являются эмоциональный интеллект, эмпатия, открытость, просоциальные ценности, мотивация социальной ответственности и рефлексия отношений между собой и Другими. Эмоционально-поведенческие референты доброты к Другому — помощь, сочувствие, содействие, сострадание, соучастие, сопереживание.

Забота о себе предполагает не только и не столько позитивное самоотношение личности, принятие себя и predisположенность в пользу собственного Я, сколько фокусирование на самоактуализации, развитии и активизации внутренних ресурсов, резервов и потенциалов. Доброта личности по отношению к себе связана с формированием профессиональных, коммуникативных и этических компетенций, расширением системы осознанной саморегуляции и самодетерминации, укреплением достоинства личности и ее репутации как личностного капитала. Показателем эффективной заботы личности о себе выступают ее самооценка, психологическое благополучие и психическое здоровье в целом, а поведенческими маркерами являются личностный рост, развитие, самоэффективность и самосовершенствование.

Консолидация взглядов различных исследователей на природу, виды и содержательную сущность доброты позволяет не только уточнить сам конструкт «доброта», но и наметить направления дальнейших социально-психологических исследований, связанных с изучением выявленных парадоксов доброты, предполагающих одновременную представленность intersубъектной и intrasубъектной ориентаций, многообразия мотивов совершения добрых поступков и их неоднозначную интерпретацию

субъектами взаимодействия; различное толкование ими блага или пользы, а также исследование субъективных представлений о доброте представителей разных групп (возрастных, профессиональных, этнических, религиозных), согласованности и пропорциональности ориентаций доброты на Другого и себя как основы продуктивной заботы о Другом и психологического благополучия личности, предикторов, медиаторов, модераторов и условий проявления и формирования доброты в контексте межличностных взаимодействий.

Литература

1. *Абульханова К.А.* К проблемам экологии личности и возможности психологической поддержки // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2014. № 4(30). С. 6–22.
2. *Базаров Т.Ю., Шевченко Ю.С.* Кооперативные стратегии поведения в конкурентной среде // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3). С. 80–85.
3. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
4. *Делурм А.* Насколько вы добры // Psychologies. 2011. № 11. С. 150–154.
5. *Иванченко Г.В.* Забота о себе: История и современность. М.: Смысл, 2009. 303 с.
6. *Казанцева Т.В.* Альтруизм: феномен и операционализация // Петербургский психологический журнал. 2016. № 14. С. 1–20.
7. *Кисляков П.А., Шмелева Е.А., Говин О.* Современное волонтерство в воспитании просоциального поведения личности // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 6. С. 122–145. DOI:10.17853/1994-56392019-6-122-145
8. *Лейбина А.В., Понс Ф., Семенов Ю.И.* Представление российских учителей о доброте и ее проявлениях в педагогической деятельности // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 4. С. 5–20. DOI:10.21702/rpj.2020.4.1
9. *Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л.* Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 43–66. DOI:10.17759/sps.2018090104
10. *Неймарк М.С., Толстых Н.Н.* Направленность личности: взгляд из 2012 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2013. № 1. С. 5–13.
11. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Институт психологии РАН, 2018. 402 с.
12. *Нестик Т.А.* Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 5–17. DOI:10.31857/S020595920026152-3
13. Предикторы просоциального поведения в современных исследованиях: межкультурный аспект / Н.В. Кухтова [и др.]; под ред. Н.В. Кухтовой. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. 170 с.
14. *Разинов Ю.А., Атяскина А.Н.* Юродство // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 2(39). С. 32–48. DOI:10.24411/2079-1100-2020-00020
15. *Сапогова Е.Е.* «Забота о себе»: автопостроение жизни как смысловой системы // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 3. С. 49–66.
16. *Свенцицкий А.Л., Казанцева Т.В.* Повседневное просоциальное поведение личности как накопление социального капитала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 2. С. 45–55.
17. *Слободчиков В.И.* Психологическая антропология: от истоков в будущее // Исследователь/Researcher. 2018. № 1-2. С. 16–22.

18. Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / А.Л. Журавлев [и др.]; под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. 113 с.
19. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 349 с.
20. Фуко М. Говорить правду о самом себе. Лекции, прочитанные в 1982 году в Университете Виктории в Торонто. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 336 с.
21. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
22. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
23. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2022. 496 с.
24. Чепмен Г. Любовь как образ жизни. М.: Эксмо, 2012. 384 с.
25. Шахова И.С. Созависимость, жертвенность и альтруизм в аспекте помогающего поведения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2022. Т. 39. С. 86–96. DOI:10.26516/2304-1226.2022.39.86
26. Шкала уровня доброты в школе [Электронный ресурс]. URL: https://education.ok.ubc.ca/wp-content/uploads/sites/96/2020/01/School-Kindness-Scale_Russian_Инструкция.pdf (дата обращения: 21.04.2023).
27. Яковлева Е.Л. Вектор движения: гуманизм — постгуманизм — трансгуманизм — техногуманизм — гуманизм // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2. С. 40–42.
28. Andreoni J. Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving // The Economic Journal. 1990. Vol. 100. № 401. P. 464–477. DOI:10.2307/2234133
29. Batson D.C. Altruism in humans. N.Y.: Oxford University Press, 2011. 329 p.
30. Binfet J.-T. Not-so random acts of kindness: A guide to intentional kindness in the classroom // International Journal of Emotional Education. 2015. № 7(2). P. 49–62.
31. Binfet J.-T. Cultivating Kindness: An Educator's Guide. Toronto: University of Toronto Press, 2022. 248 p.
32. Curry O.S., Lee A.R., Caspar J. Van Lissa, Zlotowitz S., McAlaney J., Whitehouse H. Happy to help? A systematic review and meta-analysis of the effects of performing acts of kindness on the well-being of the actor // Journal of Experimental Social Psychology. 2018. Vol. 76. P. 320–329. DOI:10.1016/j.jesp.2018.02.014
33. Dossey L. Generosity and kindness in our pandemic era // Explore. 2021. Vol. 17. № 2. P. 101–102. DOI:10.1016/j.explore.2020.12.008
34. Evren O., Minardi S. Warm-Glow Giving and Freedom to Be Selfish [Electronic resource]. Working Paper. 2013. № 171. URL: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP171.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
35. Hawker C.J. A generosity of spirit // Nat Rev Mater. 2019. № 4. P. 623–624. DOI:10.1038/s41578-019-0134-z
36. Konow J. Mixed Feelings: Theories and Evidence of Warm Glow and Altruism [Electronic resource]. URL: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/id/eprint/2727> (дата обращения: 10.04.2023).
37. Lee R., Curry O.S. A range of kindness activities boost happiness // The Journal of Social Psychology. 2018. DOI:10.1080/00224545.2018.1469461
38. Leybina A.V., Kashapov M.M. Understanding Kindness in the Russian Context // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. № 15(1). P. 66–82. DOI:10.11621/pir.2022.0105
39. Malti T. Kindness: a perspective from developmental psychology [Electronic resource] // European Journal of Developmental Psychology. 2020. P. 629–657. DOI:10.1080/17405629.2020.1837617
40. Neff K. Self-Compassion: An Alternative Conceptualization of a Healthy Attitude Toward Oneself // Self and Identity. 2003. № 2(2). P. 85–101. DOI:10.1080/152988603090932

41. Ondrejková N., Halamová J. Prevalence of compassion fatigue among helping professions and relationship to compassion for others, self-compassion and self-criticism // *Health & Social Care in the Community*. 2022. Vol. 30. № 5. P. 1680–1694. DOI:10.1111/HSC.13741
42. Pfattheicher S., Nielsen Y.A., Thielmann I. Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions // *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 44. P. 124–129.
43. Samios C., Raatjes B., Ash J., Lade S.L., Langdon T. Meaning in Life Following Intimate Partner Psychological Aggression: The Roles of Self-Kindness, Positive Reframing, and Growth // *Journal of Interpersonal Violence*. 2020. № 35(7–8). P. 1567–1586. DOI:10.1177/0886260519898437
44. Sampson E.E. Unconditional Kindness to Strangers: Human Sociality and the Foundation for an Ethical Psychology // *Theory & Psychology*. 2003. № 13(2). P. 147–175. DOI:10.1177/0959354303013002001
45. Smith B.W., Guzman A., Erickson K. The Unconditional Self-Kindness Scale: Assessing the Ability to Respond with Kindness to Threats to the Self // *Mindfulness*. 2018. № 9. P. 1713–1722. DOI:10.1007/s12671-018-0912-5
46. Stallman H.M., Ohan J.L., Chiera B. The Role of Social Support, Being Present, and Self-kindness in University Student Psychological Distress // *Australian Psychologist*. 2018. № 53(1). P. 52–59. DOI:10.1111/ap.12271
47. Xie W., Chen L., Feng F., Okoli C.T.C., Tang P., Zeng L., Jin M., Zhang Y., Wang J. The prevalence of compassion satisfaction and compassion fatigue among nurses: A systematic review and meta-analysis [Electronic resource] // *International Journal of Nursing Studies*. 2021. DOI:10.1016/j.ijnurstu.2021.103973
48. Youngs D.E., Yaneva M.A., Canter D.V. Development of a measure of kindness // *Curr Psycho*. 2023. № 42. P. 5428–5440. DOI:10.1007/s12144-021-01882-6

References

1. Abul'khanova K.A. K problemam ekologii lichnosti i vozmozhnosti psikhologicheskoi podderzhki [On the Issues of Personality Ecology and Possibility of Psychological Support]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva (Vestnik KGPU) = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Bulletin KSPU)*, 2014, no. 4(30), pp. 6–22. (In Russ.).
2. Bazarov T.YU., Shevchenko Yu.S. Kooperativnye strategii povedeniya v konkurentnoj srede [Cooperative strategies of behavior in a competitive environment]. *Nacional'nyj psikhologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2010, no. 1(3), pp. 80–85. (In Russ.).
3. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 464 p.
4. Delurm A. Naskol'ko vy dobry [How kind are you]. *Psychologies*, 2011, no. 11, pp. 150–154. (In Russ.).
5. Ivanchenko G.V. Zabota o sebe: Istoriyaisovremennost [Self-care: History and modernity]. Moscow: Smysl, 2009. 303 p. (In Russ.).
6. Kazantseva T.V. Altruism: phenomenon and operationalization [Altruism: phenomenon and operationalization]. *St. Petersburg psychological journal*, 2016, no. 14, pp. 1–20. (In Russ.).
7. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A., Gowin O. Sovremennoe volonterstvo v vospitanii prosocial'nogo povedeniya lichnosti [Contemporary volunteering in the formation of prosocial behaviour of a person]. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2019. Vol. 21, no. 6, pp. 122–145. DOI:10.17853/1994-5639-2019-6-122-145 (In Russ.).
8. Leibina A.V., Pons F., Semenov Yu.I. Predstavlenie rossiiskikh uchitelei o dobrote i ee proyavleniyakh v pedagogicheskoi deyatel'nosti [The idea of Russian teachers about kindness and its manifestations in pedagogical activity]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2020. Vol. 17, no. 4, pp. 5–20. DOI:10.21702/rpj.2020.4.1 (In Russ.).

9. Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Pochebut L.G., Svetsitskiy A.L. Vklad lichnosti v sotsial'nyi kapital gruppy: struktura al'truisticheskogo investirovaniya [The contribution of the individual to the group's social capital: the structure of altruistic investment]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 43–66. DOI:10.17759/sps.2018090104 (In Russ.).
10. Nejmark M.S., Tolstyh N.N. Napravlennoost' lichnosti: vzglyad iz 2012 goda [Personality orientation: a view from 2012]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 16. Psihologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Peterburg University. Ser. 16 Psychology. Pedagogy*, 2013, no. 1, pp. 5–13. (In Russ.).
11. Nestik T.A., Zhuravlev A.L. Psikhologiya global'nykh riskov [Psychology of global risks]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2018. 402 p. (In Russ.).
12. Nestik T.A. Social'nyy optimizm rossiyan v usloviyakh krizisa: rezul'taty longityudnogo issledovaniya [Social Optimism of Russians in a Crisis: Results of a Longitudinal Study]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psikhologicheskii zhurnal*, 2023. Vol. 44, no. 3, pp. 5–17. DOI:10.31857/S020595920026152-3
13. Kuhtova N.V. [i dr.]. Prediktory prosocial'nogo povedeniya v sovremennykh issledovaniyakh: mezhkul'turnyy aspekt [Predictors of prosocial behavior in modern research: cross-cultural aspect]. In N.V. Kuhtova (ed.). Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 2020. 170 p. (In Russ.).
14. Razinov Yu.A., Atyaskina A.N. Yurodstvo [Foolishness for Christ]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury = International Journal of Cultural Research*, 2020, no. 2(39), pp. 32–48. DOI:10.24411/2079-1100-2020-00020 (In Russ.).
15. Sapogova E.E. Zabota o sebe": avtopostroenie zhizni kak smyslovoj sistemy [Care about myself: autobuilding life as a semantic system]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya = Bulletin of Humanitarian Education*, 2015, no. 3, pp. 49–66. (In Russ.).
16. Svetsitskiy A.L., Kazantseva T.V. Povsednevnoe prosocial'noe povedenie lichnosti kak nakopleniye social'nogo kapitala [Everyday prosocial behavior of personality as accumulation of social capital]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint-Petersburg University. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2015, no. 2, pp. 45–55. (In Russ.).
17. Slobodchikov V.I. Psikhologicheskaya antropologiya: ot istokov v budushchee [Psychological anthropology: from origins to the future]. *Issledovatel' = Researcher*, 2018, no. 1-2, pp. 16–22. (In Russ.).
18. Zhuravlev A.L. [i dr.]. Sotsial'no-psikhologicheskaya otsenka riskov sovremennoi real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe [Socio-psychological risk assessment of modern reality: obvious and probable]. In O.A. Belobrykina (ed.). Novosibirsk: Publ. NGPU, 2017. 113 p. (In Russ.).
19. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnological Revolution]. Moscow: AST, 2004. 349 p.
20. Fuko M. Germenevtika sub"ekta: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1981-1982 Academic Year]. St. Petersburg: Nauka, 2007. 677 p.
21. Fuko M. Govorit' pravdu o samom sebe. Lektsii, pročitannye v 1982 godu v Universitete Viktorii v Toronto [Tell the truth about yourself. Lectures delivered in 1982 at the Victoria University of Toronto]. Moscow: Publ. "Delo" RANKhiGS, 2022. 336 p.
22. Fuller S. Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast [Post-truth: Knowledge as a struggle for power]. Per. s angl. D. Kralechkina. Moscow: Publ. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021. 368 p.
23. Kharari Yu. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego [Brief history of the future]. Moscow: Sindbad, 2022. 496 p.
24. Chepmen G. Lyubov' kak obraz zhizni [Love as a way of life]. Moscow: Eksmo, 2012. 384 p.

25. Shakhova I.S. Sozavisimost', zhertvennost' i altruizm v aspekte pomogayushchego povedeniya [Codependency, Self-Sacrifice, and Altruism in the View of Helping Behavior]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2022. Vol. 39, pp. 86–96. DOI:10.26516/2304-1226.2022.39.86 (In Russ.).
26. Shkala urovnya dobroty v shkole [Elektronnyi resurs] [School kindness scale]. URL: https://education.cms.ok.ubc.ca/wp-content/uploads/sites/96/2020/01/Russian_Инструкция.pdf (Accessed 21.04.2023). (In Russ.).
27. Yakovleva E.L. Vektor dvizheniya: gumanizm – postgumanizm – transgumanizm – tekhnogumanizm – gumanizm [Motion Vector: Humanism, Posthumanism, Transhumanism-tehnogumanizm and Humanism]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2014, no. 2, pp. 40–42. (In Russ.).
28. Andreoni J. Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving. *The Economic Journal*, 1990. Vol. 100, no. 401, pp. 464–477. DOI:10.2307/2234133
29. Batson D.C. Altruism in humans. N.Y.: Oxford University Press, 2011. 329 p.
30. Binfet J.-T. Not-so random acts of kindness: A guide to intentional kindness in the classroom. *International Journal of Emotional Education*, 2015, no. 7(2), pp. 49–62.
31. Binfet J.-T. *Cultivating Kindness: An Educator's Guide*. Toronto: University of Toronto Press, 2022. 248 p.
32. Curry O.S., Lee A.R., Caspar J., Van Lissa, Zlotowitz S., McAlaney J., Whitehouse H. Happy to help? A systematic review and meta-analysis of the effects of performing acts of kindness on the well-being of the actor. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018. Vol. 76, pp. 320–329. DOI:10.1016/j.jesp.2018.02.014
33. Dossey L. Generosity and kindness in our pandemic era. *Explore*, 2021. Vol. 17, no. 2, pp. 101–102. DOI:10.1016/j.explore.2020.12.008
34. Evren O., Minardi S. Warm-Glow Giving and Freedom to Be Selfish [Elektronnyi resurs]. *Working Paper*, 2013, no. 171. URL: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP171.pdf> (Accessed 20.04.2023).
35. Hawker C.J. A generosity of spirit. *Nat Rev Mater*, 2019, no. 4, pp. 623–624. DOI:10.1038/s41578-019-0134-z
36. Konow J. Mixed Feelings: Theories and Evidence of Warm Glow and Altruism [Elektronnyi resurs]. URL: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/id/eprint/2727> (Accessed 10.04.2023).
37. Lee R., Curry O.S. A range of kindness activities boost happiness. *The Journal of Social Psychology*, 2018. DOI:10.1080/00224545.2018.1469461
38. Leybina A.V., Kashapov M.M. Understanding Kindness in the Russian Context. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022, no. 15(1), pp. 66–82. DOI:10.11621/pir.2022.0105
39. Malti T. Kindness: a perspective from developmental psychology [Elektronnyi resurs]. *European Journal of Developmental Psychology*, 2020, pp. 629–657. URL: <https://doi.org/10.1080/17405629.2020.1837617> (Accessed 17.06.2023).
40. Neff K. Self-Compassion: An Alternative Conceptualization of a Healthy Attitude Toward Oneself. *Self and Identity*, 2003, no. 2(2), pp. 85–101. DOI:10.1080/15298860309032
41. Ondrejko N., Halamov J. Prevalence of compassion fatigue among helping professions and relationship to compassion for others, self-compassion and self-criticism. *Health & Social Care in the Community*, 2022. Vol. 30, no. 5, pp. 1680–1694. DOI:10.1111/HSC.13741
42. Pfattheicher S., Nielsen Y.A., Thielmann I. Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions. *Current Opinion in Psychology*, 2022. Vol. 44, pp. 124–129.
43. Samios C., Raatjes B., Ash J., Lade S.L., Langdon T. Meaning in Life Following Intimate Partner Psychological Aggression: The Roles of Self-Kindness, Positive Reframing, and Growth. *Journal of Interpersonal Violence*, 2020, no. 35(7–8), pp. 1567–1586. DOI:10.1177/0886260519898437
44. Sampson E.E. Unconditional Kindness to Strangers: Human Sociality and the Foundation for an Ethical Psychology. *Theory & Psychology*, 2003, no. 13(2), pp. 147–175. DOI:10.1177/0959354303013002001

45. Smith B.W., Guzman A., Erickson K. The Unconditional Self-Kindness Scale: Assessing the Ability to Respond with Kindness to Threats to the Self. *Mindfulness*, 2018, no. 9, pp. 1713–1722. DOI:10.1007/s12671-018-0912-5
46. Stallman H.M., Ohan J.L., Chiera B. The Role of Social Support, Being Present, and Self-kindness in University Student Psychological Distress. *Australian Psychologist*, 2018, no. 53(1), pp. 52–59. DOI:10.1111/ap.12271
47. Xie W., Chen L., Feng F., Okoli C.T.C., Tang P., Zeng L., Jin M., Zhang Y., Wang J. The prevalence of compassion satisfaction and compassion fatigue among nurses: A systematic review and meta-analysis [Elektronnyi resurs]. *International Journal of Nursing Studies*, 2021. DOI:10.1016/j.ijnurstu.2021.103973
48. Youngs D.E., Yaneva M.A., Canter D.V. Development of a measure of kindness. *Current Psychology*, 2023, no. 42, pp. 5428–5440. DOI:10.1007/s12144-021-01882-6

Информация об авторах

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, e-mail: rjaguzova@yandex.ru

Information about the authors

Elena V. Ryaguzova, Doctor of Psychology, Head of the Department of Personality Psychology, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, e-mail: rjaguzova@yandex.ru

Получена 17.07.2023

Received 17.07.2023

Принята в печать 12.02.2024

Accepted 12.02.2024

Позиции лидеров — директоров инклюзивных школ: зарубежный дискурс

Волосникова Л.М.

**ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТюмГУ),
г. Тюмень, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4774-3720>, e-mail: l.m.volosnikova@utmn.ru

Федина Л.В.

**ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТюмГУ),
г. Тюмень, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2822-0692>, e-mail: l.v.fedina@utmn.ru

Брук Ж.Ю.

**ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТюмГУ),
г. Тюмень, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2806-2513>, e-mail: z.y.bruk@utmn.ru

Цель. Обзор и теоретический анализ научных публикаций, посвященных теме лидерства в инклюзивной школе и размещенных на платформах SpringerLink и Taylor & Francis Group.

Контекст и актуальность. После принятия Саламанкской декларации (1994) инклюзия занимает важное место в повестке образовательных трансформаций. Ее вектором является поиск способов расширения участия и обучения учеников из социально уязвимых групп и под-верженных рискам эксклюзии в школе и за ее пределами. Научная актуальность проблемы заключается в том, что при всей значимости лидерства в инклюзивном образовании работ, посвященных этой тематике, в России критично мало.

Используемая методология. Теоретический анализ литературных источников, аналитико-синтетический метод библиографического поиска, обобщение, метод сравнительного анализа.

Основные выводы. Лидерство рассматривается как дискурс и практики. В статье представлены основные стили образовательного лидерства, особое внимание уделено теориям трансформационного и распределенного лидерства; описаны инструменты исследования лидерства в инклюзивном образовании. Позиция директоров школ в отношении разнообразия является одним из определяющих факторов успешности/неуспешности школьной инклюзии. Стил лидерства существенно влияет на взгляды, поведение, коммуникацию учителей, их самоэффективность, обучающие стратегии. Отношение директоров школ к инклюзивному образованию обуславливают три группы факторов: 1) связанные с детьми (тип инвалидности, например); 2) связанные со средой — культурно-исторической и организационной (ресурсы); 3) связанные с личностью директора (пол, возраст, квалификация, получение инклюзивной подготовки, самоэффективность, опыт, ценности). Перспективами исследования являются разработка теории управления инклюзивным образованием на основе интеграции трансформационного и распределенного лидерства; изучение влияния стиля руководства российских директоров школ на отношение учителей к инклюзивному образованию, их обучающих стратегий.

Ключевые слова: инклюзивное образование; лидерство; стили лидерства; директора школ; транзакционное и трансформационное лидерство; распределенное лидерство.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-413-720012 «Человеческое измерение инклюзивной трансформации школы: субъективное благополучие в условиях гетерогенности».

Для цитаты: Волосникова Л.М., Федина Л.В., Брук Ж.Ю. Позиции лидеров — директоров инклюзивных школ: зарубежный дискурс // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 22—38. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150102>

Positions of Leaders – Principals of Inclusive Schools: Foreign Discourse

Ludmila M. Volosnikova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4774-3720>, e-mail: l.m.volosnikova@utmn.ru

Ludmila V. Fedina

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2822-0692>, e-mail: l.v.fedina@utmn.ru

Zhanna Yu. Bruk

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2806-2513>, e-mail: z.y.bruk@utmn.ru

Objective. *A review and theoretical analysis of scientific publications on the topic of leadership in an inclusive school and posted on the SpringerLink and Taylor & Francis Group platforms.*

Background. *After the adoption of the Salamanca Declaration (1994), inclusion occupies an important place on the agenda of educational transformations. Its vector is to find ways to increase the participation and learning of students from socially vulnerable groups and those at risk of exclusion in school and beyond. The scientific relevance of the problem lies in the fact that, despite the importance of leadership in inclusive education, there are critically few works devoted to this topic, especially in Russia.*

Methodology. *Theoretical analysis of literary sources, analytical and synthetic method of bibliographic search, generalization, method of comparative analysis.*

Conclusions. *Leadership is seen as a discourse and practice. The article presents the main styles of educational leadership, special attention is paid to the theories of transformational and distributed leadership. The tools of leadership research in inclusive education are described. The position of school principals regarding diversity is one of the determining factors of the success/failure of school inclusion. Leadership style significantly affects the views, behavior, communication of teachers, their self-efficacy, and learning strategies. The attitude of school principals to inclusive education is determined by three groups of factors: 1) related to children (type of disability, for example); 2) related to the environment — cultural, historical and organizational (resources); 3) related to the personality of the director (gender, age, qualifications, inclusive training, self-efficacy, experience, values). The prospects of the research are the development of a theory of inclusive education management based on the integration of transformational and distributed leadership/ The study of the influence of the leadership style of Russian school principals on the attitude of teachers to inclusive education, their teaching strategies.*

Keywords: *inclusive education; leadership; leadership styles; school principals; transactional and transformational leadership; distributed leadership.*

Funding. The research was funded by RFBR and Tyumen Region, number 20-413-720012 “The human dimension of inclusive school transformation: subjective well-being in conditions of heterogeneity”.

For citation: Volosnikova L.M., Fedina L.V., Bruk Zh.Yu. Positions of Leaders – Principals of Inclusive Schools: Foreign Discourse. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150102> (In Russ.).

Введение

После принятия Саламанкской декларации (1994) инклюзия занимает важное место в повестке образовательных трансформаций. Цель инклюзии состоит в том, чтобы найти способы расширения участия и обучения учеников, которые относятся к социально уязвимым группам и подвержены рискам эксклюзии в школе и за ее пределами.

В постсоветском пространстве доминируют подходы к инклюзии как обучению и сопровождению детей с инвалидностью, эссенциалистский взгляд на инвалидность на основе медицинской модели. На глобальном уровне инклюзия интерпретируется как подход, который поддерживает и приветствует разнообразие всех учащихся [8]. Авторская позиция опирается на широкое понимание инклюзии как инструмента противодействия сегрегации и успешного обучения и вовлечения всех детей, включая учащихся с инвалидностью [25; 26; 36; 45]. Существуют различные факторы, которые способствуют успеху инклюзивных программ и действий. Одним из них является позиция лидеров — директоров школ — в отношении к учащимся с особыми потребностями и самому феномену инклюзивного образования. Директор школы является центральным фактором во внедрении и усвоении любых школьных реформ, в том числе инклюзивных, и является наиболее важным агентом перемен [19; 28; 32]. Один из исследователей директорских практик инклюзии замечает: «Школы, которые функционируют инклюзивно, делают это по опре-

деленной причине. И этой причиной являются директора» [36, с. 79]. Действия директоров школ обеспечивают легитимацию, необходимую для перемен, в том числе инклюзивных, а также поддержку учителей в процессе перемен [14; 15].

Научная актуальность проблемы заключается в том, что при всей значимости лидерства в инклюзивном образовании работ, посвященных этой тематике, критично мало, особенно в России.

Целью исследования являются обзор и теоретический анализ научных публикаций, посвященных теме лидерства в инклюзивном образовании, размещенных на платформах SpringerLink и Taylor & Francis Group в силу реальных ограничений.

Образовательное лидерство рассматривается как дискурс и практики.

Одержимость лидерством: дискурс

«Сегодня мы живем в культуре, одержимой лидерством», — отмечают М. Элвессон и А. Спайсер (M. Alvesson и A. Spicer) [30, с. 1]. Действительно, в литературе представлены свидетельства экспоненциального роста публикаций по тематической области «Образовательный менеджмент и лидерство» в двадцать первом веке [31; 40]. Рост числа академических журналов как ключевых артефактов производства знаний в этой области также подтверждает эту тенденцию академического лидероцентризма (см. таблицу).

База знаний по тематической области «Образовательный менеджмент и

Таблица

Статьи по тематике «Образовательный менеджмент и лидерство» с 1960 по 2018 гг., опубликованные в журналах, индексируемых МБД Scopus [20]

№	Наименование журнала	Количество статей	Квартиль
1	NASSP Bulletin (NASSP)	5941	Q3
2	Educational Leadership (EdLd)	2587	Q3
3	Economics of Education Review (EER)	1601	Q1
4	Education & Urban Society (EUS)	1364	Q2
5	Journal of Educational Administration (JEA)	1319	Q1
6	International Journal of Ed. Management (IJEM)	1188	Q2
7	Educational Administration Quarterly (EAQ)	1163	Q1
8	Urban Education (UrbEd)	1158	Q1
9	Ed. Management Admin. & Leadership (EMAL)	1071	Q1
10	School Leadership & Management (SO/SLAM)	788	Q2
11	Management in Education (MiE)	637	Q2
12	School Effect. and School Improvement (SESI)	612	Q1
13	Journal of Ed. Adm. and History (JEAH)	521	Q2
14	Improving Schools (ImpSch)	414	Q2
15	International Journal of Leadership in Ed. (IJLE)	395	Q2
16	Journal of Personnel Evaluation in Ed. (JPPE)	299	n/a
17	Journal of Educational Change (JEC)	296	Q1
18	Advances in Educational Administration (AEA)	284	n/a
19	International Journal of Management in Ed. (IJME)	283	Q3
20	Education as Change (EAC)	275	Q3
21	Leadership and Policy in Schools (LPS)	164	Q1

лидерство», опубликованная в журналах, индексируемых в Scopus, неуклонно росла с 1682 статей, опубликованных в 1960-х годах, до 22462 статей в 2018 году. Более того, эта тенденция роста со временем набирает обороты: 25% всего корпуса опубликовано в период с 2010 по 2018 гг. [17]. Картирование данных, проведенное П. Халлингером и Дж. Ковачевич (P. Hallinger и J. Kovačević), показывает также нарастание географического разнообразия: в 1960–1978 гг. 98,8% корпуса публикаций по лидерству было создано в США (80%), Канаде, Соединенном Королевстве (Великобритания) и Австралии. Эти данные указывают на англо-саксонское происхождение

темы лидерства. В 2010–2018 гг. на долю авторов из этих стран приходится 66% статей. В исследования вовлечены страны Латинской Америки, Европы, России, Азиатско-Тихоокеанского региона, что свидетельствует о том, что образовательное лидерство является глобальной повесткой [18].

Лидерство: доминирование или взаимодействие. Дискурс

Системные исследования лидерства начались в середине XX века. Длительное время господствовали понятия лидерства как совокупности уникальных личностных черт, определяющих успешность и возможность доминировать.

Сегодня существует несколько сотен определений лидерства в политологии, социологии, психологии, философии. Обобщая их, С.Р. Филонович определяет лидерство как:

1) «ведущее положение отдельной личности, группы, обусловленное более эффективными результатами деятельности;

2) процессы внутренней самоорганизации и самоуправления группы, коллектива, обусловленные индивидуальной инициативой ее членов» [5, с. 4].

В этом емком определении очевидна двойственная природа лидерства: с одной стороны, как набор личных качеств, позволяющих влиять и вести, а с другой стороны, лидерство как способ коммуникации, сотрудничества и самоорганизации.

Критики подхода к лидерству как доминированию определяют его как процессы взаимодействия, совместные практики. Так, Дж. Уилкинсон (J. Wilkinson) определяет лидерство в образовании как «коллективные, социально справедливые практики людей, объединенные для достижения цели преобразования к лучшему жизни людей и общества», как «практику, меняющую практику в целом» [46, с. 107].

Подчеркивая значимость не столько рационального, сколько и эмоционального компонента, и эмоционального интеллекта в деятельности лидера, А. Хохшильд (A. Hochschild) определяет лидерство как *эмоциональный труд и менеджмент* [22].

Война парадигм.

Виды образовательного лидерства: дискурс

На веб-сайте Международного института менеджмента и развития (IMD, Сингапур и Швейцария) утверждается: «На протяжении всей истории появлялись великие лидеры с особым стилем

руководства, определяя направление, реализую планы и мотивируя людей. В целом их можно разделить на 5 различных категорий: авторитарные, основанные на участии, делегирующие, транзакционные и трансформационные» (IMD.org). Эти пять теорий являются основными теориями лидерства, утверждает С. Шилдс (C. Shields) [40].

У истоков современных классификаций лидерства стоят К. Левин, который выделил три типа лидерства (авторитарный, демократический, попустительский), и М. Вебер, описавший три типа легитимного господства (харизматическое, традиционное и рационально-легальное) [3]. Классический поведенческий подход, ставший прорывом в исследовании лидерства, сосредоточен не на анализе личностных качеств, а на поведении лидера [37]. В 1973 году Т. Гринфилд (T. Greenfield) положил начало новому этапу исследований лидерства, описав гуманную науку управления образованием. Она основывается на восприятии лидера его подчиненными и применении количественных методов исследования лидерства [17].

Транзакционное и трансформационное (преобразующее) лидерство: дискурс

В 70–90 гг. были разработаны теории транзакционного и трансформационного (преобразующего) лидерства. По определению их автора Дж.М. Бернса (J.M. Burns), транзакционное лидерство подразумевает мотивирующее и управляющее воздействие на последователей преимущественно методом вознаграждения пропорционально заслугам. Транзакционный лидер уповает на метод «пряника и кнута», устанавливает цели и дает последователям отзывы об их работе [10].

В 2003 году в книге «Трансформация лидерства» Дж.М. Бернс (J.M. Burns) ввел понятие трансформационного лидерства и определил его как процесс, в котором лидер и последователи в процессе взаимодействия поднимают друг друга на более высокий уровень мотивации и личностного/нравственного развития. Дж. Бернс провел различие между *изменением* и *трансформацией* (метаморфозой формы или структуры). Целью трансформации изменений является достижение большей справедливости. Автор утверждал, что «глубокие и устойчивые изменения, направляемые и измеряемые ценностями, являются конечной целью трансформации лидерства» [9, с. 213]. Являясь приверженцем объяснительной, социальной и критической теории управления образованием, способной к изменениям в сторону справедливости, Дж. Бернс утверждал: «Лидерство — это моральное обязательство, и величайшая задача лидера должна состоять в том, чтобы отреагировать на миллиарды людей в мире, испытывающих острую нужду, людей, чьи поиски счастья могут начаться с небольшого количества еды или лекарств» [9, с. 2]. Установка Дж. Бернса на теорию лидерства, ориентированную на большие изменения, нашла большое количество последователей.

Ключевые механизмы и психологические характеристики трансформационного лидерства были описаны позже Б. Басс (B. Bass). Среди них: 1) индивидуальный подход; 2) стимулирование мышления людей; 3) вдохновляющая мотивация; 4) лидерство, основанное на харизме, которая характеризуется доверием подчиненных, поддержанием веры и уважения, апелляцией к их надеждам и мечтам [7].

Трансформационное лидерство является «демократичным и основанным на участии», «это стиль руководства, при ко-

тором лидер вдохновляет на положительные изменения своих последователей. Трансформационные лидеры энергичны, полны энтузиазма, имеют стратегическое мышление и такие качества, как скорость нахождения и обработки информации, абстрактное и конкретное видение мира» [7, с. 26]. Эти лидеры не только вовлечены в процесс, но также ориентированы на помощь каждому члену группы и преобразование своих сотрудников в лидеров, способных нести ответственность за собственные действия, исполнение поставленных целей.

Р. Кванц (R. Quantz) и др. выделяют пять идей, которые лежат в основе нового диалога о лидерстве в школах: школы — это арена культурной политики, демократическая власть, наличие преобразующих лидеров на всех уровнях организации, язык критики и возможностей; создание условий и дискурса, которые возвращают лидеров. Преобразующие лидеры не должны воспринимать школу как единое целое с общим интересом, а поддерживать культурное разнообразие [28].

Эти пять ключевых идей впоследствии дополнены М. Дантли (M. Dantly) идеей духовности, которая «формирует чувство собственного достоинства и дает импульс к сопротивлению практикам дегуманизации и угнетения» [12, с. 657].

К. Лейтвуд (K. Leithwood) и др. выделяют два существенных отличия транзакционного и трансформационного лидерства в образовании. Трансформационное лидерство в первую очередь направлено на осуществление значимых изменений внутри и за пределами организации путем обеспечения большей справедливости. Транзакционное лидерство, напротив, направлено на эффективность и организации (учебные результаты) и стимулирует четыре основных компонента: определение целей, проектирование

среды, управление учебной программой и развитие людей [23]. Важно заметить, что трансформационное лидерство не отвергает показатели эффективности, но выходит далеко за его рамки. Второе отличие заключается в том, что трансформационное лидерство акцентируется не на рациональных, а больше на эмоциональных аспектах взаимодействия.

Сегодня исследователей объединяет согласие в том, что теория трансформационного лидерства является нормативной, критической, всеобъемлющей и активной теорией. Она привержена социальной справедливости, равенству и демократии и поэтому наиболее релевантна вызовам современной школы [23; 43].

Теории трансформационного лидерства — доминирующая методология исследований лидерства в образовании. Свидетельством этого является использование трансформационного лидерства в качестве концептуальной основы в докторских диссертациях. Proquest, большой репозиторий диссертаций, содержит 3893 докторских диссертации о трансформационном лидерстве, более 70% из них выполнены в 2010—2020 годах [40].

***Дегероизация лидерства.
Распределенное
и конструктивистское лидерство:
дискурс***

В начале XXI века наблюдается экспоненциальный рост интереса исследователей к теории распределенного лидерства в дискурсе лидерства в сфере образования наряду с нарастающим критицизмом в адрес теорий лидерства как доминирования [6; 41; 47]. По мнению М. Элвессона и А. Спайсера (M. Alvesson и A. Spicer), лидерство редко является делом великого лидера с четким самопониманием, который направляет, поддерживает и контролирует последователей. Вместо этого

его лучше всего понимать как «полное двусмысленностей, парадоксов, путаницы, несоответствий» [6]. Рост популярности этой теории соответствует новой производственной культуре и контекстам гибкости и проницаемости рабочих процессов. Д. Хартли (D. Hartley) утверждает, что распределенное лидерство более релевантно «текущей современности» в концепции Н. Баумана и культуре, плывущей «от организованной социальной структуры к сетевой культуре» [21].

Привлекательность распределенного лидерства в образовании заключается в его потенциале улучшения климата школы и образовательных результатов [20; 47]. Также утверждалось, что распределенное лидерство наряду с трансформационным вытесняет транзакционное лидерство в плане влияния на школьный климат [19; 40].

В литературе имеется множество определений распределенного лидерства [20; 42]. А. Харрис (A. Harris) формулирует его как «коллективную ответственность за лидерство, а не власть сверху вниз» [20, с. 1]. Роли лидера и последователя становятся взаимозаменяемыми, а лидерство рассматривается как процесс, а не атрибут. «В его основе лежит представление о том, что лидерство — это набор ролей и моделей поведения, которые можно разделить, чередовать и использовать последовательно или одновременно. Это, в свою очередь, означает, что в любой момент времени в команде может существовать несколько лидеров, каждый из которых берет на себя дополняющую руководящую роль. Именно эта характеристика действительно отличает этот подход от личностно-центрированных подходов, описанных ранее» [20, с. 18].

Распределенное лидерство позиционируется как постгероическая теоретическая концепция, исходящая из предположения,

что лидерство может исходить от каждого человека и организации, а также как самый предпочтительный способ лидерства в организациях [38]. «Компании, создающие знания, потребуют распределенного руководства» [37, с. 5]. «В традиционной организации, основанной на ресурсах, лидерство и высшее руководство являются синонимами. В компании, создающей знания, лидерство — распределенное явление. В таких организациях много лидеров, работающих на разных уровнях и по разным вопросам» [37, с. 14, 15].

Среди факторов, способствующих возникновению распределенного лидерства в школах, можно назвать автономию учителей, культуру, предоставляющую учителям право осуществлять лидерские действия, атмосферу подлинного сотрудничества и сотворчества в школе, а также образовательную политику, поддерживающую обмен информацией, формирование команд и инициативы по расширению границ [24; 33; 42].

Результаты исследований свидетельствуют о положительной связи между распределенным лидерством и позитивными индивидуальными и организационными изменениями [20]. При этом модели распределенного лидерства зависят от культурного контекста. В странах с иерархическими традициями и структурами и высокой степенью подотчетности практики распределенного лидерства имеют ограниченный характер. И наоборот, там, где доминируют демократические ценности, процессы, практики распределенного лидерства шире распространены [20; 29].

Л. Ламберт (L. Lambert) с коллегами предлагают конструктивистский взгляд на лидерство, которое определяется как взаимные процессы, позволяющие участникам образовательного сообщества конструировать общие значения, веду-

щие к общей цели школьного обучения. Лидерство включает в себя интерактивный процесс, в котором участвуют как ученики, так и учителя. Следовательно, существует потребность в совместном лидерстве, когда руководитель рассматривается как лидер лидеров [27]. Иерархические структуры должны быть заменены общей ответственностью в сообществе, которое характеризуется согласованными ценностями и надеждами, так, что многие контрольные функции, связанные со школьным руководством, становятся менее важными или даже контрпродуктивными [27; 39].

Как исследовать лидерство в инклюзивном образовании: дискурс с переходом в практику

В современных исследованиях лидерства важен акцент на том, что инклюзия — это не только декларация, а в первую очередь действие/деятельность, источником которой являются интериоризированные лидером смыслы и ценности инклюзивного образования. Было проведено множество исследований с целью описания различных стилей руководства и их влияния на процессы перемен в школах. Они были сосредоточены на характеристике стиля руководства путем документирования поведения [32]. В последние годы все больше исследований фокусируется на опросах учителей относительно поведения директоров школ [11; 26]. Эти исследования основаны на теории атрибуции — определении стиля руководства директора по тому, как учителя воспринимают его поведение.

Для измерения стиля лидерства используется многофакторный опросник лидерства, разработанный Б. Бассом, в основу которого положена концепция трех лидерских стилей, описанных выше [7]. Для измерения отношения к ин-

клюзивному образованию используется многофакторный опросник отношения к инклюзивному образованию SACIE-R, разработанный К. Форлин (C. Forlin) [13].

Лидеры в инклюзивном образовании. Инклюзия как культура изменений: практика

В настоящее время общепризнано, что внедрение инклюзии является образовательной реформой, в успехе которой ключевую роль играет директор школы. Школьное лидерство в инклюзивном образовании ассоциируется с продвижением справедливости, а главной задачей школьных руководителей является содействие лучшему образованию для всех учащихся и особенно для учащихся из неблагополучных семей. Чтобы добиться этого, руководитель школы должен развивать мотивацию, навыки и условия работы своих сотрудников по отношению к разнообразному составу учащихся [11; 26; 43]. Пять качеств необходимо для осуществления инклюзивных перемен: наличие видения, квалификация, способность мотивировать, способность привлекать соответствующие ресурсы, а также планировать и инструктировать, чтобы сделать школу инклюзивной [45]. Практиками, которые содействуют устойчивому развитию инклюзии в школе, являются приверженность директора инклюзивным ценностям, ориентация на успешность и поддержку каждого учащегося, создание условий для профессионального развития учителей, их поддержка и мотивация, содействие общего видения инклюзивной школы ее сообществом, совместное лидерство, анализ данных и практик, поддержка родителей и сообщества, развитие доступной среды [31; 45].

Определяя специфику лидерства директоров инклюзивных школ, ряд авторов утверждают, что оно направлено на

устранение всех форм отчуждения и маргинализации, диспропорций и неравенства в доступе к обучению и способствует более широкому участию посредством вовлечения и диалога, что проявляется в результатах обучения. Кроме того, оно предполагает наличие особой мудрости и знаний для проектирования эффективной инклюзивной среды [11; 26; 43; 45].

Важный контекст для нашего исследования был предоставлен К. Риль (C. Riehl), которая разрабатывает «комплексный подход к школьному управлению и разнообразию» и уточняет главные задачи для инклюзии: формирование нового понимания разнообразия; продвижение инклюзивной практики в школах; налаживание связей между школами и сообществами. Успех в инклюзивном, преобразующем развитии будет при условии приверженности директора равенству, праву голоса и социальной справедливости [35].

В литературе существуют различные подходы относительно взаимосвязи между стилями руководства и внедрением изменений в системе образования [16]. Часть исследователей утверждают, что трансформационный стиль лидерства управления более релевантен условиям разнообразия и неопределенности [11]. Т. Серджиованни (T. Sergiovanni) утверждает, что транзакционный стиль может стать препятствием для формирования инклюзивной образовательной среды, и призывает лидеров сосредоточиться на отношениях между людьми [38].

Другой подход утверждает, что лидеры способны обеспечить успешность инклюзивных реформ при применении обоих стилей руководства. Опираясь на классификацию К. Левина, Б. Басс разработал трехуровневую модель лидерства в зависимости от типа взаимоотношений поведения лидера: стиль невмешатель-

ства — отсутствие лидерства, транзакционный стиль — акцент на дисциплину и совершенство учителей, трансформационный стиль — вовлечение команды, мотивация, интеллектуальное стимулирование, индивидуальная работа [7].

Исследования показали, что стиль лидерства влияет на поведение учителей, их взгляды на инклюзивное образование, обучающие стратегии, самооффективность [26; 45]. Исследования также доказали влияние взглядов директора школы на инклюзивное образование, его приверженности социальной или медицинской модели инвалидности на поведение и взгляды учителей [11; 44]. Исследования отношения директоров школ к инклюзивному образованию позволили распределить факторы, влияющие на их отношение, на три группы: 1) связанные с детьми (тип инвалидности, например); 2) связанные со средой — культурно-исторической и организационной (ресурсы); 3) связанные с личностью директора (пол, возраст, квалификация, получение инклюзивной подготовки, самооффективность, опыт, ценности) [2; 6; 26; 45].

***Инклюзивное лидерство
на основе коммуникации
и взаимодействия: практика***

Большая часть литературы о роли лидерства в улучшении школьного образования делает акцент на важности социальных отношений. Образовательное лидерство как командование и контроль уступает место лидерству как сотрудничеству и взаимоотношениям. Традиционные цели социализации, ассимиляции, приобщения учащихся к существующей культуре уступают место признанию ценности разнообразия, мультикультурализма и множества точек зрения. Ориентация на равенство (отношение ко всем одинаково) уступает место справед-

ливости (отношение ко всем в соответствии с их потребностями).

Лидеры могут структурировать рабочие отношения между сотрудниками одним из трех способов: соревновательным, индивидуальным или кооперативным [16; 24]. В рамках конкурентной структуры учителя работают друг против друга, чтобы достичь цели; в индивидуалистической структуре учителя работают в одиночку для достижения целей, не связанных с целями их коллег; в кооперативной структуре учителя координируют свои усилия для достижения общих целей с последующими синергическими эффектами [16; 24].

**Все — лидеры?
Обсуждение результатов**

«Лидер стал одним из главных героев нашего времени. Сегодня мы живем в культуре, одержимой лидерством, в мире, где доминирует идея о том, что лидерство является одним из основных факторов (иногда единственным определяющим фактором) успеха или неудачи образовательной организации», — утверждают М. Элвессон и А. Спайсер (M. Alvesson and A. Spicer) [30, с. 1].

Несмотря на эту критическую позицию, лидерство является одним из серьезных факторов успешности инклюзивного образования. В литературе выделены пять основных стилей лидерства в образовании: авторитарный, транзакционный, трансформационный, распределенный, делегирование.

По мнению большинства авторов, инклюзивному образованию и гетерогенности в наибольшей степени релевантны трансформационный и распределенный стили лидерства [43]. Авторы разделяют данную позицию, так как эти стили ориентированы на социальные изменения и человеческую эмансипацию и в

них присутствует мощный моральный компас. При этом стили (*трансформационный и распределенный*) диаметрально противоположны. Доминирование этих стилей зависит от локальных культурных контекстов. Следуя Л.С. Выготскому, принципиально важно видеть в этих контекстах не внешний контур, влияющий на становление личности-лидера, а воспринимать их как внутренний источник, «медиатор свободы» [1], с тем, чтобы идея лидерства могла соотноситься с ценностями инклюзивного мира. В такой трактовке «личность в культуре, при всей ее самоценности, выступает как интегратор "человеческого" в людях» [1, с. 25]. Исследователи XXI века интерпретируют лидерство как способы коммуникации, взаимодействия, делая акцент на роль эмоций и вдохновения в этом взаимодействии. Эти идеи в полной степени опираются на культурно-историческую психологию Л.С. Выготского, определяющую образование как процесс организации совместной деятельности, которую характеризуют «распределение действий и обмен ими, взаимопонимание, общение, рефлексия» [4, с. 11].

Заключение

Директора школ являются ключевыми агентами инклюзивных изменений наряду с учителями. Их нельзя разделить на офицеров и солдат инклюзии: они — ее рыцари. В инклюзивной школе управление выступает как рефлексивное взаимодействие, обмен опытом и смыслами. Отношение директора школы к инклюзивному образованию — гуманистическое или эссенциалистское, стиль лидерства, убеждения существенно влияют на взгляды, поведение, коммуникацию учителей, их самоэффективность, обучающие стратегии, а также на способы проектирования инклюзивной среды школы.

Ограничением исследования является то, что объектом анализа стали только англоязычные публикации, размещенные на платформах SpringerLink и Taylor & Francis Group.

Перспективой исследования является разработка теории управления инклюзивным образованием на основе интеграции трансформационного и распределенного лидерства, адекватной российским реалиям.

Литература

1. Асмолов А.Г., Кудрявцев В.Т. Культурно-историческая психология — «Наука о свободе» [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 1(7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskaya-psihologiya-nauka-o-svobode> (дата обращения: 18.05.2023).
2. Волосникова Л.М., Игнатжева С.В., Федина Л.В., Брук Ж.Ю. Учитель в инклюзивном классе: взаимосвязь отношения к инклюзии с удовлетворенностью работой [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 60–87. DOI:10.17323/1814-9545-2022-2-60-87
3. Комаров В.Ф., Алоян Г.Н. Исследование стилей руководства Курта Левина методом деловых игр [Электронный ресурс] // Мир экономики и управления. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-stiley-rukovodstva-kurta-levina-metodom-delovyh-igr> (дата обращения: 16.11.2023).
4. Рубцов В.В. Культурно-историческая научная школа: проблемы, которые поставил Л.С. Выготский // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 4–14. DOI:10.17759/chp.2016120301

5. *Филонович С.П.* Теории лидерства в менеджменте: история и перспективы [Электронный ресурс] // Российский журнал менеджмента. 2003. № 2. URL: <https://rjm.spbu.ru/article/view/811> (дата обращения: 18.06.2023).
6. *Avramidis E., Norwich B.* Teachers' Attitudes towards Integration/Inclusion: A Review of the Literature // *European Journal of Special Needs Education*. 2002. Vol. 17. No 2. P. 129–147. DOI:10.1080/08856250210129056
7. *Bass B.M.* Transformational Leadership: Industrial, Military and Educational Impact. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. 208 p.
8. *Booth T., Ainscow M.* Index for Inclusion: Developing Learning and Participation in Schools. Bristol: CSIE, 2002. 102 p.
9. *Burns J.M.* Transforming leadership. New York: Grove, 2003. 344 p.
10. *Burns J.M.* Leadership. New York: Harper & Row, 1978. 530 p.
11. *Cohen E.* Principal Leadership Styles and Teacher and Principal Attitudes, Concerns and Competencies Regarding Inclusion // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 186. P. 758–764. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.04.105
12. *Dantley M.E.* African American spirituality and Cornel West's notions of prophetic pragmatism: Restructuring educational leadership in American urban schools // *Educational Administration Quarterly*. 2005. Vol. 41. № 4. P. 651–674.
13. *Forlin C., Earle C., Loreman T., Sharma U.* The sentiments, attitudes, and concerns about inclusive education revised (SACIE-R) scale for measuring pre-service teachers' perceptions about inclusion // *Exceptionality Education International*. 2011. Vol. 21. № 2–3. P. 50–65.
14. *Fullan M.* Leading in a culture of change. San Francisco: Jossey-Bass, 2001. 162 p.
15. *Fuller B., Clarke P.* Raising school effects while ignoring culture? Local conditions and the influence of classroom tools, rules and pedagogy // *Review of Educational Research*. 1994. Vol. 64. № 1. P. 119–157.
16. *Goriss-Hunter A., Burke J., Weuffen S., Plunkett M., Emmett S.* Inclusion, Equity, Diversity, and Social Justice in Education in the Twenty-First Century // *Inclusion, Equity, Diversity, and Social Justice in Education. Sustainable Development Goals* / Weuffen S., Burke J., Plunkett M., Goriss-Hunter A., Emmett S. (eds.). Series. Springer, 2023. P. 1–10. Singapore. DOI:10.1007/978-981-19-5008-7_1
17. *Greenfield T.B.* Theory in the study of organizations and administrative structures: A new perspective. Paper presented at the annual meeting of the international Intervisitation Programme on educational administration (3rd, Bristol, England, July). 1974. 21 p.
18. *Hallinger P., Kovačević J.* A bibliometric review of research on educational administration: Science mapping the literature, 1960 to 2018 // *Review of Educational Research*. 2019. Vol. 89. № 3. P. 335–369.
19. *Hallinger P., Kovačević J.* Science mapping the knowledge base in educational leadership and management: A longitudinal bibliometric analysis, 1960 to 2018 // *Educational Management Administration & Leadership*. 2021. Vol. 49. № 1. P. 5–30. DOI:10.1177/1741143219859002
20. *Harris A., DeFlaminis J.* Distributed leadership in practice: Evidence, misconceptions and possibilities // *Management in Education*. 2016. Vol. 30. № 4. P. 141–146. DOI:10.1177/0892020616656734
21. *Hartley D.* Paradigms: How far does research in distributed leadership 'stretch'? // *Educational Management Administration and Leadership*. 2010. Vol. 38. № 3. P. 271–285.
22. *Hochschild A.R.* Emotion work, feeling rules, and social structure // *American Journal of Sociology*. 1979. Vol. 8. № 3. P. 551–575. URL: <https://www.jstor.org/stable/2778583>
23. *Hunt P., Hirose-Hatae A., Doering K., Karasoff P., Goetz L.* "Community" is what I think everyone is talking about // *Remedial & Special Education*. 2000. Vol. 21. № 5. P. 305–317.
24. *Johnson D.W., Johnson R.T.* Leading the Cooperative School. Edina, MN: Interaction Book Company, 1989. 273 p.

25. *Kanyopa T.J.* Exclusion, Diversity and Inclusion. In: Hlalele D., Makoelle T.M. (eds.). Inclusion in Southern African Education. Sustainable Development Goals Series. Springer, Cham, 2023. P. 3–9. DOI:10.1007/978-3-031-43752-6_1
26. *Khaleel N., Alhosani M., Duyar I.* The Role of School Principals in Promoting Inclusive Schools: A Teachers' Perspective // *Frontiers in Education*. 2021. Vol. 6. Art. No 603241. DOI:10.3389/educ.2021.603241
27. *Lambert L., Walker D., Zimmerman D.P., Cooper J.E., Lampert M.D., Gardner M.E., Slack P.J.F.M.* The Constructivist Leader. New York: Teachers College Press. 2-nd Edition, 2002. 304 p.
28. *Lambrech J., Lenkeit J., Hartmann A., Ehlert A., Knigge M., Sp rer N.* The effect of school leadership on implementing inclusive education: How transformational and instructional leadership practices affect individualised education planning // *Int. J. Incl. Educ.* 2022. Vol. 26. P. 943–957.
29. *Leithwood K., Jantzi D., Ryan S., Steinbach R.* Distributed leadership in secondary schools // Presented at the meeting of the Annual Meeting of the American Educational Research Association, 1997. March 24–28, Chicago, IL. Retrieved from <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED407411.pdf>
30. *Metaphors we lead by: Understanding leadership in the real world / Alvesson M., Spicer A.* London: Routledge, 2011. 222 p.
31. *Myende P.E.* Leadership for Inclusion in Schools: An Ethics of Care Perspective // Inclusion in Southern African Education. Sustainable Development Goals Series / Hlalele D., Makoelle T.M. (eds.). Springer, Cham, 2023. DOI:10.1007/978-3-031-43752-6_10
32. *NG D.* Reframing Educational Leadership Research in the Twenty-First Century // *Concept and Design Developments in School Improvement Research. Accountability and Educational Improvement / Oude Groote Beverborg A., Feldhoff T., Maag Merki K., Radisch F.* (eds.). Springer, Cham, 2021. P. 107–135. DOI:10.1007/978-3-030-69345-9_7
33. *Printy S.M., Marks H.M.* Shared leadership for teacher and student learning // *Theory Into Practice*. 2006. Vol. 45. № 2. P. 125–132.
34. *Quantz R.A., Rogers J., Dantley M.* Rethinking transformative leadership: Toward democratic reform of schools // *Journal of Education*. 1991. Vol. 173. № 3. P. 96–118.
35. *Riehl C.J.* The principal's role in creating inclusive schools for diverse students: a review of normative, empirical, and critical literature on the practice of educational administration // *Review of Educational Research*. 2000. Vol. 70. № 1. P. 55–81.
36. *Salisbury C.* Principals' perspectives on inclusive elementary schools // *Research & Practice for Persons with Severe Disabilities*. 2006. Vol. 31. № 1. P. 70–82.
37. *Senge P.M.* Transforming the practice of management // *Human Resource Development Quarterly*. 1993. Vol. 4. № 1. P. 5–32. DOI:10.1002/hrdq.3920040103
38. *Sergiovanni T.J.* Moral Leadership: Getting to the Heart of School Improvement. San Francisco: Jossey-Bass, 1992. 173 p.
39. *Shapiro A.* Constructivist Leadership. In: English F.W. The Palgrave Handbook of Educational Leadership and Management Discourse. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. P. 243–260. DOI:10.1007/978-3-030-99097-8_105
40. *Shields C.M.* Transformative Leadership Theory: Critical, Comprehensive, and Activist // The Palgrave Handbook of Educational Leadership and Management Discourse / English F.W. (eds.). Palgrave Macmillan, Cham, 2022. P. 207–224. DOI:10.1007/978-3-030-99097-8_75
41. *Teahon M., Meyer E., Tillman D.R., Hof D.D.* Mental Health Stigma of K-12 Principals // *NASSP Bulletin*. 2023. Vol. 107. № 2. P. 120-129. DOI:10.1177/01926365231178834N
42. *Tejeiro F.* Distributed Leadership and Inclusive schools // *International Journal of Educational Leadership and Management*. 2024. Vol. 12(1). DOI:10.17583/ijelm.10997
43. *Toprak M., Karakus M., Chen J.* Transformational school leadership: a systematic review of research in a centralized education system // *Journal of Educational Administration*. 2023. Vol. 61. № 5. P. 514–530. DOI:10.1108/JEA-10-2022-0185

44. Vlachou A., Tsirantonaki S.S. The Importance of School Principals' Values towards the Inclusive Education of Disabled Students: Associations between Their Values and Knowledge, Beliefs, Attitudes and Practices // *Educ. Sci.* 2023. Vol. 13. P. 360. DOI:10.3390/educsci13040360
45. Webster A.A. Translating Theory to Practice for Principals Working Within Inclusive Education Policy / In: Trimmer K., Dixon R.S., Findlay Y. (eds.) // *The Palgrave Handbook of Education Law for Schools*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. P. 257–280. DOI:10.1007/978-3-319-77751-1_11
46. Wilkinson J. 7 Educational Leadership Theory. Springer, Singapore, 2021. P. 1–15. DOI:10.1007/978-981-16-7629-1_1
47. Youngs H. Variegated Perspectives Within Distributed Leadership: A Mix(Up) of Ontologies and Positions in Construct Development / In: English F.W. (eds.) // *The Palgrave Handbook of Educational Leadership and Management Discourse*. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. P. 261–281. DOI:10.1007/978-3-030-99097-8_60

References

1. Asmolov A.G., Kudryavtsev V.T. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – «Nauka o svobode» [Cultural and historical psychology – “The Science of Freedom”]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» = RGGU BULLETIN Series: Psychology. Pedagogics. Education*, 2017. Vol. 1, no. 7. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskaya-psihologiya-nauka-o-svobode> (Accessed 18.05.2023). (In Russ.).
2. Volosnikova L.M., Ignatzheva S.V., Fedina L.V., Bruk Zh.Yu. Uchitel' v inklyuzivnom klasse: vzaimosvyaz' otnosheniya k inklyuzii s udovletvorennost'yu rabotoi [Elektronnyi resurs] [Teacher in an Inclusive Classroom: Relationship between Attitudes towards Inclusive Education and Job Satisfaction]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, 2022, no. 2, pp. 60–87. DOI:10.17323/1814-9545-2022-2-60-87 (In Russ.).
3. Komarov V.F., Aloyan G.N. Issledovanie stilei rukovodstva Kurta Levina metodom delovykh igr [The study of Kurt Levin's leadership styles by the method of business games]. *Mir ekonomiki i upravleniya = World of Economics and Management*, 2017, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-stiley-rukovodstva-kurta-levina-metodom-delovyh-igr> (Accessed 16.11.2023). (In Russ.).
4. Rubtsov V.V. Kul'turno-istoricheskaya nauchnaya shkola: problemy, kotorye postavil L.S. Vygotskii [Cultural-Historical Scientific School: the Issues that L.S. Vygotsky Brought up]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2016. Vol. 12, no. 3, pp. 4–14. DOI:10.17759/chp.2016120301 (In Russ.).
5. Filonovich S.R. Teorii liderstva v menedzhmente: istoriya i perspektivy [Leadership Theories in Management: History and Perspectives]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*, 2003. Vol. 1, no. 2, pp. 3–24. Retrieved from <https://rjm.spbu.ru/article/view/811> (Accessed 18.06.2023). (In Russ.).
6. Avramidis E., Norwich B. Teachers' Attitudes towards Integration/Inclusion: A Review of the Literature. *European Journal of Special Needs Education*, 2002. Vol. 17, no. 2, pp. 129–147. DOI:10.1080/08856250210129056
7. Bass B.M. *Transformational Leadership: Industrial, Military and Educational Impact*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. 208 p.
8. Booth T., Ainscow M. *Index for Inclusion: Developing Learning and Participation in Schools*. Bristol: CSIE, 2002. 102 p.
9. Burns J.M. *Transforming leadership*. New York: Grove, 2003. 344 p.
10. Burns J.M. *Leadership*. New York: Harper & Row, 1978. 530 p.
11. Cohen E. Principal Leadership Styles and Teacher and Principal Attitudes, Concerns and Competencies Regarding Inclusion. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015. Vol. 186, pp. 758–764. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.04.105

12. Dantley M.E. African American spirituality and Cornel West's notions of prophetic pragmatism: Restructuring educational leadership in American urban schools. *Educational Administration Quarterly*, 2005. Vol. 41, no. 4, pp. 651–674.
13. Forlin C., Earle C., Loreman T., Sharma U. The sentiments, attitudes, and concerns about inclusive education revised (SACIE-R) scale for measuring pre-service teachers' perceptions about inclusion. *Exceptionality Education International*, 2011. Vol. 21, no. 2–3, pp. 50–65.
14. Fullan M. *Leading in a culture of change*. San Francisco: Jossey-Bass, 2001. 162 p.
15. Fuller B., Clarke P. 'Raising school effects while ignoring culture? Local conditions and the influence of classroom tools, rules and pedagogy.' *Review of Educational Research*, 1994. Vol. 64, no. 1, pp. 119–157.
16. Goriss-Hunter A., Burke J., Weuffen S., Plunkett M., Emmett S. Inclusion, Equity, Diversity, and Social Justice in Education in the Twenty-First Century. In Weuffen S., Burke J., Plunkett M., Goriss-Hunter A., Emmett S. (eds.). *Inclusion, Equity, Diversity, and Social Justice in Education. Sustainable Development Goals Series*. Springer, Singapore, 2023, pp. 1–10. DOI:10.1007/978-981-19-5008-7_1
17. Greenfield T.B. Theory in the study of organizations and administrative structures: A new perspective. Paper presented at the annual meeting of the international Intervisitation Programme on educational administration (3rd, Bristol, England, July), 1974. 21 p.
18. Hallinger P, Kovačević J. A bibliometric review of research on educational administration: Science mapping the literature, 1960 to 2018. *Review of Educational Research*, 2019. Vol. 89, no. 3, pp. 335–369.
19. Hallinger P., Kovačević J. Science mapping the knowledge base in educational leadership and management: A longitudinal bibliometric analysis, 1960 to 2018. *Educational Management Administration & Leadership*, 2021. Vol. 49, no. 1, pp. 5–30. DOI:10.1177/1741143219859002
20. Harris A., DeFlaminis J. Distributed leadership in practice: Evidence, misconceptions and possibilities. *Management in Education*, 2016. Vol. 30, no. 4, pp. 141–146. DOI:10.1177/0892020616656734
21. Hartley D. Paradigms: How far does research in distributed leadership 'stretch'? *Educational Management Administration and Leadership*, 2010. Vol. 38, no. 3, pp. 271–285.
22. Hochschild A.R. Emotion work, feeling rules, and social structure. *American Journal of Sociology*, 1979. Vol. 8, no. 3, pp. 551–575. URL: <https://www.jstor.org/stable/2778583>
23. Hunt P., Hirose-Hatae A., Doering K., Karasoff P., Goetz L. "Community" is what I think everyone is talking about.' *Remedial & Special Education*, 2000. Vol. 21, no. 5, pp. 305–317.
24. Johnson D.W., Johnson R.T. *Leading the Cooperative School*. Edina, MN: Interaction Book Company, 1989. 273 p.
25. Kanyopa T.J. Exclusion, Diversity and Inclusion. In: Hlalele D., Makoelle T.M. (eds.). *Inclusion in Southern African Education. Sustainable Development Goals Series*. Springer, Cham, 2023, pp. 3–9. DOI:10.1007/978-3-031-43752-6_1
26. Khaleel N., Alhosani M., Duyar I. The Role of School Principals in Promoting Inclusive Schools: A Teachers' Perspective. *Frontiers in Education*, 2021. Vol. 6, Art. no 603241. DOI:10.3389/educ.2021.603241
27. Lambert L., Walker D., Zimmerman D.P., Cooper J.E., Lampert M.D., Gardner M.E., Slack P.J.F.M. *The Constructivist Leader*. New York: Teachers College Press. 2-nd Edition, 2002. 304 p.
28. Lambrecht J., Lenkeit J., Hartmann A., Ehlert A., Knigge M., Sp rer N. The effect of school leadership on implementing inclusive education: How transformational and instructional leadership practices affect individualised education planning. *Int. J. Incl. Educ.*, 2022. Vol. 26, pp. 943–957.
29. Leithwood K., Jantzi D., Ryan S., Steinbach R. Distributed leadership in secondary schools. Presented at the meeting of the Annual Meeting of the American Educational Research

- Association, 1997. March 24–28, Chicago, IL. Retrieved from <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED407411.pdf>
30. Metaphors we lead by: Understanding leadership in the real world. In Alvesson M., Spicer A. (Eds.). Alvesson M., Spicer A. London: Routledge, 2011. 222 p.
 31. Myende P.E. Leadership for Inclusion in Schools: An Ethics of Care Perspective. In: Hlalele D., Makoelle T.M. (eds.). *Inclusion in Southern African Education. Sustainable Development Goals Series*. Springer, Cham, 2023. DOI:10.1007/978-3-031-43752-6_10
 32. NG D. Reframing Educational Leadership Research in the Twenty-First Century. In: Oude Grootte Beverborg A., Feldhoff T., Maag Merki K., Radisch F. (eds.). *Concept and Design Developments in School Improvement Research*. Accountability and Educational Improvement. Springer, Cham, 2021, pp. 107–135. DOI:10.1007/978-3-030-69345-9_7
 33. Printy S.M., Marks H.M. Shared leadership for teacher and student learning. *Theory Into Practice*, 2006. Vol. 45, no. 2, pp. 125–132.
 34. Quantz R.A., Rogers J., Dantley M. Rethinking transformative leadership: Toward democratic reform of schools. *Journal of Education*, 1991. Vol. 173, no. 3, pp. 96–118.
 35. Riehl C.J. The principal's role in creating inclusive schools for diverse students: a review of normative, empirical, and critical literature on the practice of educational administration. *Review of Educational Research*, 2000. Vol. 70, no. 1, pp. 55–81.
 36. Salisbury C. Principals' perspectives on inclusive elementary schools. *Research & Practice for Persons with Severe Disabilities*, 2006. Vol. 31, no. 1, pp. 70–82.
 37. Senge P.M. Transforming the practice of management. *Human Resource Development Quarterly*, 1993. Vol. 4, no. 1, pp. 5–32. DOI:10.1002/hrdq.3920040103
 38. Sergiovanni T.J. *Moral Leadership: Getting to the Heart of School Improvement*. San Francisco: Jossey-Bass, 1992. 173 p.
 39. Shapiro A. Constructivist Leadership. In: English F.W. (eds.). *The Palgrave Handbook of Educational Leadership and Management Discourse*. Palgrave Macmillan, Cham, 2022, pp. 243–260. DOI:10.1007/978-3-030-99097-8_105
 40. Shields C.M. Transformative Leadership Theory: Critical, Comprehensive, and Activist. In: English F.W. (eds.). *The Palgrave Handbook of Educational Leadership and Management Discourse*. Palgrave Macmillan, Cham, 2022, pp. 207–224. DOI:10.1007/978-3-030-99097-8_75
 41. Teahon M., Meyer E., Tillman D.R., Hof D.D. Mental Health Stigma of K-12 Principals. *NASSP Bulletin*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 120–129. DOI:10.1177/01926365231178834
 42. Tejeiro F. Distributed Leadership and Inclusive schools. *International Journal of Educational Leadership and Management*, 2024. Vol. 12(1). DOI:10.17583/ijelm.10997
 43. Toprak M., Karakus M., Chen J. Transformational school leadership: a systematic review of research in a centralized education system. *Journal of Educational Administration*, 2023. Vol. 61, no. 5, pp. 514–530. DOI:10.1108/JEA-10-2022-0185
 44. Vlachou A., Tsirantonaki S.S. The Importance of School Principals' Values towards the Inclusive Education of Disabled Students: Associations between Their Values and Knowledge, Beliefs, Attitudes and Practices. *Educ. Sci.*, 2023. Vol. 13, pp. 360. DOI:10.3390/educsci13040360
 45. Webster A.A. Translating Theory to Practice for Principals Working Within Inclusive Education Policy. In: Trimmer K., Dixon R., Findlay Y.S. (eds.). *The Palgrave Handbook of Education Law for Schools*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018, pp. 257–280. DOI:10.1007/978-3-319-77751-1_11
 46. Wilkinson J. *7 Educational Leadership Theory*. Springer, Singapore, 2021, pp 1–15. DOI:10.1007/978-981-16-7629-1_1
 47. Youngs H. Variegated Perspectives Within Distributed Leadership: A Mix(Up) of Ontologies and Positions in Construct Development. In: English F.W. (eds.). *The Palgrave Handbook of Educational Leadership and Management Discourse*. Palgrave Macmillan, Cham, 2022, pp. 261–281. DOI:10.1007/978-3-030-99097-8_60

Информация об авторах

Волосникова Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор Школы образования, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТюмГУ), г. Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4774-3720>, e-mail: l.m.volosnikova@utmn.ru

Федина Людмила Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства Школы образования, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТюмГУ), г. Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2822-0692>, e-mail: l.v.fedina@utmn.ru

Брук Жанна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства Школы образования, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТюмГУ), г. Тюмень, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2806-2513>, e-mail: z.y.bruk@utmn.ru

Information about the authors

Ludmila M. Volosnikova, PhD in History, Associate Professor, Professor at the School of Education, Tyumen State University, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4774-3720>, e-mail: l.m.volosnikova@utmn.ru

Ludmila V. Fedina, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Chair of childhood's psychology and pedagogy, School of Education, Tyumen State University, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2822-0692>, e-mail: l.v.fedina@utmn.ru

Zhanna Yu. Bruk, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Chair of childhood's psychology and pedagogy, School of Education, Tyumen State University, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2806-2513>, e-mail: z.y.bruk@utmn.ru

Получена 06.07.2023

Received 06.07.2023

Принята в печать 19.02.2024

Accepted 19.02.2024

Жизненные сценарии и биографические нарративы: сравнительный анализ концептуальных моделей

Альперович В.Д.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0336-3638>, e-mail: alper@sfsedu.ru

Цель. *Определить критерии различий актуальных теоретических сценарных моделей интерпретации «типичных» и проблемных ситуаций, которые могут быть представлены в биографических нарративах.*

Контекст и актуальность. *В системе «личность — группа — общество» индивидуальные и культурные жизненные сценарии, формируемые и поддерживаемые семьей, образовательными системами и СМИ как институтами социализации, участвуют в межпоколенной трансмиссии ценностей, в процессах усвоения и воспроизведения норм социально-ролевого поведения, в конструировании системы идентичностей, активной и пассивной жизненных позиций. В социальных ситуациях неопределенности, связанных в том числе с пандемией коронавируса и военизированным противостоянием в разных странах, разрушаются сложившиеся представления субъекта и привычные стратегии взаимодействия с другими людьми. Следовательно, в условиях конфликтного «пересечения» жизненных контекстов статус сценариев в качестве диспозиционных предикторов субъективного восприятия и понимания самого себя и окружающих становится дискуссионным в социальной психологии.*

Используемая методология. *Структурно-функциональный анализ концептуальных моделей, отражающих особенности индивидуальных и культурных жизненных сценариев.*

Основные выводы. *Теоретико-методологические подходы к концепту «сценарий» различаются атрибуцией стабильности-динамичности, а также соотношения индивидуальной специфичности и социальной обусловленности сценария.*

Ключевые слова: *индивидуальный сценарий; культурный жизненный сценарий; скрипт; нарратив; событие; ситуация.*

Для цитаты: *Альперович В.Д. Жизненные сценарии и биографические нарративы: сравнительный анализ концептуальных моделей // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 39–56. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150103>*

Life Scenarios and Biographical Narratives: Comparative Analysis of Conceptual Models

Valeriya D. Alperovich

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0336-3638>, e-mail: alper@sfnu.ru

Objective of the research was to determine the criteria for differences in actual theoretical scenario models for the interpretation of “typical” and problematic situations that can be represented in biographical narratives.

Background. In the “personality – group – society” system, individual and cultural life scenarios, formed and supported by families, educational systems and media as socialization institutions, participate in the intergenerational conveyance of values, in the processes of assimilation and reproduction of the norms of social and role behavior, in the construction of a system of identities, active and passive life philosophies. A subject’s established ideas and habitual strategies for interacting with other people are being destroyed in social situations of uncertainty, related as well to the Coronavirus pandemic and paramilitary confrontation in different countries. Consequently, the status of scenarios as dispositional predictors of subjective perception and understanding of oneself and others becomes debatable in social psychology under the conditions of conflict “crossing” of life contexts.

Methodology. Structural and functional analysis of conceptual models that reflect the characteristics of individual and cultural life scenarios.

Conclusions. Theoretical and methodological approaches to the concept of “scenario” differ in the attribution of stability-dynamism, as well as the ratio of individual specificity and social conditionality of the scenario.

Keywords: individual life scenario; cultural life scenario; script; narrative; event; situation.

For citation: Alperovich V.D. Life Scenarios and Biographical Narratives: Comparative Analysis of Conceptual Models. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 39–56. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150103>(In Russ.).

Введение

Концепт «жизненный сценарий» (life scenario или life script) в последние пять десятилетий рассматривается различными зарубежными и отечественными авторами в качестве модели, демонстрирующей восприятие текущих жизненных ситуаций в связи со сложившимися в прошлом отношениями субъекта и событиями его жизни, а также модели развития различных копинг-стратегий и жизнестойкости. Такие институты социализации, как семья, образовательные системы и СМИ, формируют и поддерживают индивидуальные и культурные жизненные сценарии. В системе «личность –

группа – общество» сценарии участвуют в конструировании жизненных позиций, социальной идентичности, систем ценностей и их передаче от поколения к поколению, в процессах усвоения и воспроизведения различных социальных норм. В условиях социальной нестабильности и эскалации межгрупповых конфликтов статус сценариев как диспозиционных предикторов субъективного восприятия и понимания самого себя и окружающих становится проблематичным в социальной психологии. Этим обусловлена актуальность их изучения.

Проблему нашего исследования составляют дискуссионные, несмотря на

разработанность понятия «сценарий», взаимосвязи сценариев и проблемных ситуаций в субъективном восприятии. С одной стороны, принятие человеком важных решений в трудные, «переломные» жизненные периоды происходит сквозь «сценарную» призму. С другой стороны, сценарии, базирующиеся на установках и отношениях, сложившихся в прошлом, определяют интерпретации не кризисных и нестандартных, а повторяющихся, «типичных» ситуаций.

Цель нашего исследования заключалась в определении критериев различий зарубежных и российских концептуальных моделей, отражающих особенности индивидуальных и культурных жизненных сценариев. Предметом исследования выступили теоретические модели восприятия и понимания «типичных» и проблемных ситуаций посредством индивидуальных и культурных сценариев, представленных в биографических нарративах. Сформулирована гипотеза исследования о том, что теоретико-методологические подходы к концепту «сценарий» могут различаться атрибуцией стабильности-динамичности, а также соотношения индивидуальной специфичности и социальной обусловленности сценария. Задачи исследования заключались, во-первых, в том, чтобы сравнить концептуальные модели, в которых представлены особенности и функции индивидуальных и культурных жизненных сценариев; во-вторых, в том, чтобы рассмотреть некоторые примеры нарративного анализа жизненных сценариев в работах иных авторов. Применены следующие методы исследования: сравнительный структурно-функциональный анализ психологических подходов к концепту «сценарий»; интерпретация результатов эмпирических исследований сценариев.

Индивидуальные и культурные жизненные сценарии в «проспективе» и «ретроспективе»

Кинематографическое и театральное понимание сценария подразумевает наличие предварительного плана мероприятия или представления, в котором раскрыты ролевые характеристики персонажей-участников, описаны особенности их окружения и развития сюжета. Основные сцены, финал и итоги сценария сформулированы до начала постановки и действия.

В соответствии с этим определением феномен «сценарий» в психологии в 60–70-е гг. первоначально разрабатывался в русле психоаналитического подхода, предполагающего обращение к ранним периодам жизни личности. В сценарном анализе Э. Берна жизненные сценарии описываются как бессознательный «план», программа развития, которая закладывается в детстве под родительским влиянием и становится предиктором поведения субъекта в значимых жизненных ситуациях, влияет на его выбор в кризисные периоды [7]. Ребенок формирует сценарий как роли и соответствующее им поведение, первоначально адекватные сложившейся ситуации, с целью выживания в социуме, прежде всего, в семье. Детские иллюзии, родительские директивы (запреты и предписания, «послания») и любимые сказки составляют базис сценария. Его общее содержание заключено в ограниченном наборе сюжетов, «кульминационные точки» которых раскрываются в различные возрастные периоды. В силу родительского «программирования» субъект неосознанно приписывает качества «отрицательных» и «положительных» персонажей самому себе и другим реальным и воображаемым партнерам по общению в прошлом, настоящем и будущем, интерпретиру-

ет происходящее в собственной жизни, формирует жизненные позиции, представления о будущих жизненных ситуациях и достижениях, супружеских отношениях сквозь призму сценарных поворотов. К. Штайнер, последователь Э. Берна, в 70-80-е гг. полагал, что сценарий обуславливает принятие черт образа мифического героя как «идеального Я», и отмечал, что программы, воплощаемые в сценарных директивах, наделяют смыслом жизненный путь человека, опосредуют систему отношений, склонности к обучению определенным видам деятельности и их реализации [39]. В фокусе внимания психоаналитически ориентированных исследователей находятся в основном неадаптивные сценарии [1; 27; 35]. В русле трансгенерационного подхода (А. Шутценбергер), также имеющего психоаналитическую направленность, сценарий рассматривается как усвоение и повторение не столько родительских «посланий», сколько моделей поведения значимых других (ныне живущих и покойных родственников разных поколений), с которыми субъект себя идентифицирует, в соответствующих ситуациях и стремление воспроизвести аналогичные ситуации [40]. Феномен «сценарий» воплощает способность личности к неосознанному «самопрограммированию».

В центре парадигмы преобразования, развиваемой с 90-х гг. XX в. в отечественной психологии, находится субъект как активный деятель и творец собственной жизни и самого себя. Российским исследователям присущи иные взгляды на сценарий как на структурирование и планирование собственной жизни, подчиненное сознательной регуляции. Понятие «культурный жизненный сценарий» разрабатывается в рамках социокультурного подхода к автобиографической памяти, предло-

женного в последние два десятилетия (Д. Бернтсен) [41]. Это типизированные когнитивные схемы, внешние «образцы» структурной организации жизненного пути, усвоенные человеком как представителем данной социальной группы, сходные с «расписанием», наполняющим значимыми событиями определенные периоды жизни. Сценарий для субъекта является формой и результатом интерпретации социального взаимодействия. По мнению В.В. Нурковой, культурные жизненные сценарии воплощаются в биографиях отдельных людей символически и вариативно; субъекту нужно приложить когнитивные усилия, чтобы их проинтерпретировать и «присвоить». Человек, интегрируя фрагменты различных культурных жизненных сценариев, воплощает их в индивидуальном жизненном сценарии скорее интуитивно [25]. Н.В. Гришина рассматривает культурный жизненный сценарий как «культурно разделяемые представления относительно порядка и времени жизненных событий в прототипическом жизненном цикле» [11, с. 3–4]. Автор выделяет «нормативный жизненный сценарий (как совокупность неких обязательных событий, отвечающих представлениям своего времени), индивидуальный жизненный сценарий (содержащий как нормативные компоненты, так и индивидуальные жизненные события, составляющие биографию конкретного человека) и личную историю (как самописание)» [11, с. 5]. С.Н. Костромина, Н.В. Гришина и коллеги акцентируют внимание на том, что жизненные сценарии обусловлены также межпоколенной трансмиссией представлений, ценностей и установок [16]. Культурные жизненные сценарии варьируют у представителей разных поколений как больших социальных групп. Так, В.И. Пищик рассматривает по-

коленческий жизненный сценарий как «образ жизненного пути, который задан изначально для группы определенного поколения» [29, с. 503] и обуславливает жизненные выборы и их решения ее членами. А.Р. Алюшева выдвинула предположение о том, что в рамках одной и той же большой социальной группы функционирует несколько различных культурных сценариев [2]. Субъект осуществляет выбор «подходящего» сценария для построения его личной истории. По мнению В. Вэньця, культурный жизненный сценарий делает поведение человека предсказуемым и понятным для окружающих [10]. А.Р. Алюшева отмечает, что воспоминания в автобиографической памяти организуются посредством культурных предписаний и шаблонов, т.е. «ретроспективно» [2].

Сценарии как когнитивные схемы: сценарные ситуации и сценарные установки

В русле когнитивно-лингвистического подхода когнитивный сценарий рассматривается в качестве одной из когнитивных структур, т.е. способов и средств организации переработки, хранения, кодирования и передачи информации, знания. Это ментальные схемы «типичных» ситуаций общения и жизнедеятельности человека в сознании субъекта, которые помогают прогнозировать и организовывать взаимодействие с другими людьми и связаны с определенными речевыми выражениями, языковыми формами. Когнитивные лингвисты полагают, что феномен «сценарий» отражает взаимосвязи событий, повторяющихся в обыденной коммуникации, и стереотипизированных последовательностей действий (скриптов). С точки зрения Л.П. Мурашовой, в скрипте заключается порядок процедур, которые выполняются в данных соци-

альных ситуациях [24]. В.М. Савицкий отмечает, что «культурные сценарии, лежащие в основе семантических полей языка, моделируют структуру типовых ситуаций, которые в совокупности составляют неотъемлемую часть культуры» [32, с. 173]. Автор акцентирует внимание на том, что культурные сценарии, включающие наборы «типовых» ситуаций, описываются посредством динамических фреймов: «С помощью динамических фреймов описывается структура развертывающихся во времени ситуаций. Динамический фрейм имеет в своем составе актанты, которые соответствуют одушевленному и неодушевленному участникам ситуации, и сирконстанты, т.е. параметры ситуации, в своей совокупности образующие локус... который зовется также хронотопом» [32, с. 174]. По мнению О.Е. Артемовой и Н.А. Илюхиной, сценарии, являясь динамическими фреймами, всегда подразумевают временные и каузальные связи между отдельными событиями и действиями как их элементами [4; 14]. В сценариях фиксированы ожидания человека относительно развития тех или иных ситуаций общения. Так, И. Шалина на примере ситуации застолья показывает, как последовательность этапов обыденного («типичного») коммуникативного события определяется культурным сценарием [38]. Он представляет собой своеобразный набор «предписаний» по проведению этого мероприятия, его «план», основанный на социальных ожиданиях и нормах, специфичных для данной культуры и усвоенных субъектами. Сценарии, обеспечивая воспроизведение «сцен», или стереотипных ситуаций повседневного общения, включают последовательности их этапов, разворачивающиеся во времени и пространстве. Эти последовательности отражены в «ячейках» в сце-

нарной структуре (т.н. слотах), которые подразумевают изменчивые элементы данных ситуаций, обусловленные конкретным социокультурным контекстом: факторы, роли, очередность. По мнению Т.В. Андрияновой, жизненные сценарии включают репертуары различных эпизодов (т.е. образов социальных ситуаций), которые субъект согласовывает с его «Я-концепцией» и привычными поведенческими стратегиями, приписывая их самому себе [3]. Ю.М. Кузнецова, М.И. Суворова и Н.В. Чудова уточняют, что сценарий — «это существующее в социуме представление о правильном ходе событий в некоторой стандартной ситуации. ...По своему происхождению сценарии — это зафиксированные с помощью системы знаков (естественного языка, жестов, движений символических объектов) совместные действия группы людей, направленные на удовлетворение потребностей, которые в одиночку никем из этой группы удовлетворены быть не могут» [18, с. 71].

Сценарии реализуют функцию познания социального мира. В них отражаются представления о характеристиках и причинах проблемных ситуаций в разных сферах. Сценарии в качестве когнитивных моделей влияют на ролевой выбор и поступки субъектов в повседневном взаимодействии [22; 23]. В разные временные периоды сквозь сценарные «призмы» сходным образом реализуется фиксация и отбор происходящего в социальном окружении, а также проявляются поведенческие стратегии. Таким образом, субъект акцентирует на них внимание, а сценарные установки «самоподтверждаются». Формирование и реализация сценария как «программы» жизненного пути, основанной на интерпретации социальных ожиданий, культурных «прототипов» и индивидуального опыта,

определяется целостными ценностно-смысловыми и установочными системами субъекта. Их интегратором и общим регулятором поведенческих стратегий выступает «образ мира». В.А. Склеинис рассматривает жизненный сценарий в качестве составляющей «ядерного» слоя «образа мира», т.н. амодальных структур (интегрированных глубинных бессознательных установок, управляющих поведением человека). С точки зрения автора, жизненный сценарий, наделяя смыслом происходящее в окружении субъекта, «связывает» «ядерный» и «семантический» слои «образа мира». По мнению С.П. Лукьяновой и В.А. Склеиниса, особенности оценивания субъектом собственных личностных свойств, образа жизни и структурирования времени являются семантическими структурами, в которых проявляется жизненный сценарий [21; 33].

Феноменология жизненных сценариев: взаимосвязи сценариев и отношений личности

В российских исследованиях, посвященных взаимосвязям феномена «сценарий» и системы отношений субъекта к себе и с другими людьми, рассматривается обусловленность сценариев одновременно и «программированием» в раннем возрасте, и осознанным выбором взрослой личности. Сценарий, оставаясь устойчивым на протяжении длительных жизненных периодов, тем не менее приобретает относительную изменчивость, поскольку система отношений, представляя собой основу адаптивности и жизнестойкости личности, не является абсолютно стабильной и согласованной. Так, М.А. Иванова продемонстрировала взаимосвязи адаптивных возможностей и жизнестойкости подростков с их жизненными сценариями [13]. М.Е. Литвак,

избегая употребления термина «сценарий», разработал модель социогенов (адаптивных и малоадаптивных личностных комплексов) как разных систем отношений, состоящих из четырех позиций: отношений к себе, к другим людям и к труду, — которые оцениваются по параметрам «благополучие-неблагополучие», «стабильность-нестабильность» [20]. С точки зрения О.Н. Белоглазовой, жизненный сценарий, включая предпосылки принятия решений, становится предиктором системы отношений личности [6]. Ю.А. Костылева и В.П. Серкин сформулировали феноменологическую модель «сценария отложенной жизни» у линейных менеджеров. Авторы уточняют, что «ядром такого сценария является осознаваемое или неосознаваемое предположение «северянина» о том, что сейчас он еще не живет настоящей жизнью, а только создает для нее условия. «Настоящая жизнь» начнется после того, когда он окажется в благоприятных для себя условиях (стандартный «северный набор счастья» конца 1990-х гг.: квартира, дача, машина, гараж) для переезда в регион с более благоприятными климатическими условиями и более развитой инфраструктурой» [17, с. 202-203]. Авторы применили полуструктурированное интервью с последующим категориальным анализом его результатов, проинтерпретировав их в русле подхода «обоснованной теории». Ю.А. Костылева и В.П. Серкин, выполнив феноменологический анализ данных по А. Джорджи (А. Giorgi) [42], создали феноменологическую модель «сценария отложенной жизни» у линейных менеджеров, включающую наличие мечты, различное отношение к настоящему и будущему жизненным периодам, особенности «контакта» с собственными желаниями и потребностями, восприятие собственного образа жизни как «нор-

мального». В.Г. Тылец, Т.М. Краснянская и И.В. Иохвидов определили сценарии повседневного конфликтного взаимодействия, проанализировав описанные респондентами типичные ситуации конфликтного взаимодействия, собственные поступки, действия оппонента и их причины. По мнению авторов, сценарий конфликтного взаимодействия включает рефлекссию собственной стратегии конфликтного взаимодействия и уровня личной безопасности [37]. А.А. Богославская и Е.В. Зиновьева проанализировали жизненные цели как основополагающие конструкты жизненных сценариев респонденток-феминисток и респонденток, не относящихся к феминисткам [8]. И.В. Лисовская применила исследовательскую стратегию кейс-стади к анализу сценариев ресоциализации и реинтеграции «трудных» подростков [19]. Автор понимает под сценариями общность ситуативных поведенческих моделей и последовательности действий субъекта, обусловленную конкретными средовыми и культурными контекстами. Данная исследовательская стратегия позволила автору реконструировать феноменологическое содержание определенных подростковых сценариев, реализуемых в социально-поддерживающих организациях. Кризисные ситуации, жизненные решения и личностные комплексы имеют событийный состав, обусловлены значимыми жизненными событиями. Р.А. Ахмеров рассматривает ценностную систему, формируемую под влиянием значимых людей, членов «со-бытийной» группы, в качестве ключевого фактора формирования жизненных сценариев, как индивидуальных, так и семейных, определяющего отбор и фиксацию жизненных событий [5]. Межпоколенная трансмиссия жизненных сценариев опосредствована идентифика-

цией членов семьи с определенными родственниками как носителями основных родовых ценностей. Автор предложил процедуры интерпоколенной и транспоколенной каузометрии для проведения эмпирических исследований жизненных сценариев. Посредством данных процедур выявляется согласованность отбора и фиксации жизненных событий у разных членов семьи.

Нарративный анализ индивидуальных жизненных сценариев

Индивидуальный опыт переживания различных биографических событий и ситуаций, сценарных и внесценарных, выражается и конструируется в форме рассказов, т.е. нарративов. Дж. Брунер, один из основоположников нарративной психологии, применял конструктивистский подход к нарративам, рассматривая их в качестве формы мышления, способа создания окружающего мира, интерпретации и реинтерпретации индивидуального опыта [9]. По мнению ученого, нарративы не отражают жизненный путь человека, а «создают жизнь», конструируя «Я» самого рассказчика. Нарративы — это результат когнитивных операций, активного рационализирования, обусловленный лингвистически, зависимый от культурных моделей, социальных стереотипов и клише в данный исторический период. Нарративы, структурируя индивидуальный опыт, наделяют целями и осмысляют прожитое время жизни. Таким образом, по мнению Дж. Брунера, нарративы выражают представления человека о его «возможных» жизнях.

В течение четырех последних десятилетий сформировались психологические традиции нарративного анализа, которые обширно освещены в зарубежной и отечественной литературе, поэтому

приведем примеры лишь некоторых российских исследований. Ю.М. Кузнецова, М.И. Суворова и Н.В. Чудова полагают, что сценарий и нарратив в качестве последовательностей взаимосвязанных событий объединены общими элементами, описанными еще Дж. Брунером: «агентами» (участниками), «окружением» (пространственно-временными обстоятельствами), целями, «действиями» (поведенческими стратегиями участников), «инструментами» (средствами, способами самопрезентации участников и решения ими жизненных задач) и «проблемами» (ключевыми проблемными ситуациями), но различаются нормативной/личностной активностью субъектов, их реализующих [18]. Ю.Е. Зайцева и Ю.В. Горюнова предлагают полинарративный подход к изучению рассказов респондентов о себе [12]. В качестве единиц анализа личных историй, продуцируемых в повседневном общении «ad hoc», авторы, обращаясь к зарубежным дискурсивно-психологическим концепциям, описывают валуации, рефлексивные перспективы и дискурсивные позиции, согласующие данный коммуникативный контекст с разными «Я-позициями» рассказчика, имплицитно ему присущими и актуализируемыми в данный момент времени. Авторы используют понятие «валуации» вместо привычных терминов «ценности» и «смыслы», подчеркивающее аффективный посыл, эмоциональную окраску содержания нарратива. А.В. Сокол под сценарием понимает социально-когнитивные схемы и аттитюды, «предписывающие» их носителям определенные правила взаимодействия в какой-либо сфере [34]. С точки зрения автора, гендерный сценарий состоит из следующих компонентов: понимания и описания субъектами опыта первой «романтической» любви, его эмоциональ-

ной оценки и рефлексии его значения в контексте дальнейшего формирования установок и представлений. А.В. Сокол рассматривает нарратив как одну из форм устного дискурса. Автор, построив типологию гендерных сценариев первой «романтической» любви посредством анализа данных нарративного интервью, приходит к выводам о том, что «культурный образец романтической любви действительно размыт и противоречив. Присутствует как идеализация любви, страданий, так и рационализация опыта. Поэтому важно понимать, что происходит именно на уровне сценариев — усвоенных схем поведения, которые совмещают в себе и транслируемые культурные модели, и реконструируемый опыт» [34, с. 86]. А.В. Сокол отмечает, что «через субъективный опыт романтической любви просматривается как воспроизведение социальных структур, так и их конструирование» [34, с. 69]. По мнению автора, современные культурные сценарии и модели «романтической» любви противоречивы, однако подобный опыт способствует формированию у молодых людей новых успешных сценариев как поведенческих схем, основанных на социальных ожиданиях. Н.Н. Нуркова, М.В. Днестровская и К.С. Михайлова выполнили нарративный анализ рассказов представителей военного и послевоенных поколений россиян, в которых отражаются идеологические предписания (служение Родине, делу, семье) и определенные жизненные обстоятельства (война, детство, учеба, брак, материальные затруднения, переезд в другой город, рождение детей и т.д.) [26]. Жизненный сценарий участников исследования социально типизирован и обусловлен культурным контекстом. В этих автобиографических нарративах «слиты» стереотипизированные сценарные события и индивиду-

альные события и ситуации в жизненном опыте респондентов. Н.К. Радина, описывая нарративные модели гендерно специфичных жизненных сценариев в жизненных историях мужчин и женщин, отметила, что нормы гендерной социализации влияют на структуру событий в устных мужских и женских автобиографиях [30].

Автобиографический опыт, превращенный с возрастом в систематизированную личную историю, реструктурируется и реинтерпретируется при переживании субъектом «переломных» для него жизненных событий, связанных с резкой сменой социальных ролей и системы социальных идентичностей. С.Н. Петросьян подчеркивает, что сценарии ярче всего проявляются в нестандартных и критических жизненных ситуациях [28]. Однако В. Вэньцзя полагает, что «рамки культурного сценария стандартизируют мышление людей, и это может ставить их в тупик, когда они оказываются в жизненных ситуациях, не предусмотренных эталонными культурными сценариями» [10, с. 24]. Например, в актуальных нарративах российских и китайских студентов о периоде обучения в университете сделан акцент на неопределенности и напряженности социально-экономической ситуации в разных странах [36]. Н.К. Радина и А.В. Поршневы отметили, что в «Я»-нарративах представителей «поколения Z», «цифрового поколения» (до 30 лет) стратегии подчинения трудностям стереотипизированы, а сценарии преодоления трудных жизненных ситуаций индивидуализированы [31]. По мнению А.Н. Капустиной и Е.Ю. Пушкиной, «Я»-определяющими становятся нарративы о событиях, которые субъект интерпретирует в качестве значимых и «переломных»: это ситуации свободного, ограниченного и вынужденного выбора

поведенческих стратегий (например, обучение в другом городе, смерть близкого человека, вступление в брак, рождение ребенка и т.п.) [15]. Ю.М. Кузнецова, М.И. Суворова и Н.В. Чудова проанализировали взаимосвязи проблемных ситуаций, сценариев и нарративов. Авторы полагают, что (авто-)биографический нарратив представляет собой рассказ данного субъекта о процессе и способах решения проблемных ситуаций, возникших из-за «сценарных» нарушений, а сама проблемная ситуация — «описание нарушенного сценария, где предметы/персонажи не обладают положенными свойствами» [18, с. 71]. «Неправильные», «нарушенные» сценарии социальных ситуаций и событий ставят субъекта перед необходимостью актуализации прежних или выработки новых личностных смыслов и продуцирования нарративов. Проблемные ситуации, сценарии и нарративы описывают последовательности «типичных» (привычных, «правильных», обыденных) и «нетипичных» (неожиданных, «неправильных», ошибочных/непривычных) действий и поступков этого субъекта и окружающих его людей.

Сравнительный анализ концептуальных моделей сценариев

Итак, приведены различные концептуальные модели индивидуальных и культурных сценариев. С нашей точки зрения, в психоаналитическом сценарном анализе Э. Берна сценарий рассматривается как «перспективная» модель организации личностью жизненного пути. По мнению разных авторов, вслед за Э. Берном, это априорно заданная упорядоченность событий взаимодействия с другими людьми во времени жизни. «Комбинации» неосознанных директив, семейные истории и литературные про-

изведения, которые субъект усвоит и воспримет в качестве значимых, не выбираются целенаправленно им и его родителями. Сценарий согласовывает ведущие мотивы, основные жизненные цели и задачи, предполагаемые достижения, предпочитаемые социальные роли с дальнейшими возрастными этапами. В понимании психоаналитиков, сценарии не предполагают пересмотр бессознательных программ взрослой личностью, они достаточно устойчивы на протяжении всей жизни человека, у них практически нет ресурсов для динамики, иногда вопреки актуальной жизненной ситуации. Сценарии, несмотря на отражение в них сказок и «бродячих» сюжетов, имеют главным образом микросоциальное происхождение, индивидуализированы. Следует оговориться, что мы различаем сценарии и ситуации «воспроизведения» человеком в своей жизни событий, сходных с прошлыми психотравмирующими обстоятельствами, для разрешения незавершенных конфликтов. С нашей точки зрения, понятие «сценарий» подразумевает его цикличность (повторяемость) на групповом уровне, в разной мере осознанное целеполагание, планирование и «расписание» событий в определенные жизненные периоды на индивидуальном уровне, имеющее функции адаптации и гармонизации групповой деятельности; наличие «сценариев» может имплицитно свидетельствовать о психологической «дистанции» между родительскими директивами, социокультурными шаблонами и индивидуальными характеристиками, желаниями и предпочтениями. По нашему мнению, в отличие от сценарного анализа Э. Берна, подход А. Шютценбергер, также психоаналитически ориентированный, предполагает межпоколенную трансмиссию сценариев, в большей мере акцентирует их адаптивные свойства,

чем неадаптивные, культурно и социально обусловленные составляющие. В трактовке А. Шутценбергер сценарии менее устойчивы и более осознанны, поскольку субъект и члены его семьи на протяжении всей жизни могут диверсифицировать в «переломные» периоды их идентификацию со значимыми «предками» и интерпретировать их поведенческие стратегии.

Концепт «культурный жизненный сценарий» предполагает влияние макросоциального окружения на конструирование индивидуального жизненного пути. Культурный жизненный сценарий формируется в качестве продукта группового взаимодействия на основе социальных ожиданий и представлений о приемлемых и желательных поведенческих стратегиях, жизненных событиях и ситуациях, реализуемых в пространствах возрастных, гендерных и статусных координат, под влиянием образов героев, имеющих культурное происхождение. Это отличает исследования культурных жизненных сценариев от «проспективной» трактовки сценария в транзактном анализе Э. Берна. Культурные жизненные сценарии, количество которых ограничено для конкретной социальной общности, относительно устойчивы для данной социальной группы и носят в основном «ретроспективный» характер в силу их генезиса; индивид, рождаясь, «встраивается» в сложившуюся структуру семейных, медийных и литературных сценариев. Эти сценарии могут быть менее стабильными на протяжении жизни субъекта, поскольку их усвоение носит более осознанный характер и зависит от идентификации с определенными группами.

Сценарии обнаруживают себя, в частности, в нарративах как историях, рассказываемых посредством устойчивых лингвистических конструкций, в соот-

ветствии с культурными клише, принятыми в обществе повествовательными образцами. Следовательно, при изменении жизненных нарративов, например, в нарративной психотерапии, также происходит изменение сценариев. На когнитивистском «полюсе» нарративной психологии располагаются трактовки нарратива как воплощения уже существующего сценария, на ее конструкционистском «полюсе» находятся трактовки сценариев как конструкций, «ad hoc» воссоздаваемых в нарративах. Нормы и ожидания, выработанные данными социальными группами и интериоризованные субъектом, в качестве поведенческих регуляторов фиксируют и рутинные, и проблемные ситуации. Однако нарративы продуцируются, когда субъект осмысляет события и ситуации, наступление которых не «предписано» этими установочными системами. С нашей точки зрения, в этом состоят противоречия нарративно-психологического подхода к концепту «сценарий».

Выводы и заключение

Понятие «сценарий» в очередной раз отсылает к «вечной» для психологов проблеме соотношения проявления индивидуальной «самости» и социальной обусловленности в содержании различных феноменов. Перманентная противоречивость содержания концепта «сценарий» состоит в том, что, с одной стороны, сценарии поддерживают систему идентичностей, групповое единство, а с другой стороны, они подразумевают определенные «схемы» интерпретации происходящего и поведенческие установки. В этой связи сценарии, являясь одним из предикторов принятия решений в трудной, «нестандартной» ситуации, не могут обеспечить их обладателям достаточно социально-психологических

ресурсов для ее осмысления и стратегии совладания с ней.

В соответствии с поставленной нами целью исследования определены критерии различий зарубежных и российских концептуальных моделей, отражающих особенности индивидуальных и культурных жизненных сценариев. На основании сравнительного анализа актуальных психологических трактовок концепта «сценарий», проведенного нами, можно сделать следующие выводы.

1. Результаты проведенного исследования свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что теоретико-методологические подходы к концепту «сценарий» различаются атрибуцией стабильности-динамичности, а также соотношением индивидуальной специфичности и социальной обусловленности сценария.

2. По нашему мнению, российский социально-психологический подход к сце-

нарию как к предиктору и репрезентации системы отношений личности, учитывающий ее изменчивость на протяжении жизни человека в процессах взаимодействия со значимыми другими в разные возрастные периоды, позволяет анализировать динамичность сценария и «баланса» соотношения индивидуальной вариативности и универсальных структур в его содержании.

3. Наиболее продуктивным выступает подход к сценариям, тем или иным способом сочетающий теоретико-методологические принципы нарративной психологии и психологии отношений, дающие возможность проанализировать «перестройку», изменчивость сценариев в течение определенного жизненного периода в связи с одновременной динамикой основных биографических нарративов. Это может составить предмет дальнейших эмпирических исследований.

Литература

1. *Алейникова Т.В.* Детские переживания как база для формирования жизненного сценария взрослого человека и возможности психоаналитической психотерапии в коррекции сценарных девиаций // Валеология. 2009. № 2. С. 68–73.
2. *Алюшева А.Р.* Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 3. DOI:10.54359/ps.v5i25.743
3. *Андрянова Т.В.* «Жизненный сценарий» в контексте брачно-семейных отношений // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Социальная динамика населения и устойчивое развитие» (г. Москва, 16 ноября 2021 г.) / под общ. ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 53–55. DOI:10.29003/m2531.978-5-317-06728-1
4. *Артемова О.Е.* Способы экспликации когнитивных сценариев в текстах прецедентных жанров (на материале лимерика) // Когнитивные и семантические аспекты единиц языка и речи. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Р.З. Мурясов. Уфа: Башкирский государственный университет, 2007. С. 128–131.
5. *Ахмеров Р.А.* Ценностная концепция событий и жизненных сценариев // Родовые корни и история края в духовных традициях: сб. ст. V Международного научно-практического семинара, посвященного 30-летию юбилею мечети-медресе «Ак мечеть» (г. Набережные Челны, 10 декабря 2022 г.). Набережные Челны: Ак мечеть, 2022. С. 17–23.
6. *Белоглазова О.Н.* Экзистенциальная динамика как основа жизненного сценария человека // Альманах современной науки и образования: в 2-х ч. Ч. II. 2008. № 10(17). С. 25–28.

7. *Берн Э.* Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2002. 576 с.
8. *Богославская А.А., Зиновьева Е.В.* Жизненные цели в жизненном сценарии феминисток // Материалы международной научной конференции «Ананьевские чтения-2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям» (г. Санкт-Петербург, 18-21 октября 2022 г.) / Под общ. ред. А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 307–308.
9. *Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2). С. 9–30.
10. *Вэньцзя В.* Понятие «сценарий» в когнитивном и лингвокультурологическом освещении // Молодые голоса: сб. тр. / Под ред. И.В. Шалиной. Екатеринбург: Ажур, 2016. С. 21–28.
11. *Гришина Н.В.* Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. № 3(17). DOI:10.54359/ps.v4i17.846
12. *Зайцева Ю.Е., Горюнова Ю.В.* Жизненный сценарий молодых людей в полинарративной перспективе: культурные запреты и предписания постмодерна // Петербургский психологический журнал. 2021. № 37. С. 89–132.
13. *Иванова М.А.* Жизненные сценарии и жизнестойкость подростков // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. С. 875–878.
14. *Илюхина И.А.* Метонимия и когнитивная метафора как результаты воплощения концепта-сценария в речи (на примере сценария понимания) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3-2. С. 44–50.
15. *Капустина А.Н., Пушкова Е.Ю.* Нарративный подход в изучении значимых жизненных ситуаций и смысловых ориентаций личности // Петербургский психологический журнал. 2017. № 20. С. 89–123.
16. *Костромина С.Н., Гришина Н.В., Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В.* Идентификация с субкультурой своего поколения и поколения родителей как фактор выстраивания жизненного сценария молодыми людьми // Материалы международной научной конференции «Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития» (г. Москва, 22–23 апреля 2019 г.). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 67–71.
17. *Костылева Ю.А., Серкин В.П.* Феноменология сценария и невроза отложенной жизни у линейных менеджеров // Организационная психология. 2022. Т. 12. № 1. С. 201–227. DOI:10.17323/2312-5942-2022-12-1-201-227
18. *Кузнецова Ю.М., Суворова М.И., Чудова Н.В.* Сценарий как форма репрезентации события в знаковой картине мира // Труды Института системного анализа РАН. 2019. Т. 69. № 1. С. 70–82. DOI:10.14357/20790279190107
19. *Лисовская И.В.* Перевоспитать нельзя наказывать? Как конструируются сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 383–402. DOI:10.14515/monitoring.2021.2.599
20. *Литвак М.Е.* Как узнать и изменить свою судьбу. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 352 с.
21. *Лукьянова С.П.* Метод исследования жизненного сценария личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 3. С. 55–61.
22. *Макаревская Ю.Э., Нецвертия М.С.* Содержательные признаки неудачного жизненного сценария в когнитивных схемах разных поколений семьи // Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами / Под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 119–124.
23. *Мизинова И.А.* Жизненный сценарий личности: основные подходы к рассмотрению // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. № 4. С. 59–64.

24. *Мурашова Л.П.* Концептуально-когнитивный фрейм // Научный вестник Южного института менеджмента. 2014. № 4. С. 40–44.
25. *Нуркова В.В.* Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1(30). С. 55–73.
26. *Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С.* Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 2. DOI:10.54359/ps.v5i25.751
27. *Переверзина О.Ю.* Жизненные сценарии и субъективные мифы как детерминанты индивидуальной жизненной стратегии личности // Мир психологии. 2015. № 3(83). С. 123–130.
28. *Петросьян С.Н.* Жизненный сценарий как бытийное пространство личности // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». 2016. № 2. С. 51–59.
29. *Пищик В.И.* Сценарии жизни и социальные аксиомы представителей «Информационного» и «Нового» поколений // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. Вып. 4. С. 501–506. DOI:10.33910/herzenpsyconf-2021-4-62
30. *Радина Н.К.* Культурно-специфическое и индивидуальное в историях жизни мужчин и женщин (на материале автобиографий) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 71–80.
31. *Радина Н.К., Поршнев А.В.* Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта» // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 3. С. 151–169. DOI:10.17759/sps.2021120310
32. *Савицкий В.М.* Культурные сценарии как когнитивная основа фольклорной и языковой образности // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 173–177. DOI:10.5281/zenodo.4686820
33. *Склеинис В.А.* Специфика образа жизни испытуемых с различным типом жизненного сценария личности // Психология и Психотехника. 2021. № 1. С. 32–41. DOI:10.7256/2454-0722.2021.1.34828
34. *Сокол А.В.* Дискурс первой романтической любви: гендерные сценарии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 68–91. DOI:10.19181/inter.2021.13.4.4
35. *Стюарт Я., Джойнс В.* Современный транзактный анализ. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 335 с.
36. *Суворова И.Ю., Глебов В.В., Ван Х.* Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 93–113. DOI:10.17759/sps.2021120406
37. *Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В.* Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 159–173. DOI:10.17759/sps.2022130110
38. *Шалина И.* Застолье по-русски: вербальное воплощение праздничного сценария // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 1. С. 258–276. DOI:10.15826/qr.2023.1.788
39. *Штайнер К.* Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. СПб.: Питер, 2003. 416 с.: ил.
40. *Шутценбергер А.А.* Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 256 с.
41. *Bohn A., Berntsen D.* The future is bright and predictable: The development of prospective life stories across childhood and adolescence // Developmental Psychology. 2012. Vol. 49. № 7. P. 232–241. DOI:10.1037/a0030212
42. *Giorgi A.* The descriptive phenomenological psychological method // Journal of Phenomenological Psychology. 2012. № 43(1). P. 3–12. DOI:10.1163/156916212X632934

References

1. Aleinikova T.V. Detskie perezhivaniya kak baza dlya formirovaniya zhiznennogo stsenariya vzroslogo cheloveka i vozmozhnosti psikhoanaliticheskoi psikhoterapii v korrektsii stsenarnykh devitsii [Childhood experience as a base for development of life scenario in adult human and opportunities of psychoanalytic psychotherapy in correction of scenario deviations]. *Valeologiya = Journal of Health and Life Sciences*, 2009, no. 2, pp. 68–73. (In Russ.).
2. Alyusheva A.R. Ovladenie reperturom kul'turnykh zhiznennykh stsenariiev kak faktor razvitiya makrostruktury avtobiograficheskoi pamyati [Elektronnyi resurs] [Acquisition of cultural life scripts repertory as a factor of autobiographical memory macrostructure development]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2012. Vol. 5, no. 25, p. 3. DOI:10.54359/ps.v5i25.743 (In Russ.).
3. Andriyanova T.V. «Zhiznenniye stsenarii» v kontekste brachno-semeinykh otnoshenii [“Life scenario” in the context of marriage and family relations]. *Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Sotsial'naya dinamika naseleniya i ustoychivoe razvitiye»* (g. Moskva, 16 noyabrya 2021 g.) [Proceedings of the Fourth All-Russian scientific conference with international participation «Population social dynamics and sustainable development»]. In Antonov A.I. (ed.). Moscow: MAKS Press Publ., 2021, pp. 53–55. DOI:10.29003/m2531.978-5-317-06728-1 (In Russ.).
4. Artemova O.E. Sposoby eksplikatsii kognitivnykh stsenariiev v tekstakh pretsendentnykh zhanrov (na materiale limerika) [Methods of explication of cognitive scenarios in precedent genre texts (Based on Limerick)]. In Muryasov R.Z. (ed.). *Kognitivnye i semanticheskie aspekty edinic yazyka i rechi [Cognitive and semantic aspects of language and speech units]*. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2007, pp. 128–131. (In Russ.).
5. Akhmerov R.A. Tsennostnaya kontseptsiya sobytii i zhiznennykh stsenariiev [The value concept of events and life scenarios]. *Materialy V Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar, posvyashchennogo 30-letnemu yubileyu mecheti-medrese «Ak mechet'» «Rodovye korni i istoriya kraya v dukhovnykh traditsiyakh»* (g. Naberezhnye Chelny, 10 dekabrya 2022 g.) [Proceedings of the Fifth International scientific and practical seminar dedicated to the 30th anniversary of the «Ak Mechet» mosque-madrasah «Ancestral roots and the history of the region in spiritual traditions»]. Naberezhnye Chelny: Ak mechet' Publ., 2022, pp. 17–23. (In Russ.).
6. Beloglazova O.N. Ekzistentsial'naya dinamika kak osnova zhiznennogo stsenariya cheloveka [Existential dynamics as the basis of a person's life scenario]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = Almanac of modern science and education*, 2008, no 10 (17). In 2 parts, part II, pp. 25–28. (In Russ.).
7. Berne E. Lyudi, kotorye igraut v igry [Games People Play]. Moscow: Eksmo Publ., 2002. 576 p. (In Russ.).
8. Bogoslavskaya A.A., Zinov'eva E.V. Zhiznennyye tseli v zhiznennom stsenarii feministok [Life goals in the life scenario of feminists]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Anan'evskie chteniya-2022. 60 let sotsial'noi psikhologii v SPbGU: ot istokov – k novym dostizheniyam i innovatsiyam»* (g. Sankt-Peterburg, 18-21 oktyabrya 2022 g.) [Proceedings of the International scientific conference «Ananiev readings-2022. 60 years of social psychology at St. Petersburg State University: from origins to new achievements and innovations»]. In Shaboltas A.V. (eds.). St. Petersburg: Skifiya-print Publ., 2022, pp. 307–308. (In Russ.).
9. Bruner J. Zhizn' kak narrative [Life as narrative]. *Postneklassicheskaya psikhologiya = Post-nonclassical psychology*, 2005, no. 1(2), pp. 9–30. (In Russ.).
10. Ven'tszya V. Ponyatie «stsenarii» v kognitivnom i lingvokul'turologicheskom osveshchenii [The concept of “scenario” in cognitive and linguoculturological context]. In Shalina I.V. (ed.). *Molodye golosa [Young voices]*. Yekaterinburg: Azhur Publ., 2016, pp. 21–28. (In Russ.).
11. Grishina N.V. Zhiznennyye stsenarii: normativnost' i individualizatsiya [Elektronnyi resurs] [Life scripts: normativity and individualization]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2011, no. 3(17). DOI:10.54359/ps.v4i17.846 (In Russ.).

12. Zaitseva Yu.E., Goryunova Yu.V. Zhiznennyyi stsenarii molodykh lyudei v polinarrativnoi perspektive: kul'turnye zaprety i predpisaniya postmoderna [Polynarrative perspective on life script in emerging adults: taboos and precepts of postmodern discourse]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal = St. Petersburg psychological journal*, 2021, no. 37, pp. 89–132. (In Russ.).
13. Ivanova M.A. Zhiznennyye stsenarii i zhiznesteikost' podrostkov [Life scenarios and hardiness of adolescents]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental researches*, 2013, no. 10, pp. 875–878. (In Russ.).
14. Ilyuhina I.A. Metonimiya i kognitivnaya metafora kak rezul'taty voploshcheniya koncepta-scenariya v rechi (na primere scenariya ponimaniya) [Metonymy and cognitive metaphor as the results of realization of the concept-scenario in speech (on the example of the scenario of understanding)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2016, no. 3-2, pp. 44–50. (In Russ.).
15. Kapustina A.N., Pushkova E.Yu. Narrativnyi podkhod v izuchenii znachimykh zhiznennykh situatsii i smyslozhiznennykh orientatsii lichnosti [Narrative approach in the studies of person's significant life situations and purpose in life]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal = St. Petersburg psychological journal*, 2017, no. 20, pp. 89–123. (In Russ.).
16. Kostromina S.N., Grishina N.V., Moskvicheva N.L., Zinov'eva E.V. Identifikatsiya s subkul'turoi svoego pokoleniya i pokoleniya roditel'ei kak faktor vystraivaniya zhiznennogo stsenariya molodymi lyud'mi [Identification with subculture of youth generation and generation of parents as a factor of building a life scenario of young people]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Psikhologiya subkul'tury: fenomenologiya i sovremennyye tendentsii razvitiya» (g. Moskva, 22–23 aprelya 2019 g.)*. [Proceedings of the International scientific conference «Psychology of subculture: phenomenology and modern trends of development»]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. Publ., 2019, pp. 67–71. (In Russ.).
17. Kostyleva Yu.A., Serkin V.P. Fenomenologiya stsenariya i nevroza otlozhennoi zhizni u lineinykh menedzherov [The phenomenology of the script and delayed neurosis life of line managers]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 201–227. DOI:10.17323/2312-5942-2022-12-1-201-227 (In Russ.).
18. Kuznetsova Yu.M., Suvorova M.I., Chudova N.V. Stsenarii kak forma reprezentatsii sobyitiya v znakovoi kartine mira [Scenario as a form of an event representation in the sign world model]. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossiyskoy akademii nauk (ISA RAN) = Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences (ISA RAS)*, 2019. Vol. 69, no. 1, pp. 70–82. DOI:10.14357/20790279190107 (In Russ.).
19. Lisovskaya I.V. Perevospatat' nel'zya nakazyvat'? Kak konstruiruyutsya stsenarii reintegratsii i resotsializatsii «trudnykh» podrostkov [Re-educate, not punish? how scenarios for the reintegration and resocialization of “troubled” adolescents are constructed]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 2021, no. 2, pp. 383–402. DOI:10.14515/monitoring.2021.2.599 (In Russ.).
20. Litvak M.E. Kak uznat' i izmenit' svoyu sud'bu [How to learn and change your destiny]. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 1997. 352 p. (In Russ.).
21. Luk'yanova S.P. Metod issledovaniya zhiznennogo scenariya lichnosti [The method of investigating the individual life scenario]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2011. Vol. 4, no. 3, pp. 55–61. (In Russ.).
22. Makarevskaya Yu.E., Neshcheretnyaya M.S. Soderzhatel'nye priznaki neudachnogo zhiznennogo scenariya v kognitivnykh skemakh raznykh pokolenij sem'i [Meaningful signs of an unsuccessful life scenario in the cognitive schemes of different family generations]. In Ryabikina Z.I. (eds.). *Lichnost' i vyzovy sovremennosti: interpretatsiya problem razlichnymi nauchnymi shkolami [Personality and challenges of modern times: interpretation of problems by various scientific schools]*. Maikop: Publ. Adygeiskii gos. un-t; Krasnodar: Publ. Kubanskii gos. un-t, 2020, pp. 119–124. (In Russ.).

23. Mizinova I.A. Zhiznennyi stsenarii lichnosti: osnovnye podkhody k rassmotreniyu [The vital script of the personality: the basic approaches to consideration]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013. Vol. 13, no. 4, pp. 59–64. (In Russ.).
24. Murashova L.P. Kontseptual'no-kognitivnyi freim [Conceptual-cognitive frame]. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta = Scientific bulletin of the Southern Institute of Management*, 2014, no. 4, pp. 40–44. (In Russ.).
25. Nurkova V.V. Zhizn' – instruktsiya po primeneniyu: rezul'taty graficheskoi eksplikatsii Kul'turnogo Zhiznennogo Stsenariya [Life – Instructions for Use: The results of graphical exploration of a Cultural Life Script]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury = International Journal of Cultural Research*, 2018, no. 1(30), pp. 55–73. (In Russ.).
26. Nurkova V.V., Dnestrovskaya M.V., Mikhailova K.S. Kul'turnyi zhiznennyi stsenarii kak dinamicheskaya semanticheskaya struktura (re)organizatsii individual'nogo zhiznennogo opyta [Elektronnyi resurs] [Cultural life script as a dynamic semantic structure of autobiographical experience (re)organization]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2012. Vol. 5, no. 25, p. 2. DOI:10.54359/ps.v5i25.751 (In Russ.).
27. Pereverzina O.Yu. Zhiznennye stsenarii i sub"ektivnye mify kak determinanty individual'noi zhiznennoi strategii lichnosti [Life scenarios and subjective myths as a personality's individual life strategy determinants]. *Mir psikhologii = Psychology's world*, 2015, no. 3(83), pp. 123–130. (In Russ.).
28. Petros'yan S.N. Zhiznennyi stsenarii kak bytiinoe prostranstvo lichnosti [Life script as individual's existential space]. *Nauchno-prakticheskii zhurnal "Gumanizatsiya obrazovaniya" = Academic and research journal "Humanization of education"*, 2016, no. 2, pp. 51–59. (In Russ.).
29. Pishchik V.I. Stsenarii zhizni i sotsial'nye aksiomy predstavitelei «Informatsionnogo» i «Novogo» pokolenii [Life scenarios and social axioms of the members of the information generation and the new generation]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii = Herzen readings: psychological research in education*, 2021, issue 4, pp. 501–506. DOI:10.33910/herzenpsyconf-2021-4-62 (In Russ.).
30. Radina N.K. Kul'turno-spetsificheskoe i individual'noe v istoriyakh zhizni muzhchin i zhenshchin (na materiale avtobiografii) [Cultural-specific and individual in the life stories of men and women (based on autobiographies)]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2015. Vol. 36, no. 1, pp. 71–80. (In Russ.).
31. Radina N.K., Porshnev A.V. Strategii (ne)soprotivleniya v narrativakh o trudnostyakh: stanovlenie «podchinennogo sub"ekta» [Strategies for (non) Resistance in Narratives about Facing Problems: Formation of a "Subordinate Subject"]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 151–169. DOI:10.17759/sps.2021120310 (In Russ.).
32. Savitskii V.M. Kul'turnye stsenarii kak kognitivnaya osnova fol'klornoi i yazykovoi obraznosti [Cultural scripts as the cognitive basis for folklore and language imagery]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*, 2021, no. 3, pp. 173–177. DOI:10.5281/zenodo.4686820 (In Russ.).
33. Skleinis V.A. Spetsifika obraza zhizni ispytuemykh s razlichnym tipom zhiznennogo stsenariya lichnosti [The specificity of lifestyle of the individuals with different type of life scenario]. *Psikhologiya i Psikhotehnika = Psychology and Psychotechnics*, 2021, no. 1, pp. 32–41. DOI:10.7256/2454-0722.2021.1.34828 (In Russ.).
34. Sokol A.V. Diskurs pervoi romanticheskoi lyubvi: gendernye stsenarii [Discourse of first romantic love: gender scenarios]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya = Interaction. Interview. Interpretation*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 68–91. DOI:10.19181/inter.2021.13.4.4 (In Russ.).
35. Stewart I., Joines V. Sovremennyi tranzaktnyi analiz [TAToday. A New Introduction to Transactional Analysis]. St. Petersburg: Sotsial'no-psikhologicheskii tsentr Publ., 1996. 335 p. (In Russ.).

36. Suvorova I.YU., Glebov V.V., Van H. Issledovanie osobennostei narrativnoi identichnosti russkikh i kitaiskikh studentov [The Study of the Narrative Identity of Russian and Chinese Students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 93–113. DOI:10.17759/sps.2021120406 (In Russ.).
37. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V. Stsenarii lichnoi bezopasnosti sub"ekta konfliktnogo vzaimodeistviya [Personal Security Scenarios of Subject of Conflict Interaction]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 159–173. DOI:10.17759/sps.2022130110 (In Russ.).
38. Shalina I. Zastol'e po-russki: verbal'noe voploshchenie prazdnichnogo stsenariya [Russian feast: the verbal realisation of the celebration script]. *Quaestio Rossica = Quaestio Rossica*, 2023. Vol. 11, no. 1, pp. 258–276. DOI:10.15826/qr.2023.1.788 (In Russ.).
39. Steiner Cl. Stsenarii zhizni lyudei. Shkola Erika Berna [Scripts People Live. Transactional Analysis of Life Scripts]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 416 p. (In Russ.).
40. Shuttsenberger A.A. Sindrom predkov: Transgeneratsionnye svyazi, semeinye tainy, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy [A e, mes aïeux! Liens transgénérationels, secrets de famille, syndrome d'anniversaire, transmission des traumatismes et pratique du génosiciogramme]. Moscow: Institut psikhoterapii Publ., 2005. 256 p. (In Russ.).
41. Bohn A., Berntsen D. The future is bright and predictable: The development of prospective life stories across childhood and adolescence. *Developmental Psychology*, 2012. Vol. 49, no. 7, pp. 232–241. DOI:10.1037/a0030212
42. Giorgi A. The descriptive phenomenological psychological method. *Journal of Phenomenological Psychology*, 2012, no. 43(1), pp. 3–12. DOI:10.1163/156916212X632934

Информация об авторах

Альперович Валерия Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0336-3638>, e-mail: alper@sfedu.ru

Information about the authors

Valeriya D. Alperovich, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0336-3638>, e-mail: alper@sfedu.ru

Получена 28.02.2023

Received 28.02.2023

Принята в печать 14.02.2024

Accepted 14.02.2024

Трансформация предубеждения в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях

Котова М.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9032-4839>, e-mail: mkotova@hse.ru

Цель. Уточнить понимание функций предубеждения в межгрупповых отношениях на основании сопоставления подходов к объяснению межгрупповых отношений и анализа трансформации предубеждения в скрытые формы.

Контекст и актуальность. Пластичность предубеждения, его трансформация в скрытые формы в ответ на общественное порицание и противоречия в эффективности техник ослабления предубеждений указывают, что нечто существенное в природе предубеждений упускается исследователями. Устойчивая негативность предубеждения позволяет предположить, что исказить это «упускаемое» стоит в функциях. Функции предубеждения пока не становились предметом отдельного внимания исследователей.

Используемая методология. Методологической основой является функциональный анализ в психологии, социологии и социальной антропологии.

Основные выводы. Устойчивость, «негибкость» негативного отношения является существенной особенностью предубеждения, а не только лишь несовершенством ранних определений. Она указывает на функции, которые предубеждение выполняет в межгрупповых отношениях, то есть приводит к определенному позитивному, полезному результату для системы. Особенности трансформации предубеждения в неявные формы указывают, что для общественного устройства предубеждения выполняют функцию сохранения целостности и границ группы, которая является единицей этой системы.

Ключевые слова: предубеждение; неявные предубеждения; современные формы предубеждений; функции предубеждения; межгрупповые отношения; Россия.

Финансирование. Исследование выполнено в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-00799, <https://rscf.ru/project/22-28-00799/>.

Для цитаты: Котова М.В. Трансформация предубеждения в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>

Prejudice Transformation from Overt to Covert Forms as an Indicator of its Functions in Intergroup Relations

Marina V. Kotova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9032-4839>, e-mail: mkotova@hse.ru

Objective. *The study is aimed to clarify the understanding of the functions of prejudice in intergroup relations. A comparison of approaches to explaining intergroup relations and an analysis of the transformation of prejudice into covert, subtle forms were applied in order to achieve the aim.*

Background. *The plasticity of prejudice, its transformation into covert, subtle forms in response to equal rights movements and social inadmissibility, the inconsistencies in the prejudice reduction techniques effectiveness indicates that something fundamental about the nature of prejudice is being missed by researchers. The persistent negativity of prejudice suggests that one should look for this “missing” in the concept of functions. The functions of prejudice per se have not been a focus of research attention yet.*

Methodology. *The rationale was based on functional analysis in psychology, sociology and social anthropology.*

Conclusions. *The persistence, “inflexibility” of a negative attitude is an essential trait of prejudice, and not just an imperfection of its first definitions. It points to the functions that prejudice fulfills in intergroup relations, that is, it leads to a positive, a useful result for the system (society and its structure). Features of the transformation of prejudice into covert forms show that preserving the entitativity and the boundaries of the group (which is the unit of this system) in a “loose” egalitarian society seems to be prejudice function.*

Keywords: *prejudice; functions of prejudice; covert (subtle) prejudice; intergroup relations; Russia.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-28-00799, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00799/> at the National Research University Higher School of Economics.

For citation: Kotova M.V. Prejudice Transformation from Overt to Covert Forms as an Indicator of its Functions in Intergroup Relations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104> (In Russ.).

Введение

*Побежденное интеллектуально
предубеждение удерживается эмоционально
Г. Оллпорт «Природа предубеждения»*

Предубеждение неизменно вызывает интерес исследователей и практиков в различных социальных науках, и существенная доля в этом внимании приходится на вопрос о том, каким образом предубеждения можно ослабить: в поисках ответа Г. Оллпорт предложил свод правил [18], ставших далее знаменитой «теорией контакта», были созданы различные подходы к изменению групповой

идентичности, учета воспринимаемого статуса группы, примирения после открытой вражды и другие [24; 28]. По мере развития техник ослабления предубеждений все более очевидным становится феномен сопротивления предубеждений изменениям и существенных ограничений эффективности отдельных техник [24; 26; 43; 44] или целых политик, например, мультикультуризма, или создания надгрупповых общностей [15; 22; 25; 59]. Оценка возможности преодоления предубеждений приобретает то более оптимистичные формы, то более пессимистичные при накоплении

противоречивых данных [24; 26; 28]. Причем масштаб процессов и механизмов, которые включаются в оптимистично-пессимистичный научный дискурс, весьма разнообразен. Он варьируется от предположения о стратегиях поддержания положительного самоотношения отдельного индивида [56] до обсуждения перспектив мультикультурализма как принципа организации межгруппового взаимодействия в государстве [15; 46] или описания практик в «культуре отвержения» (culture of rejection), которые способствуют систематичной поддержке крайне правой политической идеологии и закрытости границ в самых различных странах Европы [25].

Соппротивление предубеждения техникам его ослабления можно оценивать с различных точек зрения. Например, можно считать это неудобной особенностью феномена, который с необходимостью нужно изменить. В таком случае предубеждение понимается как неприятный и побочный результат действия различных факторов, индивидуальных или групповых. Другой подход, который представляется нам более продуктивным для понимания природы предубеждения и механизмов его изменения, — сделать сам факт устойчивости негативного явления предметом анализа. В этом случае возможна постановка вопроса о функциях предубеждения, которые оно выполняет для благополучия отдельного индивида, группы, либо же устойчивости более глобальных социальных систем.

Функции предубеждения, с нашей точки зрения, не выступали ранее предметом отдельного интереса исследова-

телей. Разумеется, каждый из признанных подходов к пониманию механизмов межгрупповых отношений, например, теория социальной идентичности [55; 56], теория реалистического группового конфликта [54] или теория оправдания системы [39; 40], предлагал идею о значении неприятия другой группы для позитивности индивидуального самоотношения либо же благоденствия группы. Тем не менее ни в одном из подходов не проводился функциональный анализ именно предубеждения¹, не проводилось детального обсуждения позитивной функции предубеждения. Соответственно, цель настоящей работы — уточнить понимание функций предубеждения в межгрупповых отношениях. В качестве своеобразной «среды», которая может эти функции сделать более явными для анализа, был выбран естественный и довольно масштабный процесс трансформации самых различных предубеждений в скрытые формы, активно обсуждаемый исследователями последние 30 лет [16; 24; 28; 33; 34; 36; 41; 51].

Предубеждение в межгрупповых отношениях: особенная социальная установка и необходимость определения функции

Первый шаг в нашем анализе — это сопоставление различных определений предубеждения, поиск того критерия, той сути, которая задает специфику этого феномена. Сопоставление позволяет сделать вывод, что при определении предубеждения чаще всего встречаются суждения трех типов². Во-первых, указывается на «доопытность» суждения

¹ Более того, Г. Тэшфел и М. Шериф предпочитали не использовать термин «предубеждение» в своих работах [54; 56], что представляется отнюдь не случайным.

² При этом конкретное определение может быть сфокусировано только лишь на одном из положений, а может содержать несколько.

или мнения об объекте предубеждения [52]. Такие определения носят в основном этимологический характер и свойственны толковым словарям, однако они указывают на важную черту предубеждения как психологического феномена: предубеждение неотъемлемо от социальной структуры и социальной памяти, где оно может существовать «до опыта» конкретного человека. В этом смысле предубеждение может быть свойственно человеку с определенного этапа развития его когнитивных способностей, появления в принципе возможности формирования доопытных суждений, что также подтверждается в исследованиях предубеждений у детей [29].

Другой важный элемент, который подчеркивается во многих определениях, — это сочетание нерациональности, предвзятости, непроверенности, негативности и ригидности отношения к объекту предубеждения. В таком случае базовыми категориями к определению предубеждения становятся антипатия, необоснованная неприязнь, ложность и негибкость обобщения (см., например, [18; 24]). Таковые определения были свойственны большому числу ранних работ (примерно середины XX века) [18; 58] и далее были подвергнуты критике, в основном за привнесение в определение неверифицируемых понятий: «необоснованное», «негибкое», «ложное» (см., например, [24; 26; 28; 32]).

И третий элемент — это указание в определениях на тот факт, что предубеждение является видом социальной установки³ (attitude), или отношения, особенностью которого выступает решение вопроса о принадлежности к группе. Другими словами, предубеждение — это отношение к человеку (обычно негативное), основанное на членстве человека в той или иной группе, равно как и отношение к этой группе в целом. Подобные определения свойственны специализированным и относительно недавним работам по психологии, социологии, политологии [23; 24; 26; 28; 32; 37].

Дальнейшее сопоставление определений предубеждения, техник его измерения и практик ослабления приводит к сомнению в том, что определения удачно отражают суть этого феномена. С одной стороны, при критике более ранних определений исследователи справедливо стараются исключить аффект и ошибочность как основание предубеждения. Но при этом же помещение социальной установки в качестве родового понятия в определение предубеждения приводит, по нашему мнению, к излишнему увеличению объема понятия и появлению неопределенности. Определяя предубеждение как социальную установку, исследователи далее начинают рассуждать о том, что предубеждение, в принципе, может быть и позитивным, в пользу группы, но чаще изучается негативное отно-

³ Стоит оговориться, что отдельного внимания заслуживают подходы к пониманию предубеждения, которые условно можно назвать «диспозиционными»: концепция авторитарной личности Т. Адорно и коллег, развитая далее Б. Альтмейером как идея существования авторитаризма правого толка; концепция о догматизме М. Рокича; концепция консерватизма Г. Уилсон и Дж. Паттерсон; теория ориентации на социальное доминирование Дж. Дакит и К. Сибли [28]. В таком случае предубеждение, точнее склонность к дискриминационным суждениям и жесткому разделению мира на «своих» и «чужих» или поддержка неравенства, доминирования одних групп над другими, полагается особой личностной чертой, что на русский язык корректнее было бы переводить как «предубежденность» (см., например, [6]). Однако сопоставление «предубежденности» и «предубеждения» — предмет отдельной аналитической работы.

шение [24; 28]. Однако это рассуждение не согласуется с тем фактом, что негативное отношение устойчиво к попыткам его ослабить [43; 44], а вот поддержание положительного отношения требует направленных усилий, поддержки на разных уровнях [24; 26; 27; 46]. Получается, что негативность отношения — это не просто один из возможных вариантов отношения, а важный признак, отличающий предубеждение. Тем не менее негативность отношения (социальной установки) сама по себе тоже не является достаточным критерием. Переживание определенной эмоции — результат оценки ситуации, придания ей значения в текущей деятельности, поэтому является индикатором, но не сутью. А вот устойчивое во времени негативное отношение, «негибкое», как писал Г. Олпорт [18], с нашей точки зрения, будет отличать предубеждение как подвид межгруппового отношения от любого отношения к аутгруппе, которое может быть очень различным и по содержанию, и по механизмам его изменения.

Устойчивость во времени негативно-го и распространенного явления с необходимостью указывает на наличие у него функций, важных для системы, в которой это явление существует [7; 10; 11; 14]. Как уже было указано выше, функции предубеждения не становились предметом отдельного внимания исследователей. Разумеется, каждый крупный исследовательский подход включал предположения о роли предубеждений либо для индивидуального благополучия, либо для группы. Однако мы полагаем, что эти предположения не описывали функции как таковые либо же не описывали функции именно предубеждения. Что дает основания для подобного утверждения? Применение понятия «функция» в этих подходах, а также употребление са-

мого термина «предубеждение». Сначала уточним понимание термина «функция» в данной работе.

Понятие «функция» обладает существенной многозначностью и выступает предметом внимания многих наук — естественных, социальных и гуманитарных. Сопоставление работ ключевых представителей европейского и американского функционализма в психологии (см. [10] для детального обсуждения), а также идей школ эволюционизма и не-оэволюционизма, структурного функционализма, неопределизма и других в антропологии и социологии [3; 4; 7; 11; 12; 14; 50] позволяет утверждать, что наиболее продуктивное понимание функции — «полезный результат работы, необходимый для организма, системы» [7], полезный вклад, который социальное явление «вносит в поддержание непрерывности структуры» [12, с. 210]. Именно в таком ключе Л.С. Выготский анализировал функции эгоцентрической речи, которая ранее казалась просто несовершенством развития ребенка [5], Л. Козер предложил «позитивные» функции социального конфликта, который ранее был исключен из периодов стабильного развития общества [7], А.Р. Рэдклифф-Браун показывал, что крайне различные по своим проявлениям системы родства в разных уголках мира тем не менее выполняют схожие функции [14]. Понимание функции как полезного результата позволяет как уточнить природу феномена, функция которого анализируется, так и оценить систему, для которой эта функция существует. В особенности это важно для феноменов «негативных», которые ранее рассматривались только с точки зрения их предотвращения.

Оценим с точки зрения такого понимания функции ключевые подходы, объясняющие негативную оценку групп

в межгрупповых отношениях. В работах М. Шерифа и коллег [54], подход которых был позднее назван Д. Кэмпбеллом теорией реалистического конфликта между группами [26; 28], негативное отношение к аутгруппе не рассматривается с точки зрения функций. Возникновение такого отношения либо же его ослабление само по себе является функцией (в математическом смысле) от типа цели, которая определяет межгрупповое взаимодействие: конкурентная или кооперативная. Теория социальной идентичности, предложенная Г. Тэшфелом и коллегами [55; 56], позволила представить процессы категоризации и идентификации с группой как важные сами по себе, как минимальные условия (известная *Minimal group paradigm*) для возникновения пристрастности в оценках ин- и аутгрупп. Тем не менее негативное отношение к аутгруппе имеет функциональное значение для теории социальной идентичности, но поиск положительной отличительности (*positive distinctiveness*) в пользу своей группы, поскольку положительная отличительность позволяет положительно оценивать свою группу и, в результате, себя [56].

Возможная гипотеза-следствие о том, что негативное отношение к аутгруппе, как кажется, приобретает тогда функцию поддержания позитивной идентичности, довольно быстро столкнулась с противоречиями в получаемых данных [26; 27]. Самым широко обсуждаемым было исчезновение привычного эффекта категоризации при добавлении третьей группы и так называемая позитивно-негативная асимметрия [24; 26; 28]. Внимание к этой гипотезе-следствию привело к постановке новых исследовательских вопросов, например, с необходимостью ли позитивная пристрастность к своей группе обратно пропорционально связана с оценкой аутгруппы [26] и каким образом происхо-

дит легитимация негативного отношения к аутгруппе, всегда ли она происходит [49; 59]. Соответственно, для теории реалистического конфликта между группами и теории социальной идентичности проблема, которую они решали, была не в поиске причин устойчивости предубеждения. Примечательно также, что ни М. Шериф, ни Г. Тэшфел в ключевых текстах практически не использовали термин «предубеждение» [54; 55; 56].

Более любопытна для текущей дискуссии теория оправдания системы, предложенная Дж.Т. Джостом и М.Р. Банаджи [1; 39; 40]. Исследователи оттолкнулись от одного из ограничений теории социальной идентичности — объяснения существования аутгруппового фаворитизма, а также рассматривали применение членами низкостатусных групп негативных стереотипов к себе, к своей группе. Эти явления входят в противоречие с поиском позитивной отличительности и необходимости именно ингруппового фаворитизма [39]. В качестве решения исследователи предложили рассмотреть конструкт «оправдание системы» (*system justification*), который позволяет перейти от уровня индивида (рационализация негативного поведения) и уровня группы (оправдание действий своей группы) к уровню системы и рассмотреть группы разного статуса и их взаимосвязи. Оправдание системы является в этой теории пересмотром идей Г. Тэшфела о существовании у стереотипов функции объяснения и сохранения существующих межгрупповых отношений: Г. Тэшфел говорил о группах высокостатусных, тогда как Дж.Т. Джост и М.Р. Банаджи — о группах подчиненных в первую очередь [40]. Причем функцию стереотипов авторы понимают именно в смысле позитивного результата для системы, в том числе и за счет негативных последствий

для конкретного индивида или группы: оправдывая систему, индивид поддерживает неравенство в отношении себя [39]. С развитием исследований оправдание системы было дополнено представлениями об эпистемологических, экзистенциальных и реляционных (отношений) потребностях, лежащих в его основании [40], а также «приобрело» свои функции; исследователи, например, обсуждают паллиативную функцию [40] или вклад в усиление групповой сплоченности [2].

Возникает закономерный вопрос: не является ли оправдание системы также и функцией предубеждения? С одной стороны, такое предположение, действительно, не лишено оснований: предубеждение, равно как и стереотип, может объяснять и оправдывать неравные позиции групп. Тем не менее есть определенные различия, которые позволяют полагать, что описание функций предубеждения вряд ли можно завершить функцией оправдания системы. Во-первых, стереотип — это оценочный образ, тогда как предубеждение — отношение, социальная установка, что подразумевает различие механизмов формирования и изменения. Во-вторых, оправдание системы — результат решения проблемы существования аутгруппового фаворитизма, тогда как предубеждение — процесс скорее обратный. В-третьих, оправдание системы скорее поддерживает надгрупповую идентичность [40], а вот в случае предубеждения — много свидетельств о сопротивлении предубеждения техникам создания надгрупповой идентичности [28; 59].

Определение функции какого-либо явления не подразумевает готовой инструкции по ее нахождению [14], но нам представляется, что довольно масштабный процесс трансформации предубеждений в скрытые неявные формы

может служить своеобразным помощником в уточнении их функций. Этот процесс разворачивается в самых разных странах, где в чем-то типичным образом предубеждение все меньше выражается открыто, однако все так же подпитывает межгрупповую неприязнь и дискриминацию, сопротивляясь изменениям. Иными словами, происходящие изменения в обществе — например, в сторону равенства прав, глобализации различных групп — не учитывают каких-то потребностей системы, которые обеспечиваются предубеждениями (за отсутствием иных механизмов). Попробуем оценить процесс трансформации предубеждения в неявные формы с точки зрения возможных функций, которые этот процесс «подсвечивает».

Трансформация предубеждений в неявные формы: содержание и последствия для понимания функций

Двадцатую главу книги «Природа предубеждения» Г. Оллпорт посвящает феномену переживания предубеждения одновременно с раскаянием (prejudice with compunction) [18]. Анализируя эссе студентов об их отношении к разным этническим и расовым группам, Г. Оллпорт отмечает, что лишь только каждый десятый пишет о негативном отношении как о должном, без сожаления. Большинство же так или иначе переживает «внутренний конфликт» между наличием негативных чувств к иной группе («привычкой повседневности») и пониманием, что это неприемлемо с точки зрения ценностей эгалитаризма. Внутренний конфликт приводит к трансформации предубеждений в скрытые формы, а также к использованию стратегий совладания с ним: подавлению (или отрицанию), защитной рационализации, поиску компромиссных

решений и, крайне редко, интеграции, преодолению предубеждений [18]. Далее идеи Г. Оллпорта получили развитие в теориях новых (современных, скрытых, неявных) форм предубеждений, каждая из которых обратила внимание на определенное содержание внутреннего конфликта. Чаще всего исследователи обсуждают три вида современных, скрытых форм предубеждения [28].

Первая группа теорий [36; 48] описывает конфликт между эгалитарными ценностями и негативным отношением, которое человек не готов менять, но не хочет демонстрировать это явным образом. Это отношение, названное позднее символическим предубеждением, предполагает, что человеку (носителю этой формы предубеждения) уже не свойственно явственное отвержение (нежелание жить по соседству или вступать в брак) или уничтожение другой группы (способностей, культурных обычаев), однако и программы развития равенства такой человек поддерживать не будет. Содержание символического предубеждения отличает два убеждения. Во-первых, носители этой формы полагают, что представители аутгруппы требуют поддержки и внимания неоправданно, так как равенство прав уже провозглашено (например, зафиксировано в конституции) и дискриминации этой группы уже нет. Во-вторых, носители этой формы полагают, что представители различных аутгрупп просто мало стараются, мало прикладывают усилий, рассчитывая на постоянные дотации [36; 51].

Вторая форма — амбивалентное предубеждение, наиболее известным направ-

лением исследований которого стала концепция амбивалентного сексизма С. Фиск и П. Глика [34; 35]. Носители амбивалентного предубеждения испытывают позитивные чувства к представителям другой группы (симпатии, восхищения и др.), но при этом же им свойственно и предубежденное отношение, готовность дискриминировать⁴ [17; 34; 35; 41]. Амбивалентное отношение — результат противоречия, которое создает одновременное принятие ценностей эгалитарности и протестантских ценностей. Эгалитарные ценности поддерживают сочувствие к членам дискриминируемых групп, а протестантские — недовольство «постоянной их поддержкой» извне или притязаниями, то есть получением благ не в результате упорного труда [41]. Наиболее пугающая особенность амбивалентного отношения заключается в том, что благожелательность резко сменяется неприязнью и обвинением, как только член этой группы повел себя не должным образом [16].

Третья форма — аверсивное предубеждение. По описанию исследователей [33], аверсивное предубеждение возникает как результат двух разнонаправленных мотивационных устремлений: искреннего принятия ценностей эгалитарности и желания избежать межгруппового контакта, так как он вызывает тревогу у носителя этой формы предубеждения. Тревога — это последствие негативных стереотипов, которые свойственны любому человеку, выросшему в культуре, обществе, где эти стереотипы распространены, и автоматически активизируются, какие бы ценности он ни разделял [30]. Искреннее принятие

⁴ Точнее, разумеется, говорить не об амбивалентном предубеждении, а о сочетании скрытого предубеждения с позитивным отношением к той же самой аутгруппе, но так как термин уже прижился в литературе, то он будет оставлен таким и в данной статье.

ценностей эгалитарности, как полагают исследователи, отличает эту форму скрытого предубеждения от символической, носители которой скорее внешне и нормативно благожелательны, но теплых чувств к представителям аутгруппы не испытывают [36; 51].

Какой вклад может внести столь заметный и распространенный переход предубеждений в скрытые формы вслед за развитием движений равенства прав (для различных групп) в уточнение понимания функций предубеждений? Первая мысль — предубеждения, судя по всему, выполняют функцию сохранения стабильности такого устройства (структуры) общества, которое основано на неравенстве групп. Эта мысль, как уже обсуждалось выше, не нова: Дж.Т. Джост и М.Р. Банаджи обосновали идентичную функцию для стереотипов (оправдание системы) [39; 40], М. Джекман указывала, что патерналистское, внешне благожелательное отношение групп с высоким статусом к группам подчиненным — это лишь способ управления этими группами [38], П. Глик и С. Фиск схожим образом обсуждают благожелательный сексизм, также выделяя патернализм как его часть [34; 35]. Тем не менее очень важно заметить, что «функциональность» анализа касается именно стереотипов и аутгруппового фаворитизма в теории оправдания системы, патернализма в рассуждениях М. Джекман или П. Глика и С. Фиск, но исследователи не переносят этот анализ на предубеждение. Предубеждение с позиций этих теорий можно объяснить, понять, но не предположить

его необходимость. Получается, что анализ останавливается на признании вновь дисфункциональности предубеждения, которое, например, тормозит развитие общества в сторону равенства прав⁵.

Для нахождения функции, то есть позитивного результата для системы, нужно принять во внимание, что трансформация предубеждения в скрытые формы неизбежно связана с ценностями эгалитарности в любой из описанных выше теорий (о символическом, амбивалентном или аверсивном предубеждении). Иными словами, трансформация — это своеобразный ответ на усиление данных ценностей (декламируемое или разделяемое). В чем причина? Отношения межрасовые, межэтнические, между религиозными и иными группами в существующих обществах с необходимостью сопряжены со структурой социальных классов и соответствующих статусов. При «узаконенном», легитимированном различными нормами неравенстве групп уничижительное содержание предубеждения позволяет поддерживать границы этих групп закрытыми социально [8; 57] при тотальной их проницаемости в биологическом смысле. Эгалитарность (всеобщее равенство) как ценность в таком обществе требует от группы невозможного: отказаться от существующих механизмов поддержания позитивности идентичности или границ без существования новых механизмов иного поддержания той же идентичности или границ. В результате возникает потенциальное разрушение системы статусов, которая совпадает с границами расовых, напри-

⁵ В похожем ключе, например, рассуждает Дж. Бекер [20] при анализе различных стратегий поддержания идентичности. Она приходит к выводу, что стратегии социального творчества приводят к отрицательным последствиям, уменьшая стремление к активным стратегиям борьбы за равенство прав. Однако можно оценивать эти стратегии и с точки зрения функции стабилизации, которую они выполняют (подробнее см.: [9]).

мер, групп, что создает ситуацию «пустой идентичности»⁶ для этих групп. Помимо этого, создается угроза и позитивности идентичности, и границам таковой группы без возможности создания нового самоопределения, ведь границы групп все равно фактически проходят по прежним рубежам в обществе.

Таким образом, позитивный результат для системы (общества) от существования предубеждения — это сохранение структурной единицы этой системы, то есть группы; поддержание ее целостности и границ. Разумеется, определение функции предубеждения не означает, что его нужно поощрять и поддерживать, но означает, что социальные изменения в сторону, например, эгалитарности, без предложения механизмов, практик, иного определения сущности группы будут сопряжены с усилением предубеждений или их трансформацией в новые формы. Также указанный позитивный результат для системы не означает, что предубеждение неотделимо от межгрупповых отношений в принципе, но означает, что предубеждение неотделимо от межгрупповых отношений в существующей системе соподчинения групп и механизмов поддержания границы группы в этой системе. Глобальнее, также получается, что предубеждение служит практикой поддержания ценностей, которые важны для общества, например, индивидуализма и протестантизма [47]. Поддержку предубеждением таких ценностей сложно назвать противодействием развитию общества.

Какие новые вопросы для понимания природы (и изменения) предубеждения

позволяет поставить такое определение его функции? Во-первых, можно предположить необходимость переоценки различных моделей, использующих трансформацию социальной идентичности как фактор ослабления предубеждений. Например, создание надгрупповой идентичности [28; 49]. Возникающие неудачи, на наш взгляд, связаны не столько с тем, что надгрупповая идентичность оказывается слабо развитой, слабо принимается группами, сколько с тем, что она в принципе угрожает самоопределению группы в текущих границах, даже если речь идет о потенциальном повышении статуса. Например, модель ингрупповой проекции описывает такую реакцию групп на объединение их в более крупные общности, когда происходит не ожидаемое создание надгрупповой идентичности и ослабление предубеждений, а, напротив, усиление воспринимаемой прототипичности своей группы и поддержка, легитимация негативного отношения к другим группам в составе этой крупной общности [21; 49; 59]. Иными словами, группа рассматривает себя как наиболее прототипичную и правильную в большой общности (например, «немцы самые прототипичные представители европейцев» [22; 42]), что позволяет рассматривать нормы и ценности своей группы как наиболее верные и в принципе имеющие право на существование, а свои привилегии — обоснованными. При этом мобильность «наверх» для представителей других групп не закрывается на словах, но и помощь не предполагается, поскольку точное следование нормам

⁶ Как показывают исследователи [53], ингрупповая пристрастность (ingroup bias) в таком случае выполняет функцию создания позитивного наполнения таковой идентичности. Но в проведенной серии экспериментов были группы лабораторные, созданные искусственно. В ситуации же действительных межгрупповых отношений данную функцию будет выполнять не пристрастность (просто предпочтение своей группы), но предубеждение с определенным содержанием.

равенства приведет к потере сути своей группы. Авторы модели ингрупповой проекции полагают, что относительная прототипичность в таких сложносоставных обществах выполняет функцию обеспечения позитивной отличительности и легитимирует негативное отношение к иным группам в составе общества [21; 59]. Опираясь на предложенную выше функцию предубеждения, можно предположить, что относительная прототипичность будет не в каждом надгрупповом образовании запускать процессы усиления негативного отношения к аутгруппами, но тем сильнее, чем меньше у группы инструментов и практик поиска новой идентичности в большой общности.

Во-вторых, учет функции предубеждения, как нам кажется, с необходимостью усиливает интерес к специфике межгрупповых отношений⁷. Например, несмотря на то, что для расовых или гендерных отношений были созданы методики оценки и символического предубеждения, и амбивалентного, но для межрасовых отношений существенно большее распространение получили исследования символических предубеждений, а для гендерных — амбивалентных [28]. Возникает закономерный вопрос: почему? С нашей точки зрения, одной из объясняющих переменных здесь может быть мера взаимозависимости групп. Гендерные группы выражено взаимозависимы, их представители с необходимостью интенсивно и повседневно контактируют. При этом границы группы обладают практически нулевой проницаемостью биологически.

Попытки пересечения границ гендерной группы (например, в смысле статуса) меняют добродушную благожелательность на отношение довольно холодное и отчужденное. Например, А. Игли и А. Дикман в принципе определяют предубеждение как «социальную установку в контексте» [32]. Авторы полагают, что какое-либо отношение к аутгруппе становится предубеждением, когда в обществе начинает существовать рассогласование между стереотипами о конкретной социальной группе и теми ролями, на которые члены этой группы начинают претендовать (например, женщины претендуют на занятие управляющих должностей в компании наравне с мужчинами). А. Игли и А. Дикман не облачают свои идеи в анализ функций, но, как нам кажется, пишут о том же процессе: при помощи предубеждения группа закрывает возможность «иным», «не своим» выполнять те роли, которые считает своими (например, занимать управляющие позиции), и при этом же сохраняет определение себя, позитивное наполнение своей идентичности. Любопытно, как взаимозависимость сказывается на переопределении сущности групп. Например, активно обсуждаются новые определения, конструирование мужественности и женственности в разных культурах сегодня, то есть новые практики поддержания гендерной идентичности и само ее содержание в новых условиях [31]. Однако новое переопределение не становится таким же выраженным процессом для групп,

⁷ Здесь в статье приведены лишь несколько примеров, связанные именно с трансформацией форм предубеждения, однако исследовательская область гораздо богаче. Например, отдельного внимания заслуживают исследования легитимности статуса и проницаемости границ [57] или значения позиции группы в системе межгрупповых отношений в сложносоставной большей общности [6].

например, расовых, этнических или гражданской принадлежности⁸.

В-третьих, анализ предубеждений с позиции функций позволяет поставить задачу смены фокуса с «нивелировать» предубеждения на «трансформировать» предубеждения. Такая же смена фокуса свойственна изучению социального конфликта (см., например, [13]). На микроуровне продуктивными в таком случае представляются техники, опирающиеся, например, на автономную мотивацию, «почему быть непредубежденным человеком важно для меня» [45]. На мезо- или макроуровне особое значение приобретают социальные практики поддержания целостности группы в условиях существенной изменчивости или проницаемости границ группы.

Заключение

Подводя итог анализу, проведенному в данной работе, представляется важным подчеркнуть несколько ключевых идей. Во-первых, особенность предубеждения как социальной установки по отношению к группе заключается именно в устойчивой негативности его содержания. Иными словами, предубеждение — это не любая

социальная установка по отношению к человеку как члену группы или к группе, но почему-то устойчивая во времени и к изменениям негативная социальная установка. Если рассматривать это негативное отношение как лишь несовершенство, пережиток, который надо ослабить различными способами, то это в перспективе приведет к видоизменению форм предубеждения, их сопротивлению, поскольку либо не затрагивает функций, либо не предлагает иных механизмов выполнения этих функций. Во-вторых, устойчивая негативность предубеждения, по всей видимости, действительно указывает на функции, которые оно выполняет в межгрупповых отношениях, то есть приводит к определенному позитивному, полезному результату для системы, даже если отдельные составляющие системы (группы или человек) при этом сталкиваются с негативными последствиями. В-третьих, процесс трансформации предубеждения в скрытые, неявные формы позволяет оценить содержание функций предубеждения. Можно предположить, что для общественного устройства — это сохранение структурной единицы этой системы, то есть группы.

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Иванов А.А., Сариева И.Р., Прусова И.С. Теория оправдания системы: новый взгляд на проблему неравенства [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 132–141. DOI:10.17759/jmfr.2021100113
2. Агадуллина Е.Р., Лавелина Д.Я. Вклад оправдания системы в социальную сплоченность // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 89–104. DOI:10.17759/sps.2023140406

⁸ Тем не менее особый интерес здесь вызывают исследования имплицитных теорий о сущности групп, например, как члены групп воспринимают основания для принадлежности к нации [19]. Исследователи обычно рассматривают негативность отношения к аутгруппам как зависимую переменную от типа конструирования национальной идентичности, но нам кажется, что можно посмотреть и с иной точки зрения. Неэссенциалистские по сути своей имплицитные теории о национальной идентичности могут быть сами по себе результатом приспособления группы к возникшей по разным причинам проницаемости границ группы.

3. *Александр Дж., Смит Ф.* Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 11–30.
4. *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во, 2006. С. 9–48.
5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. СПб.: Питер, 2019. 432 с.
6. *Григорьев Д.С.* Когнитивно-мотивационные основы аккультурационных ожиданий: применение модели групповой позиции этнических групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 86–109. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109
7. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
8. *Котова М.В.* Восприятие границ этнической группы // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2008. Т. 50. № 12. С. 88–91.
9. *Котова М.В.* Стратегии поддержания социальной идентичности: значение для теории социальной идентичности и понимания межгрупповых отношений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 691–711.
10. *Котова М.В., Ромащук А.Н., Скворцов А.А., Сенищенков С.П.* Понятие «функция» в функциональной психологии конца XIX – начала XX веков // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26-29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2006. С. 89–96.
11. *Никишенков А.А.* История британской социальной антропологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 496 с.
12. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2018. 435 с.
13. *Райманн К.* К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007. С. 51–75.
14. *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функции в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
15. *Сунгуров А.Ю., Боярков Р.Л.* Возможности и пределы государственного участия в развитии толерантности (на примере анализа региональной программы) // Журнал исследования социальной политики. 2011. № 2. С. 195–206.
16. *Abrams D., Viki G.T., Masser B., Bohner G.* Perceptions of stranger and acquaintance rape: The role of benevolent and hostile sexism in victim blame and rape proclivity // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. Vol. 84(1). P. 111–125. DOI:10.1037/0022-3514.84.1.111
17. *Agadullina E., Lovakov A., Balezina M., Gulevich O.* Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis // European Journal of Social Psychology. 2022. Vol. 52(5-6). P. 819–859. DOI:10.1002/ejsp.2855
18. *Allport G.W.* The Nature of Prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley, 1954. 537 p.
19. *Bauer C.A., Hannover B.* Changing “us” and hostility towards “them”—Implicit theories of national identity determine prejudice and participation rates in an anti-immigrant petition // European Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 50(4). P. 810–826. DOI:10.1002/ejsp.2666
20. *Becker J.C.* The system-stabilizing role of identity management strategies: social creativity can undermine collective action for social change // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103(4). P. 647–652. DOI:10.1037/a0029240
21. *Bell A.C., Eccleston C.P., Bradberry L.A., Kidd W.C., Mesick C.C., Rutchick A.M.* Ingroup Projection in American Politics: An Obstacle to Bipartisanship // Social Psychological and Personality Science. 2022. Vol. 13(5). P. 906–915. DOI:10.1177/19485506211046788

22. *Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V.Y.* What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36(7). P. 960–974. DOI:10.1177/0146167210367488
23. *Bilotta I., Corrington A., Mendoza S.A., Watson I., King E.* How Subtle Bias Infects the Law // *Annu. Rev. Law Soc. Sci.* 2019. Vol. 15. P. 227–245.
24. *Bodenhausen G.V., Richeson J.A.* Prejudice, Stereotyping, and Discrimination // *Advanced Social Psychology: The State of the Science* / Ed. by R.F. Baumeister, E.J. Finkel. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 341–383.
25. *Bojadžijev M., Opratko B.* Introducing ‘cultures of rejection’: an investigation of the conditions of acceptability of right-wing politics in Europe // *Patterns of Prejudice*. 2022. Vol. 56(4-5). P. 205–218. DOI:10.1080/0031322X.2023.2214425
26. *Brewer M.B.* Intergroup relations // *Advanced Social Psychology: The State of the Science* / Ed. by R.F. Baumeister, E.J. Finkel. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 535–571.
27. *Brewer M.B.* The Psychology of Prejudice: ingroup love or outgroup hate? // *Journal of Social Issues*. 1999. Vol. 55. P. 429–444.
28. *Brown R.* *Prejudice: Its Social Psychology*. Oxford: Blackwell Publishing, 2010. 354 p.
29. *Cameron J.A., Alvarez J.M., Ruble D.N., Fuligni A.J.* Children’s Lay Theories About Ingroups and Outgroups: Reconceptualizing Research on Prejudice // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5(2). P. 118–128. DOI:10.1207/S15327957PSPR050_3
30. *Correll J., Park B., Judd C.M., Wittenbrink B.* The police officer’s dilemma: Using ethnicity to disambiguate potentially threatening individuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 83(6). P. 1314–1329. DOI:10.1037/0022-3514.83.6.1314
31. *Deutsch F.M.* Undoing Gender // *Gender and Society*. 2007. Vol. 21(1). P. 106–127. DOI:10.1177/0891243206293577
32. *Eagly A.H., Dickman A.B.* What is the problem? Prejudice as an attitude-in-context // *On the nature of prejudice: fifty years after Allport* / Ed. by J.F. Dovidio, P. Glick, L.A. Rudman. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 19–35.
33. *Gaertner S.L., Dovidio J.F.* Understanding and addressing contemporary racism: From aversive racism to the common ingroup identity model // *Journal of Social Issues*. 2005. Vol. 61(3). P. 615–639. DOI:10.1111/j.1540-4560.2005.00424.x
34. *Glick P., Fiske S.T.* Ambivalent Sexism Revisited // *Psychology of Women Quarterly*. 2011. Vol. 35(3). P. 530–535. DOI:10.1177/0361684311414832
35. *Glick P., Fiske S.T.* The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70(3). P. 491–512. DOI:10.1037/0022-3514.70.3.491
36. *Henry P.J., Sears D.O.* The Symbolic Racism 2000 Scale // *Political Psychology*. 2002. Vol. 23(2). P. 253–283. URL: <http://www.jstor.org/stable/3792290>
37. *Herek G.M., McLemore K.A.* Sexual Prejudice // *Annu. Rev. Psychol.* 2013. Vol. 64. P. 309–333. DOI:10.1146/annurev-psych-113011-143826
38. *Jackman M.* *The Velvet Glove: Paternalism and Conflict in Gender, Class and Race Relations*. Berkeley, CA: University of California Press, 1994. 426 p.
39. *Jost J.T., Banaji M.R.* The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. 1994. Vol. 33(1). P. 1–27. DOI:10.1111/j.2044-8309.1994.tb01008.x
40. *Jost J.T.* A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications // *British Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 58. P. 263–314. DOI:10.1111/bjso.12297
41. *Katz I., Hass R.G.* Racial ambivalence and American value conflict: Correlational and priming studies of dual cognitive structures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 55. P. 893–905.

42. Kessler T., Mummendey A., Funke F., Brown R., Binder J., Zagefka H., ... Maquil A. We all live in Germany but ... ingroup projection, group-based emotions and prejudice against immigrants // *European Journal of Social Psychology*. 2010. Vol. 40(6). P. 985–997.
43. Lai C.K., Cooley E., Devos T., Xiao Y.J., Simon S., Joy-Gaba J.A., ... Nosek B.A. Reducing implicit racial preferences: II. intervention effectiveness across time // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2016. Vol. 145(8). P. 1001–1016. DOI:10.1037/xge0000179
44. Lai C.K., Marini M., Lehr S.A., Cerruti C., Shin J.-L., Joy-Gaba J.A., ... Nosek B.A. Reducing implicit racial preferences: I. A comparative investigation of 17 interventions // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. Vol. 143(4). P. 1765–1785. DOI:10.1037/a0036260
45. Legault L., Gutsell J.N., Inzlicht M. Ironic effects of antiprejudice messages: How motivational interventions can reduce (but also increase) prejudice // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22(12). P. 1472–1477. DOI:10.1177/0956797611427918
46. Leong Ch.-H., Liu J.H. Whither multiculturalism? Global identities at a cross-roads // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 657–662. DOI:10.1016/j.ijintrel.2013.09.004
47. Maio G.R., Haddock G., Manstead A.S.R., Spears R. (2010). *Attitudes and Intergroup Relations* // *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination* / Ed. by J.F. Dovidio, M. Hewstone, P. Glick, V.M. Esses. London: SAGE Publications Ltd, 2010. P. 261–275.
48. McConahay J.B., Hardee B.B., Batts V. Has racism declined in America? It depends on who is asking and what is asked // *Journal of Conflict Resolution*. 1981. Vol. 25(4). P. 563–579.
49. Mummendey A., Wenzel M. Social discrimination and tolerance in intergroup relations: Reactions to intergroup difference // *Personality and Social Psychology Review*. 1999. Vol. 3(2). P. 158–174.
50. Munch P.A. The concept of 'Function' and functional analysis in sociology // *Philosophy of Social Sciences*. 1976. Vol. 6(3). P. 193–213.
51. Pettigrew T.F., Meertens R.W. Subtle and blatant prejudice in Western Europe // *European Journal of Social Psychology*. 1995. Vol. 25. P. 57–75. DOI:10.1002/ejsp.2420250106
52. "prejudice, n.". OED Online [Online resource]. Oxford University Press. URL: <https://www.oed.com/view/Entry/150162?rskey=Hz5zU3&result=1> (Accessed 22.06.2023).
53. Scheepers D., Spears R., Doosje B., Manstead A.S.R. The social functions of ingroup bias: Creating, confirming, or changing social reality // *European Review of Social Psychology*. 2006. Vol. 17. P. 359–396. DOI:10.1080/10463280601088773
54. Sherif M., Harvey O.J., White B.J., Hood W.R., Sherif C.W. *Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment*. Norman, OK: University of Oklahoma Book Exchange, 1961. 214 p.
55. Tajfel H., Flament C., Billig M.G., Bundy R.P. Social Categorization and Intergroup behaviour // *European Journal of Social Psychology*. 1971. Vol. 1(2). P. 149–178.
56. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. P. 1–39.
57. Verkuyten M., Reijerse A. Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38. P. 106–127.
58. Webster R.J., Saucier D.A., Harris R.J. Before the measurement of prejudice: Early psychological and sociological papers on prejudice // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 46(3). P. 300–313. DOI:10.1002/jhbs.20442
59. Wenzel M., Mummendey A., Waldzus S. Superordinate identities and intergroup conflict: The ingroup projection model // *European Review of Social Psychology*. 2007. Vol. 18(1). P. 331–372. DOI:10.1080/10463280701728302

References

1. Agadullina E.R., Ivanov A.A., Sarieva I.R., Prusova I.S. *Teoriya opravdaniya sistema: novyi vzglyad na problemu neravenstva [Elektronnyi resurs] [System Justification theory: a new*

- perspective on the problem of inequality]. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 132–141. DOI:10.17759/jmfp.2021100113 (In Russ.).
2. Agadullina E.R., Lavelina D.I. Vklad opravdaniya sistemy v sotsial'nyu splochnost' [The Contribution of the System Justification to Social Cohesion]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 89–104. DOI:10.17759/sps.2023140406 (In Russ.).
 3. Aleksander Dzh., Smith F. Sil'naya programma v kul'tursotsiologii [Strong program in cultural sociology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological Review*, 2010. Vol. 9(2), pp. 11–30. (In Russ.).
 4. Bart F. Vvedenie [An Introduction]. In Bart F. (ed.). *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii. Sbornik statei [Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences]*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, pp. 9–48. (In Russ.).
 5. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and speech]. Saint Petersburg: Piter, 2019. 432 p. (In Russ.).
 6. Grigoryev D.S. Kognitivno-motivatsionnye osnovy akkul'turatsionnykh ozhidaniy: primeneniye modeli gruppovoi pozitsii etnicheskikh grupp [Cognitive and Motivational Foundations Underlying Acculturation Expectations: Applications of Ethnic Group Position Model]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2022. Vol. 19(1), pp. 86–109. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109 (In Russ.).
 7. Kozer L. Funktsii sotsial'nogo konflikta [Functions of social conflict]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000. 208 p. (In Russ.).
 8. Kotova M.V. Vospriyatie granits etnicheskoi gruppy [Perception of ethnic group boundaries]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya) = University Bulletin. State University of Management*, 2008. Vol. 50(12), pp. 88–91. (In Russ.).
 9. Kotova M.V. Strategii podderzhaniya sotsial'noi identichnosti: znachenie dlya teorii sotsial'noi identichnosti i ponimaniya mezhruppovykh otnoshenii [Identity Management Strategies: Significance for the Social Identity Theory and Understanding of Intergroup Relations]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2016. Vol. 13(4), pp. 691–711. (In Russ.).
 10. Kotova M.V., Romashchuk A.N., Skvortsov A.A., Senyushchenkov S.P. Ponyatie «funktsiya» v funktsional'noi psikhologii kontsa XIX – nachala XX vekov [The concept of “function” in functional psychology of the late 19th – early 20th centuries]. In A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik (eds.). *Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: Postigaya proshloe, ponimat' nastoyashchee, predvidet' budushchee: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii po istorii psikhologii “IV moskovskie vstrechi”* (g. Moskva, 26-29 iyunya 2006 g.) [Proceedings of the International Scientific Conference on Psychology History “IV Moscow meetings”]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN, 2006, pp. 89–96. (In Russ.).
 11. Nikishenkov A.A. Istoriya britanskoi sotsial'noi antropologii [History of British social anthropology]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 496 p. (In Russ.).
 12. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviya [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018. 435 p. (In Russ.).
 13. Raimann K. K transformatsii konflikta: obzor sovremennykh teorii uregulirovaniya konfliktov [Towards Conflict Transformation: A Review of Contemporary Theories of Conflict Resolution]. In: *Etnopoliticheskii konflikt: puti transformatsii: nastol'naya kniga Bergkhofskogo tsentra [Ethnopolitical conflict: paths of transformation: a handbook from the Berghof Center]*. Moscow: Nauka, 2007, pp. 51–75. (In Russ.).
 14. Redkliff-Braun A.R. Struktura i funktsii v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektsii [Structure and functions in primitive society. Essays and lectures]. Moscow: Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literature” RAN, 2001. 304 p. (In Russ.).

15. Sungurov A.Yu., Boyarkov R.L. Vozможnosti i predely gosudarstvennogo uchastiya v razvitiі tolerantnosti (na primere analiza regional'noi programmy) [The scope of state involvement in tolerance development: Analysis of the region program]. *Zhurnal issledovaniі sotsial'noi politiki* = *The Journal of Social Policy Studies*, 2011, no. 2, pp. 195–206. (In Russ.).
16. Abrams D., Viki G.T., Masser B., Bohner G. Perceptions of stranger and acquaintance rape: The role of benevolent and hostile sexism in victim blame and rape proclivity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003. Vol. 84, no. 1, pp. 111–125. DOI:10.1037/0022-3514.84.1.111
17. Agadullina E., Lovakov A., Balezina M., Gulevich O. Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*, 2022. Vol. 52, no. 5–6, pp. 819–859.
18. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1954. 537 p.
19. Bauer C.A., Hannover B. Changing “us” and hostility towards “them”—Implicit theories of national identity determine prejudice and participation rates in an anti-immigrant petition. *European Journal of Social Psychology*, 2020. Vol. 50, no. 4, pp. 810–826. DOI:10.1002/ejsp.2666
20. Becker J.C. The system-stabilizing role of identity management strategies: social creativity can undermine collective action for social change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 103, no. 4, pp. 647–652. DOI:10.1037/a0029240
21. Bell A.C., Eccleston C.P., Bradberry L.A., Kidd W.C., Mesick C.C., Rutchick A.M. Ingroup Projection in American Politics: An Obstacle to Bipartisanship. *Social Psychological and Personality Science*, 2022. Vol. 13, no. 5, pp. 906–915. DOI:10.1177/19485506211046788
22. Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V.Y. What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010. Vol. 36, no. 7, pp. 960–974. DOI:10.1177/0146167210367488
23. Bilotta I., Corrington A., Mendoza S.A., Watson I., King E. How Subtle Bias Infects the Law. *Annu. Rev. Law Soc. Sci.*, 2019. Vol. 15, pp. 227–245.
24. Bodenhausen G.V., Richeson J.A. Prejudice, Stereotyping, and Discrimination. In: R.F. Baumeister, E.J. Finkel (eds.). *Advanced Social Psychology: The State of the Science*. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 341–383.
25. Bojadžijev M., Opratko B. Introducing ‘cultures of rejection’: an investigation of the conditions of acceptability of right-wing politics in Europe. *Patterns of Prejudice*, 2022. Vol. 56, no. 4–5, pp. 205–218. DOI:10.1080/0031322X.2023.2214425
26. Brewer M.B. Intergroup relations. In: R.F. Baumeister, E.J. Finkel (eds.). *Advanced Social Psychology: The State of the Science*. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 535–571.
27. Brewer M.B. The Psychology of Prejudice: ingroup love or outgroup hate? *Journal of Social Issues*, 1999. Vol. 55, pp. 429–444.
28. Brown R. *Prejudice: Its Social Psychology*. Oxford: Blackwell Publishing, 2010. 354 p.
29. Cameron J.A., Alvarez J.M., Ruble D.N., Fuligni A.J. Children’s Lay Theories About Ingroups and Outgroups: Reconceptualizing Research on Prejudice. *Personality and Social Psychology Review*, 2001. Vol. 5, no. 2, pp. 118–128. DOI:10.1207/S15327957PSPR050_3
30. Correll J., Park B., Judd C.M., Wittenbrink B. The police officer’s dilemma: Using ethnicity to disambiguate potentially threatening individuals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83, no. 6, pp. 1314–1329. DOI:10.1037/0022-3514.83.6.1314
31. Deutsch F.M. Undoing Gender. *Gender & Society*, 2007. Vol. 21, no. 1, pp. 106–127. DOI:10.1177/0891243206293577
32. Eagly A.H., Dickman A.B. What is the problem? Prejudice as an attitude-in-context. In: J.F. Dovidio, P. Glick, L.A. Rudman (eds.). *On the nature of prejudice: fifty years after Allport*. Oxford: Blackwell Publishing, 2005, pp. 19–35.
33. Gaertner S.L., Dovidio J.F. Understanding and addressing contemporary racism: From aversive racism to the common ingroup identity model. *Journal of Social Issues*, 2005. Vol. 61, no. 3, pp. 615–639. DOI:10.1111/j.1540-4560.2005.00424.x

34. Glick P., Fiske S.T. Ambivalent Sexism Revisited. *Psychology of Women Quarterly*, 2011. Vol. 35, no. 3, pp. 530–535. DOI:10.1177/0361684311414832
35. Glick P., Fiske S.T. The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 70, no. 3, pp. 491–512. DOI:10.1037/0022-3514.70.3.491
36. Henry P.J., Sears D.O. The Symbolic Racism 2000 Scale. *Political Psychology*, 2002. Vol. 23, no. 2, pp. 253–283. URL: <http://www.jstor.org/stable/3792290>
37. Herek G.M., McLemore K.A. Sexual Prejudice. *Annu. Rev. Psychol.*, 2013. Vol. 64, pp. 309–333. DOI:10.1146/annurev-psych-113011-143826
38. Jackman M. *The Velvet Glove: Patternalism and Conflict in Gender, Class and Race Relations*. Berkeley, CA: University of California Press, 1994. 426 p.
39. Jost J.T., Banaji M.R. The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness. *British Journal of Social Psychology*, 1994. Vol. 33, no. 1. pp. 1–27. DOI:10.1111/j.2044-8309.1994.tb01008.x
40. Jost J.T. A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications. *British Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 58, pp. 263–314. DOI:10.1111/bjso.12297
41. Katz I., Hass R.G. Racial ambivalence and American value conflict: Correlational and priming studies of dual cognitive structures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988. Vol. 55, pp. 893–905.
42. Kessler T., Mummendey A., Funke F., Brown R., Binder J., Zagefka H., ... Maquil A. We all live in Germany but ... ingroup projection, group-based emotions and prejudice against immigrants. *European Journal of Social Psychology*, 2010. Vol. 40, no. 6, pp. 985–997.
43. Lai C.K., Cooley E., Devos T., Xiao Y.J., Simon S., Joy-Gaba J.A., ... Nosek B.A. Reducing implicit racial preferences: II. intervention effectiveness across time. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2016. Vol. 145, no. 8, pp. 1001–1016. DOI:10.1037/xge0000179
44. Lai C.K., Marini M., Lehr S.A., Cerruti C., Shin J.-L., Joy-Gaba J.A., ... Nosek B.A. Reducing implicit racial preferences: I. A comparative investigation of 17 interventions. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2014. Vol. 143, no. 4, pp. 1765–1785. DOI:10.1037/a0036260
45. Legault L., Gutsell J.N., Inzlicht M. Ironic effects of antiprejudice messages: How motivational interventions can reduce (but also increase) prejudice. *Psychological Science*, 2011. Vol. 22, no. 12, pp. 1472–1477. DOI:10.1177/0956797611427918
46. Leong Ch.-H., Liu J.H. Whither multiculturalism? Global identities at a cross-roads. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37, pp. 657–662. DOI:10.1016/j.ijintrel.2013.09.004
47. Maio G.R., Haddock G., Manstead A.S.R., Spears R. Attitudes and Intergroup Relations. In: J.F. Dovidio, M. Hewstone, P. Glick, V.M. Esses (eds.). *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*. London: SAGE Publications Ltd, 2010, pp. 261–275.
48. McConahay J.B., Hardee B.B., Batts V. Has racism declined in America? It depends on who is asking and what is asked. *Journal of Conflict Resolution*, 1981. Vol. 25, no. 4, pp. 563–579.
49. Mummendey A., Wenzel M. Social discrimination and tolerance in intergroup relations: Reactions to intergroup difference. *Personality and Social Psychology Review*, 1999. Vol. 3, no. 2, pp. 158–174.
50. Munch P.A. The concept of 'Function' and functional analysis in sociology. *Philosophy of Social Sciences*, 1976. Vol. 6, no. 3, pp. 193–213.
51. Pettigrew T.F., Meertens R.W. Subtle and blatant prejudice in Western Europe. *European Journal of Social Psychology*, 1995. Vol. 25, pp. 57–75. DOI:10.1002/ejps.2420250106
52. "prejudice, n.". [Online resource]. *OED Online*. Oxford University Press. URL: <https://www.oed.com/view/Entry/150162?rskey=Hz5zU3&result=1> (Accessed 22.06.2023).
53. Scheepers D., Spears R., Doosje B., Manstead A.S.R. The social functions of ingroup bias: Creating, confirming, or changing social reality. *European Review of Social Psychology*, 2006. Vol. 17, pp. 359–396. DOI:10.1080/10463280601088773

54. Sherif M., Harvey O.J., White B.J., Hood W.R., Sherif C.W. Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment. Norman, OK: University of Oklahoma Book Exchange, 1961. 214 p.
55. Tajfel H., Flament C., Billig M.G., Bundy R.P. Social Categorization and Intergroup behavior. *European Journal of Social Psychology*, 1971. Vol. 1, no. 2, pp. 149–178.
56. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, pp. 1–39.
57. Verkuyten M., Reijerse A. Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability. *European Journal of Social Psychology*, 2008. Vol. 38, pp. 106–127.
58. Webster R.J., Saucier D.A., Harris R.J. Before the measurement of prejudice: Early psychological and sociological papers on prejudice. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 2010. Vol. 46, no. 3, pp. 300–313. DOI:10.1002/jhbs.20442
59. Wenzel M., Mummendey A., Waldzus S. Superordinate identities and intergroup conflict: The ingroup projection model. *European Review of Social Psychology*, 2007. Vol. 18, no. 1, pp. 331–372. DOI:10.1080/10463280701728302

Информация об авторах

Котова Марина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9032-4839>, e-mail: mkotova@hse.ru

Information about the authors

Marina V. Kotova, PhD in Psychology, Associate Professor, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9032-4839>, e-mail: mkotova@hse.ru

Получена 10.11.2023

Принята в печать 05.03.2024

Received 10.11.2023

Accepted 05.03.2024

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Реконструкция медийных социальных представлений с использованием показателей статистики текста (на материале медиадискурса о пандемии)

Радина Н.К.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ);

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа

экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Цель. Презентация алгоритма реконструкции медийных социальных представлений на основе показателей статистики текста и сравнительный анализ конструирования семантически близких медийных социальных представлений (СП) «пандемия», «коронавирус», «COVID-19» в российских СМИ.

Контекст и актуальность. Социальные представления выполняют важнейшие функции в процессе социального функционирования индивида и группы, служат инструментом познания, адаптации и регуляции поведения и формируются с учетом влияния медийных социальных представлений. В психологических исследованиях представлены методики изучения социальных представлений для различных социальных групп, однако способы изучения медийных социальных представлений обсуждаются в единичных работах. Представленный научный проект опирается на теорию социальных представлений С. Московиси и обобщения Б. Хойер относительно конструирования медийных социальных представлений (именование, эмоциональная привязка, тематическая привязка, метафорическая привязка и привязка через базовые антиномии).

Дизайн исследования. В качестве означаемого в исследовании выступил феномен пандемии коронавируса, представленный в медиадискурсе. В качестве означающего — тройка семантически близких понятий («пандемия», «COVID», «коронавирус»).

Методы (инструменты). Медийные социальные представления реконструировались на основе идентификации коллокаций (статистически устойчивых словосочетаний) с указанием меры ассоциации, что логически близко ассоциативному эксперименту. При построении коммуникативных комплексов медийных социальных представлений «пандемия», «COVID», «коронавирус» были идентифицированы тематические сети (тематическая анкеровка или объективация), аксиологический и оценочный компоненты (эмоциональная анкеровка или эмоциональная объективация), компоненты-характеристики активности (эмоциональная анкеровка, метафоры и эмоциональная объективация). Материалы исследования (тексты о пандемии COVID-19 (январь 2020—март 2022 гг.)) были извлечены из архивов СМИ («Российская газета»: 19471 текстов, 7,97 млн слов; «Коммерсант»: 1482 текстов, 1,07 млн слов, «Новая газета»: 705 текстов, 0,9 млн слов) и обработаны при помощи программного обеспечения BootCat, TreeTagger, AntConc (лемматизация, анализ частотности).

CC BY-NC

Результаты. Было выяснено, что ассоциативные поля семантически связанных медийных СП «пандемия», «коронавирус», «COVID-19» различны и содержат ресурсы анкеровки и объективации при использовании понятий, сходство затрагивает только некоторые элементы ассоциативного поля. Это означает, что в зависимости от того, какое понятие выбирается для означивания замысла текста («коронавирус», «COVID-19» или «пандемия»), в СМИ создаются истории о страхе перед инфекцией, лечении заболевания или сопротивлении суровой стихии.

Основные выводы. Алгоритм с опорой на статистику медиатекста может быть использован для реконструкции любого медийного социального представления.

Ключевые слова: медийные социальные представления; психология массмедиа; нейминг; анкеровка; якорение; объективация.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-00015; <https://rscf.ru/project/22-28-00015/>.

Для цитаты: Радина Н.К. Реконструкция медийных социальных представлений с использованием показателей статистики текста (на материале медиадискурса о пандемии) // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 76–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150105>

Reconstruction of Media Social Representations Using Indicators of Text Statistics (Based on Media Discourse on the Pandemic)

Nadezhda K. Radina

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University;
National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru*

Objective. *The aim is to present an algorithm to reconstruct media social representations based on indicators of text statistics and to conduct a comparative analysis of the construction of semantically similar media joint ventures, such as “pandemic”, “coronavirus”, “COVID-19” in Russian media.*

Background. *Social representations perform the most important functions in the process of social functioning of an individual and a group, serve as a tool for cognition, adaptation and regulation of behavior and are formed taking into account the influence of media social representations. Methods for studying social representations for various social groups are presented in psychological studies, however, methods for studying media social representations are discussed in single scientific work. The presented scientific project is based on the theory of social representations by S. Moscovici and generalizations by B. Hoyer regarding the construction of media social representations (naming, emotional attachment, thematic attachment, metaphorical attachment and attachment through basic antinomies).*

Study design. *The phenomenon of the coronavirus pandemic, presented in media discourse, was used as the signified in the study. The signifier is a trio of semantically similar concepts (“pandemic”, “COVID”, “coronavirus”).*

Measurements. *To reconstruct media social representations, statistically stable collocations were identified to indicate the measure of association, logically close to the associative experiment. Hence, it was possible to identify thematic networks, axiological and evaluative components, components-characteristics of activity. The research material is represented by texts about the COVID-19 pandemic (January 2020–March 2022: “Rossiyskaya Gazeta”: 19471 texts, 7,97 million words; “Kommersant”:*

1482 texts, 1,07 million words, “Novaya Gazeta”: 705 texts, 0,9 million words) and processed using BootCat, TreeTagger, AntConc (lemmatization, frequency analysis).

Results. *The associative fields of the joint ventures are different and contain anchoring and objectification resources when using concepts, only few elements of the associative field are similar. Thus, depending on the concept used to signify the intent of the text, stories about the fear of infection, the treatment of the disease, or resistance to the harsh elements are created.*

Conclusions. *The similar algorithm based on media text statistics can be used to reconstruct any media social representation.*

Keywords: *media social representations; psychology of mass media; naming; anchoring; objectification.*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00015; <https://rscf.ru/project/22-28-00015/>.

For citation: Radina N.K. Reconstruction of Media Social Representations Using Indicators of Text Statistics (Based on Media Discourse on the Pandemic). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 76–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150105> (In Russ.).

Введение

Вклад массмедиа в процесс конструирования социальных представлений в масштабе индивидуального сознания или социальной группы — одна из основ теории социальных представлений. Анализ медийных социальных представлений, их особенностей и роли в конструировании социальных представлений в настоящее время развивается на новом уровне благодаря цифровой коммуникации, цифровым форматам массмедиа, открытым для количественных исследований. В то же время «новые вызовы», обусловленные цифровизацией коммуникации и изучением медийных социальных представлений, требуют дискуссий на методическом уровне. Инструментальные вопросы в отношении реконструкции социальных представлений индивида и групп разобраны на уровне пособий и руководств, а комплекс техник и методик для анализа медийных социальных представлений как устоявшийся инструментальный набор исследователя до настоящего времени не сложился.

Социальные представления (СП), по С. Московиси, это групповые (соци-

альные) формы обыденного познания, интерсубъективно разделяемые и распределяемые в коммуникациях [2; 17; 18 и др.]. Теоретическое поле современных социальных представлений, согласно классификации П. Молине и К. Гимелли, включает следующие подходы [2]:

- социогенетический (работы С. Московиси: вопрос о порождении и развитии социальных представлений),
- структурный (Ж.-К. Абрик и К. Фламан: структура и динамика социальных представлений),
- социодинамический (В. Дуаз и др.: как социальная структура влияет на формирование СП),
- диалогический (И. Маркова: социальное познание и идея темы).

Поскольку социальные представления выполняют важнейшие функции в процессе социального функционирования индивида и группы, служат инструментом познания, адаптации и регуляции поведения [3; 10 и др.], вопрос относительно того, как изучать социальные представления, оказался в центре внимания. Изначально С. Московиси сформулировал четыре ключевых принципа

исследования социальных представлений: необходимо получать материал из общественных дискуссий, рассматривать социальные представления как способы реконструкции реальности, делать это на материале кризисов и потрясений, учитывая специфику вклада тех, кто создает социальные представления [1]. Вклад медиа в формирование социальных представлений, по Московиси, учитывался на первом этапе исследований.

Методические вопросы относительно реконструкции социальных представлений наиболее детально решались в русле структурного подхода Ж.-К. Абрика. Предложенные методические приемы позволяли идентифицировать ядро (центральную систему) и периферию социального представления, как правило, на эмпирическом материале, собранном в рамках опроса какой-либо группы (использовались различные подходы — от ассоциативного эксперимента до интервью) [2; 10; 15]. В то же время медийные социальные представления (с учетом признания их роли и вклада в формирование «обыденных групповых» социальных представлений) исследовались значительно реже и, как правило, использовались качественные методы (что типично для начального этапа разработки проблемы) [6; 14; 19]. В тех случаях, когда выбиралась количественная стратегия, использовался количественный контент-анализ, а именно анализ частотности тематик, связанных с ключевой темой [5; 12].

Опираясь на качественные методы и разделяя логику динамического подхода в теории социальных представлений, исследователи медийных СП сконцентрировались на изучении процесса превращения «незнакомое» в «знакомое» в медийном дискурсе, то есть на механизмах якорения, или анкеровки («при-

вязки» к ранее знакомому социальному представлению), и объективации (через конкретизацию) [11; 13; 14]. Так, Бригитта Хойер, анализируя работы С. Московиси, В. Дуаза, С. Холла, характеризует анкеровку/привязку (якорение) в пяти формах: 1) именование, 2) эмоциональная привязка, 3) тематическая привязка, 4) метафорическая привязка и 5) привязка через базовые антиномии [13].

Именование («нейминг») в этом контексте позволяет управлять содержанием медийного социального представления на основе выбранного журналистом «имени» (как называют то, о чем пишут), поскольку наименование может обогатить объект и придать ему новые измерения и качества [18]. Эмоциональное закрепление, уточняет Б. Хойер, это механизм «эмоциональной привязки», который не анализируется в теории социальных репрезентаций, хотя С. Московиси в ряде работ упоминает эмоции [13]. Исследовательница считает данный механизм успешно задействованным в конструировании медийных социальных представлений, когда новое явление связывается с хорошо известными эмоциями (сильные эмоции, например, страх, могут быть также вызваны использованием фото или креолизованных текстов). Тематическая привязка создается посредством создания сети базовых понятий, на которые опирается медийное социальное представление (жизнь/смерть, культура/природа и т.д.): базовые понятия входят в разные уровни медийных СП. Таким же образом используется и якорение через антиномии, а также метафоры.

По мнению Б. Хойер, объективация более активный процесс, чем якорение, используемый СМИ в условиях описания новых явлений, опирающийся, в частности, на эмоциональную объективацию и персонификацию.

Процессы анкеровки и объективации для создания социальных представлений о пандемии COVID-19 находятся в фокусе современных научных проектов о медийных социальных представлениях, ориентированных на реконструкцию СП посредством идентификации тематик (воссоздание структуры социального представления без выделения ядра) или через поиск дискурсивных элементов в текстах СМИ, указывающих на дискурсивную тему [11; 12; 19 и др.]. Цифровая медийная коммуникация дает множество возможностей для работы с эмпирикой коммуникаций (для осуществления поиска новых стратегий анализа медийных СП), что приветствуется в статьях [14], однако весьма сдержанно реализуется на практике.

Цели данной статьи — апробация алгоритма реконструкции медийных социальных представлений на основе показателей статистики текста и сравнительный анализ результатов конструирования медийных СП «пандемия», и/или «коронавирус», и/или «COVID-19» в медийном дискурсе.

Материалы и методы

В данном исследовании под медийными социальными представлениями понимаются коммуникативные комплексы для осуществления обыденного познания реальности, извлеченные из лингвистического материала медийного дискурса (в контексте коммуникативной логики анализа СП). В исследовании реконструируются медийные социальные представления «пандемия», «коронавирус» и «COVID-19», семантически близкие и находящиеся в последовательном смысловом подчинении: пандемия характеризуется как тотальная эпидемия, коронавирус вызывает эпидемии (и пандемии), а COVID-19 является пандеми-

ей коронавирусной инфекции, которая охватила мир в 2019 году.

Материалами исследования являются тексты о пандемии COVID-19 (с января 2020 г. по март 2022 г.), извлеченные по ключевым словам «пандемия», «COVID», «коронавирус» из архивов СМИ, а именно:

- «Российская газета» (РГ: 19471 текстов, 7,97 млн слов);
- «Коммерсант» (К: 1482 текстов, 1,07 млн слов);
- «Новая газета» (НГ: 705 текстов, 0,9 млн слов).

Все медиа имеют разные аудитории, первое (РГ) является официальной площадкой для информирования от Правительства Российской Федерации, второе (К) — представляет интересы бизнес-сообщества, а третье (НГ) — содержит независимую и часто оппозиционную государству точку зрения в процессе информирования своих читателей. Тексты о пандемии данных медиа при помощи программного обеспечения BootCat, TreeTagger, AntConc и методов компьютерной лингвистики (лемматизация, анализ частотности) были извлечены из архивов СМИ и обработаны.

В структурном подходе СП одна из ключевых методик — ассоциативный метод, используемый при сборе эмпирики в процессе опроса групп. Именно ассоциативный метод (как наиболее распространенный в прикладных социально-психологических исследованиях при изучении СП) был использован для формирования алгоритма изучения медийных социальных представлений в данном исследовании. Методы компьютерной лингвистики позволяют извлекать из текстов СМИ схожий материал, более вариативный, чем материал, собираемый в процессе устного опроса, поскольку эмпирика извлекается из письменной речи, из большого объема текстов журналист-

ских статей (ассоциативно сцепленные словосочетания — коллокации).

Коллокации в корпусной лингвистике определяют как статистически устойчивые словосочетания (и фразеологизированные, и свободные) [7]. В данных словосочетаниях есть главный компонент и зависимый (коллокат), который определяется на основании значения главного слова. Степень обусловленности такой сочетаемости в компьютерной лингвистике определяют автоматически при помощи статистических методов — мер ассоциации на основе использования программного обеспечения. Для определения статистически значимых показателей в данном исследовании использовался коэффициент PMI (Pointwise Mutual Information) для анализа мер ассоциации в биграммах-коллокациях (ключевое слово и коллокат) [16]. Статистической значимостью обладают биграммы с коэффициентами, имеющие значения более PMI 3.

При реконструкции социальных представлений «пандемия», «коронавирус» и «COVID-19» в коммуникативном контексте была использована логика динамического подхода: собиралась статистически значимая информация о языковых средствах, при помощи которых осуществлялись анкеровка и объективация данных медийных СП. Все частотные коллокаты для ключевых слов «пандемия», «коронавирус» и «COVID-19» были разделены на три группы. Первая группа (существительные: 20 наиболее частотных лексем) характеризовала объектные связи ключевых понятий, тематики, сеть которых «держала» изучаемое понятие в дискурсе (механизм тематической анкеровки или объективации). Вторая группа (прилагательные, причастия и наречия: 20 наиболее частотных лексем) содержала аксиологический и оценочный компоненты медийного СП

(механизм эмоционального закрепления или эмоциональной объективации). Третья группа (глаголы: 20 наиболее частотных лексем) содержала компоненты, раскрывающие активность актора, понимание специфики деятельности в медийном СП (механизм эмоционального закрепления, метафор или эмоциональной объективации). Предполагалось сравнить дискурсивное наполнение медийных социальных представлений «пандемия», «коронавирус» и «COVID-19» (выраженное в количественных показателях) для определения их потенциала воздействия на аудиторию СМИ.

Были сформулированы две гипотезы. Предполагалось, что характеристики изучаемых медийных СП будут содержательно созвучны компонентам СП, идентифицированным авторами других исследований, построенных на материалах опроса социальных групп. Второе предположение касалось ассоциативных полей изучаемых медийных СП. Поскольку изучаемые понятия («пандемия», «коронавирус» и «COVID-19») семантически сцеплены, предполагалось найти созвучие в их ассоциативных полях и указать на возможные стратегии нейминга («игры с означающими») в процессе создания медиатекстов.

Результаты

Изучаемое семантическое поле в логике от общего к частному следует представлять, начиная с «пандемии» (как общего понятия) и заканчивая «COVID-19» (конкретная коронавирусная пандемия). Однако в действительности данные медийные представления были предъявлены населению в СМИ в ином порядке. Когда были идентифицированы первые случаи заражения и далее — по мере распространения заболевания, в массмедиа использовали пре-

имущественно понятие «коронавирус» (новый вирус), термин «пандемия» был введен позднее, после признания пандемии ВОЗ (Всемирной организацией здравоохранения). Именно «коронавирус» (новый вирус) оказался контекстуальной идеологемой СМИ первой волны пандемии [9]. То есть в Российской Федерации читатели медиа сначала приняли новое понятие «коронавирус», затем «COVID-19», а позднее стало активно использоваться понятие «пандемия».

Рассмотрим ассоциативные поля понятия «коронавирус» в массмедиа, определяя тематические аспекты ассоциаций и ресурсы анкеровки, позволяющей управлять восприятием и впечатлением читателей о новых эпидемиологических проблемах (см. табл. 1).

Тематическая сеть ассоциативного поля понятия «коронавирус» объединяет существительные, реконструирующие ситуацию тревоги и подвоха («подозрение» (РМІ 6,62-К); «повестка» (РМІ 5,90-К); «фейк» (РМІ 4,75-РГ)), угрозы («воздействие» (РМІ 5,57-К)), актуализируя роль контроля, слежения («мазок» (РМІ 6,62-НГ); «тестирование» (РМІ 6,52-НГ); «самодиагностика» (РМІ 6,28-РГ); «анализ» (РМІ 5,22-НГ) и др.) и защиты («экс-защитник» (РМІ 5,92-РГ)). Угроза носит эпидемиологический характер: коронавирус тематически привязывается к «орви» (РМІ 4,98-НГ), «гриппу» (РМІ 4,72-К) и «пневмонии» (РМІ 4,60-НГ), а также указывает на свое новое имя («2019-covid» (РМІ 6,10-К)).

Таблица 1

Ассоциативное поле медийного социального представления «коронавирус» (на основе коллокаций; РМІ)

Характер привязки	Наиболее частотные коллокаты
<i>Тематическая анкеровка</i> (объектные связи; существительные)	детство (8,59-К); биочипы (7,85-РГ); тест (7,53-НГ); подозрение (6,62-К); мазок (6,62-НГ); тестирование (6,52-НГ); самодиагностика (6,28-РГ); 2019-covid (6,10-К); экс-защитник (5,92-РГ); повестка (5,90-К); воздействие (5,57-К); экспресс-тестирование (5,57-РГ); it-индустрия (5,31-РГ); анализ (5,22-НГ); подозрение (5,22-РГ); орви (4,98-НГ); донор (4,87-НГ); фейк (4,75-РГ); грипп (4,72-К); пневмония (4,60-НГ)
<i>Эмоциональная анкеровка и метафоры</i> (характеристики; прилагательные, причастия, наречия)	выявленный (8,11-НГ); подтвержденный (7,25-НГ); диагностированный (7,19-К); оказавшийся (7,19-К); перенесший (7,08-РГ); нервный (6,98-К); сдавший (6,97-К); побежденный (6,69-РГ); агрессивный (6,67-РГ); обнаруженный (6,66-К); отрицательный (6,61-НГ); нейтрализующий (6,27-РГ); людской (6,01-РГ); вызвавший (5,92-РГ); положительный (5,67-К); сделанный (5,63-РГ); завезенный (4,92-РГ); уханьский (4,75-РГ); госпитализированный (4,75-РГ); информационный (4,48-К)
<i>Эмоциональная анкеровка и метафоры</i> (действия; глаголы)	провериться (7,57-НГ); подкрасться (7,19-К); подтвердить (7,18-НГ); маскироваться (6,68-РГ); проникнуть (6,39-К); прокрасться (6,48-РГ); мутировать (6,27-РГ); преобразить (5,92-РГ); сдать (5,79-НГ); свирепствовать (5,57-РГ); осложнить (5,53-РГ); грянуть (5,53-РГ); обойти (5,53-РГ); отступать (5,46-РГ); унести (5,46-РГ); уничтожить (5,39-РГ); протестировать (5,31-РГ); эволюционировать (5,31-РГ); циркулировать (5,30-РГ); атаковать (5,27-РГ)

Условные обозначения: К – Коммерсант; РГ – Российская газета; НГ – Новая газета.

Эмоциональный фон ассоциативного поля амбивалентный («нервный» (PMI 6,98-К); «побежденный» (PMI 6,69-РГ)), зависимый от итогов тестирования («диагностированный» (PMI 7,19-К); «обнаруженный» (PMI 6,66-К); «отрицательный» (PMI 6м61-НГ); «положительный» (PMI 5,67-К); «госпитализированный» (PMI 4,75-РГ)), указывающий на гипотетические причины возникновения («завезенный» (PMI 4,92-РГ); «уханьский» (PMI 4,75-РГ)).

Что же касается активности «коронавируса», он обладает особыми способностями: может проникнуть незаметно в любое место («подкрасться» (PMI 7,19-К); «проникнуть» (PMI 6,39-К); «прокрасться» (PMI 6,48-РГ)), поскольку способен к изменениям («маскироваться» (PMI 6,68-РГ); «мутировать» (PMI 6,27-РГ); «обойти» (PMI 5,53-РГ); «эволюционировать» (PMI 5,31-РГ)), кроме того, он опасен («свирепствовать» (PMI 5,57-РГ); «осложнить» (PMI 5,53-РГ); «грязнуть» (PMI 5,53-РГ); «атаковать» (PMI 5,27-РГ)). В случае столкновения

с коронавирусом человеку необходимо обязательно пройти проверку на заражение («провериться» (PMI 7,57-НГ); «подтвердиться» (PMI 7,18-НГ); «сдать» (тест) (PMI 5,79-НГ)).

Объектная сеть (тематическая привязка через упоминание вирусных инфекций), эмоциональная анкеровка посредством отрицательных и амбивалентных эмоций, а также глагольный ряд, характеризующий «коронавирус» как юркое и опасное животное, позволяют утверждать, что незнакомый ранее «коронавирус» становится знакомым посредством его привязки к понятию «вирус», которое в медиадискурсе проявляется косвенно — словообразованием (корона-вирус) и соответствующими характеристиками.

После введения нового понятия «коронавирус» СМИ предложили своей аудитории медицинский термин (диагноз) для означивания заболевания, вызванного коронавирусом в 2019 году, — «COVID-19», который сформировал в медиадискурсе иной коммуникативный комплекс (табл. 2).

Таблица 2

**Ассоциативное поле медийного социального представления «COVID-19»
(на основе коллокаций; PMI)**

Характер привязки	Наиболее частотные коллокаты
<i>Тематическая анкеровка</i> (объектные связи; существительные)	безалаберность (8,80-НГ); мазок (7,95-НГ); самочувствие (5,74-К); подозрение (5,72-НГ); рсг-тестирование (5,66-РГ); пцр-тест (5,64-К); диагноз (5,53-НГ); пандемия (5,50-НГ); заражение (5,43-НГ); происхождение (5,39-НГ); подъем (5,38-РГ); статистика (5,30-НГ); пневмония (5,30-НГ); диагностирование (5,17-РГ); сюжет (4,87-РГ); лечение (4,64-НГ); вакцина (4,54-НГ); пациент (4,49-НГ); заболевание (4,39-НГ); смертность (4,33-К)
<i>Эмоциональная анкеровка и метафоры</i> (характеристики; прилагательные, причастия, наречия)	заболевший (7,58-НГ); грудной (6,99-НГ); лабораторный (6,18-НГ); зараженный (5,84-НГ); косвенный (5,67-К); сдавший (5,66-РГ); подтвержденный (5,54-К); инфицированный (5,42-НГ); контактировавший (5,41-РГ); противоречивый (5,41-К); фиксируемый (5,39-РГ); умерший (5,39-НГ); зарегистрированный (4,94-НГ); полученный (4,93-РГ); искусственный (4,90-НГ); привившийся (4,87-К); продолжающийся (4,66-РГ); мутировавший (4,66-РГ); лечащий (4,53-РГ); больной (4,44-НГ)

Характер привязки	Наиболее частотные коллокаты
Эмоциональная анкеровка и метафоры (действия; глаголы)	замедлить (5,53-РГ); обойти (5,74-К); прививаться (5,52-К); желать (5,28-К); умирать (5,23-НГ); заразиться (5,22-НГ); выписать (5,14-К); госпитализировать (5,07-РГ); получить (5,05-РГ); диагностировать (5,05-РГ); остановить (4,92-РГ); прорвать (4,79-РГ); вылечить (4,64-РГ); прикрепить (4,53-РГ); упростить (4,43-РГ); перепрофилировать (4,40-РГ); справиться (4,24-РГ); перевозить (4,15-РГ); изучить (4,17-К); скончаться (4,09-К)

Условные обозначения: К — Коммерсант; РГ — Российская газета; НГ — Новая газета.

Коммуникативный комплекс медийного социального представления «COVID-19» имеет некоторое сходство с СП «коронавирус», однако его ключевая характеристика — медиализация медийного дискурса.

Тематическая сеть ассоциативного поля понятия, с одной стороны, как и в случае с «коронавирусом», актуализирует логику проверки («мазок» (РМІ 7,95-НГ); «подозрение» (РМІ 5,72-НГ)), однако уже на новом уровне медицинского диагноза («рпг-тестирование» (РМІ 5,66-РГ); «пщр-тест» (РМІ 5,64-К); «диагноз» (РМІ 5,53-НГ); «пневмония» (РМІ 5,30-НГ); «диагностирование» (РМІ 5,17-РГ); «заболевание» (РМІ 4,39-НГ)). На этом этапе в СМИ уже озвучивается как проблема непосредственно пандемия («пандемия» (РМІ 5,50-НГ)). Важной частью тематической сети ассоциации становится описание здоровья населения («самочувствие» (РМІ 5,74-К)), а также медицинской помощи («лечение» (РМІ 4,64-НГ); «вакцина» (РМІ 4,54-НГ); «пациент» (РМІ 4,49-НГ)), включая медицинскую аналитику и отслеживание показателей распространения инфекции («заражение» (РМІ 5,43-НГ); «подъем» (РМІ 5,38-РГ); «статистика» (РМІ 5,30-НГ); «смертность» (РМІ 4,33-К)).

Эмоциональный фон ассоциативного поля включает три области: заболевание населения («заболевший» (РМІ 7,58-НГ); «грудной» (РМІ 6,99-НГ); «боль-

ной» (РМІ 4,44-НГ)), лечение и спасение населения («привившийся» (РМІ 4,87-К); «лечащий» (РМІ 4,53-РГ)), контроль за заболеванием («зараженный» (РМІ 5,84-НГ); «косвенный» (РМІ 5,67-К); «сдавший» (РМІ 5,66-РГ); «подтвержденный» (РМІ 5,54-К); «инфицированный» (РМІ 5,42-НГ); «контактировавший» (РМІ 5,41-РГ); «противоречивый» (РМІ 5,41-К); «фиксируемый» (РМІ 5,39-РГ); «умерший» (РМІ 5,39-НГ); «зарегистрированный» (РМІ 4,94-НГ); «полученный» (РМІ 4,93-РГ); «продолжающийся» (РМІ 4,66-РГ); «мутировавший» (РМІ 4,66-РГ)).

Высокие показатели получили лексемы, отсылающие к политическим дискуссиям о «COVID-19». И если у коронавируса была географическая (и политическая) привязка — «уханьский», то в отношении COVID-19 есть отсылка к дискуссии об искусственном происхождении вируса (в контексте биологического оружия) («лабораторный» (РМІ 6,18-НГ); «происхождение» (РМІ 5,39-НГ); «искусственный» (РМІ 4,90-НГ)).

Эмоциональная анкеровка и метафоры на основе описания действий также повторяют три области репрезентации медийного СП «COVID-19»:

- заболевание населения («умирать» (РМІ 5,23-НГ); «заразиться» (РМІ 5,22-НГ); «скончаться» (РМІ 4,09-К));
- лечение и вакцинация населения («прививаться» (РМІ 5,52-К); «выпи-

сать» (РМІ 5,14-К); «госпитализировать» (РМІ 5,07-РГ); «получить» (вакцину) (РМІ 5,05-РГ); «диагностировать» (РМІ 5,05-РГ); «вылечить» (РМІ 4,64-РГ); «прикрепить» (к клинике) (РМІ 4,53-РГ); «перепрофилировать» (клинику) (РМІ 4,40-РГ));

- государственный/общественный контроль за заболеванием и констатация показателей заболеваемости («замедлить» (РМІ 5,53-РГ); «обойти» (РМІ 5,74-К); «остановить» (РМІ 4,92-РГ); «прорвать» (РМІ 4,79-РГ); «упрощать» (РМІ 4,43-РГ); «справиться» (РМІ 4,24-РГ); «перевозить» (РМІ 4,15-РГ); «изучить» (РМІ 4,17-К)).

Следовательно, коммуникативный комплекс медийного СП «коронавирус» в большей степени обращен к переживаниям и страхам населения перед

биологической угрозой, а медийное СП «COVID-19» ориентировано на коммуникативные характеристики в репрезентации медицинских и общественных ресурсов для преодоления данного кризиса.

Медийный вариант СП «пандемия» представляет интерес в контексте нового понимания знакомого феномена (табл. 3).

Тематическая сеть ассоциативного поля понятия «пандемия» объединила четыре области: новые социальные феномены («инфодемия» (РМІ 6,30-НГ); «удаленка» (РМІ 5,89-К); «локдаун» (РМІ 4,81-РГ)), тематические привязки к проблеме здоровья («медстрахование» (РМІ 6,17-РГ); «фарминдустрия» (РМІ 4,91-РГ)); семантическая сеть основного понятия («COVID-19» (РМІ 5,50-НГ); «коронавирус» (РМІ 5,14-НГ)) и экзи-

Таблица 3

**Ассоциативное поле медийного социального представления «пандемия»
(на основе коллокаций; РМІ)**

Характер привязки	Наиболее частотные коллокаты
<i>Тематическая анкеровка</i> (объектные связи; существенные)	инфодемия (6,30-НГ); медстрахование (6,17-РГ); удаленка (5,89-К); триггер (5,81-РГ); преодоление (5,71-НГ); предопределенность (5,71-РГ); COVID-19 (5,50-НГ); предвестник (5,23-РГ); чума (5,22-К); коронавирус (5,14-НГ); корректива (5,13-РГ); катализатор (4,93-РГ); фарминдустрия (4,91-РГ); отпечаток (4,89-РГ); локдаун (4,81-РГ); последствие (4,64-НГ); борьба (4,40-НГ); потрясение (4,03-К); кризис (4,10-НГ); эпоха (4,06-К)
<i>Эмоциональная анкеровка и метафоры</i> (характеристики; прилагательные, причастия, наречия)	разгар (4,95-К, 7,24-НГ и 4,93-РГ); массово (5,93-НГ); вызвавший (5,75-РГ); глобальный (5,73-НГ); охвативший (5,71-РГ); помноженный (5,71-РГ); накануне (5,63-НГ); разразившийся (5,58-РГ); продолжающийся (5,52-РГ); защищенные (5,22-К); побежденный (5,07-РГ); бубонная (5,06-К); пострадавший (5,05-НГ); объявленный (5,01-РГ); эффективный (4,93-НГ); форс-мажорный (4,89-К); потихонечку (4,87-РГ); начавшийся (4,87-РГ); экономнее (4,85-РГ); проклятый (4,91-РГ)
<i>Эмоциональная анкеровка и метафоры</i> (действия; глаголы)	предрекать (6,40-РГ); перезагрузить (6,30-РГ); затруднить (5,71-РГ); ударить (5,71-РГ); порушить (5,58-РГ); унести (5,45-РГ); оборвать (5,32-РГ); нагрнуть (5,30-РГ); обострить (5,30-РГ); высветить (5,16-РГ); подстегнуть (5,09-РГ); перечеркнуть (5,07-РГ); помешать (5,03-К); свирепствовать (4,98-РГ); сплотиться (4,96-К); спутать (4,92-РГ); вмешаться (4,92-РГ); обнажить (4,90-РГ); заставить (4,77-НГ); пережить (4,57-НГ и 4,03-К)

Условные обозначения: К – Коммерсант; РГ – Российская газета; НГ – Новая газета.

стенциальный блок связанных объектов, подчеркивающих эпохальность и судьбоносность процесса пандемии («триггер» (РМІ 5,81-РГ); «преодоление» (РМІ 5,71-НГ); «предопределенность» (РМІ 5,71-РГ); «предвестник» (РМІ 5,23-РГ); «корректива» (РМІ 5,13-РГ); «катализатор» (РМІ 4,93-РГ); «отпечаток» (РМІ 4,89-РГ); «последствие» (РМІ 4,64-НГ); «борьба» (РМІ 4,40-НГ); «потрясение» (РМІ 4,03-К); «кризис» (РМІ 4,10-НГ); «эпоха» (РМІ 4,06-К)).

Ассоциативное поле на основе прилагательных, причастий и наречий распадается на две ключевые части: темпоральные характеристики процесса пандемии («разгар» (РМІ 4,95-К, РМІ 7,24-НГ, РМІ 4,93-РГ); «накануне» (РМІ 5,63-НГ); «продолжающийся» (РМІ 5,52-РГ); «помноженный» (РМІ 5,71-РГ); «разразившийся» (РМІ 5,58-РГ); «объявленный» (РМІ 5,01-РГ); «потихонечку» (РМІ 4,87-РГ); «начавшийся» (РМІ 4,87-РГ)) и оценка промежуточных или итоговых этапов («массово» (РМІ 5,93-НГ); «глобальный» (РМІ 5,73-НГ); «охвативший» (РМІ 5,71-РГ); «защищенные» (РМІ 5,22-К); «побежденный» (РМІ 5,07-РГ); «пострадавший» (РМІ 5,05-НГ); «эффektivный» (РМІ 4,93-НГ); «форс-мажорный» (РМІ 4,89-К); «экономнее» (РМІ 4,85-РГ); «проклятый» (РМІ 4,91-РГ)), что также «работает» на усиление «эпохальности».

Примечательно, что в ассоциативное поле «пандемии» дискурса СМИ вошли коллокации, присутствующие в ассоциативном поле «пандемия» в Национальном корпусе русского языка [8] («чума» (РМІ 5,22-К)) с дополнительной характеристикой («бубонная» (РМІ 5,06-К)).

Эмоциональная анкеровка и метафоры на основе описания действий также формируют дихотомию в конструировании СП (из действий самой пандемии и

противодействия со стороны общества). Пандемия в этом контексте оказывает давление на личность и группы, разрушая жизни людей («затруднить» (РМІ 5,71-РГ); «ударить» (РМІ 5,71-РГ); «порушить» (РМІ 5,58-РГ); «унести» (РМІ 5,45-РГ); «оборвать» (РМІ 5,32-РГ); «нагрязнуть» (РМІ 5,30-РГ); «обострить» (РМІ 5,30-РГ); «высветить» (РМІ 5,16-РГ); «подстегнуть» (РМІ 5,09-РГ); «перечеркнуть» (РМІ 5,07-РГ); «помешать» (РМІ 5,03-К); «свиристовать» (РМІ 4,98-РГ); «спутать» (РМІ 4,92-РГ); «вмешаться» (РМІ 4,92-РГ); «обнажить» (РМІ 4,90-РГ); «заставить» (РМІ 4,77-НГ)). Общество сопротивляется пандемии — более или менее успешно («предрекать» (РМІ 6,40-РГ); «перезагрузить» (РМІ 6,30-РГ); «сплотиться» (РМІ 4,96-К); «пережить» (РМІ 4,57-НГ)).

Уникальность коммуникативного комплекса медийного СП «пандемия» заключается в том, что именно в его рамках проявились новые социальные феномены, отраженные в «новоязе» пандемии (удаленка, локдаун и т.д.). Интеграция новых социальных полей, представленных в лингвистике СП, в сочетании с акцентом на периодах, временных маркерах позволяет представить «пандемию» как неуправляемую человеком мощную и разрушительную стихию.

Таким образом, благодаря лингвистическим средствам, входящим в коммуникативные комплексы медийных СП, «коронавирус» в СМИ представлялся опасной биологической угрозой, буквально — животным, способным подкрадываться, маскироваться и проникать куда угодно, «COVID-19» «отрабатывал» логику медицинского диагноза и логику функций общественного здравоохранения, а «пандемия» становилась мощной угрожающей стихией, которой необходимо, но сложно противостоять. Общее се-

мантическое поле понятий, имея сходство на уровне коммуникативных комплексов в объектных связях, на уровне средств анкеровки теряло единство. Подобная сложность связей между семантически близкими понятиями дает, на наш взгляд, дополнительные ресурсы влияния при создании медиатекстов, формируя определяющую роль нейминга в дискурсе.

Обсуждение результатов

В российской социальной психологии при изучении социальных представлений, как правило, обращаются к сбору эмпирических данных в группах. Так, в исследовании А.И. Донцова, О.Ю. Зотовой и Л.В. Тарасовой на материале более 100 человек было реконструировано СП «коронавирус» [4]. В ядро были включены лексемы «болезнь», «смерть», «изоляция», «опасность», «паника». В потенциальную зону изменений представления — «эпидемия», «грипп», «ложь», «тревога», «страх», «беспомощность», «каникулы», «до ма», «кризис». В периферическую систему представления — «карантин», «безработица», «маска», «риск», «Китай», «безответственность», «ограничение». Исследователи не указали конкретный состав выборки, однако возможно предположить, что упоминание каникул в ассоциациях о коронавирусе чаще встречается у детей (студентов) или их родителей. В то же время ядро СП «коронавирус» исследователи считают устойчивым, подчеркивая, что СП формируют СМИ, а дальнейшие исследования перспективны с точки зрения расширения выборки.

В данном исследовании медийных СП не выделялось ядро, поскольку сбор эмпирики осуществлялся по другой методике и на медиатекстах, однако в обоих исследованиях присутствуют пересечения в общем содержании СП «корона-

вирус». Как и в исследовании СП «коронавирус» на группе, в медийном СП отразились негативные эмоции и недоверие, связь с другими инфекциями («болезнь», «грипп» и т.п.).

Изучение медийных социальных представлений в зарубежных научных проектах, как правило, ориентировано на медийное СП «COVID-19». В тех случаях, когда идентифицировались темы, логика исследователей фокусировалась на движении какой-либо значимой тематики, например, фиксировался интерес к «теории заговора» на разных коммуникативных площадках в соцсетях [11]. В то же время общий список тематик (или дискурсивных стратегий, если изучались стратегии) вполне созвучен «тематической сети» ассоциативного поля, реконструированного в данном исследовании. Например, в научном проекте Г. Коэн, М. Бессин, С. Гаймар были выделены темы (категории): заболевание, распространение, карантин и т.д. (всего 15 тем) [12], а в проекте П. Филлипса и Т. Кэссиди идентифицированы четыре дискурсивные стратегии (война; другие болезни; общая чрезвычайная ситуация; ситуация неизвестности) [19].

Сравнительный анализ результатов проведенных исследований показывает, что общее понимание новой пандемии обществом достигнуто, о чем свидетельствуют схожие по результатам исследования социальных представлений, выполненные в разных странах. В то же время недостаточно проясненным остается тезис о характере влияния медийных СП на социальные представления отдельных социальных групп.

Уникальность данного исследования заключается в сравнении семантически близких медийных социальных представлений «коронавирус», «COVID-19» и «пандемия», поскольку при сравнении

была выявлена роль коммуникативных комплексов при выборе «означающего». Так, в зависимости от того, какое понятие выбирается для означивания замысла текста («коронавирус», «COVID-19» или «пандемия»), в СМИ создавались истории о страхе перед инфекцией, о лечении заболеваний или сопротивлении суровой стихии.

Заключение

Алгоритм реконструкции медийного социального представления, предложенный в данной статье, позволяет идентифицировать коммуникативные ресурсы, на основе которых осуществляется построение медийного СП. Это имеет значение, если выяснять, как происходит нейминг в медиатекстах и выбор ключевых СП для презентации той или иной проблемы. Согласно полученным результатам, если, размышляя о пандемии коронавируса 2020-2022 годов, автор ставит перед собой задачу осветить медицинские проблемы, его ключевой термин (СП) — «COVID-19». Если необходимо сосредоточиться на непредсказуемости, драматизме и угрозах — «коронавирус». Если же стоит задача охарактеризовать сложный эпохальный процесс социальных, биологических и т.п. вызовов — «пандемия». Коммуникативные комплексы СМИ формируют матрицу, обеспечивающую готовность читателей (потребителей массмедиа) для направленного восприятия.

Подобный алгоритм может быть использован для реконструкции любого медийного социального представления, поскольку, сохраняя логику установления ассоциативных связей в медиадискурсе,

методы компьютерной лингвистики позволяют на большом массиве журналистских текстов формировать семантические поля медийных социальных представлений с учетом многообразия реальных языковых средств. При этом значительные объемы текстов и использование маркеров статистики текста в данном алгоритме позволяют с уверенностью считать полученные медийные социальные представления не «случайным конструктом» (что возможно при качественном дискурс-анализе со ставкой на субъективные интерпретации), а реальным феноменом медиакommunikации.

Что касается гипотез исследования, первая гипотеза в целом подтвердилась. Сравнение результатов научных проектов показывает, что описание социальных представлений о пандемии имеет пересечения как в области СП/группа — медийное СП, так и в сходстве описаний медийного СП (о пандемии коронавируса) в разных культурах и странах. В то же время ассоциативные поля у семантически связанных медийных СП «пандемия», «коронавирус», «COVID-19» в российском медийном дискурсе оказались неидентичными, содержащими специфические ресурсы анкеровки и объективации при использовании понятий: сходство затрагивает только некоторые элементы ассоциативного поля (вторая гипотеза подтвердилась частично).

Открытым остается вопрос относительно того, насколько аудитория конкретного СМИ разделяет транслируемое медийное СП (насколько полно усваивается медийное СП), что, возможно, будет раскрыто в будущих исследованиях социальных представлений.

Литература

1. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.

2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В.* К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. № 13(3). С. 8–25. DOI:10.17759/sps.2022130302
3. *Вербицкий Р.Ю.* Социальные представления как предмет социальной психологии // Вестник Университета. 2015. № 11. С. 311–315.
4. *Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В.* Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. № 18(2). С. 422–444. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444
5. *Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.* Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. № 8(39). С. 1. <https://psystudy.ru/index.php/num/article/download/568/302/308>
6. *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Развитие исследований коммуникаций в социальных контекстах отечественной психологии // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. № 3(2) С. 45–64.
7. *Павельева Ю.П.* Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 21(3-4). С. 56–61.
8. Пандемия [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=пандемия> (дата обращения: 10.08.2023).
9. *Радина Н.К.* Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии COVID-19) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 5. С. 116–136. DOI:10.30547/vestnik.journ.5.2021.116136
10. *Романова С.А.* Проблемы исследования социальных представлений // Вестник психологии и педагогики АлтГУ. 2016. № 4. С. 60–68.
11. *Chen A., Zhang J., Liao W., Luo C., Shen C., Feng B.* Multiplicity and dynamics of social representations of the COVID-19 pandemic on Chinese social media from 2019 to 2020 // Information Processing and Management. 2022. Vol. 59. № 102990. DOI:10.1016/j.ipm.2022.102990
12. *Cohen G., Bessin M., Gaymard S.* Social representations, media, and iconography: A semiodiscursive analysis of Facebook posts related to the COVID-19 pandemic // European Journal of Communication. 2022. Vol. 37. № 6. P. 629–645. DOI:10.1177/02673231221096332
13. *Höijer B.* Social Representations Theory A New Theory for Media Research // Nordicom Review. 2011. Vol. 32. № 2. P. 3–16.
14. *Jochelovitch S.* Narrative, memory and social representations: a conversation between history and social psychology // Integrative psychological and behavioral science. 2012. Vol. 46. № 4. P. 440–456. DOI:10.1007/s12124-012-9217-8
15. *Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.L.* Methods for studying the structure of social representations: A critical review and agenda for future research // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2017. Vol. 47. № 3. P. 306–331. DOI:10.1111/jtsb.12124
16. *Michel J.B., Shen Y.K., Aiden A.P., Veres A., Gray M.K., Pickett J.P., Aiden E.L.* Quantitative analysis of culture using millions of digitized books // Science. 2011. Vol. 331(6014). P. 176–182.
17. *Mocelin G., Brigido P., Camargo V.* Social Representations of the Environment in Press Media // Paidéia. 2015. Vol. 25(61). P. 261–269. DOI:10.1590/1982-43272561201514
18. *Moscovici S.* Social Representations. Explorations in Social Psychology. Cambridge, UK: Polity Press, 2000. 313 p.
19. *Phillips P., Cassidy T.* Social Representations and Symbolic Coping: A Cross-Cultural Discourse Analysis of the COVID-19 Pandemic in Newspapers // Health Communication. 2023. DOI:10.1080/10410236.2023.2169300

References

1. Bovina I.B. Strategii issledovaniya sotsial'nykh predstavlenii [Strategies for the study of social representations]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*, 2011, no. 3, pp. 5–23. (In Russ.).
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V. K voprosu ob issledovanii sotsial'nykh predstavlenii: vzglyad so storony [Studying Social Representations: an Outsider's Perspective]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 8–25. DOI:10.17759/sps.2022130302 (In Russ.).
3. Verbitsky R.Yu. Sotsial'nye predstavleniya kak predmet sotsial'noi psikhologii [Social representations as a subject of social psychology]. *Vestnik Universiteta = University Bulletin*, 2015. Vol. 11, pp. 311–315. (In Russ.).
4. Dontsov A.I., Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Sotsial'nye predstavleniya o koronavirusе v nachale pandemii v Rossii [Social representations of the coronavirus at the beginning of the pandemic in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 422–444. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444 (In Russ.).
5. Emelyanova T.P., Drobysheva T.V. Konstruirovaniye sotsial'nykh problem v SMI i v predstavleniyakh grazhdan (na primere bednosti) [Construction of social problems in the media and in the perceptions of citizens (on the example of poverty)] [Electronic resource]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2015. Vol. 39, no. 8, pp. 1. <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1085-emelyanova39.html> (In Russ.).
6. Mel'nikova O.T., Horoshilov D.A. Razvitiye issledovaniya kommunikatsii v sotsial'nykh kontekstakh otechestvennoi psikhologii [The Development of Communication Studies in Social Contexts of Russian Psychology]. *Kommunikatsii. Media. Dizain = Communications. Media. Design*, 2018. Vol. 3, no. 2, pp. 45–64. (In Russ.).
7. Pavelieva Yu.P. Izuchenie kollokatsii na osnove lingvisticheskikh korpusov tekstov [The study of collocations based on linguistic corpora of texts]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series Humanities*, 2016. Vol. 21, no. 3–4, pp. 56–61. (In Russ.).
8. Pandemiya. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Pandemic. National Corpus of the Russian Language] [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=пандемия> (Accessed 10.08.2023). (In Russ.).
9. Radina N.K. Metodika identifikatsii kontekstual'nykh ideologem v tsifrovom mediadiskurse (na primere mediadiskursa o pandemii COVID-19) [Methodology for identifying contextual ideologemes in digital media discourse (A case study of media discourse about covid-19 pandemic)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Moscow University Bulletin. Part 10. Journalism Scientific journal*, 2021, no. 5, pp. 116–136. DOI:10.30547/vestnik.journ.5.2021.116136 (In Russ.).
10. Romanova S.A. Problemy issledovaniya sotsial'nykh predstavlenii [Problems in the study of social representations]. *Vestnik psikhologii i pedagogiki AltGU = Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*, 2016, no. 4, pp. 60–68. (In Russ.).
11. Chen A., Zhang J., Liao W., Luo C., Shen C., Feng B. Multiplicity and dynamics of social representations of the COVID-19 pandemic on Chinese social media from 2019 to 2020. *Information Processing and Management*, 2022. Vol. 59, no. 102990. DOI:10.1016/j.ipm.2022.102990
12. Cohen G., Bessin M., Gaynard S. Social representations, media, and iconography: A semiodiscursive analysis of Facebook posts related to the COVID-19 pandemic. *European Journal of Communication*, 2022. Vol. 37, no. 6, pp. 629–645. DOI:10.1177/02673231221096332
13. Højjer B. Social Representations Theory A New Theory for Media Research. *Nordicom Review*, 2011. Vol. 32, no. 2, pp. 3–16.
14. Jovchelovitch S. Narrative, memory and social representations: a conversation between history and social psychology. *Integrative psychological and behavioral science*, 2012. Vol. 46, no. 4, pp. 440–456. DOI:10.1007/s12124-012-9217-8

15. Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.L. Methods for studying the structure of social representations: A critical review and agenda for future research. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2017. Vol. 47, no. 3, pp. 306–331. DOI:10.1111/jtsb.12124
16. Michel J.B., Shen Y.K., Aiden A.P., Veres A., Gray M.K., Pickett J.P., Aiden E.L. Quantitative analysis of culture using millions of digitized books. *Science*, 2011. Vol. 331(6014), pp. 176–182.
17. Mocelin G., Brigido P., Camargo V. Social Representations of the Environment in Press Media. *Paidéia*, 2015. Vol. 25(61), pp. 261–269. DOI:10.1590/1982-43272561201514
18. Moscovici S. Social Representations. Explorations in Social Psychology. Cambridge, UK: Polity Press, 2000. 313 p.
19. Phillips P., Cassidy T. Social Representations and Symbolic Coping: A Cross-Cultural Discourse Analysis of the COVID-19 Pandemic in Newspapers. *Health Communication*, 2023. DOI:10.1080/10410236.2023.2169300

Информация об авторах

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ); старший научный сотрудник Лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda K. Radina, Doctor of Political Science, PhD in Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University; Senior Research Fellow, Laboratory of Theory and Practice of Decision Support Systems (TAPRADESS), National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Получена 06.08.2023

Принята в печать 14.02.2024

Received 06.08.2023

Accepted 14.02.2024

Стратегии совладания в контексте самоэффективности российской молодежи в современной геополитической ситуации

Баранов О.О.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7137-4788>, e-mail: oleg_baranov_2002@mail.ru

Галяпина В.Н.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Цель. Выявление копинг-стратегий, оказывающих позитивный эффект на самоэффективность российской молодежи в сложившейся ситуации.

Контекст и актуальность. Настоящая геополитическая ситуация выступает дополнительным стрессором для российской молодежи и может снижать ее самоэффективность и психологическое благополучие в целом. В этой связи важно понимать, какие стратегии совладания использует российская молодежь для преодоления сложившейся ситуации и какие из этих копинг-стратегий являются значимыми для повышения самоэффективности молодежи.

Дизайн исследования. Исследование проведено в феврале-апреле 2023 года. Использовалась стратегия «mixed methods». В ходе качественного этапа были выделены копинг-стратегии, используемые молодежью в современной ситуации. В ходе количественного этапа с помощью иерархической регрессии были выявлены взаимосвязи копинг-стратегий с самоэффективностью молодежи.

Участники. В качественном исследовании приняли участие 10 респондентов (5 мужчин, 5 женщин; 18–30 лет), в количественном — 172 респондента. Респонденты были в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 21,58$; $SD = 2,93$) (36,6% мужчин, 63,4% женщин).

Методы (инструменты). Гайд интервью, направленный на выявление копинг-стратегий, русскоязычные версии шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема, адаптированной В. Ромеком, и шкалы копинг-стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций В. Янке и Г. Эрдманна в адаптации Н. Водопьяновой.

Результаты. Самоэффективность российской молодежи позитивно взаимосвязана с такими копинг-стратегиями, как «Решение проблемы», «Самоконтроль», «Хобби», и негативно — с «Избеганием проблемы» и «Поиском социальной поддержки».

Основные выводы. В современных условиях самоэффективность российской молодежи предсказывается только активными копинг-стратегиями, ориентированными на решение проблемы, самоконтроль и вовлечение в интересную, значимую для молодежи деятельность.

Ключевые слова: самоэффективность; копинг-стратегии; сложная геополитическая ситуация; молодежь; Россия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>.

Для цитаты: Баранов О.О., Галыпина В.Н. Стратегии совладания в контексте самоэффективности российской молодежи в современной геополитической ситуации // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 92–111. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150106>

Coping Strategies in the Context of Russian Youth Self-Efficacy in the Modern Geopolitical Situation

Oleg O. Baranov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7137-4788>, e-mail: oleg_baranov_2002@mail.ru

Victoria N. Galyapina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Objective. Identification of coping strategies that have a positive effect on Russian youth self-efficacy in the current situation.

Background. The current geopolitical situation is an additional stressor for Russian youth. It can reduce both their self-efficacy and overall psychological well-being. In this regard, it is important for researchers to understand which coping strategies Russian youth use to overcome the current situation, and which of these coping strategies are significant for increasing youth self-efficacy.

Study design. We conducted the study in February–April 2023. Mixed methods were used. During the qualitative stage, we identified the coping strategies used by young people in the current situation. During the quantitative stage, we found the relationship of coping strategies with youth self-efficacy using hierarchical regression.

Participants. 10 respondents (5 men, 5 women; 18–30 years old) took part in the qualitative study, in the quantitative study – 172 respondents. The respondents were aged 18 to 30 ($M = 21,58$, $SD = 2,93$) (36,6% men, 63,4% women).

Measurements. Interview guide aimed at identifying coping strategies, Russian-language versions of the R. Schwarzer and M. Jerusalem scale of general self-efficacy, adapted by V. Romek, and V. Janke and G. Erdmann's scale of coping strategies for overcoming difficult life situations, adapted by N. Vodopyanova.

Results. The self-efficacy of Russian youth is positively associated with such coping strategies as “Problem Solving”, “Self-Control”, “Hobby” and negatively with “Problem Avoidance” and “Search for Social Support”.

Conclusions. In modern conditions, Russian youth self-efficacy was predicted only by active coping strategies focused on problem solving, self-control and involvement in interesting and meaningful activities for young people.

Keywords: self-efficacy; coping strategies; complex geopolitical situation; youth; Russia.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSR), project number 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>.

For citation: Baranov O.O., Galyapina V.N. Coping Strategies in the Context of Russian Youth Self-Efficacy in the Modern Geopolitical Situation. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 92–111. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150106> (In Russ.).

Введение

Современная ситуация, сложившаяся в мире и в России, связанная с преодолением геополитического кризиса и Специальной военной операцией на Украине, влияет не только на психологическое благополучие человека, но и на его самоэффективность. Последнее особенно затрагивает молодежь. Молодые люди испытывают достаточно много сложностей, связанных с их естественным развитием: они стремятся быть независимыми от своих родителей при принятии важных решений [16], примеряют на себя «взрослые» роли, связанные с их карьерой и созданием собственной семьи [26], у них отмечается повышенная мобильность [16], постоянный поиск личностного «Я» [21; 24]. Нынешняя напряженная ситуация, а также доступность различных информационных источников, высокая вовлеченность молодежи в социальные сети могут выступать дополнительными источниками тревожности и неопределенности и влиять на самоэффективность молодежи и ее психологическое благополучие в целом.

Молодежь для любого государства является одним из приоритетов внутренней политики, поскольку от ее эффективной деятельности зависит будущее страны. В сегодняшней ситуации важно понимать психологическое состояние молодых людей, проблемы, связанные со стрессовой ситуацией, и изучать пути и средства, которые помогают молодежи справляться с возникающими проблемами. Одними из таких средств выступают копинг-стратегии. В научной литературе их использование достаточно подробно изучено в контексте личных стрессовых ситуаций [17; 20; 30]. Однако нынешняя политическая обстановка является стрессовой ситуацией, обусловленной внешними обстоятельствами, по своей природе более похожа

на стихийные бедствия, вооруженные конфликты. Современные исследования показывают, что военные конфликты оказывают психологическое влияние не только на непосредственных участников конфликтов, но и на население региона, который участвует в этом конфликте [4; 5]. С. Шингаев и Л. Тюрнина [9] в своем исследовании представили результаты, согласно которым примерно треть российских молодых мужчин стали ощущать тревогу и пережили тяжелые события с момента начала СВО. Аналогично в эмпирическом исследовании Е. Якубы [10] результаты показывают, что восприятие СВО вызывает у молодых россиян повышение тревожности и выступает фоновым стрессогенным фактором. Исследований, которые бы анализировали стратегии совладания именно в таких ситуациях, не так много [6; 30]. Исходя из этого, возникает проблема поиска наиболее эффективных копинг-стратегий, помогающих современной российской молодежи справляться со сложившейся ситуацией и поддерживать свою эффективность. Решение этой проблемы и стало целью данного исследования.

Исследования самоэффективности, копинг-стратегий и их взаимосвязи у молодежи

А. Бандура [12], один из первых проводивший исследования самоэффективности, отмечал, что она отражает веру человека в свою способность выполнить определенное действие и достичь поставленной цели. Самоэффективность позволяет человеку достигать значимых результатов в разных сферах жизни: в своем образовании, профессиональной карьере и даже собственном здоровье. Согласно исследованиям А. Бандуры [12], люди, которые верят в свои таланты, будут вкладываться в работу, проявляют больше

упорства в сложных ситуациях, которые они преодолевают, поскольку не сомневаются в собственных способностях. То есть можно предположить, что самоэффективность может выступать средством, позволяющим более эффективно справляться со стрессовой ситуацией.

Многие исследования, посвященные самоэффективности молодежи и студентов, доказывают ее связь с показателями успешности обучения. Например, многоуровневый метаанализ многонациональных наборов данных студентов университетов показал, что среди пятидесяти параметров эффективности обучения самоэффективность имеет наибольшую положительную взаимосвязь со средним баллом успеваемости среди обучающихся [24]. Результаты показывают, что при высоком показателе самоэффективности молодые люди не сомневаются в своих способностях и свои неудачи относят к недостаточному количеству попыток для выполнения заданий. Студенты же с низким показателем самоэффективности свои неудачи объясняют отсутствием таланта [23]. В другом исследовании было показано, что молодые люди с высоким показателем самоэффективности в сравнении с теми, кто имел низкий показатель, более успешно завершали свою деятельность, имели более высокие академические успехи [28].

Кроме этого, исследователи установили, что у молодых людей существует положительная взаимосвязь между их самоэффективностью и стремлением учиться [11], их активностью, удовлетворенностью собой и своей жизнью в разных сферах жизни (социальной, семейной, общении и др.) [13].

В исследовании самоэффективности и жизненной позиции российской молодежи, проведенном Е. Фоминых [8], было установлено, что при снижении

уровня самоэффективности снижаются параметры и гармонии, и осознанности в отношении к своей жизни. Результаты показали, что построение планов своей будущей жизни, объективная оценка потенциала осуществления этих планов в действительности обусловлены ощущением собственной эффективности.

Наиболее надежными индикаторами самоэффективности выступают индивидуальные результаты деятельности. В исследованиях установлено, что неудача способствует снижению самоэффективности, а успех, напротив, детерминирует ее повышение. Исследователи выявили и обратную связь: сильное чувство самоэффективности может снижать негативные последствия неудач [28]. В современных стрессовых ситуациях самоэффективность, проявляющаяся в вере в собственные силы, может быть личностным ресурсом, защищающим человека от негативных последствий стресса [21].

Повышать стрессоустойчивость могут и стратегии совладания (копинг-стратегии) со стрессовой ситуацией. Они представляют собой реакции на стрессовые ситуации, события, которые произошли с человеком в прошлом или происходят в настоящее время [20]. Согласно транзакционной теории, копинг-стратегии включают в себя как мысли, так и определенные модели поведения. Люди используют их, чтобы управлять внутренними и внешними требованиями стрессовых ситуаций [17]. Использование стратегий совладания зависит от особенностей личности и ситуации. Тактики здесь могут быть разные: некоторые люди очень гибки в подборе копинг-стратегий, для определенных ситуаций они используют специальный набор совладающих стратегий, подходящих именно для данной ситуации. Другие, напротив, наиболее часто используют только определенные

копинг-стратегии (имеют ограниченный набор стратегий), но в силу того, что они очень умелы в их применении, они добиваются положительного результата [14]. Поскольку люди используют несколько стратегий, последние могут находиться в гармонии и дополнять друг друга, а могут быть в дисгармонии и снижать эффективность друг друга и успешность совладания с проблемой в целом [31].

На сегодняшний день исследователи выделили около четырех сотен разных копинг-стратегий [29]. Чаще всего их делят на два основных типа: активные стратегии и стратегии отступления. К активным стратегиям можно отнести планирование, поиск поддержки, позитивную переоценку ситуации или принятие. Эти стратегии призваны задействовать когнитивные и поведенческие механизмы, они направлены на «борьбу» со стрессором, на изменение проблемы или связанных с ней негативных эмоций. Стратегии отступления более пассивны, они связаны с уклонением, уходом от стрессовой ситуации. Это действия, направленные на отвлечение внимания, отрицание действительности или принятие желаемого за действительное. Некоторые исследователи [26] кроме этих категорий копинг-стратегий выделили и превентивные. По мнению авторов, их цель — неопределенные потенциалы угрозы в отдаленном будущем.

Поскольку копинг-стратегии призваны помочь преодолеть стрессовую ситуацию, мы полагаем, что они будут способствовать и повышению самооффективности. Доказательством этого предположения могут служить исследования, проведенные С. Ваезфар с коллегами [32]. Результаты показали, что самооффективность медицинских работников отрицательно взаимосвязана с проблемно-ориентированной ко-

пинг-стратегией. Авторы установили, что стратегии совладания, стили преодоления стресса в больнице, а также показатели самооффективности объясняют 20% дисперсии стресса на работе.

В другом исследовании, проведенном на выборке студентов [19], было доказано, что высокий уровень ожидания самооффективности зависит от использования трех и более копинг-стратегий. Авторы пришли к выводу, что сочетание копинг-стратегий, их гибкое использование повышают шансы студентов добиться самооффективности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что использование наиболее релевантных ситуации копинг-стратегий может способствовать повышению самооффективности молодежи. Однако поскольку сложившаяся ситуация уникальна для молодежи, возможно, копинг-стратегии, используемые в личных стрессовых ситуациях, будут малоэффективны. Поэтому важно понять, какие копинг-стратегии использует современная российская молодежь именно в сложившейся ситуации и каков их эффект на самооффективность?

Исходя из этого, мы сформулировали *исследовательские вопросы*:

1. Какие стратегии использует российская молодежь для совладания с сегодняшней ситуацией?
2. Какова роль используемых молодыми людьми копинг-стратегий в их самооффективности?

В данном исследовании мы опирались на стратегию «mixed methods». Первоначально мы провели качественное исследование (пилотное) для того, чтобы выявить стратегии совладания, используемые молодежью в современной ситуации. Далее для проведения количественного исследования выявленные копинг-стратегии в форме

сформулированных нами утверждений были включены в опросник вместе со стратегиями совладания с ситуациями личного стресса, предлагаемыми в литературе.

Качественное исследование

Метод

Инструментарий и процедура. Мы использовали полуструктурированное интервью. В соответствии с исследовательским вопросом был разработан гайд. Нас интересовало отношение молодежи к сегодняшней ситуации, самоэффективность молодежи за последний год, используемые копинг-стратегии, которые помогают справляться со сложившейся ситуацией. Интервью проводились в феврале 2023 года, каждое длилось от 15 до 40 минут. Мы получили согласие респондентов на запись проводимых интервью. Записи были транскрибированы, затем мы провели стилистический анализ. На следующем этапе мы проанализировали данные интервью с помощью тематического анализа. Для обработки данных мы использовали открытое и

осевое кодирования, наделяя отдельные наблюдения и цитаты определенными кодами. Далее мы выделили наиболее важные темы. Был использован и «задаваемый теорией» дедуктивный подход, и индуктивный, который основывался на эмпирических данных [18].

Выборка. Выборку составили 10 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет (пять мужчин и пять женщин), проживающих в России и являющихся ее гражданами. Из них 3 имеют высшее образование, 7 — неоконченное высшее образование, 7 работают. Мы использовали метод «снежного кома». Приглашение принять участие в исследовании распространялось среди студентов и работающей молодежи в рамках личных бесед и контактов авторов.

Результаты

Используя кодирование, а затем тематический анализ, мы выделили стратегии, которые помогали молодым людям справиться со сложившейся ситуацией и поддерживали их самоэффективность (табл. 1).

Таблица 1

Результаты тематического анализа используемых молодежью стратегий совладания со сложившейся ситуацией

Тема	Подтемы	Коды	Частота
Отношение к сегодняшней ситуации	Желание эмигрировать	<p>тсутствие желаемого уровня жизни: <i>«Не нравится уровень жизни здесь» (P5, жен., 22 года).</i></p> <p>Отсутствие профессиональных перспектив: <i>«Не вижу, к сожалению, что могу в настоящем, в будущем делать тут [в России] в профессиональном смысле» (P7, жен., 20 лет).</i></p> <p>Давление внешней и внутренней политической ситуации: <i>«В последнее время с наступлением СВО все стало ухудшаться, и моя интенция уехать, не знаю, попробовать мир, она подкрепилась еще и тем, что я не хочу мириться с тем, что происходит сейчас в стране, в плане того, что я не хочу мириться с</i></p>	

Тема	Подтемы	Коды	Частота
		<p><i>тем, что происходит сейчас в стране, в плане того, что я не хочу мириться с объединением каких-то слоев населения на государственном уровне» (P10, жен., 21 год).</i></p> <p>Нетерпимость к нынешней власти: <i>«Мне не нравится власть в России» (P3, жен., 21 год).</i></p> <p>Желание проживать в другой культуре: <i>«Я немного поймал это отличие в школе, что, например, там все смотрят русский YouTube, а я смотрю англоязычный контент. И так получается, что в России для моих интересов нет удобного плацдарма. Не могу найти человека, с которым бы я обсудил тот контент, который мне нравится. И чтобы вот во всю ту атмосферу, в которой я мариновался все детство и отрочество, окунуться, мне бы хотелось переехать» (P1, муж., 23 года).</i></p> <p>Обеспокоенность своей безопасностью: <i>«Если повторится такая ситуация [как «Философский пароход»], и она вынудит, конечно, да, мне пришлось бы эмигрировать» (P2, муж., 24 года).</i></p> <p>Страх, что ситуация с СВО выйдет из-под контроля: <i>«Периодически страшновато здесь находиться [в России]» (P3, жен., 22 года).</i></p> <p>Страх мобилизации: <i>«Не чувствую себя комфортно и безопасно, мне ведь 22 года, возраст такой, мобилизационный...» (P8, муж., 22 года).</i></p>	Часто
	<p>Факторы, влияющие на принятие ситуации</p>	<p>Привязанность к малой родине: <i>«Не хотел бы, потому что очень люблю малую родину и уверен, что в других уголках мира не буду чувствовать себя легко, не будет домашнего ощущения» (P2, муж., 24 года).</i></p> <p>Языковая и этническая общность с народом России: <i>«Есть языковая, этническая общность... Для меня это определяющие факторы» (P4, муж., 22 года).</i></p> <p>Возможные трудности в стране переезда: <i>«Я бы мог сейчас уехать в Сербию, но даже там было бы трудно» (P4, муж., 22 года).</i></p> <p>Востребованность профессии только в России: <i>«...моя специальность локальная. Для меня это определяющие факторы» (P4, муж., 22 года).</i></p>	Часто

Тема	Подтемы	Коды	Частота
	Изменения, произошедшие за последний год	Принятие «нелюбимой» работы: « <i>Раньше бы ушел с нелюбимой работы и закончил отношения, а теперь – нет...</i> » (P8, муж., 22 года). Сближение с родителями и близкими: « <i>Подумал, что чаще бы нужно признаваться родителям в теплых чувствах</i> » (P8, муж., 22 года); « <i>Больше внимания близким людям</i> » (P4, муж., 22 года).	Очень часто
Самоэффективность	Повышение самоэффективности	Стремление к повышению или сохранению нынешнего уровня самоэффективности: « <i>Да, стремлюсь, за счет добавления в жизнь каких-то штук типа спорта</i> » (P10, жен., 21 год).	Очень часто
	Фактор «выживания»	Отсутствие стремления к повышению уровня самоэффективности: « <i>Да, как бы надо, но я не особо к этому стремлюсь</i> » (P5, жен., 22 года). « <i>Только на словах, в основном нет [стремления]</i> » (P6, жен., 30 лет). Действия [работа/учеба] обусловлены необходимостью [заработка/получения диплома]: « <i>Сейчас делаю что-то, просто потому что надо</i> » (P7, жен., 20 лет).	Редко
Копинг-стратегии	Погружение в рутину	Занятость как способ справиться с ситуацией: « <i>Я, когда загружена, не думаю об этой ситуации, не хватает времени...</i> » (P6, жен., 30 лет); « <i>Работа помогает не погружаться в свои мысли</i> » (P7, жен., 20 лет); « <i>У меня куча своих забот, и в основном голова забита именно этим. Учеба, работа и так далее. У меня просто нет времени думать обо всем, что происходит вокруг</i> » (P10, жен., 21 год).	Часто
	Вовлеченность/невовлеченность в информационное поле	Информированность как «осознанность в моменте»: « <i>Информация в последнее время помогает лучше осознать себя в моменте. Появляется ясность</i> » (P6, жен., 30 лет). Информированность как основа контроля: « <i>Спокойно, когда мимо моего внимания ничего не утекает. Грубо говоря, для себя ты можешь это контролировать. Когда ты внезапно что-то узнаешь, то не знаешь, что делать</i> » (P9, муж., 22 года). Уход от напоминания о ситуации: « <i>Это дает меньше напоминаний о ситуации, и, как следствие, [происходит] стабилизация моего состояния</i> » (P7, жен., 20 лет).	Очень часто
	Общение с близкими как основа под	Обсуждение ситуации с друзьями: « <i>С друзьями могу обсудить волнующие мысли</i> » (P6, жен., 30 лет).	Иногда

Тема	Подтемы	Коды	Частота
	держки друг друга	Дружеская поддержка: «...мы морально поддерживаем друг друга...» (Р6, жен., 30 лет).	
		Забота и помощь близких: «Мама с сестрой приехали, окружили меня заботой, получили себя почувствовала, освободила от дел» (Р3, жен., 22 года).	Единично
	Планирование эмиграции	Успокоение от планов эмиграции: «Становится спокойнее, что я планирую уехать» (Р8, муж., 22 года).	Редко
	Хобби	Увлечения в разных сферах: «В свободное время люблю порисовать, погружаюсь в эту работу и от этого отвлекаюсь» (Р9, муж., 21 год); «Когда я занимаюсь танцами, мне становится легче, я отвлекаюсь. В целом сил как-то побольше» (Р3, жен., 21 год).	Редко
	Избегание одиночества	Стремление к контактам: «Стараюсь не оставаться наедине, иначе начну есть себя, читать новости. Стараюсь писать другим» (Р1, муж., 23 года). Страх остаться в уединении: «Одному страшно оставаться, можно закопать себя» (Р5, жен., 22 года).	Редко
	Отдых	Возможность дать себе расслабиться (чтение, сон): «Когда силы на нуле, нужен просто сон» (Р6, жен., 30 лет).	Редко
	Медитация, молитва	Медитация как внутренняя самотерапия: «Иногда медитирую, это помогает расслабиться, побыть с собой» (Р2, муж., 24 года). Молитва и обращение к Богу: «Не знаю, откуда берутся эти силы, наверное, вера в Бога» (Р6, жен., 30 лет).	Единично
	Юмор	Использование юмора на тему нынешней ситуации: «Если мы научимся шутить о sensitive topic, то сразу станет все хорошо» (Р1, муж., 23 года).	Единично
	Поиск позитива	Стремление увидеть положительные моменты, точки роста: «Стараюсь находить сегодня позитив в любых ситуациях» (Р2, муж., 24 года).	Единично
	Обращение к специалистам	Обращение к психологу, врачу: «В какой-то момент [после начала СВО] уже записалась к психологу, было очень тяжело» (Р3, жен., 21 год).	Единично

Примечание: очень часто – 8–9 интервьюируемых, часто – 6–7, иногда – 4–5, редко – 2–3, единично – 1.

Анализ результатов позволяет заключить, что современная геополитическая ситуация оказала влияние на жизнь современной молодежи, и, хотя не всегда они об этом указывали напрямую, дополнительные комментарии, ссылки на то, что «раньше этого не было» или «раньше так не думал», позволяют говорить о таком эффекте. Нами были выделены три важные темы, которые поднимали респонденты: «желание эмигрировать», «факторы, влияющие на принятие ситуации», «изменения, произошедшие за последний год».

Миграционные намерения молодежи в современной ситуации связаны с отсутствием желаемого уровня жизни, она не видит профессиональных перспектив в России, ощущает сильное политическое и экономическое давление со стороны западных стран, отсюда обеспокоенность, что не будет возможности пожить в другой стране и культуре, а также за собственную безопасность. Кроме этого, были выделены и такие причины, как нетерпимость к нынешней власти, страх мобилизации.

Помогает принять сложившуюся ситуацию современной молодежи культурное единство. Респонденты отмечали, что для них важны привязанность к малой родине, языковая и этническая общность с народом России. Также фактором принятия ситуации выступали возможные трудности, обусловленные эмиграцией (например, невозможность найти работу в другой стране). Сложившаяся ситуация заставила респондентов по-другому посмотреть на свою работу и отношения с близкими.

Что касается самооценки, то у респондентов не было единодушия. Некоторые отмечали, что было стремление к повышению собственной самооценки, другие — что такого стремления не было, более того, работа/учеба становились просто долгом, обязанностью.

В этой ситуации респонденты предлагали и описывали разные стратегии совладания: «Погружение в рутину», «Вовлеченность/невовлеченность в информационное поле», «Общение с близкими как основа поддержки друг друга», «Планирование миграции», «Хобби», «Избегание одиночества», «Отдых», «Медитация, молитва», «Юмор», «Поиск позитива», «Обращение к специалистам». Поскольку копинг-стратегия, связанная с информационным полем, имела противоречивые позиции, мы разбили ее на две: «Вовлеченность в информационное поле» и «Отказ от обсуждения ситуации».

Поскольку данное качественное исследование было пилотным, само интервью было не глубинным, а полуструктурированным и непродолжительным, возможно, какие-то проблемы, темы могли быть неактуализированы респондентами. Это свидетельствует об ограничениях данного исследования и о необходимости в дальнейшем проверки полученных результатов на других выборках.

Количественное исследование

Метод

Выборка и процедура исследования.

В количественном исследовании приняли участие молодые россияне (возраст от 18 до 30 лет), которые на момент исследования проживали в России. Опрос проводился в марте-апреле 2023 года онлайн на платформе Google Forms, респонденты вознаграждение не получали. Был использован метод «снежного кома». Выборка была рассчитана с помощью априорного теста в программе G*Power. Мы применяли «A priori: Compute required sample size — given a, power, and effect size»: размер эффекта 0,15; мощность = 0,95, $\alpha = 0,05$. Данные показали, что минимальный объем выборки — 120 респондентов. Выборка нашего исследования составила

172 респондента. По полу выборка распределена следующим образом: женщины составили 63,4%, мужчины — 36,6%. Средний возраст $M = 21,58$ ($SD = 2,93$). Неполное среднее образование имели 2,9% респондентов, 8,1% имели среднее образование, 48,3% — неоконченное высшее, 31,4% — высшее образование. 83,1% выборки были русские, 16,9% — представители других этнических групп. К православию себя отнесли 40,7% респондентов, к исламу — 3,5%, 6,4% указали другую религиозную принадлежность, 49,4% отметили, что не являются верующими. По субъективному уровню дохода респонденты распределились следующим образом: 29,1% указали, что денег хватает на все, 52,3% отметили, что денег в принципе хватает, 12,2% указали, что денег не хватает, а 3,5% отметили, что денег очень мало, их крайне не хватает.

Инструментарий. Самоэффективность измерялась с помощью шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема, адаптированной В. Ромеком [7]. Шкала включала 5 утверждений, например, «При непредвиденно возникающих трудностях я верю, что смогу с ними справиться».

Копинг-стратегии. Мы использовали опросник копинг-стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций В. Янке и Г. Эрдманна в адаптации Н. Водопьяновой [2]. Были измерены 5 типичных копинг-стратегий, используемых в повседневной жизни: «Избегание», «Поиск социальной поддержки», «Решение проблемы», «Агрессия», «Отвлечение и самоконтроль» [3]. Примеры утверждений для копинг-стратегии «Решение проблемы»: «Я пытаюсь разобраться в деталях стрессовой ситуации», «Я принимаю меры для того, чтобы устранить причину проблемы», «Я пытаюсь как следует выяснить причины, которые привели к проблемной ситуации».

Кроме этого, мы сформулировали в форме утверждений 10 копинг-стратегий, которые были выделены на основе результатов качественного исследования. Было сформулировано 10 утверждений по 1-му на каждую стратегию. Формулировки вопросов соответствовали общей структуре формулировок, используемых в методике В. Янке и Г. Эрдманна в адаптации Н. Водопьяновой [2]. Респонденту давалась такая инструкция: «Современную ситуацию в России можно отнести к стрессовой. Прочитайте предложенные утверждения и укажите, насколько выделенные стратегии помогают Вам справляться со сложившейся ситуацией». Пример утверждения для копинг-стратегии «Хобби»: «Я стараюсь больше времени уделять своим хобби, чтобы справиться с ситуацией». Пример для стратегии «Уход в рутинную работу»: «Я погружаюсь в рутину своих повседневных дел, чтобы ситуация меньше беспокоила меня».

При оценке всех шкал использовалась 5-балльная шкала Ликерта, где 1 — абсолютно не согласен, 5 — абсолютно согласен.

Социально-демографические характеристики: пол, возраст, образование, этническая принадлежность, религиозная принадлежность, уровень субъективного дохода.

Математико-статистические методы. Мы использовали дескриптивные статистики, коэффициент альфа Кронбаха для анализа согласованности шкал, иерархическую регрессию. Использовался статистический пакет SPSS 20.0.

Результаты

Первоначально мы проанализировали средние значения и показатели согласованности шкал для всех переменных. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Средние значения и показатели альфа Кронбаха для исследуемых переменных (макс. 5)

Исследуемые переменные	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>α</i>
Самоэффективность	4,18	0,70	0,88
Избегание проблемы	3,38	0,83	0,66
Поиск социальной поддержки	3,98	0,87	0,75
Отвлечение	3,54	1,01	0,86
Решение проблемы	4,16	0,81	0,84
Самоконтроль	3,76	0,97	0,78
Агрессия	2,78	1,08	0,78
Уход в рутинную работу	3,81	1,18	
Хобби	3,69	1,17	
Вовлеченность в информационное новостное поле	3,26	1,49	
Юмор	3,46	1,40	
Поиск позитивных моментов	2,95	1,42	
Планирование эмиграции	2,66	1,44	
Помощь психолога	2,16	1,39	
Медитация	2,09	1,30	
Отказ от обсуждения современной ситуации	3,02	1,37	
Общение с близкими	3,67	1,28	
Избегание одиночества	2,37	1,30	

Данные показали, что молодежь имеет достаточно высокий уровень самоэффективности. Наиболее предпочтительными для молодых людей являются копинг-стратегии «Решение проблемы» и «Поиск социальной поддержки», наименее — «Агрессия». Среди выделенных в ходе качественного этапа копинг-стратегий наиболее популярными оказались «Уход в рутинную работу», «Хобби», «Общение с близкими». Наименее предпочтительными были «Помощь психолога» и «Медитация».

Поскольку наше исследование строилось на вновь выделенных утверждениях, чтобы сделать предварительный анализ, мы построили корреляционную матрицу и проанализировали связи копинг-стратегий с самоэффективностью молодежи (табл. 3).

Результаты показали, что среди выделенных в ходе качественного этапа исследования копинг-стратегий самоэффективность связана с «Уходом в рутинную работу», «Хобби» и на уровне тенденции — с «Поиском позитивных моментов», «Медитацией», «Общением с близкими». Исходя из данного предварительного анализа, в иерархической регрессии мы использовали именно данные стратегии. Первым шагом мы ввели социально-демографические характеристики, вторым — копинг-стратегии, используемые в личных стрессовых ситуациях, третьим — копинг-стратегии, используемые молодежью в сложившейся ситуации (табл. 4).

Результаты показали, что самоэффективность значимо положительно взаимосвязана с активными копинг-стратегиями

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи копинг-стратегий с самоэффективностью молодежи

Название копинг-стратегий	<i>r</i>
Копинг-стратегии, используемые в личных стрессовых ситуациях	
Избегание проблемы	-0,18*
Поиск социальной поддержки	-0,03
Отвлечение	0,11
Решение проблемы	0,36**
Самоконтроль	0,33**
Агрессия	-0,12
Копинг-стратегии, используемые в сложившейся ситуации	
Уход в рутинную работу	0,16*
Хобби	0,23**
Вовлеченность в информационное новостное поле	0,01
Юмор	-0,03
Поиск позитивных моментов	0,13†
Планирование эмиграции	-0,03
Помощь психолога	0,02
Медитация	0,13†
Отказ от обсуждения современной ситуации	0,05
Общение с близкими	0,12†
Избегание одиночества	0,07

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; † – $p = 0,06$.

Таблица 4

Результаты иерархической регрессии взаимосвязи копинг-стратегий и самоэффективности молодежи

Исследуемые переменные	Модели		
	1	2	3
Возраст	-0,116	-0,146	-0,154
Пол (1 – муж., 2 – жен.)	-0,150*	-0,144*	-0,077
Образование	-0,068	0,111	0,134
Доход	-0,007	-0,030	0,000
Избегание проблемы		-0,237**	-0,277***
Поиск социальной поддержки		-0,160*	-0,193**
Отвлечение		0,025	0,010
Решение проблемы		0,338***	0,325***
Самоконтроль		0,252**	0,225**
Агрессия		-0,031	-0,025

Исследуемые переменные	Модели		
	1	2	3
Уход в рутинную работу			-0,020
Хобби			0,213*
Поиск позитивных моментов			0,050
Медитация			0,039
Общение с близкими			-0,010
F	2,217	6,503***	4,649***
R2	0,050	0,288	0,309
$\Delta R2$		0,237	0,021

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

«Решение проблемы» и «Самоконтроль» и значимо негативно — с пассивными стратегиями «Избегание проблемы» и «Поиск социальной поддержки». Можно сказать, что чем больше молодые люди будут ориентироваться на решение проблемы, будут брать на себя ответственность за свою судьбу и свои действия, тем выше будет их самоэффективность. И напротив, если они будут избегать проблемы, уходить от них, искать помощи и поддержки со стороны окружающих, их самоэффективность будет снижаться.

Что касается выделенных нами копинг-стратегий, то можно видеть, что только одна стратегия приводит к повышению самоэффективности молодежи в сложившейся ситуации, а именно — «Хобби». Остальные стратегии не имели значимого эффекта на самоэффективность.

Обсуждение результатов

Наше исследование было посвящено выявлению копинг-стратегий, оказывающих эффект на самоэффективность российской молодежи в сложившейся политической ситуации. На первом этапе, проведя пилотное качественное исследование, мы выделили стратегии, которые, по мнению опрошенных молодых людей, помогли им справляться со сложившейся ситуацией и поддерживать

их самоэффективность: «Погружение в рутину», «Общение с близкими», «Избегание одиночества», «Планирование миграции», «Помощь психолога», «Хобби», «Избегание одиночества», «Отдых», «Медитация, молитва», «Юмор», «Поиск позитива», «Вовлеченность в информационное поле» и «Отказ от обсуждения ситуации». Если соотнести выделенные стратегии с теми, которые анализировались в ранее проведенных исследованиях, то можно сказать, что большинство из них — это активные стратегии, связанные со стремлением как-то разрешить ситуацию, повисить контроль над ней. Эти стратегии соотносятся со стратегиями «Решение проблемы» и «Самоконтроль», предложенными В. Янке и Г. Эрдманном [2]. Однако выделенные нами стратегии были более специфичными и связаны именно со сложившейся современной ситуацией. Только три стратегии — «Погружение в рутину», «Отказ от обсуждения ситуации» и «Отдых» — можно отнести к пассивным. Эти стратегии соотносятся с двумя стратегиями, предложенными ранее — «Избегание проблемы» и «Отвлечение» [2]. Предложенная В. Янке и Г. Эрдманном [2] стратегия «Поиск социальной поддержки» близка по смыслу к выделенной нами стратегии «Помощь психолога» и

противоположна таким стратегиям, как «Общение с близкими» и «Избегание одиночества», поскольку эти стратегии ориентированы не столько на поиск поддержки, сколько на взаимную поддержку. Поскольку данные качественного этапа были получены в ходе пилотного, предварительного исследования, необходима дальнейшая проверка выделенных стратегий на других выборках.

Количественное исследование показало, что в целом российская молодежь демонстрирует высокий уровень самоэффективности. То есть можно говорить о том, что присутствует вера в свои силы, способности, что в целом может приводить к большему упорству в преодолении трудностей. Наиболее предпочитаемыми среди российской молодежи копинг-стратегиями, которые призваны помочь совладать с личной стрессовой ситуацией, являются «Решение проблемы» и «Поиск социальной поддержки». Наименее предпочитаемой была копинг-стратегия «Агрессия». Можно сказать, что молодежь стремится свои проблемы решать, а не уходить от них, но при этом она еще очень уязвима и нуждается в поддержке окружающих, особенно близких и друзей.

Среди копинг-стратегий, выделенных в ходе качественного этапа исследования, наибольшее предпочтение молодежь отдавала следующим: «Уход в рутинную работу», «Хобби», «Общение с близкими»; наименьшее предпочтение — «Помощь психолога» и «Медитация». Здесь мы видим, что, с одной стороны, молодежь стремится быть активной, заниматься любимым делом или работой, пусть даже рутинной, а с другой — ей важны общение с близкими, друзьями, членами семьи и взаимная поддержка друг друга.

Регрессионный анализ взаимосвязи копинг-стратегий и самоэффективности молодежи показал, что только активные

стратегии, направленные на решение проблем, активную собственную позицию, а также занятие любимым делом способствуют повышению самоэффективности. Наши данные согласуются с ранее проведенными исследованиями, которые, с одной стороны, демонстрируют, что наиболее надежными индикаторами самоэффективности выступают индивидуальные результаты деятельности. Поскольку хобби — это деятельность, которая, как правило, связана с успехом, высокой мотивацией и положительными эмоциями, она, соответственно, приводит к повышению самоэффективности [28]. С другой стороны, стратегии, которые не ориентированы на преодоление проблемы, имеют отрицательную взаимосвязь с самоэффективностью [32].

Также наши результаты показали, что пассивные стратегии, связанные с избеганием проблемы, поиском социальной поддержки, снижают самоэффективность. Это подтверждается ранее проведенными исследованиями самоэффективности [32], а также демонстрирует подход к анализу копинг-стратегий, который доказывает, что нет плохих или хороших копинг-стратегий, их эффективность зависит от человека и ситуации [15].

На наш взгляд, не удалось выявить значимые взаимосвязи между стратегиями совладания, которые молодежь высказала в ходе интервью, и их самоэффективностью, поскольку эта взаимосвязь может быть опосредована иными переменными. Например, выделенные респондентами стратегии могут снижать в целом уровень тревожности молодых людей и восприниматься как очень важный способ преодоления сложившейся стрессовой ситуации, а снижение тревожности, в свою очередь, может приводить к росту благополучия и само-

эффективности. Однако данное предположение требует дополнительной проверки в дальнейших исследованиях.

Выводы и заключение

Полученные нами результаты позволили выявить те копинг-стратегии, которые использует молодежь в современной ситуации, и то, как эти стратегии совладания предсказывают самоэффективность молодежи. Наши результаты показали следующее:

1. Только активные копинг-стратегии, ориентированные на решение проблем, активизацию собственной ответственности, самоконтроля, а также связанные с вовлечением молодежи в значимые и интересные для них виды деятельности («Решение проблемы», «Самоконтроль», «Хобби»), повышают их самоэффективность.

2. Копинг-стратегии пассивные, связанные с отступлением, уклонением от стрессовой ситуации, а также ориентированные не на собственные силы, а на поддержку со стороны («Избегание проблемы», «Поиск социальной поддержки»), в сегодняшней

сложившейся ситуации не способствуют самоэффективности молодежи.

Исследование имеет ряд ограничений. Качественное исследование проводилось на небольшой выборке, и, возможно, ее увеличение позволило бы расширить пул копинг-стратегий. Также мы не учитывали такие показатели, как наличие собственной семьи и детей, которые также могут сказаться как на выборке копинг-стратегий, так и на самоэффективности молодежи.

Полученные нами результаты дополняют теоретические подходы к пониманию роли разных копинг-стратегий не столько в ситуациях стресса, вызванного личной историей жизни, сколько в ситуации стресса, вызванного чрезвычайными внешними социально-политическими событиями.

Данное исследование имеет практическую значимость, его результаты могут быть использованы в разработке молодежной политики в сегодняшней ситуации, которая позволила бы повышать самоэффективность российской молодежи.

Литература

1. Баранов О.О. Роль копинг-стратегий во взаимосвязи социальных идентичностей и самоэффективности у российской современной молодежи / Выпускная квалификационная работа. М., 2023. 127 с.
2. Водопьянова Н.Е., Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: «Питер», 2013. 336 с.
3. Кружкова О.В., Никифорова Д.М. Проблема диагностики копинг-стратегий в современном психологическом измерении // Психология. Психофизиология. 2012. № 31. С. 4–12.
4. Маклаков А.Г. Человек в экстремальных условиях деятельности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2020. № 4. С. 165–180.
5. Минеев Ю.В. Факторы, влияющие на психологическое состояние в экстремальных ситуациях // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. С. 162–168.
6. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ и перспективы исследований // Разработка понятий современной психологии. 2021. С. 503–537.
7. Ромек В.Г., Шварцер Р., Ерусалем М. Русская версия шкалы общей само-эффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.
8. Фоминых Е.С. Взаимосвязь самоэффективности и жизненной позиции молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 2. С. 55–59.

9. Шингаев С.М., Тюрина Л.В. Социально-психологические последствия специальной военной операции // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Психология личности в трансформирующемся мире: воспитание, развитие, социализация» (г. Калуга, 21–23 мая 2023 г.). Калуга: Из-во ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», 2023. С. 319–324.
10. Якуба Е.М. Характеристика эмоциональных состояний россиян после начала специальной военной операции на Украине // Научный аспект. 2023. № 5. С. 1569–1581.
11. Akram B., Ghazanfar L. Self-efficacy and academic performance of the students of Gujrat University, Pakistan // Academic Research International. 2014. Vol. 5. № 1. P. 283–290.
12. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. № 2. P. 191–215.
13. Çakar F.S. The Relationship between the Self-Efficacy and Life Satisfaction of Young Adults // International Education Studies. 2012. Vol. 5. № 6. P. 123–130.
14. Cheng C., Lau H.P.B., Chan M.P.S. Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: a meta-analytic review // Psychological bulletin. 2014. Vol. 140. № 6. P. 1582–1607.
15. DeLongis A., Holtzman S. Coping in context: The role of stress, social support, and personality in coping // Journal of personality. 2005. Vol. 73. № 6. P. 1633–1656.
16. Erikson E.H. Identity youth and crisis. New York: W.W. Norton Company, 1968. P. 336.
17. Folkman S., Lazarus R.S., Gruen R.J., DeLongis A. Appraisal, coping, health status, and psychological symptoms // Journal of personality and social psychology. 1986. Vol. 50. № 3. P. 571–579.
18. Fereday J., Muir-Cochrane E. Demonstrating rigor using thematic analysis: A hybrid approach of inductive and deductive coding and theme development // International journal of qualitative methods. 2006. Vol. 5. № 1. P. 80–92.
19. Freire C., Ferradás M.D.M., Regueiro B., Rodríguez S., Valle A., Núñez J.C. Coping strategies and self-efficacy in university students: A person-centered approach // Frontiers in psychology. 2020. Vol. 11. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00841
20. Gross J.J. Emotion regulation: Conceptual and empirical foundations // Handbook of emotion regulation. 2014. Vol. 2. P. 3–20.
21. Jerusalem M., Mittag W. Self-efficacy in stressful life transitions // Self-efficacy in changing societies. 1995. P. 177–201.
22. Jessor R., Donovan J.E., Costa F.M. Beyond adolescence: Problem behaviour and young adult development. Cambridge University Press, 1994. 332 p.
23. Pintrich P.R. A motivational science perspective on the role of student motivation in learning and teaching contexts // Journal of educational Psychology. 2003. Vol. 95. № 4. P. 667–686.
24. Richardson M., Abraham C., Bond R. Psychological Correlates of University Students' Academic Performance: A Systematic Review and Meta-Analysis // Psychological Bulletin. 2012. Vol. 138. № 2. P. 353–387.
25. Schulenberg J.E., Bryant A.L., O'Malley P.M. Taking hold of some kind of life: How developmental tasks relate to trajectories of well-being during the transition to adulthood // Development and psychopathology. 2004. Vol. 16. № 4. P. 1119–1140.
26. Schwarzer R., Knoll N. Positive coping: Mastering demands and searching for meaning // Positive psychological assessment: A handbook of models and measures. 2003. P. 393–409.
27. Settersten Jr.R.A., Furstenberg F.F., Rumbaut R.G. On the frontier of adulthood: Theory, research, and public policy. University of Chicago Press, 2005. 608 p.
28. Shkëmbi F., Treska V. A Review of the Link Between Self-efficacy, Motivation and Academic Performance in Students // European Journal of Social Science Education and Research. 2023. Vol. 10. № 1. P. 23–31.
29. Skinner E.A., Edge K., Altman J., Sherwood H. Searching for the structure of coping: a review and critique of category systems for classifying ways of coping // Psychological bulletin. 2003. Vol. 129. № 2. P. 216–269.

30. Slovic P. The perception of risk. Routledge, 2016. 512 p.
31. Stephenson E., DeLongis A. Coping strategies. The Wiley encyclopedia of health psychology // The Wiley Encyclopedia of Health Psychology. 2020. Ch. 50. P. 55–60. DOI:10.1002/9781119057840
32. Vaezfar S.S., Azadi M.M., Akbari Balootbangan A., Rahimi M. The role of coping styles and self-efficacy in nurses job stress in hospital // Iranian Journal of Psychiatric Nursing. 2014. Vol. 2. № 2. P. 22–32.

References

1. Baranov O.O. Rol' koping-strategii vo vzaimosvyazi sotsial'nykh identichnostei i samoeffektivnosti u rossiiskoi sovremennoi molodezhi [The role of coping strategies in the relationship between social identities and self-efficacy among modern Russian youth]. Vypuskanaya kvalifikatsionnaya rabota [Final qualification work]. Moscow, 2023, 127 p. (In Russ.).
2. Vodopyanova N.E., Vodopyanova N.E. Psikhodiagnostika stressa [Psychodiagnosics of stress]. Saint Petersburg: Publ. "Piter", 2013, pp. 336. (In Russ.).
3. Kruzhkova O.V., Nikiforova D.M. Problema diagnostiki koping-strategii v sovremennom psikhologicheskom izmerenii [The problem of diagnosing coping strategies in the modern psychological dimension]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology*, 2012, no. 31, pp. 4–12. (In Russ.).
4. Maklakov A.G. Chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh deyatelnosti [Man in extreme operating conditions]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2020, no. 4, pp. 165–180. (In Russ.).
5. Mineev J. Faktory, vliyayushchie na psikhologicheskoe sostoyanie v ekstremal'nykh situatsiyakh [Factors influencing the psychological state in extreme situations]. *Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii = Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, pp. 162–168. (In Russ.).
6. Nestik T.A., Zhuravlev A.L. Otnoshenie k global'nym riskam: sotsial'no-psikhologicheskii analiz i perspektivy issledovaniy [Attitude to global risks: socio-psychological analysis and research prospects]. *Razrabotka ponyatiy sovremennoy psikhologii = Development of concepts of modern psychology*, 2021, pp. 503–537. (In Russ.).
7. Romek V.G., Schwarzer R., Yerusalem M. Russkaya versiya shkaly obshchei samo-effektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema [Russian version of the scale of general self-efficacy by R. Schwarzer and M. Yerusalem]. *Inostrannaya psikhologiya = Foreign psychology*, 1996, no. 7, pp. 71–77. (In Russ.).
8. Fominykh E.S. Vzaimosvyaz' samoeffektivnosti i zhiznennoi pozitsii molodezhi [The relationship between self-efficacy and the life position of youth]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology*, 2020, no. 2, pp. 55–59. (In Russ.).
9. Shingaev S.M., Tyurnina L.V. Sotsial'no-psikhologicheskiye posledstviya spetsial'noy voyennoy operatsii [Socio-psychological consequences of a special military operation]. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «*Psikhologiya lichnosti v transformiruyushchemsya mire: vospitaniye, razvitiye, sotsializatsiya*» (g. Kaluga, 21–23 maya 2023 g.) [Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference "Personality Psychology in a Transforming World: Education, Development, Socialization"]. Kaluga, Publ. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky", 2023, pp. 319–324. (In Russ.).
10. Jakuba E.M. Kharakteristika emotsional'nykh sostoyanii rossiyan posle nachala spetsial'noi voennoy operatsii na Ukraine [Characteristics of the emotional states of Russians after the start of a special military operation in Ukraine]. *Nauchnyy aspekt = Scientific aspect*, 2023, no. 5, pp. 1569–1581. (In Russ.).

11. Akram B., Ghazanfar L. Self-efficacy and academic performance of the students of Gujrat University. *Pakistan. Academic Research International*, 2014. Vol. 5, no. 1, pp. 283–290.
12. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, 1977. Vol. 84, no. 2, pp. 191–215.
13. Çakar F.S. The Relationship between the Self-Efficacy and Life Satisfaction of Young Adults. *International Education Studies*, 2012. Vol. 5, no. 6, pp. 123–130.
14. Cheng C., Lau H.P.B., Chan M.P.S. Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: a meta-analytic review. *Psychological bulletin*, 2014. Vol. 140, no. 6, pp. 1582–1607.
15. DeLongis A., Holtzman S. Coping in context: The role of stress, social support, and personality in coping. *Journal of personality*, 2005. Vol. 73, no. 6, pp. 1633–1656.
16. Erikson E.H. Identity youth and crisis. New York: W.W. Norton Company, 1968. 336 p.
17. Folkman S., Lazarus R.S., Gruen R.J., DeLongis A. Appraisal, coping, health status, and psychological symptoms. *Journal of personality and social psychology*, 1986. Vol. 50, no. 3, pp. 571–579.
18. Fereday J., Muir-Cochrane E. Demonstrating rigor using thematic analysis: A hybrid approach of inductive and deductive coding and theme development. *International journal of qualitative methods*, 2006. Vol. 5, no. 1, pp. 80–92.
19. Freire C., Ferradás M.D.M., Regueiro B., Rodríguez S., Valle A., Núñez J.C. Coping strategies and self-efficacy in university students: A person-centered approach. *Frontiers in psychology*, 2020. Vol. 11. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00841
20. Gross J.J. Emotion regulation: conceptual and empirical foundations. *Handbook of emotion regulation*, 2014. Vol. 2, pp. 3–20.
21. Jerusalem M., Mittag W. Self-efficacy in stressful life transitions. Self-efficacy in changing societies, 1995, pp. 177–201.
22. Jessor R., Donovan J.E., Costa F.M. Beyond adolescence: Problem behaviour and young adult development. Cambridge University Press, 1994. 332 p.
23. Pintrich P.R. A motivational science perspective on the role of student motivation in learning and teaching contexts. *Journal of educational Psychology*, 2003. Vol. 95, no. 4, pp. 667–686.
24. Richardson M., Abraham C., Bond R. Psychological Correlates of University Students' Academic Performance: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*, 2012. Vol. 138, no. 2, pp. 353–387.
25. Schulenberg J.E., Bryant A.L., O'Malley P.M. Taking hold of some kind of life: How developmental tasks relate to trajectories of well-being during the transition to adulthood. *Development and psychopathology*, 2004. Vol. 16, no. 4, pp. 1119–1140.
26. Schwarzer R., Knoll N. Positive coping: Mastering demands and searching for meaning. *Positive psychological assessment: A handbook of models and measures*, 2003, pp. 393–409.
27. Settersten Jr.R.A., Furstenberg F.F., Rumbaut R.G. On the frontier of adulthood: Theory, research, and public policy. University of Chicago Press, 2005. 608 p.
28. Shkëmbi F., Treska V. A Review of the Link Between Self-efficacy, Motivation and Academic Performance in Students. *European Journal of Social Science Education and Research*, 2023. Vol. 10, no. 1, pp. 23–31.
29. Skinner E.A., Edge K., Altman J., Sherwood H. Searching for the structure of coping: a review and critique of category systems for classifying ways of coping. *Psychological bulletin*, 2003. Vol. 129, no. 2, pp. 216–269.
30. Slovic P. The perception of risk. Routledge, 2016. 512 p.
31. Stephenson E., DeLongis A. Coping strategies. *The Wiley Encyclopedia of Health Psychology*, 2020. Ch. 50, pp. 55–60. DOI:10.1002/9781119057840
32. Vaezfar S.S., Azadi M.M., Akbari Balootbangan A., Rahimi M. The role of coping styles and self-efficacy in nurses job stress in hospital. *Iranian Journal of Psychiatric Nursing*, 2014. Vol. 2, no. 2, pp. 22–32.

Информация об авторах

Баранов Олег Олегович, магистр программы «Прикладная социальная психология» департамента психологии факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7137-4788>, e-mail: oleg_baranov_2002@mail.ru

Галыпина Виктория Николаевна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Information about the authors

Oleg O. Baranov, Master of Program ‘Applied Social Psychology’ of School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7137-4788>, e-mail: oleg_baranov_2002@mail.ru

Victoria N. Galyapina, Doctor of Psychology, Professor of School of Psychology, Faculty of Social Sciences, Chief Researcher at the Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Получена 07.08.2023

Received 07.08.2023

Принята в печать 12.02.2024

Accepted 12.02.2024

Взаимосвязь компетенций руководителя и вовлеченности сотрудников

Карнов А.Б.

ООО «НоваМедика», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5437-3265>, e-mail: karnovab@yandex.ru

Базаров Т.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Цель. Анализ связи между уровнем развития управленческих компетенций руководителя и вовлеченностью в работу как его самого, так и его подчиненных.

Контекст и актуальность. Большинство руководителей современных организаций в работе с персоналом уделяют значительное внимание управлению вовлеченностью работников. Одним из ключевых факторов, влияющих на вовлеченность сотрудников, является непосредственный руководитель. Важным является определение компетенций менеджера, за счет развития которых можно повышать вовлеченность сотрудников разного уровня в организации.

Дизайн исследования. В работе изучалась связь между вовлеченностью сотрудников разного уровня в организации и уровнем развития компетенций их руководителей; а также различия между вовлеченностью руководителей и рядовых сотрудников. Наличие и степень взаимосвязей определялись с помощью корреляционного анализа, а различия — с помощью оценки достоверности различий средних значений.

Участники. Сотрудники организации: 768 человек (24,2% мужчин, 75,8% женщин), в том числе 146 (19%) руководителей и 622 (81%) сотрудника.

Методы (инструменты). Методика оценки компетенций руководителей «360-градусов» на основе корпоративной модели из 8 управленческих компетенций; Анонимный опросник вовлеченности Kicentric — русскоязычная версия.

Результаты. Компетенции руководителя «Понимание бизнеса», «Ориентация на результат», «Взаимодействие» и «Развитие подчиненных» способствуют вовлеченности подчиненных. «Лидерство», «Инициативность», «Понимание бизнеса», «Взаимодействие» также взаимосвязаны с собственной вовлеченностью руководителя. «Планирование» имеет обратную взаимосвязь. Установлено наличие различий вовлеченности руководителей и сотрудников.

Основные выводы. Существует взаимосвязь вовлеченности сотрудников и руководителя с уровнем развития его компетенций: некоторые компетенции руководителя связаны с его высокой вовлеченностью и вовлеченностью его сотрудников, некоторые — с низкой. Обнаружена связь уровней вовлеченности руководителя и сотрудников. Выявлены различия некоторых параметров вовлеченности руководителей и сотрудников.

Ключевые слова: вовлеченность в работу; трудовая мотивация; управленческие компетенции; удовлетворенность персонала; организационная психология.

Для цитаты: Карнов А.Б., Базаров Т.Ю. Взаимосвязь компетенций руководителя и вовлеченности сотрудников // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150107>

CC BY-NC

Effect of Managers Competencies on Employee Engagement

Alexey B. Karpov

NovaMedica LLC, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5437-3265>, e-mail: karpovab@yandex.ru

Tahir Yu. Bazarov

MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Objective. *Analysis of the connection between the level of development of managerial competencies of a manager and the involvement in the work of both himself and his subordinates.*

Background. *Most managers of modern organizations pay considerable attention to managing employee engagement when working with personnel. One of the key factors influencing employee engagement is the immediate supervisor. It is important to determine the manager's competencies, through the development of which it is possible to increase the involvement of employees at different levels in the organization.*

Study design. *The work examined the relationship between the involvement of employees at different levels in the organization and the level of development of the competencies of their managers; and differences between executive and employee engagement. The presence and degree of relationships were determined using correlation analysis, and differences were determined by assessing the reliability of differences in mean values.*

Participants. *Employees of the organization: 768 people (24,2% men, 75,8% women): 146 (19%) managers and 622 (81%) employees.*

Measurements. *Methodology for assessing the competencies of managers "360 degrees" based on a corporate model of 8 management competencies; Anonymous engagement questionnaire Kicentric – Russian version.*

Results. *The manager's competencies "Understanding the Business", "Result Orientation", "Interaction" and "Development of Subordinates" contribute to the involvement of subordinates. "Leadership", "Initiative", "Business Understanding", "Interaction" are also interconnected with the leader's own involvement. "Planning" is an inverse relationship. It has been established that there are differences in the involvement of managers and employees.*

Conclusions. *There is a relationship between the involvement of employees and the manager with the level of development of his competencies: some competencies of managers are associated with high involvement of him and his employees, some with low. A connection was found between the levels of involvement of the manager and employees. Differences in some parameters of engagement between managers and employees were revealed.*

Keywords: *work engagement; work motivation; management competencies; staff satisfaction; organizational psychology.*

For citation: Karpov A.B., Bazarov T.Yu. Effect of Managers Competencies on Employee Engagement. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150107> (In Russ.).

Введение

Большинство современных организаций в работе с персоналом уделяют значительное внимание тому, как управлять

вовлеченностью работников и за счет каких действий руководства ее повышать. Концепция вовлеченности, описанная еще в 90-х годах XX века в работах Кана,

дополнялась и развивалась за последние 30 лет, но существенно не видоизменилась. По мнению автора данного термина [18], вовлеченность — это состояние работника, характеризующееся степенью реализации его личного потенциала в процессе выполнения его трудовой роли, а также степенью его деятельной, когнитивной и эмоциональной экспрессии в процессе трудовой деятельности.

Позднее А. Сакс (A. Saks) дал более емкое определение вовлеченности: «степень, в которой индивид психологически присутствует в определенной организационной роли» [20, с. 602].

Уже в начале двухтысячных годов данный подход чрезвычайно быстро прижился в успешных компаниях, был принят как владельцами бизнесов, так и HR-сообществом. Все стали активно оценивать вовлеченность сотрудников, используя разные методики ее оценки (не всегда обращая внимание на их валидность и достоверность), появилась практическая база для анализа как самой вовлеченности, так и причин ее появления, роста или снижения.

Почему же многие успешные компании проводят регулярную оценку и внедряют целые системы управления вовлеченностью?

Именно благодаря собранным в корпоративных опросах данным были обнаружены достоверные взаимосвязи между вовлеченностью сотрудников и достижением высоких бизнес-показателей компаний [9; 14]. Так, в организациях с высокой вовлеченностью сотрудников ниже уровень брака, выше производительность труда, существенно большая прибыль, более лояльные сотрудники и клиенты [5; 22]. Видя реальную прочную связь между вовлеченностью и бизнес-результатами, организации, ориентированные на со-

ответствующие показатели, приняли и внедрили данную концепцию.

Параллельно с изучением бизнес-преимуществ вовлеченности представителями корпоративного мира ее стали все более пристально исследовать организационные психологи как физическое, когнитивное и эмоциональное состояние работника. Определение вовлеченности было расширено и приближено к социально-психологическому явлению М. Бэрриком: «Общие представления членов организации о том, что члены организации в целом физически, когнитивно и эмоционально погружены в свою работу» [15, с. 113]. Чуть позднее Б. Шук с соавторами предложили рассмотреть вовлеченность как проявление трудовой мотивации: «Мотивационная концепция, отражающая одновременное вложение физической, когнитивной и эмоциональной энергии человека в активную, полноценную работу» [21, с. 269].

В данной работе авторы придерживаются определения, сформулированного ранее: «Вовлеченность — физическое, эмоциональное и интеллектуальное состояние, которое способствует наилучшему выполнению работы» [1].

В последнее время все больше стали изучаться и организационными психологами, и руководителями организаций вопросы о том, существует ли универсальный рецепт повышения вовлеченности сотрудников? Как влиять на ее уровень? Внутренние или внешние воздействия более эффективны? Какова роль руководителя в формировании вовлеченности его сотрудников?

По итогам многих исследований и согласно разным моделям вовлеченности, лежащим в основе целого ряда методик для ее оценки, наряду с культурой компании, бизнес-целями компании, эффективностью процессов, продуктом и имид-

жем на рынке «руководитель» считается фактором, влияющим на вовлеченность сотрудников [11; 13].

Обширные исследования качеств топ-лидеров, проведенные консультантами по лидерству, показали, что способность «вдохновлять и мотивировать на высокие результаты» — самый эффективный показатель выдающегося лидера. Умение вдохновлять — не приятный бонус или довесок к обязанностям лидера, а приоритет [10].

В исследовании Р. Саттона и его коллег, обобщающем результаты наблюдений за работой нескольких сотен менеджеров разного уровня в разных отраслях, а также интервью с тысячами работников — их подчиненными, был обнаружен неожиданный результат. Большинство респондентов были уверены, что начальники не бывают хорошими, и любой руководитель — неприятный человек, который должен получить эффективность любой ценой. Его не интересуют мнение, чувства и потребности подчиненных [12].

Это соответствует выводам Р. Хогана по итогам анализа материалов многочисленных опросов, которые проводились в Гонолулу, Лондоне, Балтиморе и Сиэтле в 1948, 1958, 1968 и 1998 годах среди работников почтовой службы, водителей грузовиков и школьных учителей. Результаты опросов разных групп оказались идентичными: около 75% людей считали общение с непосредственным начальником самой неприятной частью своей работы. Р. Хоган сделал следующее заключение: «Люди увольняются не из компаний, они уходят от плохих боссов» [17, с. 563].

Институт Гэллага провел в 2007 году исследование удовлетворенности работой среди жителей США. Оказалось, что 56% работников относятся к работе без энтузиазма и делают только необходимый минимум, потому что считают сво-

их боссов грубыми и некомпетентными. 24% работников уволили бы своих начальников, если бы у них была бы такая возможность [16].

По данным компании HarryJob, полученным в ходе многолетних исследований российских организаций, в 63% случаев увольнения причиной ухода сотрудников становилось недовольство руководителем. Зачастую своими словами и поступками менеджер может сильно воздействовать на поведение подчиненных: подавить инициативность, снизить мотивацию, лично обидеть, побудить к увольнению [7]. С другой стороны, полное отсутствие коммуникации со стороны руководителя, в том числе о планах компании, снижает эффективность 85% сотрудников [3].

При объединении выводов приведенных исследований не вызывает сомнений тот факт, что руководители влияют на вовлеченность подчиненных. Однако за счет каких качеств — поведенческого стиля или особенностей характера — осуществляется это влияние, и почему одни руководители способствуют вовлеченности работников больше, чем другие, в исследованиях установлено не было.

В современных организациях оценка и развитие управленцев строятся на модели компетенций. «Компетенции — это деловые и личностные качества, связанные с успехом в работе и описанные поведенческим языком» [2, с. 16]. Компетенции способствуют достижению бизнес-результата, однако их развитие занимает длительное время и требует серьезных усилий.

Целью исследования, проведенного в 2021 году в современной российской организации, стало изучение влияния компетенций руководителя на вовлеченность подчиненных сотрудников. Гипотеза исследования: существует

взаимосвязь между определенными компетенциями руководителя и вовлеченностью в работу как его самого, так и членов его команды.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование проводили в 2 этапа. На первом этапе респонденты участвовали в анонимном опросе вовлеченности, отмечая уровень своей позиции (высшее руководство, руководитель подразделения, сотрудники без подчиненных) и структурное подразделение. На втором этапе был проведен опрос по методике «360-градусов», оценивающий уровень развития компетенций руководителя каждого структурного подразделения.

Выборка исследования. Сотрудники современной коммерческой организации: 768 человек (24,2% мужчин, 75,8% женщин), из них 146 (19%) руководителей и 622 (81%) сотрудника.

Методики исследования:

1. Анонимный опросник вовлеченности Kincentric [4]. Данная методика, помимо шкалы «Вовлеченность», оценивает параметры, влияющие на нее: «Баланс работы и личной жизни», «Взаимодействие», «Вознаграждение и признание», «Высшее руководство», «Карьерные возможности», «Непосредственный руководитель», «Обучение и развитие», «Привлекательность бренда», «Самостоятельность», «Содержание работы», «Уважение и принятие», «Управление талантами и подбор», «Управление эффективностью», «Условия для успеха».

2. Методика «360-градусов» в соответствии с корпоративной моделью компетенций.

Корпоративная модель компетенций руководителей, используемая в компании, отражает основные ожидания от руководителей с точки зрения навыков

и знаний, задействованных в повседневной работе, позволяющих отличить эффективных руководителей от менее эффективных. А также она включает в себя корпоративные ценности и будущие изменения в стратегии и ожидания от руководителей и сотрудников компании.

Корпоративная модель компетенций руководителей включает в себя 8 компетенций:

Понимание бизнеса. Владение системными представлениями о бизнесе организации. Понимание специфики работы компании и продукта. Знание преимуществ компании, ее позиции на рынке, конкурентных преимуществ, стратегических приоритетов. Владение внутренними бизнес-процессами, понимание своей роли и роли подчиненного подразделения в их реализации.

Критическое мышление. Установление взаимосвязей между данными, прошлыми тенденциями, общими закономерностями. Анализ фактов и прогноз будущих тенденций. Умение определять объем и источники данных, необходимых для принятия управленческих решений. Проверка достоверности аргументов, построение своих суждений на фактах, особенно для критически важной информации.

Четкость в планировании. Своевременное распределение последовательности действий, точная оценка необходимых материальных и временных ресурсов. Способность определять для себя и подчиненных цели, расставлять приоритеты, а также оценивать действия, время и необходимые ресурсы для их достижения. Высокие навыки самоорганизации.

Ориентация на результат. Целеустремленность, упорство при достижении целей. Поиск путей преодоления неудач. Способность сохранять высокую мотивацию для достижения и превышения цели. Принятие на себя ответствен-

ности за достижение поставленной перед собой или командой цели.

Инициативность. Предложение и реализация идей по улучшению работы компании. Применение новых подходов, позволяющих достигать лучших результатов подразделения и компании. Понимание целесообразности своих предложений. Готовность брать на себя ответственность за внедрение инициатив.

Взаимодействие. Способность эффективно работать с другими людьми для достижения результата. Воздействие на окружающих для получения согласия или поддержки предложений, направленных на достижение лучшего общего результата. Умение продемонстрировать важность вклада каждого в команде для достижения общей цели.

Развитие подчиненных. Понимание личных зон развития и навыков коллег, требующих роста, готовность и активность по их совершенствованию. Способность определять и принимать сильные и слабые стороны подчиненных, различать их таланты и потребности в росте, создание благоприятных условий для развития. Регулярное предоставление обратной связи.

Лидерство. Способность объединять людей для достижения целей компании. Принятие на себя ответственности за результаты работы команды. Формальный и неформальный авторитет среди коллег всех уровней — подчиненных, руководителя, смежников, — умение оказывать воздействие на их рабочее поведение.

Результаты

Обработка результатов исследования проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics 23. Применялись методы оценки достоверности различий средних значений по U-критерию Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции данных Спирмена.

Несмотря на анонимность анкетирования, в процессе проведения опроса участники отмечали уровень своей должности в организации и принадлежность к структурным подразделениям. При обработке анонимных ответов проанализированы данные по обозначенным участниками подразделениям в разрезе заявленных управленческих уровней. Как видно на диаграмме (рис. 1), в исследовании участвовали 146 руководителей (23 представителя высшего руководства и 123 руководителя «среднего звена»), а также 622 сотрудника. В дальнейшем анализе при сравнении результатов двух групп данные по руководителям высшего и среднего звена объединены в группу «руководитель», поскольку при оценке исследуемых параметров статистически достоверных различий между представителями обеих групп не обнаружено.

Рис. 1. Организационный уровень участников исследования

Уровень вовлеченности в работу руководителей достоверно превышает ($p < 0,05$) аналогичный показатель среди сотрудников (рис. 2). 88% руководителей

и 80% сотрудников вовлечены в работу, их характеризует высокая лояльность к организации и высокая трудовая мотивация — желание работать с самоотдачей, готовность «выкладываться» в работе больше стандартного, желание добиваться высоких результатов.

При сравнении удовлетворенности разными практиками управления персоналом, влияющими на вовлеченность, было выявлено, что выраженность 4 из 14 параметров достоверно различается у руководителей и сотрудников (рис. 2). По остальным 10 параметрам статистически достоверных различий обнаружено не было.

В проведенных ранее исследованиях трудовой мотивации [1; 6] на основе результатов опросов вовлеченности русскоязычной версией методики Kincentric на многочисленной выборке сотрудников российских компании было достоверно выявлено существование 6 факторов мотивации, объединяющих параметры удовлетворенности разными

асpekтами компании: «Условия труда», «Вознаграждение», «Руководитель», «Коллектив», «Содержание работы», «Перспективы роста».

Среди 6 факторов, влияющих на мотивацию работников, в настоящем исследовании руководителя различно оценивают высоко- и низкововлеченные сотрудники (табл. 1). Если у высокововлеченных «Руководитель» — наиболее привлекательный фактор, то в группе низкововлеченных в работу удовлетворенность руководителем снижается, уступая ведущее место фактору «Коллектив».

Для проверки основной гипотезы — изучения взаимосвязи выраженности уровня развития определенных компетенций руководителя и вовлеченности как его самого, так и подчиненных — были задействованы результаты ежегодной оценки руководителей по модели корпоративных компетенций. Оценка проводилась по методике «360-градусов», в анализе данных использованы усредненные показатели по компетенци-

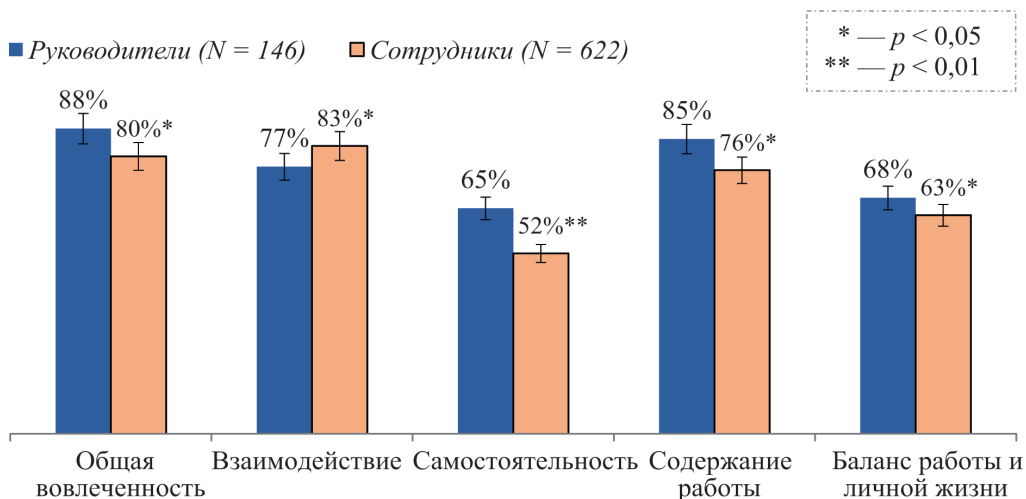

Рис. 2. Выраженность вовлеченности и удовлетворенности практиками управления персоналом у сотрудников и руководителей (N = 768)

Таблица 1

Выраженность и иерархия факторов мотивации в группах высоко- и низкововлеченных (N = 269)

Фактор мотивации	Группа высокововлеченных (N = 230)			Группа низкововлеченных (N = 39)		
	значение	сравнение со средним	ранг	значение	сравнение со средним	ранг
Условия работы	5,25	1,14	3	3,57	0,78	4
Вознаграждение	5,13	1,15	5	3,11	0,70	6
Руководитель	5,44	1,13	1	3,61	0,75	3
Коллектив	5,22	1,12	4	3,73	0,80	1
Содержание работы	5,28	1,12	2	3,67	0,78	2
Перспективы роста	5,11	1,15	6	3,19	0,72	5

ям, объединенные в корпоративную модель компетенций. Усредненные значения экспертной оценки подчиненными, непосредственными руководителями, смежниками и самооценки приведены на рис. 3. Для понимания зон развития компетенций руководителей и расхождения средних значений с целевыми по каждой компетенции данные сравниваются с целевыми — профилем успеха.

Проведенный корреляционный анализ позволил обнаружить взаимосвязи выраженности уровня развития компетенций руководителя с его вовлеченностью и вовлеченностью его подчиненных и показал достоверные закономерности. Результаты анализа представлены в табл. 2.

«Понимание бизнеса» и «Взаимодействие» прямо взаимосвязаны (здесь и далее уровень значимости обсуждае-

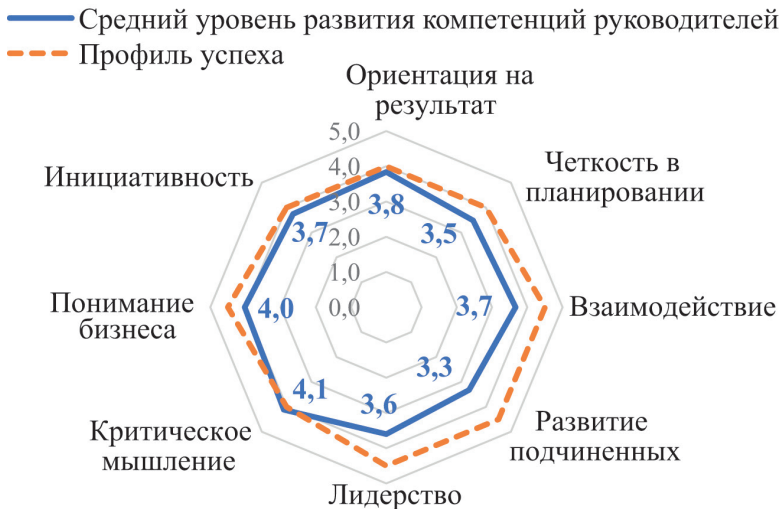

Рис. 3. Средняя оценка управленческих компетенций руководителей (N = 146) методом «360-градусов» в сравнении с целевым профилем (Профилем успеха)

**Взаимосвязи компетенций руководителя с его вовлеченностью
и вовлеченностью его подчиненных (N = 768)**

Коэффициенты корреляции (<i>r</i>) ** – $p < 0,01$	Понимание бизнеса	Критическое мышление	Четкость в планировании	Ориентация на результат	Инициатив- ность	Взаимодей- ствие	Развитие подчиненных	Лидерство
Вовлеченность руководителя	0,320**	0,171	-0,240**	0,194	0,434**	0,450**	0,008	0,454**
Вовлеченность подчиненных	0,445**	-0,034	-0,174	0,358**	0,098	0,267**	0,230**	0,177

мых корреляций $p < 0,01$) с вовлеченностью как самого руководителя ($r = 0,320$; $r = 0,450$), так и его подчиненных ($r = 0,445$; $r = 0,267$). «Инициативность» и «Лидерство» прямо коррелируют с вовлеченностью самого руководителя ($r = 0,434$; $r = 0,454$), однако не выявлено достоверно, чтобы их уровень оказывал влияние на вовлеченность подчиненных. «Четкость в планировании» не влияет достоверно на вовлеченность сотрудников, но обратно взаимосвязана с вовлеченностью руководителя ($r = -0,240$). «Ориентация на результат» и «Развитие подчиненных» не коррелируют с вовлеченностью руководителя, но достоверно прямо взаимосвязаны с вовлеченностью подчиненных сотрудников ($r = 0,358$; $r = 0,230$). Взаимосвязей «Критического мышления» и вовлеченности как руководителя, так и подчиненных не обнаружено.

Обсуждение результатов

Обнаруженные различия уровня вовлеченности руководителя и подчиненных вполне предсказуемы (рис. 2). Зачастую наивысшей вовлеченностью в работу компании обладают владельцы бизнеса, а их способность «заряжать» сотрудников желанием добиваться высоких бизнес-целей в большей степени

распространяется на ближнее окружение — управленческую команду. С другой стороны, руководителям, как правило, приходится регулярно вдохновлять сотрудников на достижения, они более погружены в бизнес-планы и стратегию компании, они обладают большими знаниями о компании и большим количеством ресурсов для влияния на результаты бизнеса — а все это параметры, повышающие вовлеченность.

Среди параметров, влияющих на вовлеченность, сотрудники лучше оценивают «Взаимодействие в организации», что может быть объяснимо более простой коммуникацией с коллегами своего уровня для решения общих задач и меньшим количеством потенциальных конфликтов интересов. Руководители более позитивно воспринимают «Самостоятельность» и «Содержание работы», что связано с большей свободой в выборе как приоритетности, так и способов решения рабочих задач. Высокая оценка баланса работы и личной жизни показывает не столько меньшую продолжительность рабочего времени в сравнении с рядовыми сотрудниками, сколько большую готовность руководителей к переработкам и уровню стресса на управленческих позициях.

При сравнении выраженности удовлетворенности разными факторами мотивации у сотрудников всех организационных уровней с высокой и низкой вовлеченностью (табл. 1) было обнаружено, что среди сотрудников с высокой вовлеченностью «Руководитель» — наиболее «удовлетворенный» фактор, занимающий первое место среди других. В группе низкововлеченных этот фактор уже переходит на третью по удовлетворенности позицию, уступая первое место фактору «Коллектив». Примечательно, что среди всех 6 оцениваемых факторов именно удовлетворенность руководителем снижается по иерархии наиболее явно со снижением вовлеченности, что косвенно подтверждает нашу гипотезу о существовании влияния руководителей на вовлеченность сотрудников.

Результаты ежегодной оценки уровня развития компетенций методом «360-градусов» представлены на рис. 3. На графике — средние значения опроса непосредственных начальников, подчиненных, смежников, а также собственная оценка по каждой компетенции руководителя из корпоративной модели. Средние значения статистически достоверно не отличались в группах высшего руководства и среднего менеджмента, поэтому, как и ранее в обсуждении данного исследования, данные по руководителям объединены.

Проведенное исследование показало, что некоторые компетенции руководителя положительно или отрицательно взаимосвязаны с его вовлеченностью, но не связаны с вовлеченностью подчиненных, некоторые влияют только на вовлеченность сотрудников подразделений, а некоторые — на вовлеченность и руководителя, и его команды.

Из всех компетенций руководителя только «Понимание бизнеса» и «Взаимодействие» прямо взаимосвязаны (табл. 2)

с вовлеченностью и руководителя, и его подчиненных. Руководители с высоким уровнем развития данных компетенций больше других вовлечены в работу, руководят наиболее вовлеченными сотрудниками. Можно объяснить это тем, что такие руководители создают у команды ощущение уверенности в правильности принимаемых бизнес-решений и умеют создать результативное сотрудничество между коллегами как своего, так и смежных подразделений, обеспечивая наиболее эффективное взаимодействие. Кроме этого, руководители с развитыми компетенциями «Понимание бизнеса» и «Взаимодействие» больше внимания уделяют информированию сотрудников о планах организации, а это способствует высокой вовлеченности подчиненных. Отсутствие своевременной достоверной информации о деятельности компании и происходящих в ней событиях вызывает замешательство и приводит к стрессу. Когда люди понимают, что происходит в компании, они чувствуют себя в безопасности и могут принимать качественные решения.

«Инициативность» и «Лидерство» взаимосвязаны с вовлеченностью самого руководителя, но не подчиненных. Если такой результат с компетенцией «Инициативность» можно объяснить тем, что хотя эта компетенция и более свойственна вовлеченным людям, но, видимо, не все предлагаемые ими инициативы, а также способы их достижения разделяются окружением инициаторов, то данные по отсутствию взаимосвязи компетенции «Лидерство» с вовлеченностью подчиненных противоречат устоявшимся стереотипам. Закономерность, обнаруженная на выборке данного исследования, опровергает существующий на протяжении многих лет подход, постулирующий прямое влияние лидерских качеств начальника на вовлеченность команд и

рекомендующий в качестве одной из основных мер по развитию вовлеченности сотрудников развивать лидерство у руководителя. С другой стороны, возможно, отсутствие корреляции объясняется зависимостью вовлеченности работников не столько от лидерских качеств как таковых, сколько от лидерского стиля, как было установлено в других работах [8; 19], однако в задачи данного исследования подобный анализ не входил. В любом случае ответ на этот вопрос требует дальнейшего внимания и изучения.

«Четкость в планировании» не влияет достоверно на вовлеченность сотрудников, но обратно взаимосвязана с вовлеченностью руководителя. Можно предположить, что руководитель с развитой данной компетенцией скорее создает образ менее вовлеченного, отдаляясь от людей в пользу процессов и процедур либо излишне требуя от себя и окружающих соблюдения формальностей.

Среди всех компетенций руководителя «Ориентация на результат» и «Развитие подчиненных» достоверно взаимосвязаны только с вовлеченностью подчиненных сотрудников. У руководителя с выраженной компетенцией «Ориентация на результат» сотрудники «заражаются» стремлением к высоким результатам, по примеру руководителя не останавливаются перед преградами в достижении цели. А высокий уровень «Развития подчиненных» говорит сотрудникам о повышенном внимании к ним со стороны руководителя и его заинтересованности в их росте — что не может не способствовать их высокой вовлеченности в работу.

Отсутствие взаимосвязей «Критического мышления» с вовлеченностью может быть объяснимо тем, что данная компетенция руководителя больше задействована в его контролирующей и

оценивающей функциях, нежели мотивирующей на дальнейшие достижения в работе.

Важно также отметить, что в ходе нашего исследования удалось обнаружить высокую взаимосвязь вовлеченности руководителя и вовлеченности его сотрудников ($r = 0,624$; $p < 0,01$). Данная корреляция даже сильнее обнаруженных ранее взаимосвязей компетенций с вовлеченностью, что может быть основанием для предположения о более выраженном влиянии социально-поведенческих характеристик руководителя на вовлеченность команды, чем уровня развития отдельных его навыков.

Обнаруженные результаты выявляют целый ряд навыков руководителей, способствующих повышению вовлеченности команд, позволяют предположить, что построение системы целенаправленного развития определенных компетенций управленцев будет повышать общий уровень вовлеченности, что положительно повлияет на результативность работы сотрудников и производительность труда в организации в целом.

Заключение

Подводя итоги исследования, стоит отметить, что сформулированная гипотеза о существовании взаимосвязи между определенными компетенциями руководителя и вовлеченностью в работу как его самого, так и членов его команды подтвердилась. Были обнаружены и описаны следующие закономерности:

- 1) Существуют различия у сотрудников и руководителей в удовлетворенности практиками управления персоналом компании: руководители более критичны в оценке «Взаимодействия», выше оценивают «Содержание работы», «Самостоятельность», «Баланс работы и жизни».

2) Общий уровень вовлеченности выше у руководителей.

3) «Руководитель» — фактор мотивации, наиболее позитивно воспринимаемый вовлеченными сотрудниками, удовлетворенность им снижается с уменьшением вовлеченности.

4) Обнаружена взаимосвязь уровня развития некоторых компетенций руководителя с вовлеченностью его самого и/или его сотрудников:

- «Лидерство», «Инициативность», «Понимание бизнеса», «Взаимодействие» прямо взаимосвязаны с собственной вовлеченностью руководителя; «Планирование» имеет обратную взаимосвязь;

- «Понимание бизнеса», «Ориентация на результат», «Взаимодействие» и «Развитие подчиненных» способствуют вовлеченности подчиненных.

5) По итогам корреляционного анализа обнаружено, что вовлеченность руководителя сильно взаимосвязана с вовлеченностью подчиненных.

Все обнаруженные в исследовании закономерности необходимо учитывать как ученым-психологам, так и корпоративным сотрудникам по работе с персоналом. Основываясь на полученных данных, можно с еще более высокой эффективностью выстраивать работу с вовлеченностью персонала в современных организациях.

В то же время данное исследование открывает перспективы дальнейшего изучения по данному направлению — остается неизученным вопрос о том, что в обнаруженных взаимосвязях является определяющим: вовлеченность или особенности руководителя. Большой интерес представляет возможная оценка взаимосвязи уровня развития компетенций сотрудников с их собственной вовлеченностью в работу и анализ в сравнении взаимосвязей с компетенциями руководителей. Все эти вопросы планируется исследовать в дальнейшем.

Литература

1. Базаров Т.Ю., Карпов А.Б. Факторы трудовой мотивации современного работника (на примере российской фармацевтической компании) // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 1. С. 106—120.
2. Безручко П. Практики регулярного менеджмента: Управление исполнением, управление командой. М.: Альпина Паблишер, 2023. 368 с.
3. Егорова А.А. Вовлеченные сотрудники: как создать команду, которая работает с полной отдачей и достигает высоких результатов. М.: Эксмо, 2023. 336 с.
4. Ёлер К. Модель вовлеченности сотрудников Kincentric (Aon Hewitt) [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://axes.ru/articles/model-vovlechnosti-sotrudnikov-aon-hewitt/> (дата обращения: 22.08.2023).
5. Карпов А.Б. Вовлеченность в работу — показатель трудовой мотивации сотрудников // Системная психология и социология. 2018. № 3(27). С. 74—83.
6. Карпов А.Б., Львов С.Ю. Универсальная модель трудовой мотивации современного работника // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 5. С. 95—108.
7. Ключков А.К. Вовлеченность и лояльность персонала от А до Я. М.: Эксмо, 2022. 240 с.
8. Козарезова Е.И. Влияние стиля управления руководителя на уровень вовлеченности сотрудников [Электронный ресурс] // Human Progress. 2019. Том 5. Вып. 7. DOI:10.34709/IM.157.6
9. Мочалин Д.Д. Как интерпретировать показатели вовлеченности персонала в компаниях // Организ. психол. 2022. Т. 12. № 4. С. 144—159. DOI:10.17323/2312-5942-2022-12-4-144-159

10. *Мульфейт Я.* Вдохновляющий лидер. Команда. Смыслы. Энергия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 384 с.
11. *Пономарева Ю.С., Коптева К.В.* Ключевые факторы вовлеченности персонала организации // Инновационное будущее экономики: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 2 июня 2014 г.) / отв. ред. Сукиасян А.А. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 81–83.
12. *Саттон Р.* Искусство быть хорошим руководителем. Руководство для тех, кто управляет людьми / пер. с англ. Е. Милицкой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.
13. *Токарева Ю.А., Глухенькая Н.М., Токарев А.Г., Чевтаева Н.Г., Быкова Е.А.* Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография. Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2021. 216 с.
14. Тренды вовлеченности 2021-22. Прогнозы 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://happy-job.ru/hr-blog/trendy-vovlechennosti-2021-22-prognozy-2023/> (дата обращения: 22.08.2023).
15. *Barrick M. et al.* Collective organizational engagement: linking motivational antecedents, strategic implementation, and firm performance // *Academy of Management Journal*. 2015. Vol. 58(1). P. 111–135. DOI:10.5465/amj.2013.0227
16. Gallup. State of the American Manager: Analytics and Advice for Leaders (report) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gallup.com/services/182138/state-american-manager.aspx/> (дата обращения: 22.08.2023).
17. *Hogan J., Hogan R., Kaiser R.B.* Management derailment // *APA handbook of industrial and organizational psychology*. Vol. 3. Maintaining, expanding, and contracting the organization / S. Zedeck (ed.). Washington, DC: American Psychological Association, 2011. P. 555–575. DOI:10.1037/12171-015
18. *Khan W.* Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // *Academy of Management Journal*. 1990. Vol. 33(4). DOI:10.2307/256287
19. *Lewis R. et al.* Management competencies for enhancing employee engagement (Project Report) [Электронный ресурс]. London, U.K.: Chartered Institute of Personnel and Development. URL: <https://engageforsuccess.org/wp-content/uploads/2017/05/Management-competencies-for-enhancing-employee-engagement.pdf/> (дата обращения: 22.08.2023).
20. *Saks A.* Antecedents and consequences of employee engagement // *Journal of Managerial Psychology*. 2006. Vol. 21(7). P. 600–619. DOI:10.1108/02683940610690169
21. *Shuck B. et al.* Definitional and Conceptual Muddling: Identifying the Positionality of Employee Engagement and Defining the Construct // *Human Resource Development Review*. 2017. Vol. 16(3). P. 263–293. DOI:10.1177/1534484317720622
22. Society for human resource management. Employee job Satisfaction and engagement: The road to economic recovery [Электронный ресурс] // URL: <https://www.readkong.com/page/employee-job-satisfaction-and-engagement-4084043/> (дата обращения: 22.08.2023).

References

1. Bazarov T.Yu., Karpov A.B. Faktory trudovoi motivatsii sovremennogo rabotnika (na primere rossiiskoi farmatsevticheskoi kompanii) [Factors of labor motivation of a modern employee (on the example of a Russian pharmaceutical company)]. *Organizacionnaya psikhologiya = Organizational psychology*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 106–120. (In Russ.).
2. Bezruchko P. Praktiki regul'yarnogo menedzhmenta: Upravlenie ispolneniem, upravlenie komandoi [Regular management practices: Performance management, team management]. Moscow: Al'pina Pabliisher, 2023. 368 p. (In Russ.).
3. Egorova A.A. Vovlechennye sotrudniki: kak sozdat' komandu, kotoraya rabotaet s polnoi otdachei i dostigaet vysokikh rezul'tatov [Engaged employees: how to create a team that works with full dedication and achieves high results]. Moscow: Eksmo, 2023. 336 p. (In Russ.).

4. Oehler K. Model' vovlechnosti sotrudnikov Kincentric (Aon Hewitt) [Kincentric Employee Engagement Model (Aon Hewitt)], 2018. URL: <https://axes.ru/articles/model-vovlechnosti-sotrudnikov-aon-hewitt/> (Accessed 22.08.2023).
5. Karpov A.B. Vovlechnost' v rabotu — pokazatel' trudovoi motivatsii sotrudnikov [Engagement in work is an indicator of employee motivation]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya = Systematic psychology and sociology*, 2018. Vol. 27, no. 3, pp. 74–83. (In Russ.).
6. Karpov A.B., L'vov S.Yu. Universal'naya model' trudovoi motivatsii sovremennogo rabotnika [Universal model of labor motivation of a modern worker]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2022. Vol. 68, no. 5, pp. 95–108. (In Russ.).
7. Klochkov A.K. Vovlechnost' i loyal'nost' personala ot A do Ya [Personnel engagement and loyalty from A to Z]. Moscow: Eksmo, 2022. 240 p. (In Russ.).
8. Kozarezova E.I. Vliyanie stilya upravleniya rukovoditelya na uroven' vovlechnosti sotrudnikov [Elektronnyi resurs] [The influence of a manager's management style on the level of employee engagement]. *Human Progress*, 2019. Vol. 5, no. 7. DOI:10.34709/IM.157.6 (In Russ.).
9. Mochalin D.D. Kak interpretirovat' pokazateli vovlechnosti personala v kompaniyakh [How to interpret indicators of employee engagement in companies]. *Organizacionnaya psikhologiya = Organizational psychology*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 144–159. DOI:10.17323/2312-5942-2022-12-4-144-159 (In Russ.).
10. Mul'feit Ya. Vdokhnovlyayushchii lider. Komanda. Smysly. Energiya [Inspiring leader. Team. Meanings. Energy]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 384 p. (In Russ.).
11. Ponomareva Yu.S., Kopteva K.V. Klyuchevye faktory vovlechnosti personala organizatsii [Key factors of employee engagement in an organization]. In Sukiasyan A.A. (ed.). *Innovatsionnoe budushchee ekonomiki: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (g. Ufa, 2 iyunya 2014 g.) [Innovative Future of Economics: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa: "Aeterna", 2014, pp. 81–83. (In Russ.).
12. Sattou R. Iskusstvo byt' khoroshim rukovoditelem. Rukovodstvo dlya tekh, kto upravlyaet lyud'mi [The art of being a good leader. Guide for those who manage people]. Per. s angl. E. Militskoi. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 352 p. (In Russ.).
13. Tokareva Yu.A., Glukhen'kaya N.M., Tokarev A.G., Chevtaeva N.G., Bykova E.A. Motivatsiya trudovoi deyatel'nosti personala: kompleksnyi podkhod: monografiya [Motivation of personnel work activity: an integrated approach: monograph]. Shadrinsk: ShGPU, 2021. 216 p. (In Russ.).
14. Trendy vovlechnosti 2021-22. Prognozy 2023 [Elektronnyi resurs] [Engagement trends 2021-2022. Forecasts 2023]. URL: <https://happy-job.ru/hr-blog/trendy-vovlechnosti-2021-22-prognozy-2023/> (Accessed 22.08.2023).
15. Barrick M. et al. Collective organizational engagement: linking motivational antecedents, strategic implementation, and firm performance. *Academy of Management Journal*, 2015. Vol. 58, no. 1, pp. 111–135. DOI:10.5465/amj.2013.0227
16. Gallup. State of the American Manager: Analytics and Advice for Leaders (report). URL: <https://www.gallup.com/services/182138/state-american-manager.aspx/> (Accessed 22.08.2023).
17. Hogan R. et al. Management derailment. In S. Zedeck (Ed.). *APA handbook of industrial and organizational psychology, Vol. 3. Maintaining, expanding, and contracting the organization*. Washington, DC: American Psychological Association, 2011, pp. 555–576. DOI:10.1037/12171-015
18. Khan W. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work. *Academy of Management Journal*, 1990. Vol. 33, no. 4. DOI:10.2307/256287
19. Lewis R. et al. Management competencies for enhancing employee engagement [Elektronnyi resurs]. (Project Report) London, U.K.: Chartered Institute of Personnel and Development. URL: <https://engageforsuccess.org/wp-content/uploads/2017/05/Management-competencies-for-enhancing-employee-engagement.pdf/> (Accessed 22.08.2023).

20. Saks A. Antecedents and consequences of employee engagement. *Journal of Managerial Psychology*, 2006. Vol. 21, no. 7, pp. 600–619. DOI:10.1108/02683940610690169
21. Shuck B. et al. Definitional and Conceptual Muddling: Identifying the Positionality of Employee Engagement and Defining the Construct. *Human Resource Development Review*, 2017. Vol. 16, no. 3, pp. 263–293. DOI:10.1177/1534484317720622
22. Society for human resource management. Employee job Satisfaction and engagement: The road to economic recovery [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.readkong.com/page/employee-job-satisfaction-and-engagement-4084043/> (Accessed 22.08.2023).

Информация об авторах

Карпов Алексей Борисович, кандидат психологических наук, глава подразделения по управлению персоналом и административной поддержке, ООО «НоваМедика», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5437-3265>, e-mail: karpovab@yandex.ru

Базаров Тахир Юсуфович, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Information about the authors

Alexey B. Karpov, PhD in Psychology, Head of the HR department and administrative support, NovaMedica LLC, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5437-3265>, e-mail: karpovab@yandex.ru

Tahir Yu. Bazarov, Doctor of Psychology, Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Получена 02.09.2023

Received 02.09.2023

Принята в печать 15.02.2024

Accepted 15.02.2024

A Study of the Bystander Effect in Different Helping Situations

Yueyue Ai

National University of Malaysia, Kuala Lumpur, Malaysia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7989-2645>, e-mail: aiyueyue@gmail.com

Rozmi Bin Ismail

National University of Malaysia, Kuala Lumpur, Malaysia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6473-6717>, e-mail: rozmi@ukm.edu.my

Sheau Tsuey Chong

National University of Malaysia, Kuala Lumpur, Malaysia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1949-7497>, e-mail: stchong@ukm.edu.my

Objective. *Explore the presence of the bystander effect in both general situations and emergency situations.*

Background. *The bystander effect, a classic discovery in social psychology, has attracted significant attention in recent years due to instances of bystander indifference in society. This phenomenon raises the question of whether the bystander effect occurs not only in general situations where help is needed but also in emergency situations.*

Study design. *The study uses empirical research to investigate the existence of the bystander effect in general and emergency situations.*

Participants. *Chinese sample: 200 people (university students from Shaanxi Normal University, Xi'an University of Posts and Telecommunications, and Xi'an International Studies University in China) from 18 to 28 years old ($M = 23,50$; $SD = 4,15$).*

Measurements. *The used scenarios are based on McGuire's (1994) taxonomy of helping behaviors.*

Results. *The results indicate that the bystander effect is present in general helping situations, but not in emergency scenarios.*

Conclusions. *This means that individuals are more likely to exhibit bystander behavior when encountering a situation where assistance is needed but not urgent. However, in emergency situations, the bystander effect does not seem to influence individuals' willingness to help.*

Keywords: *bystander effect; general scenarios; emergency scenarios; responsibility attribution.*

Acknowledgements. *The authors acknowledge all the participants, and supervisor for their help and support in the study.*

For citation: Ai Y., Ismail R., Chong S.T. A Study of the Bystander Effect in Different Helping Situations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 127–136. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150108> (In Russ.).

Исследование эффекта стороннего наблюдателя в различных ситуациях оказания помощи

Ай Ю.

Национальный университет Малайзии, г. Куала-Лумпур, Малайзия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7989-2645>, e-mail: aiyueyuee@gmail.com

Исмаил Р.

Национальный университет Малайзии, г. Куала-Лумпур, Малайзия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6473-6717>, e-mail: rozmi@ukm.edu.my

Чонг Ш.Ц.

Национальный университет Малайзии, г. Куала-Лумпур, Малайзия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1949-7497>, e-mail: stchong@ukm.edu.my

Цель. Исследовать наличие эффекта стороннего наблюдателя как в общих, так и в чрезвычайных ситуациях.

Контекст и актуальность. Эффект стороннего наблюдателя, классическое открытие в социальной психологии, в последние годы стал объектом пристального внимания в связи со случаями равнодушия сторонних наблюдателей в обществе. Это явление ставит вопрос о том, возникает ли эффект стороннего наблюдателя не только в общих ситуациях, когда требуется помощь, но и в чрезвычайных ситуациях.

Дизайн исследования. В исследовании используются эмпирические методы для изучения существования эффекта стороннего наблюдателя в общих и чрезвычайных ситуациях.

Участники. Китайская выборка: 200 человек (студенты Шэньскийского педагогического университета, Сианьского университета почты и телекоммуникаций, Сианьского интернационального университета в Китае) в возрасте от 18 до 28 лет ($M = 23,50$; $SD = 4,15$).

Методы (инструменты). Используемые сценарии основаны на таксономии помогающего поведения Макгуайра (1994).

Результаты. Результаты показывают, что эффект стороннего наблюдателя проявляется в ситуациях оказания помощи в целом, но не в чрезвычайных ситуациях.

Основные выводы. Люди с большей вероятностью будут вести себя как сторонние наблюдатели, когда сталкиваются с ситуацией, когда помощь необходима, но не является срочной. Однако в чрезвычайных ситуациях эффект стороннего наблюдателя, похоже, не влияет на готовность людей помочь.

Ключевые слова: эффект стороннего наблюдателя; общие ситуации; чрезвычайные ситуации; распределение ответственности.

Благодарности. Авторы признательны всем участникам и руководителю за помощь и поддержку в проведении исследования.

Для цитаты: Ай Ю., Исмаил Р., Чонг Ш.Ц. Исследование эффекта стороннего наблюдателя в различных ситуациях оказания помощи // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 127–136. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.20241510108>

Introduction

The bystander effect is a social psychological phenomenon that has long captured the attention of researchers and the public.

It refers to the tendency of individuals to be less likely to help others in emergency situations when there are other people around. Despite this fact, circumstances where by-

standers do not intervene to assist others remain a persistent and tragic aspect of modern life.

The social phenomena known as the “bystander effect,” which was originally observed in the 1960s, happens when people are too distracted by other people to act when an emergency arises. Numerous research endeavors have endeavored to comprehend the origins of this phenomenon and pinpoint elements that may stimulate bystander involvement. Notable incidents of bystander inactivity in recent years have drawn more attention to the subject. One of the most famous cases of the bystander effect is the Kitty Genovese murder in New York City in 1964, where 38 bystanders did not intervene while she was being assaulted and fatally stabbed [5]. The episode brought critical questions about human behavior and compassion to light and attracted a lot of media attention. Subsequently, an extensive amount of study has been carried out to examine the consequences of the bystander effect.

Since its discovery in the 1960s, the bystander effect has been thoroughly investigated, with experts looking into its causes and possible remedies [14]. The bystander effect and its effects on people in emergency situations have been the subject of numerous research that have attempted to determine the contributing variables. Research has demonstrated that having additional people around can reduce the possibility that someone will intervene, which could have hazardous repercussions in an emergency [5; 7]. But studies have also shown that variables like the perceived seriousness of the emergency and the onlookers’ proximity to the victim might lessen the bystander effect [1; 14]. Suhaimi and Rahman (2015) conducted a study that looked into the variables influencing bystander behavior in Malaysian traffic accidents [23].

According to the study, when spectators believed there was little danger to their own safety, they were more likely to witness the victim suffering serious injuries. These results imply that the bystander effect can differ depending on the setting and that bystander behavior can be influenced by situation-specific factors. The effect of social identification on the bystander effect was the subject of another study [15]. According to the study, people who strongly associated with a social group were more inclined to step in to help a victim who also belonged to that group in an emergency. These results imply that social identity can affect the bystander effect and that the victim-bystander relationship can affect how the bystander behaves during an intervention. Moreover, a recent Malaysian story emphasizes the consequences of the bystander effect; during the COVID-19 outbreak, an elderly woman passed away at home alone, and her neighbors did nothing because of social distancing protocols [18].

Despite the wealth of existing research on the bystander effect, there is still much to learn about the circumstances in which it does and does not occur. This gap creates an opportunity to investigate the phenomenon in various situations further, exploring nuances that have not previously been fully explored. Therefore, our study aims to address this gap by investigating the bystander effect across different helping scenarios. By doing so, hope to gain fresh insights into how different situations impact the behavior of bystanders.

Our goal in this study is to fill in the gaps in the prior research by looking into the bystander effect in different assisting scenarios. The purpose of the study is to identify the situations in which people are more inclined to assist or not. This subject is crucial because it provides understanding of the social psychology of various situations, which

is helpful in boosting bystanders' readiness to step in. The study's conclusions can be applied to enhance social interventions that motivate individuals to lend a hand to one another in times of need, particularly during difficult and contentious situations. In the end, we hope that this research will contribute to a decrease in the annual number of tragedies caused by the bystander effect.

Methods

Participants. Chinese sample: 200 people (university students from Shaanxi Normal University, Xi'an University of Posts and Telecommunications, and Xi'an International Studies University in China) from 18 to 28 years old ($M = 23,50$; $SD = 4,15$). This selection of participants is justified as college students are a relevant population to study the bystander effect due to their presence in situations where it often occurs. Additionally, their unique stage of life, characterized by identity formation and social relationships, may influence their willingness to intervene. Choosing students from these three universities allows for a comprehensive examination of the bystander effect among college students and its potential universality.

Research Design. We employed a 2×2 mixed-design experimental approach. The presence or absence of others, which we manipulated as either "presence" or "absence." The type of situations that helping behavior was treated as a within-subject factor and categorized as "general" or "emergency." Participants were randomly assigned toughest conditions, where each participant faced only one situation with or without the presence of others. To further explore the role ofutions, participants were categorized into two groups based on their subjective attributions: external attributions and internal attributions. These attributions were assessed based on participants' own percep-

tions of the causes of events or situations. The dependent variable (DV) was helping behavior, which served as an indicator of the bystander effect. The Helping Behavior Scale is a 7-point Likert scale (totally unwilling to totally willing).

After reading each scenario, participants were asked to complete a short questionnaire comprising three items related to perceived responsibility and three items measuring behavioral reactions. Perceived responsibility was assessed by respondents to rate the controllability of the cause of the stranger's plight, the degree of responsibility the stranger bears for their situation, and whether they considered it the stranger's fault. These items aimed to capture participants' perception of the stranger's responsibility for their predicament. Behavioral reactions were measured using three items that gauged participants' likelihood of helping the stranger, the importance they attributed to helping, and their certainty in providing assistance. All items were rated on a Likert-type scale ranging from 0 (not at all) to 7 (entirely), allowing participants to express the extent of their agreement or endorsement for each item.

Scenarios. In the general scenarios, participants were asked to imagine a scenario in which a stranger approached and asked to borrow a book to study for an exam. Importantly, it was emphasized that participants did not currently need the book themselves. This specific context was used to examine participants' perceived responsibility and behavioral responses in situations where borrowing a book would not inconvenience them.

In the emergency scenarios, based on Greitemeyer et al. [8], participants were asked to imagine a scenario in which they were waiting at a train station and could clearly see a train approaching the station. Suddenly, a stranger fell on the rails. The purpose of this

situation is to examine the participant's sense of responsibility and behavioral responses in critical and life-or-death emergencies requiring immediate assistance.

Each scenario presented participants with two situations. In the first situation, participants were informed that there were no other pedestrians in the vicinity except for themselves. In the second situation, it was mentioned that there were many pedestrians in the vicinity. Importantly, each participant experienced one of these conditions, ensuring that they faced either a situation with no other pedestrians nearby or one with several pedestrians except for themselves. This design allowed for a comparison of participants' responses based on the presence or absence of others in the specific context of the scenario.

Results

The data were analyzed with a 2 (external vs. internal) x 2 (presence vs. absence) x 2 (general vs. emergency) analysis of variance (ANOVA) with ratings of help as the dependent variable.

Effects of independent variables on helping behavior

The analysis of the data yielded a significant main effect for responsibility attribution, $F(1,198) = 24,70; p < 0,001$. Consistent with attribution theorists' predictions, participants demonstrated a greater willingness to help individuals who were not seen as responsible for predicament compared to those needing assistance due to controllable factors. This finding aligns with the notion that individuals are more inclined to provide aid when they perceive the individual's situation as beyond their control, suggesting a potential role of responsibility attribution in influencing helping behavior.

The presence or absence of others also yielded a significant main effect,

$F(1,198) = 151,55; p < 0,001$. This finding aligns with the predictions of the bystander effect, as demonstrated a higher willingness to help when there were no other individuals present compared to when others were in the vicinity. These results suggest that the presence of others can have a suppressing effect on inclination to provide assistance, supporting the notion of reduced responsibility diffusion in situations with fewer bystanders.

The type of situations significantly influenced helping behavior, $F(1,198) = 35,18; p < 0,001$. Participants exhibited a greater willingness to help in life-or-death emergency situations compared to general situations. This finding indicates that the urgency and severity of the situation have a substantial impact on individuals' propensity to provide assistance, with a heightened response observed in critical emergency scenarios.

Effect of situation type and others presence or absence on responsibility attribution

The results of the ANOVA analysis showed that the participants' attributions of responsibility were significantly impacted by the presence or absence of individuals ($F(1) = 415,63; p < 0,001$). This research suggests that people's propensity to assign internal causes to events and results is strongly influenced by other people's presence. Specifically, when there are other people present, individuals are more likely to attribute responsibility to factors within themselves rather than external circumstances. The significant main effect of the presence or absence of others implies that the presence of individuals does play a significant role in influencing an individual's attribution of responsibility.

In contrast, the effect of the situation type on participants' attributions of responsibility was found to be non-significant, as indicated by the $F(1) = 1,94; p = 0,077$. This

suggests that the specific type of situation did not significantly impact individuals' tendency to attribute responsibility. These results imply that people's perceptions of responsibility are more strongly influenced by the social context than by the particular sort of circumstance.

Effects of responsibility attribution, others presence or absence and situation type on Helping Behavior

Additionally, a significant interaction between Situation Type and Responsibility Attribution was found by ANOVA analysis ($F(1,198) = 10,75; p < 0,001$). Further analysis of the simple effects indicated that in general situations, participants were more inclined to help external attributions persons compared to internal attributions individuals, showing a significant difference, $F(1) = 61,41; p < 0,001; r = 0,80$. However, in emergency situations, no differences in helping behavior were observed between individuals attributed to external or internal, $F(1) = 1,39, p = 0,227; r = 0,08$. This implies that different conditions have different effects of responsibility attribution on helping behavior, with general situations showing a stronger distinction between responsibility categories than emergency situations.

An important interaction between Others Presence or Absence and Situation Type was found by the ANOVA analysis, $F(1,198) = 35,18; p < 0,001$. For every scenario, simple effect analyses were carried out in order to learn more about this relationship. The findings showed that in general helping scenarios, with no other bystanders present, participants were more likely to offer aid ($F(1) = 288,65, p < 0,001; r = 0,75$). On the other hand, under emergency circumstances, participants' answers were invariant to the presence of additional participants ($F(1) = 1,39; p = 0,242;$

$r = 0,01$). This implies that rather than in crucial and urgent situations, the impact of bystanders on helpful conduct may be more significant in informal contexts.

The interaction between Responsibility Attribution, Situation Type, and Others Presence or Absence was not determined to be significant, according to the ANOVA analysis's results ($F(1,198) = 1,40; p = 0,160$). This suggests that there was no evidence found in the study to support an interaction relationship among Others' Presence or Absence, Situation Type, and Responsibility Attribution.

Discussion

Responsibility attribution and bystander effect

Others' presence can have a significant impact on how much responsibility a person assigns to a certain occurrence or result. In particular, it seems that people tend to attribute the reason of an event or outcome internally when others are around, but external attributions may be more common when no one else is. This has consequences for our comprehension of how social context influences people's attributions and, eventually, how they behave. Put another way, people are less likely to intervene while others are around when events are internally attributed, which increases the likelihood of the bystander effect. On the other hand, people are more willing to help when events have an external attribution. The study's findings support the idea that helpful behavior is influenced by responsibility attributions and that situational conditions have an effect on how people respond to requests for help.

The bystander effect in different helping scenarios

We know that there are all aspects of the bystander effect, among which the helping

scenario is also one of the main factors affecting the bystander effect.

The bystander effect's prediction is somewhat supported by the study's findings. When no one else was around, people were more inclined to help in general assisting circumstances. In line with the idea of the bystander effect, on the other hand, the presence of bystanders decreased the tendency to assist. The dispersion of responsibility theory, which holds that people feel less personally responsible to assist when others are around, explains this phenomena. Nonetheless, the bystander effect had a negligible impact on people's intentions to help in emergency situations. This implies that when analyzing scenarios having life-or-death consequences, the bystander effect can have less explanatory ability. The results suggest that the bystander effect theory may not fully account for the complexity of emergency circumstances, and so cannot be used alone to forecast people's readiness to assist.

The study's conclusions imply that the bystander effect theory may change based on the circumstances, especially when considering situations with urgent and crucial

consequences. It seems possible that the curve characterizing the bystander effect's occurrence is inverted U-shaped. Put another way, people are more likely to provide assistance in ordinary situations and the likelihood of the bystander effect is quite low. The bystander effect steadily increases as circumstances get more neutral or unclear, which lowers people's inclination for helping. The aid curve does, however, grow once more in emergency scenarios, suggesting that people are capable of overcoming the bystander effect and attending to urgent requirements for assistance.

Future research should make use of a more precise cost metric in order to investigate this pattern more thoroughly and validate the anticipated inverted U-shaped curve. This would allow researchers to assess the perceived costs associated with providing help in different situations and examine how these costs influence the willingness to help. By integrating a comprehensive analysis of cost and examining various scenarios along the severity spectrum, a more nuanced understanding of the bystander effect can be developed.

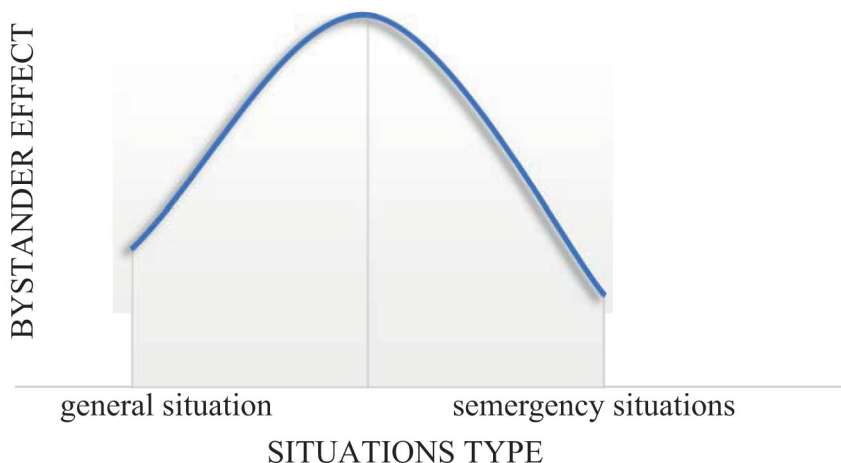

Fig. Curve of bystander effect in different helping situations

Conclusions

The present study offers valuable insights into the intricate interplay of situational and personal factors that influence an individual's inclination to assist others in diverse contexts. One of the main findings posits that attribution theory may possess limited explanatory power in emergency aid situations. In these circumstances, individuals may exhibit heightened motivation to provide assistance owing to the urgency and gravity of the situation, resulting in the potential overshadowing of any perceived diffusion of responsibility stemming from the presence of other bystanders.

Furthermore, the presence of additional onlookers exerts a significant impact on an individual's proclivity to offer help. The bystander effect, a well-established phenomenon, denotes that individuals are less

inclined to extend aid when others are present, particularly in impromptu aid scenarios. This pattern can be partially attributed to the diffusion of responsibility and the diminished sense of personal obligation that individuals experience when in the company of others. However, the findings of the current research suggest that the influence of the bystander effect on individuals' willingness to provide aid may be attenuated in emergency situations.

It is important to underscore the study's focus on emergency aid situations, as the applicability of these findings to other contexts, such as non-emergency or casual scenarios, may differ. Nevertheless, this research underscores the complexity inherent in the interplay between situational and personal factors when it comes to determining an individual's propensity to assist others across various circumstances.

References

1. Abdul Aziz N.A., Noor N.M. Helping Behavior among Students: Factors that Affect It. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2014. Vol. 112, pp. 795–804.
2. Ahmed E. Bystander behavior in emergency situations: A review of the literature. *Open Journal of Safety Science and Technology*, 2015. Vol. 5(1), pp. 19–24.
3. Banyard V., Waterman E., Edwards K. Bystanders to Prevent Peer Sexual Violence: Understanding Patterns of Prosocial Behavior Over Time from Early to Later Adolescence. *Journal of Youth & Adolescence*, 2021. Vol. 50(10), pp. 1982–1994.
4. Batson C.D. Altruism and prosocial behavior. In D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey (Eds.). *Handbook of social psychology*. New York: McGraw Hill/Oxford University Press, 1998. Vol. 2(4), pp. 282–316.
5. Che Sab N.F., Yaacob S.N. Examining the role of diffusion of responsibility in the bystander effect. *International Journal of Business and Society*, 2018. Vol. 19(S2), pp. 369–379.
6. Darley J.M., Latan B. Bystander intervention in emergencies: Diffusion of responsibility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1968. Vol. 8(4), pp. 377–383.
7. Ebers A., Thomsen S.L. Benefit–Cost Analysis of Social Media Facilitated Bystander Programs. *Journal of Benefit-Cost Analysis*, 2021. Vol. 12(2), pp. 367–393.
8. Fischer P., Krueger J.I., Greitemeyer T., Vogrincic C., Kastenmüller A., Frey D., ... Kainbacher M. The bystander-effect: A meta-analytic review on bystander intervention in dangerous and non-dangerous emergencies. *Psychological Bulletin*, 2011. Vol. 137(4), pp. 517–537.
9. Greitemeyer T., Rudolph U., Weiner B. Whom would you rather help: An acquaintance not responsible for her plight or a responsible sibling? *The Journal of Social Psychology*, 2003. Vol. 143(3), pp. 331–340.

10. Halabi S., Nadler A. Receiving help: Consequences for the recipient. In S. Sturmer, M. Snyder (eds.). *The psychology of prosocial behavior: Group processes, intergroup relations and helping*, 2010, pp. 121–138. DOI:10.1002/9781444307948.ch6
11. Hao J., Li W., Li J., Liu Y. Why are we unwilling to help sometimes? Reconsideration and integration of the attribution-affect model and the arousal: cost-reward model. *Current Psychology*, 2023. Vol. 42(4), pp. 2775–2787.
12. Harith S., Yaacob S.N. Factors influencing the bystander effect in an emergency situation. *GEMA Online® Journal of Language Studies*, 2017. Vol. 17(4), pp. 259–274.
13. Harun H., Mat Akhir N.A., Mohd Yusoff W.A. Effects of bystander intervention training on reducing the bystander effect among Malaysian university students. *International Journal of Social Sciences and Humanity Studies*, 2018. Vol. 10(2), pp. 189–201.
14. Hoffman C.Y., Daigle L.E. Event-specific and individual factors impacting college students' decisions to intervene in a potentially risky scenario. *Journal of American College Health*, 2022. Vol. 70(6), pp. 1898–1908.
15. Jeyagobi S., Munusamy S., Kamaluddin M.R., Ahmad Badayai A.R., Kumar J. Factors influencing negative cyber-bystander behavior: A systematic literature review. *Frontiers in Public Health*, 2022. Vol. 10. DOI:10.3389/fpubh.2022.965017
16. Latane B., Darley J.M. *The unresponsive bystander: Why doesn't he help*. New York: Appleton-Century-Croft, 1970. pp. 115–127.
17. Levine M., Crowther S. The responsive bystander: How social group membership and group size can encourage as well as inhibit bystander intervention. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95(6), pp. 1429–1439.
18. Loo B.P. The impact of social identity on helping behavior in emergency situations. *International Journal of Psychology and Neuroscience*, 2019. Vol. 5(2), pp. 53–59.
19. Madden C., Loh J.M.I. Workplace cyberbullying and bystander helping behaviour. *International Journal of Human Resource Management*, 2020. Vol. 31(19), pp. 2434–2458.
20. Mc Guire A.M. Helping behaviors in the natural environment: Dimensions and correlates of helping. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1994. Vol. 20(1), pp. 45–56.
21. Nambiar H., Abdullah A. Malaysia: Woman dies alone at home as neighbors afraid to break Covid-19 rules. URL: <https://thestar.com.my/news/nation/2020/04/17/malaysia-woman-dies-alone-at-home-as-neighbours-afraid-to-break-covid-19-rules> (Accessed 17.04.2020).
22. Piliavin J.A., Dovidio J., Gaertner S., Clark R.D., III. *Emergency intervention*. New York, NY: Academic Press, 1981. pp. 268–287.
23. Piovarchy A. Situationism, capacities and culpability. *Philosophical Studies*, 2022. Vol. 179(6), pp. 1997–2027.
24. Rovira A., Southern R., Swapp D., Campbell C., Zhang J.J., Levine M., Slater M. Bystander Affiliation Influences Intervention Behavior: A Virtual Reality Study. *SAGE Open*, 2021. Vol. 11(3), pp. 1–13.
25. Roy S., Maheshwari S., Mukherjee T. Does a single help-seeker receive more help? The effect of being alone or accompanied on the chance of receiving help. *Current Psychology*, 2023. Vol. 42(3), pp. 1957–1965.
26. Shamsudin S.F., Yaacob S.N. Bystander effect: Insights from a Malaysian context. *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*, 2015. Vol. 23(2), pp. 283–292.
27. Suhaimi N.F.A., Rahman N.A.A. Factors influencing bystander behavior in the context of road accidents. *Journal of Applied Sciences Research*, 2015. Vol. 11(5), pp. 1–6.
28. Taylor M.C. Non-Ideal Virtue and Situationism. *Journal of Ethics*, 2022. Vol. 26(1), pp. 41–68.
29. Votruba A.M. Dividing Responsibility: The Role of the Psychology of Attribution. *DePaul Law Review*, 2020. Vol. 69(2), pp. 721–756.
30. Wijaya C.N., Roberts L.D., Kane R.T. Attribution Theory, Bystander Effect and Willingness to Intervene in Intimate Partner Violence. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37(13/14), pp. 12453–12474.

31. Wijaya V.G., Oba K., Ishibashi R., Sugiura M. Why people hesitate to help: Neural correlates of the counter-dynamics of altruistic helping and individual differences in daily helping tendencies. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14, pp. 1–11.

Information about the authors

Yueyue Ai, Master of Psychology, National University of Malaysia, Kuala Lumpur, Malaysia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7989-2645>, e-mail: aiyueyue@gmail.com

Rozmi Bin Ismail, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Professor, Associate Dean of Social Sciences and Humanities, National University of Malaysia, Kuala Lumpur, Malaysia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6473-6717>, e-mail: rozmi@ukm.edu.my

Sheau Tsuey Chong, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Lecturer of Social Sciences and Humanities, National University of Malaysia, Kuala Lumpur, Malaysia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1949-7497>, e-mail: stchong@ukm.edu.my

Информация об авторах

Ай Юэюэ, магистр психологии, Национальный университет Малайзии, г. Куала-Лумпур, Малайзия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7989-2645>, e-mail: aiyueyue@gmail.com

Исмаил Розми, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, заместитель декана факультета социальных и гуманитарных наук, Национальный университет Малайзии, г. Куала-Лумпур, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6473-6717>, e-mail: rozmi@ukm.edu.my

Чонг Шо Цуэй, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, преподаватель факультета социальных и гуманитарных наук, Национальный университет Малайзии, г. Куала-Лумпур, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1949-7497>, e-mail: stchong@ukm.edu.my

Получена 27.07.2023

Received 27.07.2023

Принята в печать 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

Социально-психологические предикторы воспринимаемого возраста как прогностического маркера старения и риска смерти

Воронцова Т.А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Цель. Изучение социально-психологических предикторов воспринимаемого возраста взрослых в возрасте от 35 до 75 лет.

Контекст и актуальность. Актуальность работы определяется междисциплинарным статусом феномена воспринимаемого возраста (феномен социального познания и результат влияния многочисленных факторов, который ассоциирован с предсказыванием риска смерти) в современной науке и необходимостью определения влияния социально-психологических факторов на воспринимаемый возраст человека, находящегося на этапе «зрелость» или «пожилой возраст».

Дизайн исследования. Фотографии объектов восприятия, предварительно протестированных с помощью блока методик, были показаны субъектам восприятия («оценщикам») для оценки их возраста, среднее арифметическое оценок соответствовало воспринимаемому возрасту участников исследования. Далее был составлен перечень возможных предикторов, к которым применен множественный регрессионный анализ (пошаговый метод).

Участники. В исследовании в качестве объектов восприятия (основная выборка) приняли участие 523 человека (207 мужчин и 316 женщин) в возрасте от 35 до 75 лет; в качестве субъектов восприятия («оценщиков») в различных раундах предъявления фотографий для оценки возраста объектов восприятия выступили 140 человек. Основная выборка была разделена на подгруппы «зрелые» (возраст — 35–59 лет, 368 человек, 142 мужчины и 226 женщин, $M = 49$ лет) и «пожилые» (возраст — 60–75 лет, 155 человек, 65 мужчин и 90 женщин, $M = 65$ лет).

Метод. Процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой; анкета «Самооценка возраста» Т.А. Воронцовой; комплекс методик, разработанных В.А. Лабунской для диагностики отношения к своему внешнему облику.

Результаты. В работе выявлены социально-психологические предикторы воспринимаемого возраста человека на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст»: субъективный возраст, значимость внешнего облика, интегральная оценка внешнего облика, оценка внешнего облика матерью, потребность выглядеть моложе своих лет, экономический статус. Составлены регрессионные модели отдельно на мужской/женской подвыборках, а также взрослых в возрасте 35–59 и 60–75 лет. Обнаружено, что наибольшей прогностической ценностью обладает регрессионная модель, выстроенная на данных участников исследования пожилого возраста (от 60 до 75 лет), в которую вошли сочетание предикторов «значимость внешнего облика», «удовлетворенность внешним обликом» и «планируемая продолжительность жизни». Также показано, что поведенческий компонент отношения к своему внешнему облику (выраженность аррегантис-перфекционизма) не влияет на показатель разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом («спасенные годы»).

Основные выводы. Сочетание социально-психологических предикторов воспринимаемого возраста различно в зависимости от гендера и возрастного этапа жизни. Выявлены универсальные и специфические для гендерно-возрастных групп предикторы воспринимаемого возраста.

Универсальным предиктором вне зависимости от гендера и возрастного этапа жизни выступает значимость внешнего облика.

Ключевые слова: внешний облик; возрастные группы; воспринимаемый возраст; женщины; здоровье; мужчины; продолжительность жизни; предикторы; социальное познание; субъективный возраст.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01763 в Южном федеральном университете, <https://rscf.ru/project/22-28-01763/>.

Для цитаты: Воронцова Т.А. Социально-психологические предикторы воспринимаемого возраста как прогностического маркера старения и риска смерти // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 137–155. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150109>

Socio-Psychological Predictors of Perceived Age as a Prognostic Marker of Aging and Risk of Death

Tatyana A. Vorontsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Objective. *The study of socio-psychological predictors of the perceived age of adults aged 35 to 75 years.*

Background. *The relevance of the work is determined by the interdisciplinary status of the phenomenon of perceived age (the phenomenon of social cognition and the result of the influence of numerous factors associated with predicting the risk of death) in modern science and the need to determine the influence of socio-psychological factors on the perceived age of a person at the stage of “maturity” and “old age”.*

Study design. *Photographs of perceptual objects previously tested using a block of techniques were shown to perceptual subjects (“evaluators”) to assess their age, the arithmetic mean of the estimates corresponded to the perceived age of the study participants. Next, a list of possible predictors was compiled, to which multiple regression analysis (step-by-step method) was applied.*

Participants. *523 people (207 men and 316 women) aged 35 to 75 years took part in the study as objects of perception; 140 people acted as subjects of perception (“evaluators”) in various rounds of presenting photographs to assess the age of objects of perception. The sample was divided into subgroups of “mature” (age 35–59 years, 368 people, 142 men and 226 women, M = 49 years) and “elderly” (age 60–75 years, 155 people, 65 men and 90 women, M = 65 years).*

Measurements. *The procedure of “Photovideopresentation of appearance” by T.A. Vorontsova; the questionnaire “Self-assessment of age” by T.A. Vorontsova; a set of techniques developed by V.A. Labunskaya for the diagnosis of attitude to one’s appearance.*

Results. *The paper identifies socio-psychological predictors of a person’s perceived age at the age stages of “maturity” and “old age”: subjective age, the importance of appearance, integral assessment of appearance, assessment of appearance by the mother, the need to look younger than their years, economic status. Regression models were compiled separately on male/female subsamples, as well as adults aged 35–59 and 60–75 years. It was found that the regression model built on the data of elderly study participants (from 60 to 75 years old), which included a combination of predictors “significance of appearance”, “satisfaction with appearance” and “planned life expectancy”, has the greatest predictive value. It is also shown that the behavioral component of the attitude to one’s appearance (the severity of appearance-perfectionism) does not affect the indicator of the difference between chronological and perceived age (“saved years”).*

Conclusions. *The combination of socio-psychological predictors of perceived age varies depending on gender and age stage of life. Universal and gender-specific predictors of perceived age have been identified. The universal predictor, regardless of gender and age stage of life, is the importance of appearance.*

Keywords: *appearance; age groups; perceived age; women; health; men; life expectancy; predictors; social cognition; subjective age.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-28-01763, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01763/> at the Southern Federal University.

For citation: Vorontsova T.A. Socio-Psychological Predictors of Perceived Age as a Prognostic Marker of Aging and Risk of Death. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 137–155. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150109> (In Russ.).

Введение

В современной социальной психологии, геронтологии, медицине последние десятилетия внимание исследователей приковано к воспринимаемому возрасту. Воспринимаемый возраст (ВВ) человека, с одной стороны, является феноменом социального познания, так как является возрастом, «приписанным человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» [18, с. 450]. С другой стороны, ВВ выступает в качестве уникального прогностического маркера как функционального состояния человека, включая предсказывание риска смерти, так и общего психологического состояния [20; 22; 28].

Как феномен социального познания, ВВ незнакомого человека регулирует социальное поведение и межличностное общение: влияет на формирование первого впечатления о знакомом человеке [25]; актуализирует ролевые ожидания, возрастные установки и стереотипы [2]; влияет на возникновение отношений симпатии, уважения, близости, на выбор стратегий и форм общения и взаимодействия с ним [2; 27], а также является ведущим фактором возрастной идентификации личности.

В медицине ВВ традиционно используется клиницистами в качестве общего показателя здоровья пациента [17]. Прорывные исследования последних десятилетий [22; 24; 28] продемонстрировали, что ВВ человека может выступать надежным биологическим маркером старения, предсказывать выживаемость пожилых людей в возрасте старше 70 лет, коррелирует с функциональными и молекулярными фенотипами старения. По образному выражению Д.А. Ганна и коллег, «смертность написана на лице» [24].

Анализ современных исследований, проведенных в различных отраслях знания, позволяет заключить, что ВВ человека является результатом влияния значительного числа психологических, социально-психологических, социокультурных, генетических, психофизиологических факторов. На сегодняшний день учеными определено влияние на ВВ человека генетических факторов (параметров физического и когнитивного функционирования, длины теломер лейкоцитов) [22]; социально-экологических факторов (курения, инсоляции, низкого индекса массы тела (для мужчин), низкого социального уровня, социального неблагополучия, низкого индекса массы тела и брака (для женщин)); усталости после рабочего дня)

[23; 26]; медико-эстетических факторов (общего холестерина сыворотки крови, гемоглобина крови (у мужчин), скорости оседания эритроцитов, билирубина в сыворотке крови (у женщин); эстетических и хирургических процедур для лица) [21; 29]. Значительная группа исследований [2; 16; 18] посвящена выявлению влияния на ВВ «фактора внешнего облика (ВО)» (компонентов ВО и отдельных его элементов). Также можно констатировать все возрастающий интерес исследователей к изучению влияния на ВВ психологических факторов. В последние десятилетия показано влияние на ВВ общего благополучия человека и его веры в будущее [28], аффективных переживаний в течение жизни [20], компонентов «Большой пятерки», контролирующих тенденций поведения (локуса контроля, потребности в контроле) [16], выражения лица объекта восприятия [3], эстетической оценки своего ВО [18]. Подобные исследования очень трудоемки, имеют сложный дизайн, который предполагает не только психологическое тестирование, но и фотографирование респондентов, демонстрацию их фотографий незнакомым «оценщикам» (субъектам восприятия) для оценки возраста объектов восприятия, вычисление среднего арифметического оценок возраста для определения собственно ВВ. Как следствие, небольшие объемы выборок и изучаемых переменных. Также проблемой является разрыв в исследованиях на молодых и пожилых выборках (молодые традиционно более доступны для исследователей, но для изучения психологических факторов ВВ предпочтительны выборки зрелых и пожилых людей), а также имеющийся дефицит баз данных, включающих фотографии людей пожилого возраста. Такие базы данных (фотографий) для каждого конкретного исследования необходимо создавать всякий раз заново. По

этим же причинам затруднено проведение когортных исследований психологических факторов ВВ. При этом актуальность изучения психологических факторов ВВ чрезвычайно высока: они могли бы помочь в создании позитивных, мягких, дружественных человеку психологических практик омоложения, отвечающих на запрос современного человека выглядеть моложе своих лет; в разработке программ психологического сопровождения старения.

В данной работе мы обращаемся к субъективному возрасту и параметрам отношения к своему ВО как возможным предикторам ВВ. Так, анализ значительного количества работ отечественных ученых Е.А. Сергиенко [13–15], А.И. Мелёхина [7–10], Н.С. Павловой [12], О.В. Курышевой [4; 5], С.В. Тарасовой [5], О.Р. Воронцовой, Т.Л. Крюковой [1], А.Б. Эйдельман [19] и других, посвященных изучению связи субъективного возраста с различными аспектами старения, показывает, что субъективный возраст человека связан с особенностями старения [4; 5; 8], отношения к себе [4], к жизни, с удовлетворенностью жизнью, с психологическим благополучием, качеством жизни и здоровья в пожилом и старческом возрасте [7–10; 12; 19], с готовностью/неготовностью к переменам [1], с особенностями стратегий совладания со старостью [5] и в целом представляет собой прогностический фактор старения. В ряде работ [13; 15] показана взаимосвязь субъективного возраста и течения ряда тяжелых заболеваний. В них продемонстрировано, что большие показатели субъективного возраста свидетельствуют о неблагоприятном течении и исходе болезни, а более молодой субъективный возраст предполагает более благоприятное течение болезни, смягчая травматическую ситуацию, связанную с болезнью. Е.А. Сергиенко пишет в этой связи, что субъективный возраст «отра-

жает общую оценку биопсихосоциальных ресурсов человека, выступая психологическим буфером стрессов» [13, с. 25]. А.И. Мелёхин [9] показывает, что оценка своего возраста ниже хронологического в пожилом возрасте способствует более оптимистическому взгляду на себя и свою жизнь, на свое будущее, позволяет справляться с неудачами, потерями, отвечать на вызовы, связанные с возрастом. При этом автор говорит о ментальной ловушке стабильности и безопасности, которая может возникать при недооценке собственного возраста и приводить к бунту против старости, к сильному страху смерти.

Таким образом, проведенный нами анализ современных работ, посвященных изучению различных аспектов субъективного возраста, показал, что в настоящее время субъективный возраст рассматривается в качестве прогностического фактора благополучного старения; как маркер благоприятного течения болезни; как феномен, ассоциированный с качеством жизни человека, его перспективой жизни, его психическим и физическим здоровьем; как следствие влияния целого комплекса психобиологических и социально-психологических факторов; как феномен, имеющий не только позитивные, но и негативные риски и последствия. Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что субъективный и ВВ представляют собой внутренний и внешний прогностические маркеры старения и риска смерти, и аргументировать внесение субъективного возраста в перечень ключевых психологических предикторов ВВ. При этом в науке имеются противоречивые данные о связи субъективного и ВВ. В одной из работ Е.А. Сергиенко [14] приведены результаты исследования субъективного возраста людей от 20 до 70 лет на основе их оценок составляющих субъективного возраста (физического, эмоционального,

интеллектуального и социального), а также оценки субъективного возраста себя и других людей по фотографиям (эмоциональный субъективный возраст, что в нашем подходе трактуется как ВВ). Результаты проведенного автором исследования показали, что возраст, оцененный по фотографиям, связан с хронологическим возрастом больше, чем с субъективным, так как оценки возраста по фотографиям опираются на признаки физического состояния в большей степени, чем оценки субъективного возраста.

Мы предполагаем, что влияние субъективного возраста на ВВ необходимо рассматривать в сочетании с отношением к своему ВО. Механизм этого влияния нам представляется такой — человек, чувствуя себя моложе своего хронологического возраста, сталкивается с главным противоречием в процессе своего старения: противоречием своего субъективного самоощущения возраста и паттернов поведения, характерных для более молодого возраста, и реакций на него других людей и предлагаемых ими паттернов поведения, которые опираются на приписываемый этому человеку ВВ, подверженный к тому же влиянию гендерно-возрастных, профессионально-ролевых и этно-культурных стереотипов и ожиданий. Это противоречие усугубляет актуализирующийся у человека «стресс старения» [11], сопровождающий реакцию на неизбежные возрастные изменения ВО и особенно лица как главного элемента внешности человека, ассоциированного с приписыванием ему возраста [2; 16]. Это противоречие может превратить старение в хронический стресс. В работе О.В. Курьшевой, С.В. Тарасовой [5] показано, что внешность является одним из трех главных аспектов переживаний у пожилых людей, наряду со здоровьем и общим отношением к жизни. Используя модель когнитивного диссонанса, мы можем предположить три

основных пути разрешения данного противоречия: 1) человек начинает «стариться» внутренне, соотнося свое ощущение возраста с невербальными паттернами и вербальными обозначениями других людей и социальных групп; 2) человек начинает активно преобразовывать свой ВО, подстраивая его к своему ощущению возраста; 3) человек игнорирует проблему и избегает ситуаций и социальных контекстов, где это противоречие может усугубляться. Мы предполагаем, что именно отношение к своему ВО зрелого человека запускает разнообразные практики ухода за своим ВО (трансформацию физического ВО, организацию социального ВО, реализацию того или иного экспрессивного поведения), что, в свою очередь, в глазах воспринимающего его субъекта «омолаживает» или «старит» его, перемещая на предыдущий или следующий возрастной этап.

Отношение к своему ВО в рамках социальной психологии ВО, развиваемой В.А. Лабунской и коллегами [6; 16], определяется как «интегральный социально-психологический феномен, значимый, эмоционально-насыщенный компонент ценностно-смысловой сферы» [16, с. 65], который регулирует переживания людей, их взаимоотношения с другими людьми, влияя на удовлетворенность собой, своей жизнью. Учеными разработана «многофакторная модель изучения отношения к ВО» [16, с. 82]. Данная модель является теоретической базой нашего исследования. Мы будем обращаться к следующим параметрам отношения к ВО, которые отражают его различные компоненты: 1) когнитивный компонент: представления об оценках своего ВО другими людьми; ценность/значимость ВО в различных сферах жизни; оценка своего ВО в целом и отдельных его компонентов; 2) эмоциональный компонент: удовлетворенность и озабоченность ВО; 3) поведенческий

компонент: выраженность арреарансеперфекционизма, а также стремление к совершенствованию своего ВО.

Целью нашего исследования стало изучение социально-психологических предикторов ВВ. Гипотезой исследования выступило предположение, что в качестве предикторов ВВ могут, вероятно, выступать субъективный возраст и параметры отношения к своему внешнему облику объекта восприятия.

Метод

Методики исследования:

1. Процедура «Фотовидеопрезентация ВО» Т.А. Воронцовой [16] — использована для изучения ВВ участников исследования. Участники исследования (объекты восприятия) были сфотографированы в полный рост и по пояс (портретное фото) и представлены для оценки возраста субъектам восприятия — «оценщикам». Далее были подсчитаны: 1) средний возраст, который приписан каждому объекту восприятия «оценщиками», что соответствует его ВВ; 2) разница между хронологическим и ВВ (показатель ХВ — ВВ, или «спасенные годы» [29]).

2. Анкета «Самооценка возраста» Т.А. Воронцовой [16] — использована для фиксации хронологического возраста (ХВ), экономического статуса (выбор из вариантов «за чертой бедности/бедный/скорее бедный, чем богатый/скорее богатый, чем бедный/богатый»); субъективного возраста (СВ) (ответ на вопрос «на сколько лет Вы себя ощущаете?»), самооценки ВВ (СВВ) (ответ на вопрос «на сколько лет, как Вы считаете, Вы выглядите?»), желаемого ВВ (ЖВВ) (ответ на вопрос «на сколько лет хотели бы выглядеть?»), представлений об оценках возраста другими людьми (ОВВ) (ответ на вопрос «на сколько лет, по мнению других людей, Вы выглядите?»), планируемой продолжительности жизни (ответ на

вопрос «до какого возраста планируете прожить?»). Далее была подсчитана разница между хронологическим и другими видами возраста, которая отражает, на сколько лет участники исследования чувствуют себя (ХВ — СВ); считают, что выглядят (ХВ — СВВ); хотя бы выглядеть (ХВ — ЖВВ); сообщают о том, что другие люди считают их выглядящими (ХВ — СВВ) моложе или старше своих лет. Показатель ХВ — ЖВВ трактуется нами как выраженность потребности выглядеть моложе своих лет.

3. Комплекс методик, разработанных В.А. Лабунской для диагностики отношения к своему ВО [16]:

3.1. Анкета «Отношение к своему ВО: удовлетворенность и обеспокоенность» В.А. Лабунской и Е.В. Капитановой — использована для определения степени удовлетворенности своим ВО; степени обеспокоенности своим ВО; выраженности стремления к совершенствованию своего ВО.

3.2. «Шкалы диагностики представлений об оценках ВО родителями и друзьями, приятелями и преподавателями» В.А. Лабунской — использована для диагностики представлений об оценке ВО друзьями — мужчинами и женщинами, родителями (матерью и отцом), руководителем.

3.3. Методика «Ценность и значимость ВО в различных сферах жизнедеятельности» В.А. Лабунской — использована для определения ценности, значимости ВО в сферах: общение/дружба; академическая успеваемость; карьера; семья/романтические отношения; образ жизни; счастье.

3.4. Методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего ВО и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В.А. Лабунской — использована для диагностики степени позитивности оценок компонентов своего ВО и интегральных оценок: оценок лица;

телосложения; оформления своего ВО; выразительного поведения; степени принятия своего отраженного ВО; соответствия ВО возрасту, гендеру, гендерным и профессиональным ролям; оценок возрастной привлекательности ВО; привлекательности ВО для партнера противоположного пола; сексуальности своего ВО и интегральной оценки своего ВО.

3.5. Шкала appearance-перфекционизма К. Сривастава (К. Srivastava) — использована для диагностики уровня выраженности перфекционизма, связанного со своим ВО.

Достоверность результатов исследования обеспечивалась использованием методов математической статистики: описательных статистик, корреляционного анализа Спирмена, множественного регрессионного анализа.

Выборка исследования. В исследовании в качестве объектов восприятия (основная выборка) приняли участие 523 человека (207 мужчин и 316 женщин) в возрасте от 35 до 75 лет; в качестве субъектов восприятия («оценщиков») в различных раундах предъявления фотографий для оценки возраста объектов восприятия выступили 140 человек (100 женщин и 40 мужчин в возрасте 21–60 лет). Основная выборка исследования была разделена на две подгруппы по возрасту: в подгруппу «зрелые» вошли респонденты от 35 до 59 лет включительно (368 человек, 142 мужчины и 226 женщин, $M = 49$ лет); во вторую подгруппу «пожилые» вошли респонденты от 60 до 75 лет (155 человек, 65 мужчин и 90 женщин, $M = 65$ лет). При делении выборки на возрастные этапы мы опирались на периодизацию Д.Б. Эльконина (Эльконин, 1971), в соответствии с которой первая возрастная подвыборка соответствует возрастному этапу «зрелость», вторая — этапу «пожилой возраст».

Результаты

Главным методом математической статистики, релевантным поставленным в исследовании задачам, является множественный регрессионный анализ. Для предварительного анализа данных с целью формирования списка перемен-

ных — возможных предикторов показателя ХВ — ВВ мы провели корреляционный анализ Спирмена: сначала на общей выборке, а затем отдельно на гендерно-возрастных подвыборках. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа Спирмена разницы между хронологическим и ВВ взрослых (ХВ — ВВ) с показателями самооценки возраста и отношения к своему ВО (коэффициент корреляции/уровень значимости)

Показатель	Вся выборка (N = 523)	Мужчины (N = 207)	Женщины (N = 316)	Зрелые (N = 368)	Пожилые (N = 155)
Показатели самооценки возраста и планируемой продолжительности жизни					
ХВ — СВ	0,205** / 0,000	0,223** / 0,001	0,164** / 0,003	0,205** / 0,000	Не значима
ХВ — СВВ	0,340** / 0,000	0,295** / 0,000	0,359** / 0,000	0,357** / 0,000	0,278** / 0,000
ХВ — ЖВВ	0,226** / 0,000	0,181** / 0,009	0,243** / 0,000	0,199** / 0,000	0,168* / 0,037
ХВ — ОВВ	0,383** / 0,000	0,330** / 0,000	0,404** / 0,000	0,352** / 0,000	0,388** / 0,000
Планируемая продолжительность жизни	Не значима	Не значима	Не значима	Не значима	0,247** / 0,003
Когнитивный компонент отношения к своему ВО					
<i>Представления об оценке ВО другими людьми</i>					
Оценка ВО друзьями-мужчинами	0,185** / 0,000	0,147* / 0,043	0,162** / 0,006	0,156** / 0,005	0,301** / 0,000
Оценка ВО друзьями-женщинами	0,127** / 0,006	Не значима	0,150* / 0,011	Не значима	0,206* / 0,013
Оценка ВО матерью	Не значима	Не значима	Не значима	-0,156** / 0,005	Не значима
Оценка ВО руководителем	0,166** / 0,000	Не значима	0,155* / 0,010	0,113* / 0,044	0,233** / 0,005
<i>Ценность и значимость ВО в различных сферах жизнедеятельности</i>					
В сфере общения и дружбы	0,154** / 0,001	0,175* / 0,015	0,133* / 0,024	0,150** / 0,006	0,234** / 0,004
В сфере академической успеваемости	0,108* / 0,019	Не значима	0,118* / 0,047	Не значима	0,165* / 0,045
В сфере карьеры	0,107* / 0,020	Не значима	0,137* / 0,021	0,113* / 0,039	Не значима
В сфере семьи и романтических отношений	0,144** / 0,002	Не значима	0,174** / 0,003	0,160** / 0,003	0,175* / 0,034

Показатель	Вся выборка (N = 523)	Мужчины (N = 207)	Женщины (N = 316)	Зрелые (N = 368)	Пожилые (N = 155)
В сфере образа жизни	0,122** / 0,008	Не значима	Не значима	Не значима	Не значима
В сфере счастья	0,103* / 0,024	Не значима	0,148* / 0,012	Не значима	0,177* / 0,031
<i>Оценка компонентов своего ВО</i>					
Оценка лица	0,152** / 0,000	Не значима	0,130* / 0,021	0,184** / 0,000	Не значима
Оценка телосложения	0,165** / 0,000	Не значима	0,199** / 0,000	0,206** / 0,000	Не значима
Оценка оформления ВО	0,148** / 0,001	Не значима	Не значима	0,128* / 0,014	0,191* / 0,017
Оценка выразительно- го поведения	0,155** / 0,000	Не значима	0,132* / 0,019	0,165** / 0,001	Не значима
<i>Интегральные оценки своего ВО</i>					
Степень принятия сво- его отраженного ВО	0,143** / 0,001	0,162* / 0,020	Не значима	0,175** / 0,001	Не значима
Оценка соответствия возрасту	Не значима	Не значима	-0,118* / 0,037	-0,116* / 0,026	Не значима
Оценка соответствия гендеру	0,088* / 0,044	Не значима	Не значима	Не значима	Не значима
Привлекательность ВО для партнера противो- положного пола	0,133** / 0,002	Не значима	0,130* / 0,021	0,181** / 0,000	Не значима
Оценка сексуальности своего ВО	0,130** / 0,003	Не значима	0,145** / 0,010	0,205** / 0,000	Не значима
Интегральная оценка ВО	0,164** / 0,000	0,142* / 0,041	0,138* / 0,014	0,177** / 0,001	Не значима
Эмоциональный компонент отношения к своему ВО					
Удовлетворенность ВО	0,146** / 0,001	0,189** / 0,008	Не значима	Не значима	0,274** / 0,001
Обеспокоенность ВО	0,107* / 0,019	0,166* / 0,021	Не значима	Не значима	Не значима
Поведенческий компонент отношения к своему ВО					
Стремление к совершен- ствованию своего ВО	0,117* / 0,010	Не значима	Не значима	Не значима	0,162* / 0,049
Арреаганс- перфекционизм	0,109* / 0,018	Не значима	Не значима	Не значима	0,185* / 0,024
Дополнительные переменные					
Возраст	0,262** / 0,000	0,341** / 0,000	0,236** / 0,000	Не значима	0,306** / 0,000
Экономический статус	0,106* / 0,020	Не значима	Не значима	0,114* / 0,038	Не значима

Примечание. ** – корреляция значима на уровне 0,01; * – корреляция значима на уровне 0,05.

Корреляционный анализ позволяет сделать вывод, что показатель ХВ — ВВ имеет значимые взаимосвязи со всеми изучаемыми переменными: с субъективным возрастом, с показателями самооценки возраста, а также с параметрами когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов отношения к своему ВО. В целом значительно моложе своего хронологического возраста в глазах воспринимающих их людей выглядят те участники исследования, которые чувствуют себя ($r = 0,205$); считают, что выглядят ($r = 0,340$); хотят выглядеть ($r = 0,226$), сообщают о том, что другие люди считают их выглядящими ($r = 0,383$) моложе своих лет; высоко удовлетворены ($r = 0,146$) и обеспокоены своим ВО ($r = 0,107$); стремятся к его совершенствованию ($r = 0,117$) и имеют высокий аррегансе-перфекционизм ($r = 0,109$); имеют представления о высоких оценках своего ВО другими людьми (друзьями-мужчинами $r = 0,185$; друзьями-женщинами $r = 0,127$; руководителем $r = 0,166$); имеют высокую субъективную значимость, ценность ВО в различных сферах (в сфере общения и дружбы $r = 0,154$; в сфере академической успеваемости $r = 0,108$; в сфере карьеры $r = 0,107$; в сфере семьи и романтических отношений $r = 0,144$; в сфере образа жизни $r = 0,122$ и счастья $r = 0,103$); имеют высокие позитивные самооценки как отдельных компонентов своего ВО (оценки лица $r = 0,152$; телосложения $r = 0,165$; оформления ВО $r = 0,148$; выразительного поведения $r = 0,155$), так и интегральные самооценки (высокую степень принятия своего отраженного ВО $r = 0,143$; соответствия гендеру $r = 0,088$; привлекательности ВО $r = 0,133$; сексуальности ВО $r = 0,130$; высокую интегральную оценку ВО $r = 0,164$).

Корреляционный анализ на гендерно-возрастных подвыборках показал сходные тенденции, за исключением ряда взаимосвязей: в подвыборке «пожилые» нами не

обнаружена связь параметра ХВ — ВВ с субъективным возрастом; обнаружена обратно пропорциональная взаимосвязь с оценкой соответствия ВО возрасту на подвыборках «женщины» ($r = -0,118$) и «зрелые» ($r = -0,116$); на подвыборке «зрелые» параметр ХВ — ВВ оказался связан обратно пропорциональной взаимосвязью с оценками ВО матерью ($r = -0,156$).

Проведенный анализ позволил составить список возможных социально-психологических предикторов показателя ХВ — ВВ для регрессионного анализа. Главными требованиями к формированию этого списка было следующее: 1) из перечня возможных предикторов должны быть исключены показатели, имеющие коэффициент корреляции между собой больше, чем 0,5; 2) в этот список должны были войти переменные, которые относились бы к разным видам самооценки возраста и параметрам отношения к своему ВО — когнитивному, эмоциональному, поведенческому и не дублировали бы друг друга, что могло понизить ценность полученных в результате множественного регрессионного анализа данных.

В результате проведенной работы в список предикторов вошли такие показатели, как ХВ — СВ (разница между хронологическим и субъективным возрастом), ХВ — ЖВВ (разница между хронологическим и желаемым ВВ), оценка ВО матерью, интегральная оценка ВО, удовлетворенность ВО, обеспокоенность ВО, аррегансе-перфекционизм, экономический статус, а также интегральный показатель «значимость ВО», вычисленный как среднее арифметическое показателей значимости ВО в различных сферах. Результаты множественного регрессионного анализа представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, в результате применения пошагового метода регрессии из 9-ти предикторов в уравнение регрессии оказались включены 6: разница между

Таблица 2

**Результаты множественного регрессионного анализа
(зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise
(по шагам); основная выборка N = 523)**

Модель	<i>B</i>	Ст. ошиб.	β	<i>t</i>	<i>p</i>
(Константа)	-4,500	1,690		-2,662	0,008
ХВ – СВ	0,063	0,030	0,102	2,107	0,036
Значимость ВО	0,813	0,214	0,172	3,789	0,000
Оценка ВО матерью	-0,325	0,103	-0,148	-3,164	0,002
Интегральная оценка ВО	0,007	0,003	0,124	2,580	0,010
ХВ – ЖВВ	0,077	0,031	0,118	2,444	0,015
Экономический статус	0,761	0,345	0,104	2,210	0,028
Общие показатели регрессии	$R = 0,329$; $R^2 = 0,108$; $F = 8,919$; $p = 0,000$				

хронологическим и субъективным возрастом, значимость ВО, оценка ВО матерью, интегральная оценка ВО, потребность выглядеть моложе своих лет и экономический статус. Коэффициент множественной корреляции R , который отражает связь зависимой переменной с совокупностью независимых переменных, равен 0,329; значение R^2 составляет 0,108 и показывает, что 10,8% дисперсии переменной ХВ – ВВ обусловлено влиянием предикторов. Стандартные коэффициенты регрессии β являются статистически достоверными, что позволяет интерпретировать относительную степень влияния каждого из предикторов: на первом месте с точки зрения влияния на зависимую переменную находится значимость ВО, далее оценка ВО

матерью, потом интегральная оценка ВО, далее – потребность выглядеть моложе своих лет, экономический статус и субъективный возраст (показатель ХВ – СВ). Каждая из переменных вносит примерно одинаковый вклад в оценку зависимой переменной и коррелирует с ней положительно, за исключением оценки ВО матерью. Этот предиктор входит в модель с отрицательным знаком, то есть снижает величину «спасенных лет».

Для выявления специфики влияния предикторов на зависимую переменную далее мы предприняли процедуру множественного регрессионного анализа на различных гендерно-возрастных подвыборках. Результаты проведенного анализа приведены в табл. 3–6.

Таблица 3

**Результаты множественного регрессионного анализа
(зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise
(по шагам); мужская подвыборка N = 207)**

Модель	<i>B</i>	Ст. ошиб.	β	<i>t</i>	<i>p</i>
(Константа)	-5,147	1,773		-2,903	0,004
ХВ – СВ	0,096	0,043	0,159	2,212	0,028
Значимость ВО	0,840	0,368	0,160	2,281	0,024
Удовлетворенность ВО	0,454	0,220	0,148	2,067	0,040
Общие показатели регрессии	$R = 0,283$; $R^2 = 0,080$; $F = 5,405$; $p = 0,001$				

Таблица 4

**Результаты множественного регрессионного анализа
(зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise
(по шагам); женская подвыборка N = 316)**

Модель	<i>B</i>	Ст. ошиб.	β	<i>t</i>	<i>p</i>
(Константа)	-3,581	1,640		-2,184	0,030
ХВ – ЖВВ	0,138	0,044	0,184	3,114	0,002
Значимость ВО	0,757	0,251	0,180	3,013	0,003
Экономический статус	0,964	0,409	0,140	2,357	0,019
Общие показатели регрессии	$R = 0,294; R^2 = 0,086; F = 8,392; p = 0,000$				

Таблица 5

**Результаты множественного регрессионного анализа
(зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise
(по шагам); подвыборка «зрелые» N = 368)**

Модель	<i>B</i>	Ст. ошиб.	β	<i>t</i>	<i>p</i>
(Константа)	-2,541	1,662		-1,528	0,127
ХВ – СВ	0,080	0,034	0,127	2,331	0,020
Оценка ВО матерью	-0,468	0,120	-0,216	-3,896	0,000
Интегральная оценка ВО	0,012	0,003	0,201	3,564	0,000
Значимость ВО	0,654	0,258	0,136	2,537	0,012
Общие показатели регрессии	$R = 0,329; R^2 = 0,108; F = 9,469; p = 0,000$				

Таблица 6

**Результаты множественного регрессионного анализа
(зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise
по шагам); подвыборка «пожилые» N = 155)**

Модель	<i>B</i>	Ст. ошиб.	β	<i>t</i>	<i>p</i>
(Константа)	-2,835	1,815		-1,562	0,121
Удовлетворенность ВО	0,679	0,225	0,253	3,025	0,003
Значимость ВО	0,934	0,336	0,232	2,779	0,006
Общие показатели регрессии	$R = 0,337; R^2 = 0,113; F = 8,122; p = 0,000$				

В модели, построенной на мужской подвыборке, предикторами показателя ХВ – ВВ выступают три переменные: значимость ВО, субъективный возраст и удовлетворенность ВО.

В модели, построенной на женской подвыборке, предикторами показателя ХВ – ВВ выступают три переменных: значимость ВО, потребность выглядеть

моложе своего возраста и экономический статус.

В модели, построенной на подвыборке зрелых взрослых в возрасте от 35 до 59 лет, предикторами показателя ХВ – ВВ выступают четыре переменных: оценка ВО матерью (с отрицательным знаком), интегральная оценка ВО, значимость ВО и субъективный возраст.

В модели, построенной на подвыборке пожилых взрослых в возрасте от 60 до 75 лет, предикторами показателя ХВ – ВВ выступили две переменных из предполагаемых девяти: удовлетворенность своим ВО и значимость ВО. Очевидно, что на этом возрастном этапе можно предположить влияние иных факторов на зависимую переменную. На следующем раунде регрессионного анализа нами было решено включить в перечень независимых переменных показатель «планируемая продолжительность жизни», который по результатам проведенного нами на первом этапе корреляционного анализа показал $r = 0,247$ при уровне значимости $p = 0,003$ с показателем «спасенные годы». Это дало значительный прирост коэффициента детерминации (R^2) до 15,8%. Результаты приведены в табл. 7.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило впервые выделить основные социально-психологические предикторы, влияющие на показатель «спасенные годы» взрослых в возрасте 35–75 лет: это субъективный возраст (разница между хронологическим и субъективным возрастом), значимость ВО, интегральная оценка ВО, выраженность потребности выглядеть моложе своих лет (измеренная в количестве лет,

на которые человек хочет выглядеть моложе своего хронологического возраста), экономический статус и представление об оценке своего ВО матерью. Все предикторы, за исключением оценки ВО матерью, входят в уравнение регрессии со знаком «+» и увеличивают значение показателя разницы между хронологическим и ВВ. В базовый перечень предикторов вошли параметры самооценки возраста (субъективный возраст и желаемый ВВ) и когнитивного компонента отношения к своему ВО (значимость ВО, интегральная оценка ВО и представление об оценке ВО матерью). Несмотря на статистическую значимость проведенных нами процедур регрессионного анализа, коэффициент детерминации составил 10,8%, что еще раз показывает сложную детерминацию ВВ, на который, помимо социально-психологических, оказывает влияние целый комплекс факторов, от генетических до социокультурных.

Проведенный нами дополнительный регрессионный анализ по отдельным гендерно-возрастным подвыборкам позволил уточнить влияние изучаемых предикторов в зависимости от гендера и возрастного этапа жизни. Нами обнаружены универсальные и специфичные для гендерно-возрастных групп предикторы ВВ. В качестве универсального предиктора выступает зна-

Таблица 7

Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная: «спасенные годы» (ХВ – ВВ); метод: stepwise (по шагам); подвыборка «пожилые» N = 155; в перечень предикторов включен фактор «планируемая продолжительность жизни»)

Модель	<i>B</i>	Ст. ошиб.	β	<i>t</i>	<i>p</i>
(Константа)	-10,800	3,776		-2,860	0,005
Удовлетворенность ВО	0,707	0,229	0,260	3,088	0,003
Значимость ВО	0,965	0,344	0,237	2,804	0,006
Планируемая продолжительность жизни	0,088	0,038	0,197	2,328	0,022
Общие показатели регрессии	$R = 0,397$; $R^2 = 0,158$; $F = 7,436$; $p = 0,000$				

чимость ВО, которая определяет ВВ как мужчины, так и женщины, как в зрелом, так и в пожилом возрасте. То есть высокая значимость ВО является системообразующим фактором, который при сочетании с другими психологическими факторами позволяет предсказать, какой человек будет выглядеть моложе своих лет: 1) это мужчина, который считает, что «ВО имеет значение», имеющий субъективный возраст, значительно ниже своего хронологического возраста и удовлетворенный своим ВО; 2) это женщина, также имеющая высокую значимость ВО, высокий экономический статус и которая хочет выглядеть значительно моложе своих лет; 3) на возрастном этапе «зрелость» (от 35 до 59 лет) это те взрослые, которые имеют низкий субъективный возраст, высокую значимость и положительную интегральную оценку ВО, при этом размах показателя «спасенные годы» будут снижать высокие оценки их ВО матерью (что подтверждает важный вывод, полученный исследователями ВО [16], что оценки ВО матерью являются одним из важнейших факторов выбора практик ухода за своей внешностью); 4) на возрастном этапе «пожилой возраст» (от 60 до 75 лет) показатель «спасенные годы» определяют значимость ВО, удовлетворенность им и планируемая продолжительность жизни, причем данные предикторы обладают большей прогностической ценностью, чем в любой другой подгруппе (объясняют 15,8% дисперсии переменной ХВ – ВВ). Неожиданным результатом исследования явилось то, что поведенческий компонент отношения к своему ВО (выраженность арреанганс-перфекционизма) не влияет на «спасенные годы».

Выводы и заключение

1. Выявлены социально-психологические предикторы ВВ человека на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой воз-

раст»: субъективный возраст, значимость ВО, интегральная оценка ВО, оценка ВО матерью, потребность выглядеть моложе своих лет, экономический статус.

2. Сочетание социально-психологических предикторов ВВ различно в зависимости от гендера и возрастного этапа жизни. Выявлены универсальные и специфичные для гендерно-возрастных групп предикторы ВВ.

3. Наибольшей прогностической ценностью обладает регрессионная модель, выстроенная на данных участников исследования пожилого возраста (от 60 до 75 лет), в которую вошли сочетание предикторов «значимость ВО», «удовлетворенность ВО» и «планируемая продолжительность жизни».

4. Поведенческий компонент отношения к своему ВО (выраженность арреанганс-перфекционизма) не влияет на показатель разницы между хронологическим и ВВ («спасенные годы»).

Проведенное исследование позволяет заключить, что универсальным предиктором ВВ вне зависимости от гендера и возрастного этапа жизни выступает значимость ВО.

Ограничениями данного исследования является, возможно, действие на подгруппе «пожилые» так называемой «систематической ошибки выживших»: нами обнаружено, что самые старые люди имеют наибольшую разницу хронологического и ВВ, самую высокую планируемую продолжительность жизни и т.д.

Перспективами исследования является выявление социально-психологических предикторов ВВ так называемых «супер-геронтов» — пожилых людей, переваливших 75-летний рубеж и выглядящих значительно моложе своих лет, а также разработка на основе полученных данных психологической программы сопровождения старения.

Литература

1. *Воронцова О.Р., Крюкова Т.Л.* Когнитивно-поведенческие показатели субъективного возраста средней взрослости: личностная готовность к переменам // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2018. № 4. С. 24–30. DOI:10.25513/2410-6364.2018.4.24-30
2. *Воронцова Т.А.* Отношение к незнакомому человеку и оценка его возраста по фотоизображению лица, трансформированного в приложении FaceApp // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 3. С. 31–49. DOI:10.17759/expsy.2022150303
3. *Демидов А.А., Дивеев Д.А., Кутенев А.В.* Оценка возраста и индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица // Экспериментальная психология. 2012. Том 5. № 1. С. 69–81.
4. *Курьшева О.В.* Взаимосвязь субъективного возраста и самоотношения пожилых людей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2-2. С. 392–397.
5. *Курьшева О.В., Тарасова С.В.* Взаимосвязь отношения к собственному возрасту и стратегий совладания со старостью у пожилых людей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2014. № 1(7). С. 47–55.
6. *Лабунская В.А., Дроздова И.И.* Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226. DOI:10.21702/rpj.2017.2.12
7. *Мелёхин А.И.* Индивидуальные траектории субъективного возраста и их взаимосвязи с качеством сна у людей пожилого возраста // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М., 2018. С. 324–332.
8. *Мелёхин А.И.* Субъективный возраст и психологическое здоровье в пожилом и старческом возрасте // Психологические исследования. М., 2016. С. 109–124.
9. *Мелёхин А.И.* Феномен отрицания возраста пожилым человеком как индикатор субъективного благополучия: аргументы «за» и «против» // Клиническая геронтология. 2018. Т. 24. № 7-8. С. 20–26. DOI:10.26347/1607-2499201807-08020-026
10. *Мелёхин А.И., Сергиенко Е.А.* Предикторы субъективного возраста в пожилом и старческом возрасте // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 185–201. DOI:10.17759/expsy.2015080316
11. *Осьминина А.А.* Активность в омоложении внешнего облика как совладание со стрессом старения у женщин средней взрослости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 3. С. 140–146. DOI:10.34216/2073-1426-2021-2
12. *Павлова Н.С., Сергиенко Е.А.* Исследование качества жизни во взаимосвязи с субъективным возрастом на этапе позднего онтогенеза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 2. С. 36–53. DOI:10.18384/2310-7235-2019-2-36-53
13. *Сергиенко Е.А.* Субъективный возраст как предиктор течения тяжелой болезни // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 1. С. 25–39. DOI:10.28995/2073-6398-2020-1-25-39
14. *Сергиенко Е.А.* Субъективный возраст себя и другого // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту. Под ред. В.А. Барабанщикова, В.Н. Носуленко, Е.С. Самойленко. М., 2011. С. 311–316.
15. *Сергиенко Е.А., Циринг Д.А., Пахомова Я.Н., Пономарева И.В.* Субъективный возраст женщин с раком молочной железы в системе психологических факторов // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 67–89. DOI:10.17759/cpse.2022110104
16. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография / Под научной ред. В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Издательство Мини-Тайп, 2019. 456 с.

17. Шальнова С.А., Имаева Н.А., Имаева А.Э., Капустина А.В. Проблемы старения. Воспринимаемый возраст – новый предиктор продолжительности жизни? // Рациональная Фармакотерапия в Кардиологии. 2022. Том 18. № 1. С. 85–91. DOI:10.20996/1819-6446-2022-02-06
18. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 450–457. DOI:10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456
19. Эйдельман А.Б. Субъективный возраст как фактор психологического благополучия: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2022. 219 с.
20. Adams R.B.Jr., Garrido C.O., Albohn D.N., Hess U., Kleck R.E. What facial appearance reveals over time: When perceived expressions in neutral faces reveal stable emotion dispositions // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00986
21. Chang B.L., Wilson A.J., Taglienti A.J., Chang C.S., Folsom N., Percec I. Patient perceived benefit in facial aesthetic procedures: FACE-Q as a tool to study botulinum toxin injection outcomes // *Aesthetic Surgery Journal*. 2016. Vol. 36. Issue 7. P. 810–820. DOI:10.1093/asj/sjv244
22. Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmberg J.V.B., Aviv A., Gunn D., van der Ouderaa F., Vaupel J.W. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study // *BMJ* (Online). 2009. Vol. 339. Issue 7735, b5262. P. 1433.
23. Flament F., Pierre J., Delhommeau K., Adam A.S. How a working day-induced-tiredness may alter some facial signs in differently-aged Caucasian women // *International Journal of Cosmetic Science*. 2017. Vol. 39. Issue 5. P. 467–475. DOI:10.1111/ics.12398
24. Gunn D.A., Larsen L.A., Lall J.S., Rexbye H., Christensen K. Mortality is Written on the Face // *The Journals of Gerontology: Series A*. 2016. Vol. 71. Issue 1. P. 72–77. DOI:10.1093/gerona/glv090
25. Lawrence J.H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations // *International Journal of Aging and Human Development*. 1974. Vol. 5. Issue 4. P. 369–391.
26. Rexbye H., Petersen I., Johansen M., Klitkou L., Jeune B., Christensen K. Influence of environmental factors on facial ageing // *Age and Ageing*. 2006. Vol. 35. Issue 2. P. 110–115. DOI:10.1093/ageing/afj031
27. Shen Y.A., Shoda Y. How Candidates' Age and Gender Predict Voter Preference in a Hypothetical Election // *Psychological Science*. 2021. Vol. 32. Issue 6. P. 934–943. DOI:10.1177/0956797620977518
28. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study // *Age and Ageing*. 2005. Vol. 34. Issue 4. P. 368–372.
29. Zimm A.J., Modabber M., Fernandes V., Karimi K., Adamson P.A. Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery // *JAMA Facial Plastic Surgery*. 2013. Vol. 15. Issue 6. P. 405–410. DOI:10.1001/jamafacial.2013.268

References

1. Vorontsova O.R., Kryukova T.L. Kognitivno-povedencheskie pokazateli sub"ektivnogo vozrasta srednei vzroslosti: lichnostnaya gotovnost' k peremenam [Cognitive-behavioral indicators of the subjective age of middle adulthood: personal readiness for change]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of Omsk University. Series: Psychology*, 2018. Vol. 4, pp. 24–30. DOI:10.25513/2410-6364.2018.4.24-30 (In Russ.).
2. Vorontsova T.A. Otnoshenie k neznakomomu cheloveku i otsenka ego vozrasta po fotoizobrazheniyu litsa, transformirovannogo v prilozhenii FaceApp [Attitude to a stranger and assessment of his age based on a photo image of a face transformed in the FaceApp application]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*, 2022. Vol. 15, issue 3, pp. 31–49. DOI:10.17759/expsy.2022150303 (In Russ.).

3. Demidov A.A., Diveev D.A., Kutenev A.V. Otsenka vozrasta i individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik cheloveka po vyrazheniyu litsa [Assessment of age and individual psychological characteristics of a person by facial expression]. *Экспериментальная психология = Experimental psychology*, 2012. Vol. 5, no. 1, pp. 69–81. (In Russ.).
4. Kuryshva O.V. Vzaimosvyaz' sub"ektivnogo vozrasta i samootnosheniya pozhilykh lyudei [The relationship between subjective age and the self-attitude of older people]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2013. Vol. 15, issue 2-2, pp. 392–397. (In Russ.).
5. Kuryshva O.V., Tarasova S.V. Vzaimosvyaz' otnosheniya k sobstvennomu vozrastu i strategii sovladaniya so starost'yu u pozhilykh lyudei [The relationship between attitudes to one's own age and coping strategies with old age in the elderly]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki = Bulletin of the Volgograd State University. Series 11: Natural Sciences*, 2014. Vol. 1, issue 7, pp. 47–55. (In Russ.).
6. Labunskaya V.A., Drozdova I.I. Teoretiko-empiricheskii analiz vliyaniya sotsialnopsikhologicheskikh faktorov na otsenki, samootsenki molodymi lyudmi vneshnego oblika [Theoretical and empirical analysis of the impact of social and psychological factors on the assessment, self-assessment of young people's appearance]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*, 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 202–226. DOI:10.21702/rpj.2017.2.1214 (In Russ.).
7. Melekhin A.I. Individual'nye traektorii sub"ektivnogo vozrasta i ikh vzaimosvyazi s kachestvom sna u lyudei pozhilogo vozrasta [Individual'nye traektorii sub"ektivnogo vozrasta i ikh vzaimosvyazi s kachestvom sna u lyudei pozhilogo vozrasta]. *Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti [Psychology of a person as a subject of cognition, communication and activity]*. In V.V. Znakov, A.L. Zhuravlev (ed.). Moscow, 2018, pp. 324–332. (In Russ.).
8. Melekhin A.I. Sub"ektivnyi vozrast i psikhologicheskoe zdorov'e v pozhilom i starcheskom vozraste [Subjective age and psychological health in the elderly and senile age]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]*. Moscow, 2016, pp. 109–124. (In Russ.).
9. Melekhin A.I. Fenomen otritsaniya vozrasta pozhilym chelovekom kak indikator sub"ektivnogo blagopoluchiya: argumenty "za" i "protiv" [The phenomenon of age denial by an elderly person as an indicator of subjective well-being: arguments for and against]. *Klinicheskaya gerontologiya = Clinical gerontology*, 2018. Vol. 24, issue 7–8, pp. 20–26. DOI:10.26347/1607-2499201807-08020-026 (In Russ.).
10. Melekhin A.I., Sergienko E.A. Prediktory sub"ektivnogo vozrasta v pozhilom i starcheskom vozraste [Predictors of subjective age in old age and senility]. *Экспериментальная психология = Experimental psychology*, 2015. Vol. 8, issue 3, pp. 185–201. DOI:10.17759/exppsy.2015080316 (In Russ.).
11. Os'minina A.A. Aktivnost' v omolozhenii vneshnego oblika kak sovladanie so stressom stareniya u zhenshchin srednei vzroslosti [Activity in rejuvenation of appearance as coping with the stress of aging in middle-aged women]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2021. Vol. 27, no. 3, pp. 140–146. DOI:10.34216/2073-1426-2021-2 (In Russ.).
12. Pavlova N.S., Sergienko E.A. Issledovanie kachestva zhizni vo vzaimosvyazi s sub"ektivnym vozrastom na etape pozdnego ontogeneza [Study of the quality of life in relation to subjective age at the stage of late ontogenesis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2019. Vol. 2, pp. 36–53. DOI:10.18384/2310-7235-2019-2-36-53 (In Russ.).
13. Sergienko E.A. Sub"ektivnyi vozrast kak prediktor techeniya tyazheloi bolezni [Subjective age as a predictor of the course of a serious illness]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika*.

Obrazovanie = Bulletin of the Russian State University. Series: Psychology. Pedagogy. Education, 2020. Vol. 1, pp. 25–39. DOI:10.28995/2073-6398-2020-1-25-39 (In Russ.).

14. Sergienko E.A. Sub"ektivnyi vozrast sebya i drugogo [The subjective age of yourself and the other]. *Poznanie v deyatelnosti i obshchenii: ot teorii i praktiki k eksperimentu [Cognition in activity and communication: from theory and practice to experiment]*. In V.A. Barabanshchikov, V.N. Nosulenko, E.S. Samoilenko (ed.). Moscow, 2011, pp. 311–316. (In Russ.).

15. Sergienko E.A., Tsiring D.A., Pakhomova Ya.N., Ponomareva I.V. Sub"ektivnyi vozrast zhenshchin s rakom molochnoi zhelezy v sisteme psikhologicheskikh faktorov [Subjective age of women with breast cancer in the system of psychological factors]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2022. Vol. 11, issue 1, pp. 67–89. DOI:10.17759/cpse.2022110104 (In Russ.).

16. Sotsial'naya psikhologiya vneshnego oblika: teoreticheskie podkhody i empiricheskie issledovaniya. Kollektivnaya monografiya [Social psychology of appearance: theoretical approaches and empirical research. Collective monograph]. In V.A. Labunskaya, G.V. Serikov, T.A. Shkurko (ed.). Rostov-on-Don: Mini-Taip Publ., 2019. 456 p. (In Russ.).

17. Shal'nova S.A., Imaeva N.A., Imaeva A.E., Kapustina A.V. Problemy stareniya. Vosprinimaemyi vozrast – novyi prediktor prodolzhitel'nosti zhizni? [Problems of aging. Is perceived age a new predictor of life expectancy?]. *Ratsional'naya Farnakoterapiya v Kardiologii = Rational Pharmacotherapy in Cardiology*, 2022. Vol. 18, issue 1, pp. 85–91. DOI:10.20996/1819-6446-2022-02-06 (In Russ.).

18. Shkurko T.A., Labunskaya V.A. Pochemu my vyglyadim molozhe ili starshe svoikh let: poisk psikhologicheskikh determinant [Why we look younger or older than our years: the search for psychological determinants]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = News of Saratov University. A new series. Philosophy series. Psychology. Pedagogy*, 2018. Vol. 18, no. 4, pp. 450–457. DOI:10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456 (In Russ.).

19. Eidel'man A.B. Sub"ektivnyi vozrast kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya. Diss. kand. psikhol. nauk. [Subjective age as a factor of psychological well-being. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2022. 219 p.

20. Adams R.B.Jr., Garrido C.O., Albohn D.N., Hess U., Kleck R.E. What facial appearance reveals over time: When perceived expressions in neutral faces reveal stable emotion dispositions. *Frontiers in Psychology*, 2016. Vol. 7. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00986

21. Chang B.L., Wilson A.J., Taglienti A.J., Chang C.S., Folsom N., Percec I. Patient perceived benefit in facial aesthetic procedures: FACE-Q as a tool to study botulinum toxin injection outcomes. *Aesthetic Surgery Journal*, 2016. Vol. 36, issue 7, pp. 810–820. DOI:10.1093/asj/sjv244

22. Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmborg J.V.B., Aviv A., Gunn D., van der Ouderaa F., Vaupel J.W. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study. *BMJ (Online)*, 2009. Vol. 339, issue 7735, b5262, p. 1433.

23. Flament F., Pierre J., Delhommeau K., Adam A.S. How a working day-induced-tiredness may alter some facial signs in differently-aged Caucasian women. *International Journal of Cosmetic Science*, 2017. Vol. 39, issue 5, pp. 467–475. DOI:10.1111/ics.12398

24. Gunn D.A., Larsen L.A., Lall J.S., Rexbye H., Christensen K. Mortality is Written on the Face. *The Journals of Gerontology: Series A*, 2016. Vol. 71, issue 1, pp. 72–77. DOI:10.1093/gerona/glv090

25. Lawrence J.H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations. *International Journal of Aging and Human Development*, 1974. Vol. 5, issue 4, pp. 369–391.

26. Rexbye H., Petersen I., Johansen M., Klitkou L., Jeune B., Christensen K. Influence of environmental factors on facial ageing. *Age and Ageing*, 2006. Vol. 35, issue 2, pp. 110–115. DOI:10.1093/ageing/afj031

27. Shen Y.A., Shoda Y. How Candidates' Age and Gender Predict Voter Preference in a Hypothetical Election. *Psychological Science*, 2021. Vol. 32, issue 6, pp. 934–943.
28. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study. *Age and Ageing*, 2005. Vol. 34, issue 4, pp. 368–372.
29. Zimm A.J., Modabber M., Fernandes V., Karimi K., Adamson P.A. Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery. *JAMA Facial Plastic Surgery*, 2013. Vol. 15, issue 6, pp. 405–410. DOI:10.1001/jamafacial.2013.268

Информация об авторах

Воронцова Татьяна Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Information about the authors

Tatyana A. Vorontsova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Получена 24.04.2023

Received 24.04.2023

Принята в печать 26.01.2024

Accepted 26.01.2024

Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям — есть ли связь?

Нартова-Бочавер С.К.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Ларионов П.

Университет Казимира Великого, г. Быдгощ, Польша
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavel@ukw.edu.pl

Щерба Е.К.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-9664>, e-mail: ekscherba@edu.hse.ru

Цель. Изучение связи между привязанностью к домашним питомцам и просоциальными качествами личности — экологической идентичностью, моральными мотивами и экологическим стилем жизни.

Контекст и актуальность. Привязанность к домашним питомцам исследуется в контексте терапии с использованием животных и защиты прав животных, однако вопрос о возможном вкладе этого феномена в развитие гуманного отношения к людям до сих пор остается открытым. Можно ли ожидать, что привязанность к питомцу обладает гуманизирующим воздействием или она сохраняет свою специфичность, не будучи связанной с просоциальными установками владельца животного — этот исследовательский вопрос отражает основную проблему исследования.

Дизайн исследования. Исследование проводилось по корреляционному плану; данные собирались онлайн при помощи сервиса 1ka.si.

Участники. Выборка исследования состояла из 284 респондентов (224 женщины, 60 мужчин, возраст от 18 до 76 лет, $M_{\text{возраст}} = 25,4$, $SD_{\text{возраст}} = 9,7$, преимущественно владельцы кошек и собак, преимущественно граждане России).

Методы (инструменты). Использовались стандартизированные опросники — подготовленная в ходе настоящего исследования русскоязычная модифицированная версия Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам, Модель моральных мотивов, Шкала экологической идентичности и опросник Экологический стиль жизни.

Результаты. Обнаружено, что разные характеристики привязанности к питомцу действительно связаны с экологической идентичностью, моральными мотивами (за исключением самоограничения) и социальным экоактивизмом. Показано также, что два качества привязанности к питомцам (права питомцев и переживание счастья от общения с питомцем) в разных сочетаниях предсказывают мотивы непричинения вреда, помощи, социальной справедливости и социальный экоактивизм.

Основные выводы. Привязанность к питомцам действительно связана с просоциальными качествами личности, преимущественно отражающими активную жизненную позицию владельца питомца; нет связи с феноменами самоограничения.

Ключевые слова: моральные мотивы; привязанность к питомцам; психология среды; экологическая идентичность; экологический стиль жизни.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Нартова-Бочавер С.К., Ларюнов П., Шерба Е.К. Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям — есть ли связь? // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 156—170. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150110>

Attachment to Pets and Love for People — is There a Connection?

Sofya K. Nartova-Bochaver

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Paweł Larionow

Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavel@ukw.edu.pl

Ekaterina K. Scherba

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-9664>, e-mail: ekscherba@edu.hse.ru

Objective. *The study is aimed at investigating the relationship between attachment to pets and pro-social personality characteristics — environmental identity, moral motives, and ecological lifestyle.*

Background. *Attachment to pets is being investigated in the context animal-assisted therapy animal rights protection but the question of the possible contribution of this phenomenon to the development of humane treatment of people is still open. Is it possible to expect that attachment to a pet has a humanizing effect or does retain its specificity without being related to the pet owners' pro-social attitudes — this research question reflects the main problem of the study.*

Study design. *The study has correlational design; data was collected online using the 1ka.si service.*

Participants. *The study sample consisted of 284 respondents (224 women, 60 men, aged 18—76, $M_{age} = 25,4$, $SD_{age} = 9,7$, mostly owners of cats and dogs, mostly Russian citizens).*

Measurements. *Validated Russian versions of the questionnaires were used, i.e., the Lexington attachment to pets scale (modified 8-item version prepared in this study), the 30-item Moral motives scale, the 14-item Environmental identity scale, and the 7-item Ecological lifestyle scale.*

Results. *It has been found that different aspects of attachment to a pet are indeed associated with environmental identity, moral motives (with the exception of self-restraint), and social eco-activism. It is also shown that two aspects of attachment to pets (pet rights and the experience of happiness from communicating with a pet) in different combinations predict the motives of not-harming, helping, social justice, and social eco-activism.*

Conclusions. *Attachment to pets is positively related to the pro-social attitudes of the pet owners, mostly those reflected an active pet owners' position, but is not connected with the self-restraint qualities.*

Keywords: *moral motives; pet attachment; environmental psychology; environmental identity; ecological lifestyle.*

Funding. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Nartova-Bochaver S.K., Larionow P., Scherba E.K. Attachment to Pet and Love for People – is There a Connection? *Sotsial'naya psikhologiya I obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 156–170. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150110> (In Russ.).

Введение

Исследование посвящено связи привязанности к домашним питомцам (pet attachment) с просоциальными качествами личности — моральными мотивами и экологическим стилем жизни. Привязанность к питомцам представляет собой популярный предмет академических и прикладных исследований в мировой психологии, и тому есть много причин. Во-первых, это распространение терапии при помощи животных (animal-assisted therapy), доказавшей свою высокую эффективность в решении психологических проблем широкого спектра — от лечения аутизма и коррекции ментальных нарушений до совладания с одиночеством и стрессами. Очевидно, что без привязанности к животным эта терапия, особенно ее ненаправленные формы, не может реализоваться. Во-вторых, во всем мире усиливаются движения за права животных, что также предполагает наличие к ним положительного отношения [10; 11; 19].

В психологии среды различают несколько категорий животных в зависимости от их ответоспособности, близости человеку и той функции, которую они играют в человеческой жизни: это животные, которые используются для пищи, и компаньоны, среди которых также различают более (high-sentience) и менее (low-sentience) эмоционально отзывчивых (например, собак и рептилий) [25]. Привязанность изучается только в контексте взаимодействия с компаньонами (домашними питомцами). Наиболее благоприятно на состояние и функционирование человека влияет взаимодействие с эмоционально отзывчивыми компаньонами, однако общение с рыбами, птицами и экзотическими животными также может быть весьма полезным. Большое количество данных свидетельствует о том, что разные формы взаимодействия с животными, от наблюдения за их действиями или созерцания их изображений до ухода за ними, совместных прогулок и путешествий, способствуют укреплению психологического благополучия: улучшению настроения, повышению удовлетворенности жизнью и социального благополучия, понижению уровня воспринимаемого стресса и т.д. [10; 19; 29].

Позитивные эффекты привязанности к животным для психологического благополучия достоверно доказаны, однако исследования этого феномена, возможно, в силу актуальности «зеленой» повестки страдают некоторой ограниченностью. Заводя домашнего питомца, человек не изолируется от общества и потому продолжает согласовывать свое поведение с другими людьми. В связи с этим возникает вопрос: как привязанность к животным связана с социально позитивными феноменами? Можно ли ожидать, что она обладает генерализованным эффектом, или эффектом «перетекания» (spillover), вовлекая в свою сферу не только «братьев меньших», но также и людей? Иначе говоря, привязанность человека к своему питомцу избирательна и специфична или предполагает позитивное отношение также и к себе подобным? Таким образом, основная проблема исследования состоит в возможности/невозможности переноса позитивного отношения к животным (привязанности) на позитивное отношение к людям (просоциальные установки). В случае обнаружения пере-

носа экологическое воспитание получило бы дополнительное теоретическое обоснование.

Биохимической основой любой привязанности является высокий уровень окситоцина, и потому можно ожидать, что человек, у которого его много, будет с большей вероятностью испытывать межвидовую эмпатию, и любовь к питомцу действительно представляет собой лишь частный вариант проявления любви к живому вообще, биофилии в широком смысле слова [18]. Исследования показывают, что дети, имеющие опыт дружбы с животными, обладают более низким уровнем агрессивности, склонны к сопереживанию и гуманно обходятся с животными, умеют регулировать свои эмоциональные состояния, эмпатичны и просоциальны (эти эффекты модулируются видом животного). Сложившаяся в детстве привычка заботиться о питомце делает человека также более чутким к окружающим [6; 12; 13; 16].

Тем не менее существуют данные о «темных» сторонах привязанности к животным, например, патологическом накопительстве животных (pathological pet hoarding), которое нередко возникает у людей с деменцией, иногда рассматривается как форма насилия и, помимо распространения зоогенных и паразитарных заболеваний, содержит риски возникновения пожаров в силу антисанитарии, скученности, пренебрежения потребностями самих животных и родственников и даже жестокого обращения с животными [4; 25]. М.Б. Беверлэнд (M.B. Beverland) и др. [5] отмечают, что мотивация приобретения животного вариативна: их могут заводить не только как друзей, но и в качестве развлечения, следуя моде или для повышения социального статуса, и тогда общение с животным менее благотворно для обо-

их участников. Наблюдения свидетельствуют, что есть владельцы домашних питомцев, убежденные в более высокой ценности животных по сравнению с людьми в силу их верности, неспособности лукавить и даже приписываемых им моральных черт, как это отмечал Г. Гессе: «Животные более настоящие, чем люди. Они не хотят тебе льстить, не хотят производить на тебя какое-то впечатление. Ничего показного. Какие они есть, такие и есть, как камни и цветы или как звезды на небе» [1, с. 100].

В качестве характеристик, гармонизирующих отношение к животным и людям, можно отметить баланс эмпатии к людям (human-empathy) и животным (animal-empathy), преобладание эгоцентризма над антропоцентризмом или наличие личностных качеств, которые бы реализовывали гуманистическую этику благоговения перед жизнью А. Швейцера [3], глубинную экологию А. Нэсса (A. Naess) [21], биофилию Э. Уилсона (E. Wilson) [17] и субъективизацию природы С.Д. Дерябо [2]. Исследователи отмечают необходимость присутствия в структуре личности интегративных качеств, которые бы делали гуманное отношение к живому универсальным, без разделения живого на более или менее ценные виды и особи. Так, М. Лири (M. Leary) предложил концепцию аллоинклюзивной идентичности, которая понимается им как способность устанавливать связь с социальным и биологическим миром, оберегая человека от эгоцентризма и обеспечивая диалог с миром [20]. Позже им же была предложена концепция веры в единство мира (openess), которая также акцентировала связанность человека с миром, Вселенной, другими живыми существами [9]. Еще ближе к предмету нашего исследования концепция моральной экспансив-

ности (*moral expansiveness*) Д. Кримстона (D. Crimston), согласно которой люди различаются своей способностью включать в зону моральной ответственности и заботы большее или меньшее количество живых существ (людей и представителей других видов) [24]. У кого-то моральное отношение распространяется только на близких людей, у кого-то — также и на природные объекты (в этом случае, в терминологии Д. Кримстона, говорят о выраженной моральной экспансивности), у кого-то отсутствует вообще. Все эти концепции в качестве общего фактора, задающего универсализм гуманного отношения и к людям, и к природным объектам, рассматривают качества личности, отражающие переживание и понимание человеком своей связанности с природой.

На наш взгляд, зонтичным понятием для разнородных характеристик, демонстрирующих связь с природой, является экологическая идентичность (*environmental identity*) [7]. Экологическая идентичность — это отношение к себе как части природы, переживание взаимосвязанности с ней и зависимости от нее. Выраженная экологическая идентичность проявляется в заботе человека о других людях и неантропоморфных существах, а также в ответственности перед будущими поколениями и планетой. Люди с экологической идентичностью имеют более яркие просоциальные установки, включая политические взгляды, участие в сохраняющих окружающую среду активностях и заботу о растениях [8; 23; 28]. Можно ожидать, что именно экологическая идентичность связывает любовь к домашнему питомцу с другими просоциальными качествами личности — моральными мотивами и экологическими установками как формой гуманного отношения к современникам

и будущим поколениям. В настоящем исследовании мы будем рассматривать это качество как условно зависимую переменную (эффект).

Привязанность к питомцам — это положительное отношение к животным, побуждающее заботиться о них, общаться с ними и скучать в их отсутствие. Домашний питомец обладает высокой ценностью для хозяина, это не «просто животное», лишенное индивидуальности, а субъект, включенный в систему его жизнедеятельности [10]. Согласно Т.П. Джонсону (T.P. Johnson) и др. [15], привязанность к животным представляет собой многомерный феномен, включающий эмоциональную привязанность, стремление защищать права животных и даже готовность заменить ими общение с людьми. Привязанность к животным рассматривается как условно независимая переменная (предиктор) в нашем исследовании.

Моральные мотивы представляют собой вторую условно зависимую переменную (эффект). В Модели моральных мотивов Р. Янофф-Бульман (R. Janoff-Bulman), на которой базируется настоящее исследование, различаются прескриптивная (предписывающая) и проскриптивная (запрещающая) мораль [14]. Обе формы направлены на поддержание гуманных отношений между людьми, однако психологические механизмы неодинаковы: это или стимуляция добродетельного поведения (прескриптивная), или воздержание от дурных действий (проскриптивная). Моральные мотивы регулируют актуальные отношения с реальными людьми или группами людей.

Третьей условно зависимой переменной (эффектом) является экологический стиль жизни — поведение, направленное на поддержание здоровой окружающей среды и предотвращение ее ухудшения в

будущем [27]. В этом случае адресат поведения — это не только близкие люди, но и дистанцированные, причем даже во времени. Экологический стиль жизни — это просоциальная инвестиция в жизнь будущих поколений на земле.

Цель исследования заключалась в поиске ответа на исследовательский вопрос: есть ли связь между привязанностью к питомцам, экологической идентичностью и просоциальными качествами личности (моральными мотивами и экологическим стилем жизни)?

Метод

Исследование осуществлялось по корреляционному плану. Данные были собраны онлайн посредством сервиса 1ka.si в течение 2020–2021 годов; участие было полностью добровольным, все респонденты подписали согласие на анонимную обработку данных и их использование в публикациях. Выборка исследования включала 284 респондента (224 женщины, 60 мужчин, возраст от 18 до 76 лет, $M_{\text{возраст}} = 25,4$, $SD_{\text{возраст}} = 9,7$, преимущественно граждане России). 136 респондентов в качестве питомца указали кошку, 96 — собаку, 19 — рептилию (ящерицу, змею и т.п.), 10 — хомяка, 10 — моллюсков, 8 — попугая, 4 — аквариумную рыбку, 1 — лягушку.

Для измерения условно независимых переменных (предикторов) использовалась российская версия *Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам*, *ЛШПП-К* (*Lexington attachment to pets scale, LAPS*), включающей четыре субшкалы и восемь утверждений [15]. Для измерения условно зависимых переменных (эффектов) применялись российские адаптации однофакторной *Шкалы экологической идентичности* (*Environmental identity scale, EID*), включающей 14 утверждений [7], *Модели мо-*

ральных мотивов (*Model of moral motives scale, МММ*), включающей 30 утверждений и шесть субшкал, измеряющих проскриптивную и прескриптивную мораль (соответственно, мотивы *Непричинения вреда*, *Самоограничения* и *Социального порядка* и мотивы *Усердия*, *Социальной справедливости* и *Помощи*) [14; 22], а также опросник *Экологический стиль жизни*, включающий семь утверждений и две субшкалы (*Проэкологическое самоограничение* и *Социальный экоактивизм*) [27]. Все переменные оценивались по шкалам Ликерта разной размерности.

Статистический анализ проводился с использованием программы Statistica 13.3 и статистического пакета lavaan 0.6-13 в среде R 4.2.2.

Результаты

Для реализации цели исследования было необходимо подготовить русскоязычную версию основного исследовательского инструмента, *ЛШПП*, в оригинальном варианте включающего 23 пункта и три фактора. Было получено разрешение на перевод и адаптацию методики от ее автора профессора Т. Джонсона (Т. Johnson). Перевод осуществлялся в соответствии с международными требованиями (ISPOR) [30].

Конфирматорный факторный анализ с применением эстиматора MLM показал, что оригинальная 3-факторная модель *ЛШПП* характеризовалась недостаточно хорошими показателями соответствия данным ($\chi^2/df = 611,10/227$; CFI = 0,835; RMSEA = 0,084 [90%CI: 0,076; 0,092]; SRMR = 0,065), как и в ранее проведенных исследованиях [26; 31], где также не удалось подтвердить оригинальную факторную структуру опросника. С помощью эксплораторного факторного анализа было найдено оптимальное 4-факторное решение, полученное путем изучения

факторной структуры при удалении пунктов с низкими или кросс-факторными нагрузками. Данное решение (восемь утверждений, по два на каждый из четырех коррелирующих факторов) хорошо согласовалось с содержанием утверждений и соответствующих им субшкал. Идентифицированным факторам (субшкалам) были даны полные и краткие названия: *Близость с питомцем (Близость)*, *Права питомцев (Права)*, *Эмпатия со стороны питомца (Эмпатия)*, а также *Источник счастья (Счастье)*.

Конфирматорный факторный анализ показал отличные показатели соответствия данным для 4-факторного решения ($\chi^2/df = 13,76/14$; CFI = 1,000; RMSEA = 0,000 [90%CI: 0,000; 0,065]; SRMR = 0,027). Корреляции между факторами были высокими: от 0,498 до

0,658 (все $p < 0,001$). Кроме того, были проанализированы показатели соответствия для 4-факторной модели (четыре субшкалы) с фактором второго порядка (общий балл, отражающий общую связанность), которые оказались несколько лучше ($\chi^2/df = 14,79/16$; CFI = 1,000; RMSEA = 0,000 [90%CI: 0,000; 0,058]; SRMR = 0,028), чем у 4-факторного решения без фактора второго порядка. Стандартизированные факторные нагрузки для данных решений были высокими (табл. 1). Мы выбрали 4-факторную модель с фактором второго порядка как наиболее оптимальное факторное решение, которое стало основой для краткой версии опросника *ЛШПП-К (LAPS-Short Form, LAPS-S)*. Бланк опросника *ЛШПП-К* и инструкция для расчета результатов представлены в Приложении.

Таблица 1

Описательная статистика утверждений ЛШПП-К и стандартизированные факторные нагрузки (N = 284)

Переменные	M	SD	Асимметрия	Экссесс	Стандартизированные факторные нагрузки (все $p < 0,001$)	
					4-факторное решение	4-факторное решение с фактором второго порядка
1. Мой питомец значит для меня больше, чем некоторые из моих друзей	1,81	1,05	-0,38	-1,07	0,668	0,673
2. Я считаю, что домашние животные должны иметь те же права и привилегии, что и члены семьи	1,78	0,98	-0,26	-0,98	0,653	0,660
3. Мой питомец знает, когда мне плохо	1,60	1,08	-0,16	-1,25	0,836	0,836
4. Мой питомец делает меня счастливым(ой)	2,45	0,78	-1,35	1,15	0,748	0,750
5. Я считаю, что мой питомец — мой лучший друг	1,69	1,12	-0,22	-1,33	0,839	0,833

Переменные	M	SD	Асимметрия	Экссесс	Стандартизированные факторные нагрузки (все $p < 0,001$)	
6. Домашние животные заслуживают того же уважения, что и люди	2,43	0,83	-1,42	1,29	0,689	0,681
7. Мой питомец понимает меня	1,70	1,06	-0,34	-1,08	0,871	0,870
8. Тот факт, что у меня есть питомец, добавляет мне счастья	2,36	0,83	-1,06	0,13	0,788	0,786
Субшкалы ЛШПП-К						Стандартизированные факторные нагрузки субшкал на фактор второго порядка (все $p < 0,001$)
<i>Близость</i>	3,49	1,92	-0,31	-1,05	—	
<i>Права</i>	4,21	1,54	-0,77	0,00	—	
<i>Эмпатия</i>	3,30	1,99	-0,31	-1,09	—	
<i>Счастье</i>	4,82	1,44	-1,29	1,36	—	

Примечание. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

Параметры описательной статистики для анализируемых переменных представлены в табл. 2. Все переменные имели распределение, близкое к нормальному (коэффициенты асимметрии от -1,29 до 0,79; коэффициенты эксцесса от -1,09

до 2,08). Надежность (альфа Кронбаха, α) была удовлетворительной для субшкалы *Права питомцев* ($\alpha = 0,62$) и хорошей для всех остальных субшкал (α от 0,72 до 0,84) и общего балла ЛШПП-К ($\alpha = 0,83$).

Таблица 2
Описательная статистика анализируемых переменных (N = 284)

Переменные	Альфа Кронбаха	M	SD	Асимметрия	Экссесс
<i>Близость</i>	0,72	3,49	1,92	-0,31	-1,05
<i>Права</i>	0,62	4,21	1,54	-0,77	0,00
<i>Эмпатия</i>	0,84	3,30	1,99	-0,31	-1,09
<i>Счастье</i>	0,74	4,82	1,44	-1,29	1,36
ЛШПП-К общий балл (общая привязанность)	0,83	15,81	5,25	-0,48	-0,30
<i>Экологическая идентичность</i>	0,93	71,56	17,65	-0,81	0,42
<i>Самоограничение</i>	0,76	21,34	5,94	-0,19	0,02

Переменные	Альфа Кронбаха	<i>M</i>	<i>SD</i>	Асимметрия	Экцесс
<i>Усердие</i>	0,69	27,36	4,51	-0,77	2,08
<i>Помощь</i>	0,71	24,58	5,21	-0,59	1,09
<i>Непричинение вреда</i>	0,67	24,32	5,68	-0,74	0,67
<i>Социальный порядок</i>	0,69	18,69	5,57	0,14	0,18
<i>Социальная справедливость</i>	0,66	20,44	5,93	-0,12	-0,01
<i>Проэкологическое самоограничение</i>	0,63	11,54	3,95	-0,09	-0,77
<i>Социальный экоактивизм</i>	0,79	6,42	3,14	0,79	-0,30

Примечание. *M* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение.

Взаимосвязь между исследуемыми переменными представлена в табл. 3.

С целью определения характеристик привязанности к животным, способных предсказать уровень экологической идентичности, моральных мотивов и экологического стиля, было проведено несколько серий множественного регрессионного анализа методом форсированного ввода предикторов (табл. 4). Большинство моделей не были статистически значимы. Четыре модели предикции мотивов *Помощи*, *Непричинения вреда*, *Социальной справедливости*, а также *Социального*

экоактивизма оказались значимы и включали в себя статистически значимые предикторы. Среди характеристик привязанности к животным только *Права* и *Счастье* были положительными предикторами мотивов *Помощи* ($R^2 = 12,75\%$) и *Непричинения вреда* ($R^2 = 15,24\%$). Кроме того, *Права питомцев* были единственным статистически значимым положительным предиктором *Социального экоактивизма* ($R^2 = 6,56\%$), а *Счастье* – единственным статистически значимым положительным предиктором мотива *Социальной справедливости* ($R^2 = 5,29\%$).

Таблица 3
Взаимосвязь анализируемых переменных (*r* Пирсона) ($N = 284$)

Переменные	Экологическая идентичность	Самоограничение	Усердие	Помощь	Непричинение вреда	Социальный порядок	Социальная справедливость	Проэкологическое самоограничение	Социальный экоактивизм
<i>Близость</i>	0,10	0,06	0,14*	0,24***	0,21***	0,14*	0,12*	0,02	0,18**
<i>Права</i>	0,11	0,11	0,12*	0,29***	0,30***	0,05	0,18**	0,08	0,24***
<i>Эмпатия</i>	0,11	0,05	0,13*	0,24***	0,23***	0,13*	0,11	0,01	0,11
<i>Счастье</i>	0,17**	0,15*	0,18**	0,29***	0,34***	0,15**	0,20***	0,08	0,16**
<i>ЛШПП-К общий балл (общая привязанность)</i>	0,16**	0,11	0,19**	0,35***	0,35***	0,15**	0,19***	0,06	0,22***

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Таблица 4

**Регрессионные модели предикции природной идентичности,
моральных мотивов и экологического стиля жизни на основе привязанности
к животным (N = 284)**

Предикторы (субшкалы <i>ЛШПП-К</i>)	Зависимые переменные (эффекты)								
	Экологическая идентичность	Самоограничение	Усердие	Помощь	Непричинение вреда	Социальный порядок	Социальная справедливость	Проэкологическое самоограничение	Социальный экоактивизм
	Бета-коэффициенты								
<i>Близость</i>	-0,01	-0,03	0,05	0,05	-0,03	0,08	-0,01	-0,03	0,07
<i>Права</i>	0,04	0,07	0,04	0,17*	0,19**	-0,06	0,12	0,07	0,19**
<i>Эмпатия</i>	0,04	-0,03	0,04	0,09	0,07	0,06	0,00	-0,04	-0,02
<i>Счастье</i>	0,14	0,15*	0,12	0,15*	0,25***	0,11	0,16*	0,09	0,05
Параметры мо- делей	$F_{(4,279)} = 2,34, p > 0,05$	$F_{(4,279)} = 1,99, p > 0,05$	$F_{(4,279)} = 2,78, p = 0,027$	$F_{(4,279)} = 10,19, p < 0,001$	$F_{(4,279)} = 12,54, p < 0,001$	$F_{(4,279)} = 2,39, p > 0,05$	$F_{(4,279)} = 3,90, p = 0,004$	$F_{(4,279)} = 0,87, p > 0,05$	$F_{(4,279)} = 4,90, p < 0,001$
Объясненная дисперсия (коэффициент детерминации R ²)	3,25%	2,78%	3,83%	12,75%	15,24%	3,31%	5,29%	1,23%	6,56%

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование открыло следующие факты. Прежде всего было обнаружено, что главный исследовательский метод, *ЛШПП*, не сохранил свою исходную структуру в ходе адаптации к российской культуре, однако проведенная работа привела к созданию модифицированной сокращенной версии *ЛШПП-К*, хорошо работающей на исследуемой выборке. Исходная версия включала 23 утверждения и три субшкалы – *Общую привязанность*, *Замещение*

людей и *Права питомцев* [15]. Интерпретация восьми утверждений, входящих в четыре субшкалы, выделенные в ходе создания модифицированной версии (*Близость с питомцем*, *Права питомцев*, *Эмпатия со стороны питомца*, *Источник счастья*), более однозначна и лучше отражает содержание феномена привязанности к животным, который мог претерпеть за последние десятилетия изменения.

Далее было обнаружено, что исследуемые переменные действительно поло-

жительно взаимосвязаны друг с другом. Так, общий показатель привязанности оказался связан с *Экологической идентичностью*, *Социальным экоактивизмом* и всеми моральными мотивами, кроме *Самоограничения*, который, судя по прежним исследованиям, плохо работает на российской молодежной выборке [22]. Среди аспектов привязанности к питомцам наибольшее количество связей с моральными мотивами образовали *Счастье*, *Близость* и несколько меньше — *Права* и *Эмпатия*. Самые сильные связи образованы с мотивами *Помощи* и *Непричинения вреда*. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие связей мотива *Самоограничения* (коррелирует только с показателем *Счастья*) и полное отсутствие связей *Экологического самоограничения*. Это означает, что люди, привязанные к своим домашним питомцам, испытывают затруднения в том, чтобы контролировать свои потребности и желания, если это касается социального пространства взаимодействия и экологической ответственности. Таким образом, паттерн морали владельцев питомцев дифференцирован, но специфичен и содержит в основном активные формы проявления, что даже может производить впечатление некоторой невязчивости.

Неожиданным оказалось почти полное отсутствие связей разных аспектов привязанности к питомцам с *Экологической идентичностью*, свидетельствуя, что любовь к животным все же остается довольно специфичным феноменом, и по умолчанию ее перенос на другие формы жизни не происходит. Это еще более удивительно в контексте ранее полученных данных о связи *Экологической идентичности* с привязанностью к миру растений [23]. Возможно, неожиданность результата

вызвана тем, что ранее использовалась другая версия шкалы *Экологической идентичности*.

Следующий шаг анализа состоял в построении регрессионных моделей для уточнения вклада аспектов привязанности к питомцам в изучаемые просоциальные переменные. Самые сильные модели были получены для мотивов *Непричинения вреда* и *Помощи*: если владелец питомца чувствует счастье от общения с любимым животным и готов предоставить ему некоторые социальные права, это повышает вероятность, во-первых, сдержанного и бережного отношения к людям, способности контролировать свою агрессию и, во-вторых, готовности оказывать людям активную помощь. Еще две модели были получены для *Социального экоактивизма* и мотива *Социальной справедливости*, но в этих моделях идентифицировано лишь по одному предиктору, причем из уже проанализированного набора. Так, поддержание *Социальной справедливости* более выражено у людей, испытывающих *Счастье* в общении с питомцем, а те, кто склонен предоставлять питомцам социальные *Права*, с большей вероятностью проявляют *Социальный экоактивизм*, направленный на сохранение окружающей среды.

Анализируя качество эффектов рассмотренных регрессионных моделей, необходимо отметить, что три зависимые переменные (*Помощь*, *Социальная справедливость* и *Социальный экоактивизм*) отражают активную, субъектную жизненную позицию. Эти качества подразумевают вовлеченность в решение проблем других людей и социальные мероприятия по сохранению окружающей среды. Таким образом, владельцы домашних животных — это не пассив-

ные люди, использующие любимых питомцев для собственной терапии; это готовые к действиям социально ответственные субъекты. Вполне возможно, что активная жизненная позиция явилась результатом рутинных действий, связанных с регулярным уходом за домашним питомцем. Однако самая сильная модель все же была получена для проскриптивного мотива *Непричинения вреда*. Таким образом, гуманное отношение владельцев домашних питомцев к другим людям в первую очередь подразумевает контроль над собственной агрессией и лишь затем — активную вовлеченность.

Почему остальные моральные мотивы никак не проявились в регрессионных моделях? На наш взгляд, это может свидетельствовать об обратной направленности полученных связей: исходя из содержания и природы исследованных переменных, вполне можно ожидать, что, например, усердные и склонные поддерживать социальный порядок люди с большей вероятностью обладают выраженной экологической идентичностью и склонны заводить домашних питомцев. Проверка этого предположения, однако, требует отдельного исследования.

Заключение

Итак, проведенное эмпирическое исследование показало, что, как и ожидалось, привязанность к домашним питомцам действительно имеет двусторонние связи с просоциальными качествами личности — *Экологической идентичностью*, моральными мотивами и *Экологическим стилем жизни*, хотя эти связи имеют частный характер и

должны интерпретироваться с осторожностью. Более того, привязанность к питомцу вносит вклад в проявление моральных мотивов *Непричинения вреда*, *Помощи* и *Социальной справедливости*, а также в *Социальный экоактивизм*. Можно предположить (хотя в отсутствие лонгитюдных или биографических исследований эти гипотезы несут скорее спекулятивный характер), что имеющие домашнее животное люди обладают большей социальной ответственностью и гуманным отношением к другим людям, по сравнению с теми, кто питомцев не заводит. С точки зрения биохимической детерминации социального поведения эти связи легко интерпретируемы [18].

Дополнительным результатом нашего исследования явилась модифицированная версия *Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам*, которая показала хорошие психометрические свойства и может быть рекомендована к применению в исследованиях. Таким образом, мы достигли поставленной цели и получили ответ на исследовательский вопрос.

Перспективы исследования заданы ограничениями текущего проекта. Так, было бы полезно расширить выборку, сбалансировав ее по полу, что дало бы возможность включить в анализ фактор пола. Видится полезным осуществление дополнительного анализа с учетом вида домашнего питомца. Однако даже с учетом несовершенства проведенной работы представляется, что результаты могут оказать стимулирующее воздействие на программы экологического образования и социальные практики.

Краткая форма Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам

Инструкция. Внимательно прочтите утверждения о Вашем любимом домашнем питомце и отметьте, в какой мере Вы согласны или не согласны с ними.

№	Шкала	Утверждения	Совершенно не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Частично согласен(на)	Полностью согласен(на)
1	<i>Близость</i>	Мой питомец значит для меня больше, чем некоторые из моих друзей	0	1	2	3
2	<i>Права</i>	Я считаю, что домашние животные должны иметь те же права и привилегии, что и члены семьи	0	1	2	3
3	<i>Эмпатия</i>	Мой питомец знает, когда мне плохо	0	1	2	3
4	<i>Счастье</i>	Мой питомец делает меня счастливым(ой)	0	1	2	3
5	<i>Близость</i>	Я считаю, что мой питомец — мой лучший друг	0	1	2	3
6	<i>Права</i>	Домашние животные заслуживают того же уважения, что и люди	0	1	2	3
7	<i>Эмпатия</i>	Мой питомец понимает меня	0	1	2	3
8	<i>Счастье</i>	Тот факт, что у меня есть питомец, добавляет мне счастья	0	1	2	3

Расчет и интерпретация результатов

Шкала ЛШПП-К состоит из восьми утверждений и включает в себя четыре субшкалы с возможностью расчета общего балла (общей привязанности); каждая субшкала включает в себя два утверждения (пункта). Названия шкал, полные и краткие: *Близость с питомцем (Близость)*, *Права питомцев (Права)*, *Эмпатия со стороны питомца (Эмпатия)*, *Источник счастья (Счастье)*. Для расчета результатов следует суммировать баллы по каждой субшкале; показатель общей привязанности представляет собой сумму оценок по всем пунктам. Результаты для каждой субшкалы находятся в диапазоне от 0 до 6, а для общего балла — от 0 до 24. Чем выше баллы, тем сильнее привязанность к животному.

Литература/References

1. Гессе Г. Степной волк. Игра в бисер. Рассказы и очерки. М.: АСТ, 2004. 749 с.
Gesse G. Stepnoi volk. Igra v biser. Rasskazy i ocherki [Steppenwolf. Bead Game. Stories and essays]. Moscow: ACT, 2004. 749 p. (In Russ.).
2. Дерябо С.Д. Феномен субъективизации природных объектов: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2002. 365 с.
Deryabo S.D. Fenomen sub"ektivifikatsii prirodnykh ob"ektov. Diss. dokt. psikhol. nauk. [The phenomenon of subjectification of natural objects. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2002. 365 p. (In Russ.).
3. Швейцер А. Проповеди о благоговении перед жизнью (Февраль 1919) // Этическая мысль. 2022. Т. 22. № 1. С. 89–99.
Shveitser A. Propovedi o blagogovenii pered zhizn'yu (Fevral' 1919) [Sermons on reverence for life (February 1919)]. *Eticheskaya mysl'* = *Ethical Thought*, 2022. Vol. 22, no. 1, pp. 89–99. (In Russ.).

4. *Ahmad M.H., Teo S.P.* Hoarding behaviour in a person with dementia // *Aging Commun.* 2022. Vol. 4. № 4. P. 21. DOI:10.53388/AGING202204021
5. *Beverland M.B., Farrelly F., Lim E.A.C.* Exploring the dark side of pet ownership: Status-and control-based pet consumption // *Journal of Business Research.* 2008. Vol. 61. № 5. P. 490–496. DOI:10.1016/j.jbusres.2006.08.009
6. *Bosacki S., Tardif-Williams C.Y., Roma R.P.S.* Children's and Adolescents' Pet Attachment, Empathy, and Compassionate Responding to Self and Others // *Adolescents.* 2022. Vol. 2. № 4. P. 493–507. DOI:10.3390/adolescents2040039
7. *Clayton S. et al.* Cross-cultural validation of a revised environmental identity scale // *Sustainability.* 2021. Vol. 13. № 4. P. 2387. DOI:10.3390/su13042387
8. *Culiberg B., Cho H., Kos Koklic M., Zabkar V.* From car use reduction to ride-sharing: The relevance of moral and environmental identity // *Journal of Consumer Behaviour.* 2022. DOI:10.1002/cb.2080
9. *Diebels K.J., Leary M.R.* The psychological implications of believing that everything is one // *The Journal of Positive Psychology.* 2019. Vol. 14. № 4. P. 463–473. DOI:10.1080/17439760.2018.1484939
10. *Fine A.H.* Handbook on animal-assisted therapy: Foundations and guidelines for animal-assisted interventions. Academic press, 2019. DOI:10.1016/C2017-0-03315-3
11. *Freeman C.P.* The human animal earthling identity: Shared values unifying human rights, animal rights, and environmental movements. University of Georgia Press, 2020.
12. *Hawkins R.D., Robinson C., Brodie Z.P.* Child–Dog Attachment, Emotion Regulation and Psychopathology: The Mediating Role of Positive and Negative Behaviours // *Behavioral Sciences.* 2022. Vol. 12. № 4. P. 109. DOI:10.3390/bs12040109
13. *Hawkins R.D., Williams J.M.* Scottish Society for the Prevention of Cruelty to Animals (Scottish SPCA). Childhood attachment to pets: Associations between pet attachment, attitudes to animals, compassion, and humane behaviour // *International journal of environmental research and public health.* 2017. Vol. 14. № 5. P. 490. DOI:10.3390/ijerph14050490
14. *Janoff-Bulman R., Carnes N.C.* Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities // *Personality and Social Psychology Review.* 2013. Vol. 17. № 3. P. 219–236. DOI:10.1177/1088868313480274
15. *Johnson T.P., Garrity T.F., Stallones L.* Psychometric evaluation of the Lexington attachment to pet scale (LAPS) // *Anthrozoös.* 1992. Vol. 5. № 3. P. 160–175. DOI:10.2752/089279392787011395
16. *Kanat-Maymon Y., Wolfson S., Cohen R., Roth G.* The benefits of giving as well as receiving need support in human–pet relations // *Journal of Happiness Studies.* 2021. Vol. 22. P. 1441–1457.
17. *Kellert S.R., Wilson E.O. (ed.).* The biophilia hypothesis. Island press, 1995. 496 p.
18. *Kovács K. et al.* Dog-owner attachment is associated with oxytocin receptor gene polymorphisms in both parties. A comparative study on Austrian and Hungarian border collies // *Frontiers in Psychology.* 2018. P. 435. DOI:10.3389/fpsyg.2018.00435
19. *le Roux M.C., Wright S.* The relationship between pet attachment, life satisfaction, and perceived stress: Results from a South African online survey // *Anthrozoös.* 2020. Vol. 33. № 3. P. 371–385. DOI:10.1080/08927936.2020.1746525
20. *Leary M.R., Tipsord J.M., Tate E.B.* Allo-inclusive identity: Incorporating the social and natural worlds into one's sense of self // *Transcending self-interest: Psychological explorations of the quiet ego.* 2008. P. 137–147. DOI:10.1037/11771-013
21. *Naess A.* Ecology, community and lifestyle, trans. David Rothenberg // CUP, Cambridge. 1989.
22. *Nartova-Bochaver S.K., Kuznetsova V.B.* Friendly home and inhabitants' morality: mutual relationships // *Frontiers in psychology.* 2018. Vol. 8. P. 2348. DOI:10.3389/fpsyg.2017.02348
23. *Nartova-Bochaver S., Muhortova E.* If people are attached to plants, do they love other people? Case of the Russian youth // *Behavioral Sciences.* 2020. Vol. 10. № 2. P. 40. DOI:10.3390/bs10020040
24. *Neldner K. et al.* The developmental origins of moral concern: An examination of moral boundary decision making throughout childhood // *PLoS One.* 2018. Vol. 13. № 5. P. e0197819. DOI:10.1371/journal.pone.0197819

25. *Patronek G.* Animal hoarding: a third dimension of animal abuse // International Handbook of Theory and Research on Animal Abuse and Cruelty. 2008. P. 221–246.
26. *Ramírez M.T.G., Quezada Berumen L.C., Hernández R.L.* Psychometric properties of the lexington attachment to pets scale: Mexican version (LAPS-M) // Anthrozoös. 2014. Vol. 27. № 3. P. 351–359. DOI:10.2752/175303714X13903827487926
27. *Reznichenko S.I., Nartova-Bochaver S.K., Irkhin B.D.* Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. Vol. 14. № 3. P. 81–102.
28. *Schmitt M.T., Mackay C.M., Droogendyk L.M., Payne D.* What predicts environmental activism? The roles of identification with nature and politicized environmental identity // Journal of Environmental Psychology. 2019. Vol. 61. P. 20–29. DOI:10.1016/j.jenvp.2018.11.003
29. *Schwarzmueller-Erber G., Maier M., Kundi M.* Pet attachment and wellbeing of older-aged recreational horseback riders // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17. № 6. P. 1865. DOI:10.3390/ijerph17061865
30. *Wild D. et al.* Principles of good practice for the translation and cultural adaptation process for patient-reported outcomes (PRO) measures: report of the ISPOR task force for translation and cultural adaptation // Value in health. 2005. Vol. 8. № 2. P. 94–104. DOI:10.1111/j.1524-4733.2005.04054.x
31. *Zaparanick T.L.* A confirmatory factor analysis of the Lexington Attachment to Pets Scale. 2008. URL: https://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/359 (Accessed 01.02.2023).

Информация об авторах

Нартова-Бочавер Софья Кимовна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, заведующая лабораторией психологии салютогенной среды, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Ларионов Павел, доктор социальных наук в области психологии, старший научный сотрудник лаборатории психологических тестов, факультет психологии, Университет Казимира Велико-го, г. Быдгощ, Польша, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavel@ukw.edu.pl

Щерба Екатерина Константиновна, стажер-исследователь лаборатории психологии салютогенной среды, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-9664>, e-mail: ekscherba@edu.hse.ru

Information about the authors

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sci. in Psychology, Professor, Head of the Laboratory for the Psychology of Salutogenic Environment, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Pawel Larionow, PhD in Social Sciences (Psychology), Specialist of Psychological Tests Lab, Faculty of Psychology, Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavel@ukw.edu.pl

Ekaterina K. Scherba, Intern Researcher at the Laboratory for the Psychology of Salutogenic Environment, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-9664>, e-mail: ekscherba@edu.hse.ru

Получена 13.02.2023

Received 13.02.2023

Принята в печать 30.01.2024

Accepted 30.01.2024

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий

Ульянина О.А.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru**

Александрова Л.А.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: Ladaleksandrova@mail.ru**

Дмитриева С.О.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва; ФГБОУ ВО «Университет «Дубна», г. Дубна, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1012-5948>, e-mail: dmitrievaso@mgppu.ru**

Цель. Проанализировать особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий.

Контекст и актуальность. Данные исследований, преимущественно зарубежных, свидетельствуют о высокой распространенности у детей, вовлеченных в последствия боевых действий или проживающих в зоне военных конфликтов, нарушений различной степени выраженности, от легких проблем адаптации до симптомов посттравматического стрессового расстройства (далее — ПТСР). Такие дети нуждаются в адресной психологической помощи. Исследования, посвященные анализу влияния, которое оказывает на обучающихся вовлеченность в последствия боевых действий, на сегодня немного, специалисты испытывают дефицит компактных инструментов, позволяющих комплексно оценить актуальное состояние детей и их потребность в психологической помощи.

Дизайн исследования. В работе изучаются особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий. Использован специально разработанный инструмент скрининга, предназначенный для обучающихся 9–11 классов.

Участники. 646 обучающихся 9–11 классов (36% мужского, 64% женского пола), преимущественно проживающие на территории Луганской Народной Республики.

Методы (инструменты). В основе исследования — анкета, разработанная для оценки актуального состояния ребенка. Она включает пункты, оценивающие: а) проявления социально-психологической и психической дезадаптации, б) симптоматику посттравматического стрессового расстройства, проявляющуюся в различных сферах жизнедеятельности, в) психологические ресурсы ребенка для совладания со стрессом. Опрашиваемым предлагалось выбрать из списка те характеристики, которые они у себя наблюдают, на основе множественного выбора: 0 — признак отсутствует, 1 — признак присутствует. Анкета также содержит пункты, направленные на субъективную оценку ребенком своего благополучия в каждой из перечисленных выше сфер жизнедеятельности, оцениваемые с использованием 10-балльной шкалы Ликерта. Анкета предьявлялась в электронном виде, с использованием платформы AnketologBox (Анкетолог-Бокс). Полученные результаты анализировались с помощью пакета IBM SPSS 27.0.

Результаты. Получены результаты о распространенности и выраженности признаков социально-психологической дезадаптации, а также проявлений, которые можно отнести к признакам ПТСР, субъективному благополучию и психологическим ресурсам обучающихся в совладании со стрессом. Обнаружены статистически значимые различия между обучающимися по критерию пола: выявлен значительно более высокий уровень уязвимости девочек по сравнению с мальчиками в психофизиологической, эмоциональной, поведенческой сферах, отношениях с близкими.

Основные выводы. Анализ данных позволил выявить основные особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий: наличие у части подростков выраженного неблагополучия в психофизиологической, когнитивной, эмоциональной, коммуникативной и поведенческой сферах, выраженные различия между мальчиками и девочками в оценках проявлений дезадаптации и признаков ПТСР. Предложенный инструмент скрининга чувствителен в отношении изучаемых феноменов — от психологических ресурсов совладания со стрессом до признаков дезадаптации у обучающихся, проживающих на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий.

Ключевые слова: обучающиеся; дезадаптация; нарушения; психологические ресурсы; симптомы посттравматического стрессового расстройства; субъективное благополучие; боевые действия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации, государственное задание от 26 апреля 2023 года № 073-00038-23-04 «Научно-методическая разработка комплексной программы психолого-педагогического сопровождения и реабилитации детей».

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в процессе разработки диагностического инструментария и сбора данных для исследования сотрудников Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»: А.В. Ермолаеву, Н.Н. Дмитриеву, Д.С. Волкова, В.В. Радченко, А.А. Шипилову, М.О. Аганину, О.С. Комолову, а также Е.В. Барабан — руководителя ГУ «Республиканская психолого-медико-педагогическая комиссия», главного внештатного педагога-психолога Луганской Народной Республики.

Для цитаты: Ульянина О.А., Александрова Л.А., Дмитриева С.О. Особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 171–189. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024000001>

Features of the Current State of Students in Regions with High Involvement in the Consequences of Hostilities

Olga A. Ulyanina

Moscow State University of Psychology & Education,

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru

Lada A. Aleksandrova

Moscow State University of Psychology & Education,

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: Ladaleksandrova@mail.ru

Svetlana O. Dmitrieva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow;

State University "Dubna", Dubna, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1012-5948>, e-mail: dmitrievaso@mgppu.ru

Objective. *The study is aimed on estimation of students' current state in regions with high degrees of involvement in the consequences of hostilities.*

Background. *Research data, mainly foreign ones, indicate a high prevalence of violations of various degrees of severity, from mild adaptation disorders to symptoms of PTSD, in children either living in military conflict zones or having experience related to their involvement into consequences of hostilities. Such students have a great need for targeted psychological assistance. There is still a gap in domestic studies devoted to the analysis of the impact of involvement into consequences of hostilities on minority. Also, specialists are still experiencing deficits in compact tools allowing comprehensive assessment of children current state and their need for psychological assistance.*

Study design. *We studied features of the students' current state in regions highly involved into the consequences of hostilities. using specially developed screening tools designed for students of 9–11 grades.*

Participants. *646 students in grades 9–11 (36% male, 64% female) living in regions experiencing the impact of events related to hostilities, mainly from Lugansk People's Republic.*

Measurements. *The study is based on a questionnaire developed to assess the current state in adolescents including items assessing a) manifestations of socio-psychological and mental maladaptation in various spheres of life, b) symptoms of posttraumatic stress disorder, c) psychological (personal and social) resources for coping with stress. This part of questionnaire includes lists of features among which student must choose those which fit his/her current state on the base of multiple choice. The questionnaire also contains items assessing the subjective well-being of children in life areas mentioned above by the 10-point Likert scale. The questionnaires were presented electronically, using the AnketologBox platform. Results were analyzed using IBM SPSS 27.0.*

Results. *Results were obtained regarding the prevalence and severity of signs of socio-psychological maladaptation, including PTSD symptoms, and subjective estimation of well-being and psychological resources for coping with stress in students of 9–11 grades. Significant differences were found between students according to the criterion of gender: a significantly higher level of vulnerability of girls compared to boys in the psychophysiological, emotional, behavioral spheres, as well as in relationships with loved ones.*

Conclusions. *The data analysis allowed us to identify the main features of the current state of students in the regions highly involved in the consequences of hostilities: the presence of severe distress in some children in the psychophysiological, cognitive, emotional, communicative and behavioral spheres, the tendency to decrease the level of well-being in these areas with age in secondary school students, the existence of special risk groups, which include female students of 9–11 grades. The proposed diagnostic tool appeared to be sensitive to phenomena under study varying from psychological resources of coping with stress to signs of maladaptation in students living in territories involved into the consequences of hostilities.*

Keywords: *students; maladaptation; disorders; psychological resources; symptoms of post-traumatic stress disorder (PTSD); coping with stress; subjective well-being; hostilities.*

Funding. The study was carried out with financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation, state assignment No. 073-00038-23-04 dated April 26, 2023.073-00038-23-04: "Scientific-methodological development of the comprehensive program of psycho-pedagogical support and rehabilitation of children".

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection and questionnaire development to colleagues from Federal Coordinational Center: A.V. Ermolaeva, N.N. Dmitrieva, D.S. Volkov, V.V. Radchenko, A.A. Shipilova, M.O. Oganina, O.C. Comolova to E.V. Baraban, Head of the State Institution "Republican Psychological, Medical and Pedagogical Commission," Chief freelance teacher-psychologist of the LPR.

For citation: Ulyanina O.A., Aleksandrova L.A., Dmitrieva S.O. Features of the Current State of Students in Regions with High Involvement in the Consequences of Hostilities. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 171–189. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024000001> (In Russ.).

Введение

Изменения социальной ситуации, связанные с увеличением напряженности и конфликтности, не могут обойти стороной одну из наиболее уязвимых в данном отношении групп населения — детей и подростков. Однако, как показывают многочисленные исследования, ожидаемый рост психологических проблем у детей даже в наиболее острой фазе социальных противоречий не связан напрямую с интенсивностью травматического опыта. Особенности состояния детей в период боевых действий характеризуются активизацией не только симптомов психологической дезадаптации. Существует и обратная тенденция — поиск ресурсов — как личностных, так и социальных, начиная с опоры на ценности группы — поддержки семьи, сообщества друзей, осмысления себя как части учебного коллектива и заканчивая опорой на глубинные внутренние ценности. Понимание того, как внутри отдельных возрастных групп обучающихся соотносятся острые травматические переживания и усилия по обретению устойчивости в мире неопределенности и непредсказуемости, может помочь специалистам оказывать участникам образовательных отношений адресную психологическую

помощь, а также сфокусировать свое внимание на особо уязвимых группах.

Исследование посвящено анализу особенностей актуального состояния обучающихся 9–11 классов в регионах с различной степенью вовлеченности в последствия боевых действий.

Данные многочисленных научных работ, преимущественно зарубежных, свидетельствуют о высокой распространенности нарушений, варьирующихся от легких проблем адаптации до симптомов посттравматического стрессового расстройства (далее — ПТСР), у несовершеннолетних, которые либо проживают в зонах военных конфликтов, либо пережили опыт, связанный с вовлеченностью в последствия боевых действий, и в связи с этим нуждаются в адресной психологической помощи, в том числе реализуемой через образовательные организации. До сих пор ощущается дефицит отечественных исследований, посвященных анализу результатов влияния на несовершеннолетних разных возрастных групп вовлеченности в последствия боевых действий.

Анализу детской психологической травмы и последствий экстремальных ситуаций для психики несовершеннолетних посвящены работы Н.В. Тарабриной [10]. Проблематика детской травмы и методы

психосоциальной помощи детям и подросткам, пережившим военные действия в странах постсоветского пространства, представлены в работах Н. Саржвеладзе и соавторов [9], З. Беберишвили и соавторов [2]. Л.В. Трубицына [11] описывает особенности психотравмы у детей, реакции детей на смерть близких, а также возрастные особенности реакции на травму. Книга М.Н. Гулиной «Травма военного детства» [4] посвящена исследованию влияния эвакуации и оккупации на психику детей. Книга содержит психологический, исторический и психоаналитический анализ более чем 120 интервью с пожилыми людьми, пережившими в детстве Великую Отечественную войну. Авторы книги предложили реконструкцию внутренней картины войны, включая блокаду Ленинграда, такой, как ее видели дети и подростки, а также попытались обнаружить возможные связи детского травматического опыта с сегодняшней жизнью ветеранов.

В статье Н.М. Захаровой и М.Г. Цветковой [7] проанализированы исследования влияния чрезвычайных ситуаций, связанных с военными действиями, на психику несовершеннолетних. В работе Н.М. Захаровой и А.В. Милехиной [6] описываются подходы к реабилитации детей. Другая статья этих же авторов [7] описывает психические, психологические и поведенческие нарушения, выявленные при клиническом и психологическом обследовании. Показана роль множественных психотравмирующих факторов в формировании психических нарушений у детей, вынужденных длительно находиться в зоне локального военного конфликта и переживших тяжелые утраты.

Проблема влияния военных действий на несовершеннолетних широко освещается в зарубежных исследованиях. Преимущественно подобные исследования посвящены психологической травме у детей

и подростков в зонах локальных военных конфликтов, политической напряженности и террористической опасности. Это такие страны и регионы, как Израиль и Палестина, Сирия, Ирак, а также балканские страны. Работы авторов направлены на анализ как краткосрочных, так и долгосрочных последствий переживания военных действий, факторов риска и защитных факторов в свете возможного развития ПТСР, оценку эффективности программ психологической помощи, о чем будет сказано ниже. Так, в зарубежной литературе широко освещаются факторы, опосредующие влияние военного травматического опыта. Например, исследование, построенное на основе интервью с палестинскими детьми и подростками (10–14 лет), посвящено анализу того, как травма, вызванная военными действиями, связана с качеством взаимоотношений ребенка со сверстниками и сиблингами с учетом гендерной специфики [21]. Углубленно рассматривается вопрос опосредующего защитного влияния хороших отношений со сверстниками и сиблингами на психическое здоровье несовершеннолетних, в частности, на выраженность симптомов ПТСР и депрессии. Кроме того, активно исследуются как личностные факторы, снижающие подверженность стрессу, так и копинг-стратегии и локус контроля на примере палестинских детей, живущих в зоне военного конфликта [18]. В некоторых работах доказывается, что копинг-стратегии опосредуют воздействие психологической травмы и выраженность симптомов ПТСР у палестинских детей и подростков [23]. В частности, авторы обнаружили, что воздействие травмы на прогнозируемые симптомы ПТСР смягчается при использовании копинг-стратегии поиска социальной поддержки и участия в деятельности, требующей ответственности. Выдвигается гипотеза о том, что эффективная регуляция эмоций защищает психическое здоровье

несовершеннолетних при травматическом стрессе, вызванном военными событиями, анализируется (с учетом гендерной специфики) защитная функция различных стратегий эмоциональной регуляции у несовершеннолетних, столкнувшихся с военной травмой [15].

Отметим, что зарубежные авторы не пришли к однозначному мнению о соотношении пола с силой проявления последствий вовлечения детей и подростков в военные действия. Часть данных показывает большую остроту проявления и подверженность травматическим событиям у мальчиков [13; 24], другие работы фокусируют внимание на более выраженных проявлениях тревоги и депрессии у девочек [19; 22; 23].

Поскольку в зарубежной литературе накоплен значительный материал, отдельные работы обобщают данные научных источников, посвященных универсальным и культурно специфическим психологическим последствиям у несовершеннолетних, столкнувшихся с военными конфликтами [14]. В фокусе внимания авторов такие последствия, как тревожность, фобии, психосоматика, депрессивные симптомы, анализируемые с учетом гендерной и культурной специфики. Систематизация данных литературных источников, касающихся защитных факторов и факторов риска развития дисфункций детской психики в результате военных конфликтов, позволила прийти к выводу о том, что переживание ребенком военной травмы зависит от: 1) личных ресурсов ребенка (когнитивных и социальных) и его опыта успешного преодоления трудностей; 2) поддерживающего близкого окружения, которое может как усилить, так и ослабить способность ребенка справиться с травмой. Авторы также подчеркивают, что личный, социокультурный, полити-

ческий, религиозный контекст, сквозь призму которого ребенок воспринимает травмирующее событие, может усиливать или ослаблять его способность справиться с травмой [14].

Предлагаются также доказательства того, что демографические и социально-экономические факторы опосредуют взаимосвязь между воздействием травматических событий войны и ПТСР [17]. Поэтому психологическая помощь должна учитывать происхождение несовершеннолетних, их пол, возраст, место проживания и социально-экономический статус семьи (доход и размер семьи, уровень образования родителей). Обзоры исследований детского ПТСР, в частности в Израиле, выявляют важные закономерности — уровень вовлеченности в травмирующие события не связан напрямую с ПТСР [25]. При этом широкая распространенность ПТСР дает возможность говорить о массовой травме и использовать масс-медиа для повышения резилентности населения. Автор ставит вопрос об «иммунизации» в контексте ПТСР за счет развития резилентности, религиозности, надежды и связанных с ними качеств [25].

В отдельных работах представлен обзор качественных и количественных исследований, посвященных резилентности и психическому здоровью несовершеннолетних, пострадавших от вооруженных конфликтов в странах с низким и средним уровнем дохода [26]. Обобщаются данные современных исследований о влиянии военного стресса на детей и подростков, а также о направлениях и дефицитах процесса оказания помощи детям, столкнувшимся с войной на Ближнем Востоке в XXI веке [16].

Результаты, опубликованные в этих и других, преимущественно зарубежных, работах, могут быть использованы для сопоставления с полученными нами дан-

ными несмотря на то, что опираются на совершенно разные методы и исследовательские дизайны.

Метод

Схема и условия проведения исследования. Обучающиеся 9–11 классов заполняли в режиме онлайн с использованием дистанционных технологий размещенную на платформе AnketologBox (АнкетологБокс) анкету, разработанную специалистами Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (далее — ФКЦ). До начала опроса с родителями (законными представителями) обучающихся педагогом-психологом была проведена мотивационная беседа и получено письменное информированное согласие об участии в исследовании. Инструкция для обучающихся была представлена в письменном виде перед началом текста анкеты и включала в себя мотивационное обращение с объяснением целей и задач проводимого опроса. Обучающиеся заполняли анкеты самостоятельно. Респонденты указывали фамилию и инициалы, пол, возраст, полное наименование образовательной организации, класс, при этом всем участникам гарантировалась анонимность. Сбор данных осуществлялся в период с 15 июля по 15 сентября 2023 года в регионах, вовлеченных в последствия боевых действий,

прежде всего на территории Луганской Народной Республики. Все анкеты, предъявляемые подросткам, содержали информацию о федеральных номерах службы «Детский телефон доверия» ФКЦ и предложение обращаться на них в случае возникновения такой потребности.

Выборка исследования. Выборка включает 646 обучающихся 9–11 классов (36% мужского, 64% женского пола). Подростки, участвовавшие в исследовании, проживают в регионах, испытывающих на себе воздействие событий, связанных с проведением боевых действий, преимущественно в Луганской Народной Республике, а также на территориях Донецкой Народной Республики, подконтрольных Российской Федерации территориях Запорожской и Херсонской областей, а также Белгородской области. Полная статистика по представленности перечисленных регионов в выборке отражена в табл. 1.

Методика исследования. В основе исследования — анкета, разработанная для оценки актуального состояния ребенка и включающая пункты, которые оценивают: а) проявления социально-психологической и психической дезадаптации, б) отдельные симптомы посттравматического стрессового расстройства в различных сферах жизнедеятельности, в) психологические ресурсы совладания со стрессом, г) самооценку благополучия. Опрашиваемым предлагалось выбрать из списка и отметить те характеристики, которые они

Таблица 1

Характеристика выборки исследования (N = 646)

Категория респондентов	N	Регион проживания	N респондентов по регионам
Обучающиеся 9–11 классов	646	ДНР	2
		Запорожская обл.	7
		ЛНР	610
		Другое или не указано	27

у себя наблюдают, на основе множественного выбора: 0 — признак отсутствует, 1 — признак присутствует. Часть пунктов, включенных в списки, предполагающие множественный выбор и оценивающие наличие психологических ресурсов личности в совладании со стрессом, разработаны на основе пунктов таких опросников, как Шкала общей самооффективности [12], Краткая шкала резилентности [8], Шкала диспозиционного оптимизма [3], Шкала субъективной витальности [4]. Кроме того, в список для множественного выбора включены пункты, отражающие различные проявления дезадаптации и симптоматику ПТСР, составленные на основе соответствующих русскоязычных шкал (например, [10]). Анкета также содержит пункты, оцениваемые с использованием 10-балльной шкалы Ликерта [20], направленные на субъективную оценку ребенком своего благополучия в каждой из перечисленных выше сфер жизнедеятельности (для упрощения шкала дублировалась в виде смайликов), где 1 — соответствует крайне негативной оценке, а 10 — максимально позитивной.

Анкета прошла обсуждение в профессиональном сообществе весной 2023 года. Полученные результаты анализировались с помощью пакета IBM SPSS 27.0.

Результаты

В специально разработанной для целей исследования анкете, направленной на оценку актуального состояния ребенка, представлены следующие блоки вопросов.

Первый блок анкеты включает пункты, направленные на оценку актуального состояния различных сфер жизнедеятельности ребенка и возможных нарушений функционирования в этих сферах (от легких единичных нарушений адаптации до признаков, которые можно отнести к симптомам посттрав-

матического стрессового расстройства). Были выделены следующие сферы жизнедеятельности: психофизиологическая, эмоциональная, познавательная, поведенческая, коммуникативная, семейная (отношения с близкими). Для каждой из сфер предложен ряд утверждений, наличие которых у себя предлагалось оценить обучающимся на основе множественного выбора из предлагаемого списка. В каждый блок также были включены два пункта, направленные на оценку психологических ресурсов ребенка. Эти утверждения были составлены на основе психодиагностических методик, оценивающих психологические ресурсы совладания со стрессом (резилентность, самооффективность, оптимизм, социальная поддержка, субъективная витальность).

Вторая часть пунктов анкеты, отражающих самооценку благополучия по каждой из оцениваемых сфер, направлена на оценку субъективного благополучия обучающихся в различных сферах жизнедеятельности. Обучающимся предлагалось отметить себя на предлагаемой десятибалльной шкале.

Данные и процентное соотношение частотности ответов на отдельные пункты анкеты, а также данные о самооценке представлены в таблицах (см. табл. 2–7) в соответствии с рассматриваемыми сферами жизнедеятельности.

Согласно табл. 2, опрошенные школьники, наряду с психологическими ресурсами, чаще всего отмечают изменения аппетита, усталость и изменение режима сна. Проявления, которые можно отнести к ПТСР (п. 5, п. 6), отмечают от 4% до 7% опрошенных. Обучающиеся могли отметить у себя одновременно и проявления ПТСР, и психологические ресурсы, и оценить уровень своего благополучия в соответствующей сфере выше среднего (средние показатели по каждой

Таблица 2

Показатели, отражающие состояние психофизиологической сферы обучающихся

Оцениваемые показатели	N	%
1) Я стал(а) быстро уставать и утомляться, мне не хватает сил на физическую активность	123	19,0
2) У меня изменился режим сна (я хочу спать в течение дня, мне сложно заснуть вечером, мой сон стал более продолжительным, у меня беспокойный сон или бессонница, стали сниться плохие сны или кошмары)	144	22,2
3) У меня часто болит голова, живот, бывают мышечные боли, тошнота	43	6,6
4) У меня появились нервная дрожь тела или отдельных его частей, тики, заикание	38	5,9
5) Я постоянно нахожусь в напряженном состоянии ожидания угрозы, оценивая на предмет опасности людей и обстановку	46	7,1
6) Считаю, что у меня есть панические атаки	27	4,2
7) Я стал(а) чаще болеть	31	4,8
8) У меня изменился аппетит, стал больше или меньше есть	61	9,4
9) Я обычно легко просыпаюсь по утрам, чувствую себя выпавшимся(шейся) и отдохнувшим(шей)	208	32,1
10) Мне хватает энергии и сил на целый день	262	40,4
Самооценка благополучия в психофизиологической сфере	M	SD
Обучающиеся мужского пола	8,2	1,7
Обучающиеся женского пола	7,7	1,8

сфере приведены в табл. 2–7). Это может свидетельствовать о недостаточном уровне рефлексии или о возможном сочетании разнонаправленных тенденций.

Согласно результатам, представленным в табл. 3, опрошенные, наряду с психологическими ресурсами, чаще всего отмечают переживания за свою жизнь и

Таблица 3

Показатели, отражающие состояние эмоциональной сферы обучающихся

Оцениваемые показатели	N	%
1) Меня не покидает чувство тревоги и беспокойства	77	11,9
2) Я стал(а) часто испытывать страх (темноты/высоты/закрытых или открытых пространств, громких звуков, звуков самолетов, остаться одному)	72	11,1
3) Я стал(а) чаще переживать за свою жизнь и жизнь своих близких	121	18,7
4) Я стал(а) чаще раздражаться, злиться, выходить из себя	152	23,5
5) Мне стало скучно и неинтересно заниматься тем, чем раньше я занимался(ась) с радостью и удовольствием	111	17,1
6) Я стал(а) чаще грустить, плакать и быстро расстраиваться из-за неприятностей	66	10,2
7) У меня преобладает плохое настроение	81	12,5
8) Я чувствую себя одиноко	67	10,3

Оцениваемые показатели	N	%
9) Я чувствую и понимаю эмоции других людей и способен их поддержать	204	31,5
10) Я достаточно быстро прихожу в себя, если происходит что-то плохое, и умею радоваться мелочам (хорошей погоде, красоте природы, удачной шутке, проказам животных, похвале и др.)	296	45,7
Самооценка благополучия в эмоциональной сфере	M	SD
Обучающиеся мужского пола	7,8	1,9
Обучающиеся женского пола	7,4	1,9

жизнь близких. Негативные проявления в эмоциональной сфере могут сопровождаться высокой самооценкой благополучия и наличием личностных ресурсов совладания со стрессом.

Согласно табл. 4, обучающиеся чаще всего отмечают трудности сосредоточения и запоминания информации, снижение интереса к учебе. Психологический ресурс самоэффективности указали около 46% опрошенных, а удовольствие от познания нового как ресурс отметили только 25% обучающихся.

В поведенческой сфере обучающиеся чаще всего отмечают такие проблемы, как трудности концентрации на одном занятии и доведения начатого до конца. Такие ресурсы совладания, как рост числа увлечений, а также появившееся чувство взрослости, отмечают от 36% до 51% опрошенных (табл. 5).

Почти 70% обучающихся отмечают наличие поддержки со стороны близких, 48% гордятся членами своей семьи. Данные свидетельствуют об относительном благополучии в сфере внутрисемейных от-

Таблица 4

Показатели, отражающие состояние когнитивной сферы обучающихся

Оцениваемые показатели	N	%
1) Я стал(а) испытывать трудности при ответах на занятиях (письменных и устных)	79	12,2
2) В последнее время моя успеваемость снизилась	84	13,0
3) Мне стало тяжело сосредоточиться на задании, я часто упускаю из внимания что-то важное, теряю личные вещи	130	20,1
4) Мне стало сложно запоминать новую информацию или воспроизвести ранее выученную	97	15,0
5) Постоянно опаздываю, теряю личные вещи, забываю важное	68	10,5
6) Я стал(а) допускать много ошибок в учебе, то, что раньше было легко, дается с трудом	54	8,3
7) Учеба перестала меня интересовать	111	17,1
8) Мне нравится учиться, узнавать что-то новое и чувствовать себя знающим многое	163	25,6
9) Когда я прилагаю достаточно усилий, то могу справиться даже со сложными заданиями	296	45,7
Самооценка благополучия в познавательной сфере	M	SD
Обучающиеся мужского пола	7,4	1,8
Обучающиеся женского пола	7,2	1,9

Таблица 5

Показатели, отражающие состояние поведенческой сферы обучающихся

Оцениваемые показатели	N	%
1) Мне сложно долго заниматься каким-либо делом, часто я начинаю и бросаю, не доведя дело до конца	118	18,2
2) Я стал(а) сбегать из дома	9	1,4
3) Я стал(а) чаще ругаться (использовать ненормативную лексику)	59	9,1
4) Я стал(а) чаще совершать необдуманные, импульсивные, рискованные поступки, опасные для моей жизни и здоровья	47	7,3
5) Я стал(а) периодически драться	11	1,7
6) Я перестал(а) следить за собой, умываться и регулярно чистить зубы	18	2,8
7) Я стал(а) прогуливать школу	2	0,3
8) Я перестал(а) выполнять домашние обязанности	23	3,6
9) У меня появились новые занятия и увлечения (спорт, танцы, рисование, шахматы и т.д.)	238	36,7
10) Я стал(а) более взрослым(ой) и помогаю близким, беру на себя новые обязательства в школе и дома	331	51,1
Самооценка благополучия в поведенческой сфере	M	SD
Обучающиеся мужского пола	7,8	1,7
Обучающиеся женского пола	7,7	1,8

ношений по сравнению с рассмотренными ранее. Лишь 8% сообщают, что стали чаще ссориться с близкими, и 10% отмечают, что их стали чаще ругать дома (табл. 6).

Наличие ресурса социальной поддержки в среде сверстников отмечают 70% опрошенных. При этом достаточно часто опрошенные выделяют проблемы, связан-

Таблица 6

Показатели, отражающие особенности отношений обучающихся с близкими

Оцениваемые показатели	N	%
1) Я стал(а) чаще ссориться с близкими	54	8,3
2) Я чувствую, что меня никто не любит, не понимает	36	5,6
3) Мои близкие часто недовольны мною, ругают меня	70	10,8
4) Я не люблю проводить время в кругу семьи	41	6,3
5) Рядом с близкими я не чувствую себя в безопасности	32	4,9
6) В семье ко мне относятся несправедливо	19	2,9
7) Мои родители слишком дают на меня, чрезмерно опекают	39	6,0
8) Я горжусь своими близкими	316	48,8
9) Мои близкие всегда готовы меня поддержать и успокоить, если у меня плохое настроение или что-то не получается	456	70,4
Самооценка благополучия во взаимоотношениях с близкими	M	SD
Обучающиеся мужского пола	8,6	1,7
Обучающиеся женского пола	8,3	1,8

ные с невозможностью разделить свои интересы со сверстниками, обсудить то, что для них важно, нежелание делиться с ними своими мыслями и чувствами (табл. 7).

Далее был проведен сравнительный анализ самооценок благополучия (по сферам) между обучающимися мужско-

го и женского пола. Для анализа использовались непараметрические критерии Манна-Уитни и таблицы сопряженности.

Данные по статистически значимым различиям в оценках обучающимися мужского и женского пола своего благополучия в психофизиологической, эмо-

Таблица 7

Показатели, отражающие состояние коммуникативной сферы обучающихся

Оцениваемые показатели	N	%
1) У меня нет друзей, я предпочитаю одиночество	36	5,6
2) Я стал(а) часто ссориться со сверстниками/У меня часто возникают конфликты со сверстниками	36	5,6
3) Я перестал(а) проводить время в компании друзей, сверстников	67	10,3
4) Мои сверстники часто обзывают, обижают меня/В классе меня отвергают, унижают, игнорируют	29	4,5
5) Мне стало трудно общаться со сверстниками, проводить с ними время	61	9,4
6) Я предпочитаю не делиться своими мыслями и чувствами со сверстниками	84	13,0
7) Я не разделяю интересов своих сверстников	80	12,3
8) У меня есть надежные друзья, на которых я могу положиться в трудную минуту	459	70,8
9) Я стремлюсь познакомиться с новыми людьми и завести новых друзей	292	45,1
Самооценка благополучия во взаимоотношениях со сверстниками	M	SD
Обучающиеся мужского пола	8,0	2,0
Обучающиеся женского пола	7,8	2,0

Таблица 8

Различия в самооценке субъективного благополучия в различных сферах жизнедеятельности между обучающимися 9–11 классов по критерию пола

Статистические показатели	Психофизиологическая сфера	Эмоциональная сфера	Познавательная сфера	Поведенческая сфера	Отношения с близкими	Коммуникативная сфера
Средний ранг: обучающиеся мужского пола	361,7	350,2	336,2	329,2	343,4	336,6
Средний ранг: обучающиеся женского пола	303,5	310,0	317,9	321,8	313,8	317,9
U Манна-Уитни	39729	42421	45693,5	47328	44017	45711
p Асимптотическая значимость	< 0,001***	0,008**	0,224	0,622	0,044*	0,224

Примечание. Различия значимы на уровне: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

циональной сферах и взаимоотношений с близкими представлены в табл. 8. Обучающиеся женского пола существенно ниже оценивают свое благополучие в психофизиологической, эмоциональной сферах и в отношениях с близкими.

Выявлены также статистически значимые различия в отношении тех показателей, которые отмечают у себя обучающиеся подросткового возраста мужского и женского пола, оценивая каждую из указанных сфер. При анализе использовались таблицы сопряженности и коэффициент χ^2 Пирсона. При дальнейшем обсуждении этих различий будут указаны только номера пунктов анкеты, сам текст утверждений находится в табл. 2–7.

Так, обучающиеся женского пола существенно чаще отмечают у себя проблемы в психофизиологической сфере по большинству пунктов соответствующего раздела анкеты. Статистическая значимость различий варьирует от $p \leq 0,018$ до $p \leq 0,001$. Значимых различий нет только в отношении самооценки напряжения, ожидания угрозы и наличия панических атак.

У подростков женского пола также существенно чаще встречаются все включенные в анкету проблемы эмоциональной сферы ($p \leq 0,005$), за исключением потери интереса к тому, что интересовало ранее, и эмоциональных ресурсов совладания со стрессом, по которым значимых различий в зависимости от пола респондентов не обнаружено.

Необходимо отметить, что различий в выраженности проблем, касающихся познавательной сферы, между подростками мужского и женского пола выявлено значительно меньше: респонденты женского пола отметили, что стали испытывать трудности при ответах (п. 1), постоянно опаздывают и теряют личные вещи (п. 5).

Подростки женского пола чаще отмечают у себя поведенческие проблемы,

отраженные в пп. 2 и 3, других значимых различий в зависимости от пола респондентов выявлено не было. Кроме того, обучающиеся 9–11 классов женского пола чаще указывают, что им стало сложно долго заниматься каким-либо делом, поэтому они склонны бросать дело, не доведя его до конца. Они же отмечают, что стали чаще использовать ненормативную лексику.

Проблемы во взаимоотношениях с близкими подростки женского пола также отмечают существенно чаще. Значимость различий «в пользу» подростков женского пола по пп. 1–5 анкеты варьирует от $p \leq 0,001$ до $p \leq 0,02$. Однако в распространенности оценок родителей как чрезмерно давящих и опекающих (п. 7), а также в оценке наличия семейных ресурсов совладания со стрессом между обучающимися 9–11 классов различий не обнаружено (табл. 6).

Значимых различий в оценках проблем в коммуникативной сфере между мальчиками и девочками не обнаружено, единственное различие касается поиска новых друзей, который более характерен для девочек ($p \leq 0,001$) (табл. 7).

Таким образом, при анализе данных анкетирования обучающихся 9–11 классов обнаружены множественные значимые различия и в частотности ответов на пункты анкеты, и в отношении самооценки благополучия в рассматриваемых сферах жизнедеятельности в зависимости от пола респондентов.

Обсуждение результатов

В исследовании ставилась задача проанализировать особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий. Полученные результаты были сопоставлены с аналогичными данными зарубежных исследований.

Результаты проведенного исследования показали, что в настоящий момент

часть подростков, проживающих в зонах военных конфликтов или переживших опыт, связанный с вовлеченностью в последствия боевых действий, испытывают симптомы дезадаптации и выраженное неблагополучие в психофизиологической, когнитивной, эмоциональной, коммуникативной и поведенческой сферах. Такие несовершеннолетние находятся в зоне риска и нуждаются в дальнейшей диагностике и адресной психологической помощи.

Обучающиеся, низко оценивающие свое благополучие в отдельных или во всех рассматриваемых сферах жизнедеятельности, находятся в зоне риска, так как речь идет либо о последствиях пережитых ими стрессов, связанных в том числе с нахождением на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий, либо о факторах, которые могут повысить уязвимость обучающихся к воздействию стрессоров и усугубить в будущем тяжесть реакции на подобные события.

С другой стороны, анализ данных продемонстрировал, что большинство респондентов субъективно оценивают свое благополучие в указанных сферах на уровне выше среднего, опираясь на доступные им ресурсы. Ответы респондентов демонстрируют высокую значимость таких психологических ресурсов, как поддержка семьи, дружеские отношения, увлеченность процессом познания, что соответствует данным зарубежных исследователей, основанных на анализе факторов, способствующих росту резилентности подростков в ситуации военных действий [14; 21; 24]. Полученные данные подтверждают и выводы зарубежных обзорных работ о том, что уровень вовлеченности в травмирующие события не связан напрямую с выраженностью симптоматики ПТСР, он опосредован защитными факторами [25].

Выявлены значимые различия между обучающимися мужского и женского пола,

а также в отношении факторов риска и психологических ресурсов совладания со стрессом. Полученные данные свидетельствуют о более высоком уровне уязвимости девочек 9–11 классов по сравнению с мальчиками в психофизиологической, эмоциональной, поведенческой сферах, а также во взаимоотношениях с близкими.

Полученные данные дополняют выводы других авторов о наличии значимых различий в оценках субъективного благополучия и психологических ресурсов совладания со стрессом в зависимости от пола. Подростки женского пола испытывают более выраженные трудности при ответах, им сложнее долго заниматься каким-либо делом, они чаще опаздывают, теряют личные вещи, что свидетельствует о повышенной тревожности, нарушении концентрации внимания, вынужденной необходимости тратить основные психологические ресурсы на то, чтобы справиться с ситуацией текущего стресса. Кроме того, они чаще испытывают соматические симптомы — быстро утомляются, отмечают кошмары, бессонницу, состояние напряжения и переживания угрозы. Полученные результаты подтверждаются данными зарубежных исследований, в которых выявлен более высокий уровень интрузии, страха, тревоги и депрессии у девочек-подростков, переживших опыт столкновения с военными действиями [19; 22; 23]. Однако, учитывая существование разных точек зрения у исследователей по вопросу о влиянии пола на степень выраженности психологических последствий вовлеченности в военные травматические события, а также склонность к более глубокому уровню рефлексии у подростков женского пола, предлагается прояснить данную проблему в ходе следующего этапа исследования.

Важно, что познавательная сфера подростков женского пола субъективно воспринимается ими как позитивно окрашен-

ная, как точка роста и развития, поэтому можно предположить, что фокусировка на их вовлечение в интересные для них образовательные проекты будет играть роль защитного фактора и опоры в формировании устойчивости к вызовам ситуации военного стресса. Проверку подобного предположения, а также поиск дополнительных факторов опоры и защиты для подростков мужского пола также можно рассматривать как задачи дальнейших исследований.

Важно также подчеркнуть, что в оценках наличия психологических ресурсов для совладания со стрессами между подростками мужского и женского пола обнаружены минимальные различия. Наличие этих ресурсов указывается опрошенными существенно чаще, чем наличие рисков. Во многих анкетах обучающихся риски (проявления дезадаптации, отдельные симптомы ПТСР) соседствуют с ресурсами.

Выводы

Таким образом, анализ данных позволил выявить основные особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий.

1. Наличие у части обучающихся выраженного неблагополучия в психофизиологической, когнитивной, эмоциональной, коммуникативной и поведенческой сферах, существование особых групп риска среди обучающихся, проживающих на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий.

2. Обучающиеся испытывают на себе последствия нахождения на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий, которые приводят к нарушению адаптации в жизненно важных для развивающейся личности сферах. Обнаруженные проявления дезадаптации согласуются с отечественными исследо-

ваниями этого феномена, а также с зарубежными работами, посвященными проблемам детей и подростков в регионах, вовлеченных в военные действия.

3. Наименьшее число различий выявлено в отношении познавательной сферы и сферы отношений со сверстниками. Все выявленные различия — в «пользу» подростков женского пола, они отмечают больше проблем, чем подростки мужского пола, что может свидетельствовать как о большей подверженности стрессу, так и о более развитой рефлексии. В любом случае при оценке рисков необходимо учитывать выявленные особенности.

4. Полученные данные пока не имеют аналогов в нашей стране и позволяют оценить состояние подростков на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий, с учетом пола и степени подверженности воздействию экстремальных событий, связанных с боевыми действиями.

5. Результаты исследования закладывают основу для разработки адресной программы психологического сопровождения подростков. Такая программа, на наш взгляд, должна учитывать как уровень рисков, так и возрастную, гендерную и индивидуальную специфику обучающихся. При оценке рисков также необходимо учитывать наличие психологических ресурсов, позволяющих подросткам, проживающим в регионах, вовлеченных в последствия боевых действий, справляться с экстраординарными стрессами, с которыми они сталкиваются.

6. Полученные данные можно использовать при работе с социальными группами, чья деятельность значима для стабилизации психологического состояния обучающихся. Важно, чтобы в ситуации особого риска несовершеннолетние могли получать максимальную поддержку как от сообщества специалистов, так и от значимых для них социальных групп.

Литература

1. *Александрова Л.А.* Субъективная витальность как предмет исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 1. С. 133–163.
2. *Беберашвили З., Джавахишвили Д., Табагуа С.* Травма, ее природа и пути исцеления. Тбилиси, 2011. 204 с.
3. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (ЛОТ) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
4. *Гулина М.Н., Гулин Ф.* Травма военного детства (Блокада, эвакуация, оккупация). Историко-психологическое исследование. М.: Издательство Московского университета, 2021. 335 с.
5. *Захарова Н.М., Милехина А.В.* Особенности психических и поведенческих нарушений у детей, освобожденных из иракской тюрьмы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 225–235. DOI:10.17759/psylaw.2019090416
6. *Захарова Н.М., Милехина А.В.* Комплекс реабилитационных мероприятий в отношении несовершеннолетних, возвращенных в Россию из зон боевых действий // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 11-2(80). С. 13–18. DOI:10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.80.1101
7. *Захарова Н.М., Цветкова М.Г.* Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413
8. *Маркова В.И., Александрова Л.А., Золотарева А.А.* Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборки студентов, многолетних родителей и родителей детей с инвалидностью // Национальный психологический журнал. 2022. № 1(45). С. 65–75. DOI:10.11621/npj.2022.0106
9. *Сарджвеладзе Н., Джавахишвили Д., Беберашвили З.* Травма и психологическая помощь. М.: Смысл, 2019. 182 с.
10. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
11. *Трубицына Л.В.* Процесс травмы. М.: Смысл, 2012. 224 с.
12. *Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.* Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.
13. *Al-Sheikh Niveen A.M., Thabet A.A.M.* Post-Traumatic Stress Disorder due to War Trauma, Social and Family Support among Adolescent in the Gaza Strip [Электронный ресурс] // Journal of Nursing and Health Sciences. 2017. Vol. 3. Issue 2. URL: <https://www.alliedacademies.org/articles/stress-trauma-and-posttraumatic-stress-disorder-among-adolescents-in-the-gaza-strip-8249.html> (дата обращения: 20.12.2023).
14. *Baker A., Shalhoub-Kevorkian N.* Effects of Political and Military Traumas On Children: The Palestinian Case // Clinical Psychology Review. 1999. Vol. 19. № 8. P. 935–950. DOI:10.1016/s0272-7358(99)00004-5
15. Can functional emotion regulation protect children’s mental health from war trauma? A Palestinian study / M. Diab [et al.] // Int J Psychol. 2019. Vol. 54(1). P. 42–52. DOI:10.1002/ijop.12427
16. Children’s prolonged exposure to the toxic stress of war trauma in the Middle East / M. Samara [et al.] // British medical journal. 2020. Vol. 371. 6 p. DOI:10.1136/bmj.m3155
17. *El-Khodary B., Samara M., Askew C.* Traumatic Events and PTSD Among Palestinian Children and Adolescents: The Effect of Demographic and Socioeconomic Factors // Front. Psychiatry. 2020. Vol. 11. № 4. 11 p. DOI:10.3389/fpsy.2020.00004
18. *Hallis D., Slone M.* Coping Strategies and Locus of Control as Mediating Variables in the Relation Between Exposure to Political Life Events and Psychological Adjustment in Israeli Children [Электронный ресурс] // International Journal of Stress Management. 1999. Vol. 6. № 2. P. 105–123. DOI:10.1023/A:1022980310481
19. *Kuterovac G., Dyregrov A., Stuoland R.* Children in war: a silent majority under stress // The British journal of medical psychology. 1994. Vol. 67. P. 363–375. DOI:10.1111/j.2044-8341.1994.tb01804.x

20. *Likert R.* A Technique for the Measurement of Attitudes. New York: The Science Press, 1932. 55 p.
21. Military trauma and social development: The moderating and mediating roles of peer and sibling relations in mental health / K. Peltonen, S. Qouta, E.E. Sarraj, R.-L. Punama // *International Journal of Behavioral Development*. 2010. Vol. 34. P. 554–563. DOI:10.1177/0165025410368943
22. *Qeshta H., Hawajri A.M.A., Thabet A.M.* The Relationship between War Trauma, PTSD, Anxiety and Depression among Adolescents in the Gaza Strip // *Health Sci J*. 2019. Vol. 13. № 1. 13 p. DOI:10.21767/1791-809X.1000621
23. *Thabet A., EL-Buhaisi O., Vostanis P.* Trauma, PTSD, Anxiety, and coping strategies among Palestinians adolescents exposed to War on Gaza // *The Arab Journal of Psychiatry*. 2014. Vol. 25. № 1. P. 71–82. DOI:10.12816/0004117
24. *Thabet A.A.M., Thabet S.S.* Coping with trauma among children in South of Gaza Strip // *Psychology and Cognitive Sciences*. 2017. Vol. 3(2). P. 36–47. DOI:10.17140/PCSOJ-3-122
25. *Tyano S.* Post-traumatic stress disorder in Israeli children // *Bulletin of the Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists*. 2003. № 2. P. 7–8. DOI:10.1192/S1749367600006421
26. *Wietse A.T., Song S., Jordans M.J.D.* Annual Research Review: Resilience and mental health in children and adolescents living in areas of armed conflict – a systematic review of findings in low- and middle-income countries // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2013. Vol. 54. № 4. P. 445–460. DOI:10.1111/jcpp.12053

References

1. Aleksandrova L.A. Sub"ektivnaya vital'nost' kak predmet issledovaniya [Subjective vitality as a subject of research]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 1, pp. 133–163. (In Russ.).
2. Beberashvili Z., Dzhavakhishvili D., Tabagua S. Travma, ee priroda i puti itseleniya [Trauma, its nature and ways of healing]. Tbilisi, 2011. 204 p. (In Russ.).
3. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Razrabotka russkoyazychnoi versii Testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) [Development of a Russian-language version of the Dispositional Optimism Test]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*, 2010, no. 2, pp. 36–64. (In Russ.).
4. Gulina M.N., Gulina F. Travma voennogo detstva (Blokada, evakuatsiya, okkupatsiya). Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie [The trauma of military childhood (Blockade, evacuation, occupation). Historical and psychological research]. Moscow: Publ. Moskovskogo universiteta, 2021. 335 p. (In Russ.).
5. Zakharova N.M., Milekhina A.V. Osobennosti psikhicheskikh i povedencheskikh narushenii u detei, osvobozhdennykh iz irakskoi tyur'my [Elektronnyi resurs] [Peculiarities of Mental and Behavioral Disorders in Children Released from Iraqi Prison]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 225–235. DOI:10.17759/psylaw.2019090416 (In Russ.).
6. Zakharova N.M., Milekhina A.V. Kompleks rehabilitatsionnykh meropriyatii v otnoshenii nesovershennoletnykh, vozvrashchennykh v Rossiyu iz zon boevykh deistvii [A set of rehabilitation measures for minors returned to Russia from war zones]. *Evraziiskii Soyuz Uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, no. 11-2(80), pp. 13–18. DOI:10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.80.1101 (In Russ.).
7. Zakharova N.M., Tsvetkova M.G. Psikhicheskie i povedencheskie narusheniya u mirnogo naseleniya regiona, podvergshegosya lokal'nykh voennym deistviyam [Elektronnyi resurs] [Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413 (In Russ.).
8. Markova V.I., Aleksandrova L.A., Zolotareva A.A. Russkoyazychnaya versiya kratkoi shkaly rezilientnosti: psikhometricheskii analiz na primere vyborok studentov, mnogodetnykh roditelei i roditelei detei s invalidnost'yu [The Russian version of the short scale of residency: psychometric

- analysis on the example of samples of students, parents with many children and parents of children with disabilities]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Journal of Psychology*, 2022, no. 1(45), pp. 65–75. DOI:10.11621/npj.2022.0106 (In Russ.).
9. Sardzhveladze N., Dzhavakhishvili D., Beberashvili Z. *Travma i psikhologicheskaya pomoshch'* [Trauma and psychological care]. Moscow: Smysl, 2019. 182 p. (In Russ.).
 10. Tarabrina N.V. *Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa* [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. Saint Petersburg: Piter, 2001. 272 p. (In Russ.).
 11. Trubitsyna L.V. *Protsess travmy* [The trauma process]. Moscow: Smysl, 2012. 224 p. (In Russ.).
 12. Shvartser R., Erusalema M., Romek V. Russkaya versiya shkaly obshchei sameffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema [The Russian version of the scale of general self-efficacy by R. Schwarzer and M. Yerusalem]. *Inostrannaya psikhologiya = Foreign psychology*, 1996, no. 7, pp. 71–76. (In Russ.).
 13. Al-Sheikh Niveen A.M., Thabet A.A.M. Post-Traumatic Stress Disorder due to War Trauma, Social and Family Support among Adolescent in the Gaza Strip [Elektronnyi resurs]. *Journal of Nursing and Health Sciences*, 2017. Vol. 3, Issue 2. URL: <https://www.alliedacademies.org/articles/stress-trauma-and-posttraumatic-stress-disorder-among-adolescents-in-the-gaza-strip-8249.html> (Accessed 20.12.2023).
 14. Baker A., Shalhoub-Kevorkian N. Effects of Political and Military Traumas on Children: The Palestinian Case. *Clinical Psychology Review*, 1999. Vol. 19, no. 8, pp. 935–950. DOI:10.1016/s0272-7358(99)00004-5
 15. Diab M. et al. Can functional emotion regulation protect children's mental health from war trauma? A Palestinian study. *Int J Psychol*, 2019. Vol. 54(1), pp. 42–52. DOI:10.1002/ijop.12427
 16. Samara M. et al. Children's prolonged exposure to the toxic stress of war trauma in the Middle East. *British medical journal*, 2020. Vol. 371. 6 p. DOI:10.1136/bmj.m3155
 17. El-Khodary B., Samara M., Askew C. Traumatic Events and PTSD Among Palestinian Children and Adolescents: The Effect of Demographic and Socioeconomic Factors. *Front. Psychiatry*, 2020. Vol. 11, no. 4. 11 p. DOI:10.3389/fpsy.2020.00004
 18. Hallis D., Slone M. Coping Strategies and Locus of Control as Mediating Variables in the Relation Between Exposure to Political Life Events and Psychological Adjustment in Israeli Children. *International Journal of Stress Management*, 1999. Vol. 6, no. 2, pp. 105–123.
 19. Kuterovac G., Dyregrov A., Stuvland R. Children in war: a silent majority under stress. *The British journal of medical psychology*, 1994. Vol. 67, pp. 363–375. DOI:10.1111/j.2044-8341.1994.tb01804.x
 20. Likert R. *A Technique for the Measurement of Attitudes*. New York: The Science Press, 1932. 55 p.
 21. Peltonen K. et al. Military trauma and social development: The moderating and mediating roles of peer and sibling relations in mental health. *International Journal of Behavioral Development*, 2010. Vol. 34, pp. 554–563. DOI:10.1177/0165025410368943
 22. Qeshta H., Hawajri A.M.A., Thabet A.M. The Relationship between War Trauma, PTSD, Anxiety and Depression among Adolescents in the Gaza Strip. *Health Sci J*, 2019. Vol. 13, no. 1. 13 p. DOI:10.21767/1791-809X.1000621
 23. Thabet A., EL-Buhaisi O., Vostanis P. Trauma, PTSD, Anxiety, and coping strategies among Palestinians adolescents exposed to War on Gaza. *The Arab Journal of Psychiatry*, 2014. Vol. 25, no. 1, pp. 71–82. DOI:10.12816/0004117
 24. Thabet A.A.M., Thabet S.S. Coping with trauma among children in South of Gaza Strip // *Psychology and Cognitive Sciences*, 2017. Vol. 3(2), pp. 36–47. DOI:10.17140/PCSOJ-3-122
 25. Tyano S. Post-traumatic stress disorder in Israeli children. *Bulletin of the Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists*, 2003, no. 2, pp. 7–8. DOI:10.1192/S1749367600006421
 26. Wietse A.T., Song S., Jordans M.J.D. Annual Research Review: Resilience and mental health in children and adolescents living in areas of armed conflict – a systematic review of findings in low- and middle-income countries. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2013. Vol. 54, no. 4, pp. 445–460. DOI:10.1111/jcpp.12053

Информация об авторах

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, доцент, руководитель Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ); член-корреспондент РАО, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», профессор факультета социальных наук Департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru

Александрова Лада Анатольевна, кандидат психологических наук, ведущий аналитик Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), доцент факультета социальных наук Департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: ladaleksandrova@mail.ru

Дмитриева Светлана Олеговна, кандидат искусствоведения, магистр психологии, ведущий аналитик Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва; доцент, ФГБОУ ВО «Университет «Дубна», г. Дубна, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1012-5948>, e-mail: dmitrievaso@mgppu.ru

Information about the authors

Olga A. Ulyanina, Doctor of Psychology, Corresponding member of the RAE, Head of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Leading Research Fellow in Research Center at Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of Faculty of Social Sciences, School of Psychology at National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru

Lada A. Aleksandrova, PhD in Psychology, Leading Analyst of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Associate Professor, Department of Psychology & Pedagogy of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology at National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: Ladaleksandrova@mail.ru

Svetlana O. Dmitrieva, PhD in Art History, Master of Psychology, Leading Analyst of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow; Associate Professor of Dubna State University, Dubna, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1012-5948>, e-mail: dmitrievaso@mgppu.ru

Получена 01.10.2023

Принята в печать 28.02.2024

Received 01.10.2023

Accepted 28.02.2024

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Адаптация методики восприятия организационной политики (POPS) М. Качмар и Д. Карлсон: анализ внутренней структуры

Марарица Л.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3858-5369>, e-mail: larisamararitsa@mail.ru

Кинунен Т.А.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7107-099X>, e-mail: kinunen@yandex.ru

Гуриева С.Д.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievav@gmail.com

Яничева Т.Г.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0613-7353>, e-mail: yanicheva@ourfuture.ru

Юмкина Е.А.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Цель. Первый этап адаптации методики восприятия организационной политики (POPS) М. Качмар и Д. Карлсон на русскоязычной выборке, а именно – анализ внутренней структуры и надежности опросника.

Контекст и актуальность. Политическая природа организации очевидна, но инструментов, которые позволяют оценить, насколько распределение ресурсов в организации, инициатива и выражение мнения, политика повышений и оплаты труда «политизированы», подчинены интригам и власти неформальных отношений, практически нет. Хотя роль этих процессов, их влияние на значимые индивидуальные и организационные последствия велики. Самым известным инструментом для изучения субъективной оценки политики организации является шкала «Восприятие организационной политики» (POPS) М. Качмар и Д. Карлсон. Эта методика не была адаптирована на русскоязычной выборке.

Дизайн исследования. Исследование осуществлялось в форме опроса двух выборок людей с применением переведенной на русский язык шкалы «Восприятие организационной политики» (POPS) М. Качмар и Д. Карлсон.

Участники. Исследование проводилось на двух выборках: 407 человек (52% женщин) и 575 человек (100% женщин).

CC BY-NC

Методы (инструменты). Для обработки и анализа данных были использованы эксплораторный и конфирматорный факторные анализы, коэффициент альфа Кронбаха и корреляционный анализ, критерий сравнения средних значений на базе среды Rstudio.

Результаты. На первой выборке было показано, что методика имеет хорошие показатели надежности и соответствия модели данным, а также в результате поискового анализа выдвинуто предположение, что исключение обратных вопросов из шкалы улучшит внутреннюю структуру опросника, соответствие модели данным. Что и было показано на второй независимой выборке. Показатели согласованности шкалы оказались высокими — 0,91-0,93 (альфа Кронбаха).

Основные выводы. В результате конфирматорного факторного анализа нам удалось подтвердить оригинальную трехфакторную модель опросника. Адаптация методики POPS на русскоязычной выборке позволит исследовать организационную культуру и восприятие организации сотрудником в российских компаниях.

Ключевые слова: *перцепция политики; климат и культура организации; манипуляции; нетворкинг; соглашательство; неформальное влияние; самооцензура; справедливость; карьера в организации; кумовство.*

Финансирование. Работа выполнена в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00452, https://rscf.ru/prjcard_int?22-18-00452.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Анастасии Постаниной за участие в подготовке обзора исследований, а также Татьяне Казанцевой, Екатерине Александровой и Ульяне Удавихиной за участие в переводе методики и организации сбора данных.

Для цитаты: *Марарица Л.В., Кинунен Т.А., Гуриева С.Д., Яничева Т.Г., Юмкина Е.А.* Адаптация методики переживания организационной политики (POPS) М. Качмар и Д. Карлсон: анализ внутренней структуры // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 190–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150111>

Adaptation of the Perception of Organizational Policy Scale (POPS) M. Kacmar and D. Carlson: Analysis of Internal Structure

Larisa V. Mararitsa

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3858-5369>, e-mail: larisamararitsa@mail.ru

Tamara A. Kinunen

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7107-099X>, e-mail: kinunen@yandex.ru

Svetlana D. Gurieva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievasv@gmail.com

Tatyana G. Yanicheva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0613-7353>, e-mail: yanicheva@ourfuture.ru

Ekaterina A. Yumkina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Objective. *The first stage in adapting the Organizational Policy Perception Scale (POPS) by M. Kacmar and D. Carlson in a Russian-speaking sample: analysis of the internal structure and reliability of the questionnaire.*

Background. *The political nature of the organization is obvious. There are practically no tools that allow you to assess how “politicized” organization is. We need to measure to what extent people are targets of intrigues and informal influence or of unfair distribution of resources in the organization. Can they express their opinion without negative consequences or get a transparent and fair career path? All these questions is of great importance for both the individual and the organization. The best-known tool for studying the subjective assessment of organizational politics is the Organizational Policy Perception Scale (POPS) by M. Kacmar and D. Carlson. This scale was not adapted to the Russian-speaking sample.*

Study design. *The study was carried out in the form of a survey of two samples of people using the “Perceptions of Organizational Politics” (POPS) scale by M. Kacmar and D. Carlson, which was translated into Russian.*

Participants. *The study was conducted on two samples: 407 (52% women) and 575 (100% women) subjects.*

Measurements. *To process and analyze the data, exploratory and confirmatory factor analyzes, Cronbach’s alpha coefficient and correlation analysis, and a criterion for comparing mean values were used in the Rstudio statistic environment.*

Results. *In the first sample, it was shown that the scale has good indicators of reliability and model data fit. And, as a result of the exploratory analysis, it was suggested that the exclusion of reverse questions from the scale would improve the internal structure of the questionnaire, the model data fit. It was shown in the analysis of second independent sample data. Scale reliability scores were found to be high, 0,91-0,93 (Cronbach’s alpha).*

Conclusions. *As a result of confirmatory factor analysis, we were able to confirm the original three-factor model of the questionnaire. Adaptation of the POPS methodology on a Russian-speaking sample will allow us to study the organizational culture and perception of the organization by the employee in Russian companies.*

Keywords: *perception of politics; organizational climate and culture; manipulation; networking; conciliation; informal influence; self-censorship; justice; career; pay and promotion; nepotism.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-18-00452, https://rscf.ru/prjcard_int?22-18-00452 at the St-Petersburg State University.*

Acknowledgements. *The authors would like to thank Anastasia Postanina for assistance in the preparation of the research review, and Tatiana Kazantseva, Ekaterina Aleksandrova and Ulyana Udavikhina for their participation in the translation of the methodology and organization of data collection.*

For citation: Mararitsa L.V., Kinunen T.A., Gurieva S.D., Yanicheva T.G., Yumkina E.A. Adaptation of the Perception of Organizational Policy Scale (POPS) M. Kacmar and D. Carlson: Analysis of Internal Structure. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 190–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150111> (In Russ.).

Введение

Организация — это арена политического поведения [6; 20; 23; 28]. Неформальные механизмы распределения власти и ресурсов, манипуляции и управление впечатлением, интриги и создание коалиций — все это заложено во взаимодействие людей в организации и может влиять на их отношение к рабо-

тодателю и коллегам, на эффективность и удовлетворенность работой, намерение покинуть компанию [9; 10; 12].

Термин «политика организации» (или «организационная политика») и обсуждение ее восприятия сотрудниками появились в монографиях по организационному поведению в 80-е годы [6; 23]. Начало изучения политик связано с интересом к

власти и бюрократии на рабочем месте, управлению и лидерству, а также конфликтам [6; 20]. Организационная политика — это набор процессов социального влияния, которые происходят в организации с целью достижения краткосрочных или долгосрочных индивидуальных выгод, намеренные акты влияния, направленные на защиту или укрепление профессиональной карьеры [4; 5; 15; 25; 26]. Это часть организационной культуры, связанная с дисфункциональностью или такой неопределенностью или противоречием в нормах, которую сотрудники могут использовать в своих частных интересах [3]. Г. Минцберг утверждал, что:

1) политика в организациях необходима для исправления определенных недостатков и дисфункций;

2) лидерство может быть усилено путем выдвижения наиболее сильных членов организации на руководящие должности в «несколько дарвиновской манере»;

3) политика способствует всестороннему обсуждению вопросов;

4) политика способствует необходимым организационным изменениям, блокируемым формализованными системами влияния;

5) политика может облегчить принятие решений;

6) политика вызывает перестройку коалиций и смену власти;

7) политика ускоряет смерть отработавшей своей организации [20].

Это позволяет переключить фокус с оценки политики в организации на осознание роли и значимости подобных механизмов, что сложно дается исследователям [1], хотя дискуссия имеет почти 40-летнюю историю [11].

В исследованиях всегда прослеживались два взаимодополняющих, но относительно независимых направления: 1 — «реальное» политическое поведение — его

тактики и приемы [18] и 2 — восприятие политики организации отдельными ее сотрудниками [12]. Связь между восприятием политики и реальным политическим поведением исследована мало. Кроме того, согласно концепциям, в которых политический характер поведения одного человека является не чем иным, как атрибуцией такого поведения со стороны другого человека, одно и то же поведение может рассматриваться и как политическое, и как просоциальное, и как организационно-ориентированное в зависимости от того, кто его оценивает [14]. На данный момент в организационной психологии выделились три области исследования: политические навыки или мастерство (political skills), политическое поведение (political behavior) и восприятие организационной политики (perceptions of organizational politics (POPs)), которые представляют собой разные стороны одного явления [11]. Политическое поведение влияет на восприятие политики организации, а также нетворкинг, статус и репутацию сотрудника, в то время как политические навыки и воля — опосредуют это влияние. Самая большая терминологическая путаница и сложность возникает вокруг понятия «восприятие политики организации». В узком смысле — это субъективная оценка человеком степени, в которой коллеги и руководители демонстрируют «корыстное» политическое поведение. Реальные действия других людей становятся менее важными, чем индивидуальное их восприятие и интерпретация, потому что именно восприятие определяет последующее поведение. В широком смысле из-за преимущественно неформального характера политических механизмов, сложности их объективной фиксации, использования самооценочных методов многие исследователи говорят о восприятии политики

как о синониме политической жизни в организации в целом [10].

Работы Дж. Ферриса и коллег заложили основу исследований субъективной структуры восприятия политики в организации, показав, что чем более политизированной человек воспринимает организацию, тем меньше его вовлеченность в работу, удовлетворенность работой и вероятнее уход из организации [9; 10; 12; 13]. Дж. Феррис и М. Качмар (1992) предложили модель когнитивной оценки наблюдаемых событий, в которой организационные, групповые и личностные факторы определяют восприятие политик и, затем, многие значимые организационные исходы [10]. В их исследованиях и в исследованиях В. О'Коннор и Т. Моррисона (2001) показано, что локус контроля, диапазон навыков и амбициозность, автономность и положение сотрудника в организации, доступность обратной связи и отношения с руководителем, возможность продвижения в карьере, сплоченность рабочей группы и поведение коллег, а также мера авторитарности, формализации и климат организации — все эти факторы влияют на восприятие политики организации [10; 22].

Шкала «Восприятие организационной политики» (Perception of Organizational Politics Scale (POPS)), предложенная М. Качмар и Дж. Феррисом (1991) и модифицированная впоследствии М. Качмар и Д. Карлсон (1997), до сих пор является самым часто используемым инструментом для оценки восприятия политики организации [15; 16]. В 1991 году М. Качмар и Дж. Феррис после нескольких этапов создания методики предложили три фактора, которые легли в основу шкалы «Восприятие организационной политики» (Perception of Organizational Politics Scale, POPS):

1) «Общее политическое поведение» («General Political Behaviours») — ко-

рыстное поведение людей в своих интересах, катализаторами которого являются отсутствие правил и процедур, регулирующих действия, ситуация неопределенности, недостаток информации.

2) «Соглашательство (Идти вместе, чтобы добиться успеха)» («Go Along to Get Ahead») — бездействие (например, молчание) отдельных лиц для получения ценных личных результатов, когда легче войти в «свою группу» и получить ценные ресурсы просто за то, что не мешают тем, кто активен.

3) «Политика оплаты и карьерного продвижения» («Pay and Promotion») — прозрачность и справедливость оплаты труда и повышений [16].

В дальнейшем М. Качмар и Дж. Феррис (1992) провели исследования [10], результаты которых показали, что восприятие политики основывается как минимум на 3-х источниках: а) поведение руководителя; б) поведение коллег и клики; в) политика и практика организации. Это наблюдение заставило задуматься над многомерной структурой восприятия политик организации и впоследствии привело к дальнейшим призывам к размышлению о многоуровневом характере политик [5].

В связи с необходимостью дальнейшей валидации шкалы Л. Най и Л. Витт (1993) проверили размерность и конструктивную валидность 12-пунктной POPS [21]. На выборке из 1297 государственных служащих они показали, что однофакторное решение предпочтительнее, чем трехфакторное. Коэффициент надежности шкалы Кронбаха составил 0,93.

Следующий этап создания методики — пересмотр POPS М. Качмар и Д. Карлсон (1997): они провели 3 исследования для оценки валидности шкалы [15]. В результате была получена окончательная трехфакторная шкала из 15 пунктов с надежностью 0,87 [15].

В исследованиях до сих пор используются и доминируют описанные шкалы [17; 19]. Данная работа представляет первый этап адаптации методики восприятия организационной политики М. Качмар и Д. Карлсон (1997) на русскоязычной выборке, а именно — анализ внутренней структуры опросника и оценка внутренней согласованности на двух независимых выборках.

Метод

Выборка. Исследование внутренней структуры методики проводилось на двух независимых выборках, которые не объединялись, поскольку респонденты рекрутировались по-разному. Первая выборка собиралась в 2020-2021 гг. методом снежного кома при участии 11 сборщиков, проинструктированных приглашать в исследование наемных работников из разных организаций по правилу: «одна организация — один респондент». Эта выборка составила 407 человек в возрасте от 18 до 62 лет (медиана — 34 года), 51,6% женщин, 48,4% мужчин. 33% проживают в Санкт-Петербурге, 26% — в Москве, 5% — в Краснодаре, 2% — в Казани, 1,7% — в Самаре, 1,2% — в Нижнем Новгороде, 1,2% — в Сургуте, 30% — в других городах России (менее процента в каждом). 58,2% респондентов занимают должности исполнителей и специалистов, 25,1% — руководителей младшего и среднего звена, 1,8% — топ-менеджменте, а 5,8% затруднились/отказались отвечать. Исследование было посвящено восприятию организационных факторов инновационного потенциала организации.

Вторая выборка была собрана в 2021 году, для ее сбора использовались в том числе массовые сервисы по рекрутингу испытуемых и каналы коммуникации в социальных сетях. Выборка со-

стояла только из женщин, что связано с контекстом исследования (по тематике гендерных вопросов), в который была включена рассматриваемая в настоящем исследовании шкала. Всего было опрошено 575 женщин в возрасте от 19 до 82 лет (медиана — 35 лет). 14,8% проживают в Москве, 11,7% — в Санкт-Петербурге, 4,3% — в Новосибирске, 2,6% — в Нижнем Новгороде, 2,4% — в Уфе, 2,3% — в Екатеринбурге, 1,9% — в Самаре, 60% — в других городах (менее процента в каждом). 61,6% респондентов занимают должности исполнителей и специалистов, 25,4% — руководители младшего и среднего звена, 7,8% — топ-менеджмент, 5,2% затруднились/отказались отвечать.

Процедура и инструментарий. Перевод опросника на русский язык был осуществлен и согласован группой экспертов со степенью магистра ($n = 1$), кандидата ($n = 3$) и доктора ($n = 1$) психологических наук по специальности «социальная психология», свободно владеющих английским языком, ознакомленных с содержанием и структурой шкалы «Восприятие организационной политики» (Perception of Organizational Politics Scale, POPS) М. Качмар и Д. Карлсон (1997). Процедура обратного перевода не проводилась, поскольку фокус работы с текстом методики был нацелен на смысловое соответствие пунктов, а не их точный перевод. Технология предполагала ряд итераций: сначала эксперты переводили все пункты методики самостоятельно, независимо друг от друга, затем согласовывали перевод, устраняя расхождения и дорабатывая сложные для перевода пункты. Такой подход был связан с необходимостью обеспечения адекватного понимания стимулов с учетом специфики русского языка и культуры. Стоит отметить, что нами были сформулированы и добавлены еще

3 вопроса в шкалу, а именно — в субшкалу «Общее политическое поведение», поскольку эта субшкала в оригинале содержала только 2 вопроса, что является угрозой надежности оценки. В итоге респондентам предъявлялось 18 утверждений, а не 15. В выборку не включались респонденты, не заполнившие опросник до конца, младше 18 лет и те, кто не работает и имеет опыт работы менее полугода. В методику входят три субшкалы: «Общее политическое поведение» (2 оригинальных + 3 новых пункта), «Соглашательство (Идти вместе, чтобы добиться успеха)» (7 пунктов) и «Политика оплаты и карьерного продвижения» (6 пунктов). Русскоязычная версия методики с добавленными пунктами представлена в приложении (репозиторий — табл. 1) вместе с обозначениями пунктов, которые будут использоваться нами далее.

Опрос обеих выборок проводился онлайн, опросная форма была сформирована при помощи сервиса Online Test Pad. Исследование проводилось анонимно: респонденты не представлялись, не сообщали ни названия компаний, ни свои контактные данные. Перед началом опроса респондентам предлагалось ознакомиться с информированным согласием (в электронной форме) и только после подтверждения перейти к ответам. Вопросы опросника предъявлялись в рандомной последовательности, чтобы избежать эффектов порядка и контраста. В выборку не включались респонденты младше 18 лет и те, кто не работает и имеет опыт работы менее полугода. Каждому респонденту нужно было оценить, в какой степени каждое из утверждений опросника соответствует той компании, в которой он работает. Использовалась пятибалльная шкала, где 1 балл — совершенно не согласен, а 5 баллов — полностью согласен с утверждением.

Обработка данных. Возможность работать с двумя независимыми выборками позволила нам использовать первую выборку для поиска и анализа структуры опросника, а вторую — для независимой проверки найденных решений. Анализ данных проводился с помощью языка программирования R (версия 4.1.2) в среде Rstudio (версия 1.4.1717). Применялись конфирматорный и эксплораторный факторные анализы, корреляционный анализ (*ro*-Спирмена), критерий сравнения средних значений *U* Манна-Уитни. Модели конфирматорного факторного анализа (КФА) строились с помощью пакета Lavaan версия .6–9 (с параметрами *Estimator = ML*, *Optimization method = NLMINB*). Пороговые значения и методология анализа выбирались на основе работы Р. Кляйна (R.B. Kline, 2011: *CFI* > 0,92, *RMSEA* < 0,08, *SRMR* < 0,08). Для проверки внутренней согласованности шкалы использовался коэффициент α Кронбаха. Данные представлены в репозитории психологических исследований и инструментов Московского государственного психолого-педагогического университета RusPsyDATA [2].

Результаты

Проверка трехфакторной модели методом конфирматорного анализа на первой выборке

Перед тем как проверять внутреннюю структуру опросника, мы исключили 2 пункта из 18 (один — оригинальный и один — добавленный), поскольку по ним не наблюдался разброс ответов респондентов (эти пункты помечены «*» в табл. 1 Приложения 1 RusPsyData [2]). В итоге в анализ внутренней структуры опросника было включено 16 пунктов.

На первом этапе проверялась оригинальная трехфакторная модель опрос-

ника методом конфирматорного факторного анализа (КФА) на обеих выборках исследования.

Модель продемонстрировала удовлетворительные показатели соответствия исходным данным с точки зрения традиционно принятых критериев. Показатели соответствия модели исходным данным для первой выборки представлены в табл. 1. Модель визуализирована на рис. 1. Видно, что субшкалы сильно связаны между собой (0,85–0,87).

Параметры модели для первой выборки (407 человек) на 16 пунктах пред-

ставлены в табл. 1 и 2 в Приложении 2 RusPsyData [2]. Корреляции варьируются от 0,64 до 0,89 (рис. 1 в Приложении 2 RusPsyData [2]).

Эксплораторный анализ факторной структуры опросника на первой выборке

На втором этапе в целях исключения нежелательных эффектов, связанных с обратными вопросами [7], нами был проведен поисковый анализ структуры опросника с помощью эксплораторного факторного анализа (ЭФА) с использованием метода наименьших квадратов (OLS)

Таблица 1

Показатели соответствия трехфакторной модели опросника исходным данным по результатам КФА

Модель	χ^2	Df	NFI	CFI	RMSEA
16 пунктов (N = 407)	167,73***	101	0,959	0,965	0,056

Примечание. NFI = нормированный индекс соответствия; CFI = индекс сравнительного соответствия; RMSEA = среднеквадратичная ошибка аппроксимации; *** – $p < 0,001$.

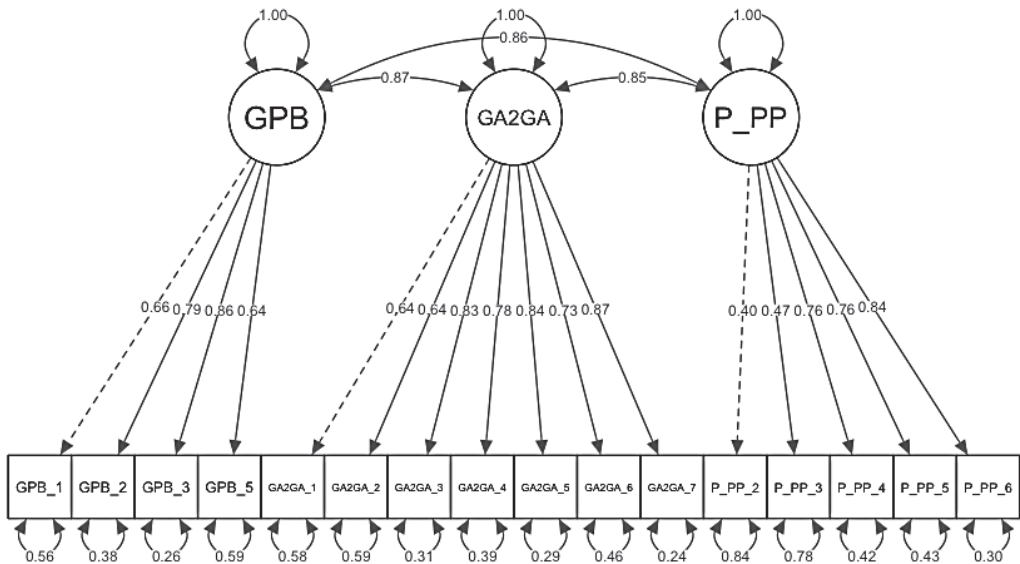

Рис. 1. Визуализация модели для первой выборки (407 человек) на 16 пунктах

для нахождения решения с минимальным остатком (*minres*) и с вращением облимин (было выбрано косоугольное вращение, так как субшкалы коррелируют между собой). График собственных значений показал целесообразность трехфакторного решения. Факторы описывают 48% дисперсии и коррелируют следующим образом: фактор 1 («Общее политическое поведение» и «Соглашательство» вместе) коррелирует с фактором 2 («Политика оплаты труда и карьерного продвижения») на уровне 0,74, фактор 2 – с фактором 3 (сформирован в основном обратными пунктами, не интерпретируем исходя из модели) на уровне 0,49, фактор 1 – с фактором 3 на уровне 0,63. Результаты ЭФА и описательная статистика по пунктам для выборки из 407 человек на 16 пунктах представлены в табл. 2.

При анализе факторных нагрузок видно, что пункты GA2GA_1 и GA2GA_2 не входят в ожидаемый фактор вместе с остальными пунктами этой шкалы (*F2*), а начинают формировать отдельный фактор (*F3*). Эти два пункта объединяет то, что они являются обратными. Еще одним обратным пунктом, заложеными авторами методики, является пункт P_PP_2, он оказывается недостаточно нагружен по ожидаемому фактору в первой выборке. Обнаруженная структура показывает, что обратные утверждения могут задавать отдельный фактор, искажая заложенную авторами методики структуру. Данное явление находит подтверждение и в исследованиях других авторов [8; 24; 27].

Поэтому мы решили повторить поисковый анализ с использованием ЭФА,

Таблица 2

Описательная статистика и факторные нагрузки по результатам эксплораторного анализа для первой выборки (407 человек) на 16 пунктах

№ п/п	Пункты	M	SD	Факторные нагрузки		
				F1	F2	F3
1	GPB_1	2,43	1,16	0,61	0,09	0,08
2	GPB_2	3,07	1,27	0,85	0,04	0,06
3	GPB_3	2,80	1,28	0,60	0,13	0,10
4	GPB_5	2,98	1,27	0,48	0,11	0,07
5	GA2GA_1	3,00	1,19	0,07	0,02	0,68
6	GA2GA_2	3,16	1,14	0,02	0,01	0,76
7	GA2GA_3	3,32	1,26	0,45	0,08	0,40
8	GA2GA_4	3,32	1,23	0,65	0,03	0,11
9	GA2GA_5	3,28	1,24	0,45	0,16	0,31
10	GA2GA_6	3,15	1,17	0,37	0,16	0,29
11	GA2GA_7	3,16	1,22	0,34	0,22	0,40
12	P_PP_2	2,66	1,39	0,21	0,32	0,30
13	P_PP_3	2,27	1,22	0,07	0,60	0,18
14	P_PP_4	2,67	1,30	0,10	0,69	0,04
15	P_PP_5	2,55	1,25	0,06	0,81	0,02
16	P_PP_6	2,59	1,33	0,36	0,45	0,03

Примечание. Жирным цветом выделены наибольшие значения нагрузок для каждого фактора.

исключив из анализа обратные пункты (GA2GA_1, GA2GA_2 и P_PP_2). График собственных значений вновь показал целесообразность трехфакторного решения. Факторы описывают 54% дисперсии и коррелируют следующим образом: фактор «Общее политическое поведение» ($F3'$) коррелирует с фактором «Соглашательство (Идти вместе, чтобы добиться успеха)» ($F1'$) на уровне 0,77; «Соглашательство (Идти вместе, чтобы добиться успеха)» ($F1'$) — с фактором «Политика оплаты труда и карьерного продвижения» ($F2'$) на уровне 0,75; фактор «Общее политическое поведение» ($F3'$) коррелирует с фактором «Политика оплаты труда и карьерного продвижения» ($F2'$) на уровне 0,66. Результаты ЭФА и описательная статистика по пунктам для первой выборки на 13 пунктах представлены в табл. 3.

Таким образом, применяя эксплораторный анализ после конфирматорного,

мы ставили целью исключить эффект обратных пунктов, чтобы добиться большего соответствия шкалы исходной теоретической модели. В нашем случае этот эффект проявил себя. Результаты показывают, что исключение обратных пунктов позволяет получить структуру, аналогичную заявленной авторами методики. Поэтому на следующем этапе мы решили провести КФА на второй выборке, сравнив показатели качества трехфакторных моделей на 16 и 13 пунктах (третий этап анализа), а затем рассмотреть согласованность шкал до и после исключения пунктов.

Проверка трехфакторной модели методом конфирматорного анализа на второй выборке исследования, сравнение опросников с 16 и 13 пунктами

На третьем этапе мы оценили, насколько соответствует данным трехфакторная

Таблица 3

Описательная статистика и факторные нагрузки по результатам эксплораторного анализа для первой выборки (407 человек) на 13 пунктах

№ п/п	Пункты	M	SD	Факторные нагрузки		
				$F1'$	$F2'$	$F3'$
1	GPB_1	2,43	1,16	0,14	0,11	0,43
2	GPB_2	3,07	1,27	0,34	0,03	0,44
3	GPB_3	2,80	1,28	0,02	0,07	0,79
4	GPB_5	2,98	1,27	0,10	0,05	0,53
5	GA2GA_3	3,32	1,26	0,84	0,05	0,03
6	GA2GA_4	3,32	1,23	0,67	0,04	0,14
7	GA2GA_5	3,28	1,24	0,68	0,08	0,09
8	GA2GA_6	3,15	1,17	0,81	0,03	0,11
9	GA2GA_7	3,16	1,22	0,80	0,06	0,01
10	P_PP_3	2,27	1,22	0,06	0,66	0,18
11	P_PP_4	2,67	1,30	0,06	0,66	0,11
12	P_PP_5	2,55	1,25	0,03	0,74	0,06
13	P_PP_6	2,59	1,33	0,10	0,46	0,30

Примечание. Жирным цветом выделены наибольшие значения нагрузок для каждого фактора.

модель на 16 и 13 пунктах (где обратные пункты исключены из анализа) на второй выборке исследования, данные которой не использовались в рамках поискового факторного анализа. Индексы соответствия моделям данным представлены в табл. 4.

К сожалению, прямое сравнение моделей с разным количеством переменных неправомерно, но мы можем видеть улучшение во всех метриках качества модели: *RMSEA* упала с 0,57 до 0,53; *SRMR* – с 0,43 до 0,37; *CFI* выросла с 0,95 до 0,97, а *NFI* – с 0,94 до 0,96. Все эти значения

превосходят пороговые, что говорит о хорошем качестве моделей. На рис. 2 и 3 представлены визуализации КФА моделей для 16 и 13 пунктов соответственно.

Параметры модели для второй выборки (575 человек) на 16 пунктах приведены в табл. 1–5 в Приложении 3 RusPsyData [2]. Корреляции варьируются от 0,52 до 0,91 (рис. 1 в Приложении 3 RusPsyData [2]).

Параметры модели для второй выборки (575 человек) на 13 пунктах представлены в табл. 6–10 в Приложении 3 RusPsyData [2]. Корреляции варьируют

Таблица 4

Показатели соответствия трехфакторной модели опросника исходным данным по результатам КФА на второй выборке на полной методике и с исключением 3 обратных пунктов

Модель	χ^2	<i>Df</i>	<i>NFI</i>	<i>CFI</i>	<i>RMSEA</i>
16 пунктов (<i>N</i> = 575)	261,38***	101	0,947	0,955	0,057
13 пунктов (<i>N</i> = 575)	148,77***	62	0,965	0,973	0,053

Примечание. *NFI* = нормированный индекс соответствия; *CFI* = индекс сравнительного соответствия; *RMSEA* = среднеквадратичная ошибка аппроксимации; *** – $p < 0,001$.

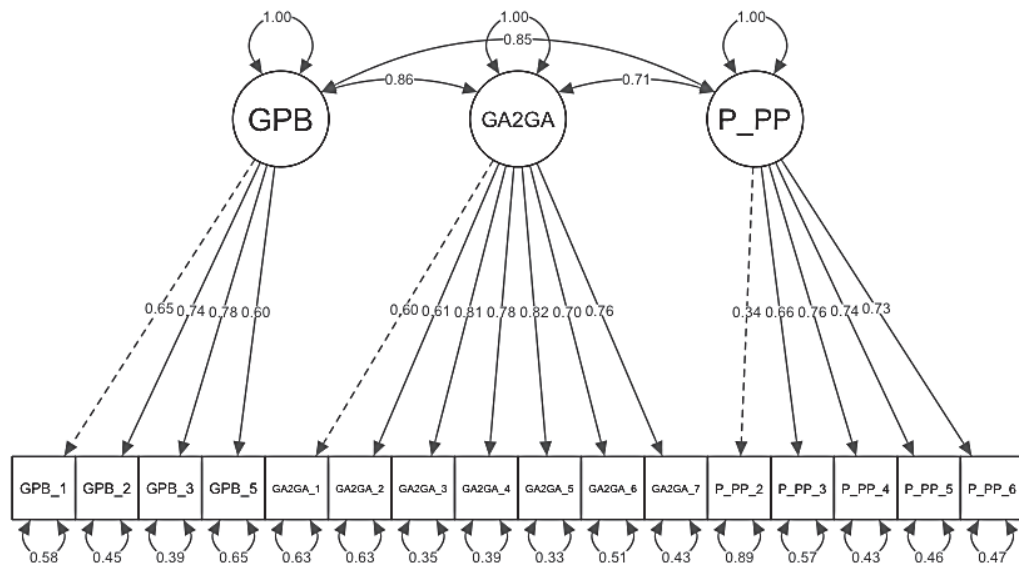

Рис. 2. Визуализация модели для второй выборки (575 человек) на 16 пунктах

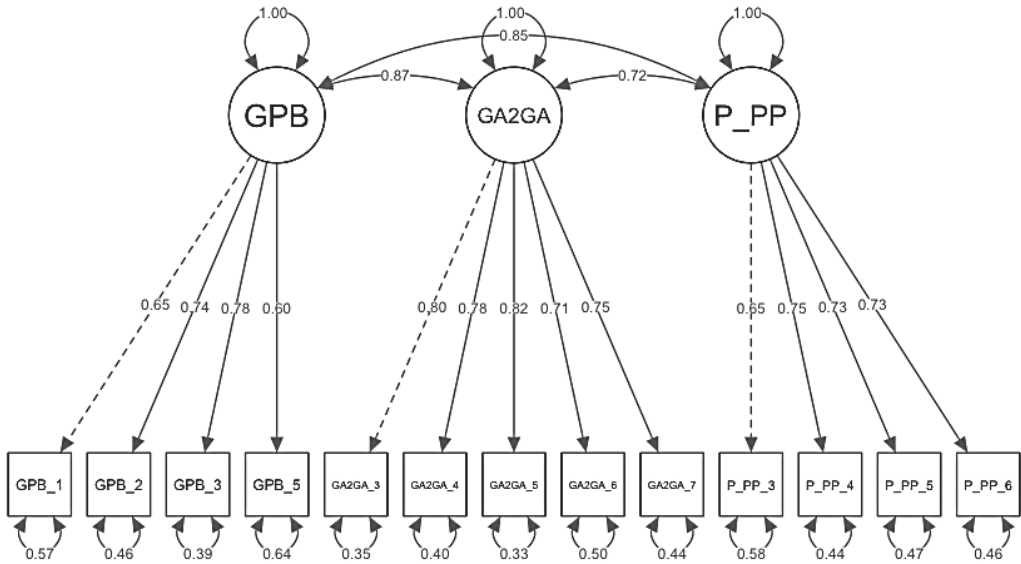

Рис. 3. Визуализация модели для второй выборки (575 человек) на 13 пунктах с исключением обратных

ся от 0,57 до 0,91 (рис. 2 в Приложении 3 RusPsyData [2]).

Третий этап анализа показал, что исключение обратных пунктов, по крайней мере, для русскоязычной версии может быть перспективным способом повысить психометрические характеристики методики. Следующим шагом анализа будет сопоставление согласованности шкал с включением и исключением обратных пунктов на обеих выборках.

Анализ согласованности шкал двух версий методики: полной и с исключением обратных пунктов

Согласованность шкал, коэффициент α Кронбаха для полной версии шкалы (16 вопросов) и с исключением обратных вопросов (13 вопросов) был рассчитан на обеих выборках, результаты по первой выборке представлены в табл. 5.

Субшкалы методики в обеих версиях демонстрируют хорошие показатели на-

Таблица 5

Изменение коэффициента α Кронбаха при исключении обратных пунктов из методики на первой выборке (407 человек) и в скобках – на второй выборке (575 человек)

Название шкалы	α до исключения пунктов	α после исключения пунктов	Исключенные пункты (обратные)
Шкала (POPS)	0,92 (0,91)	0,93 (0,91)	GA2GA_1, GA2GA-2, P_PP_2
Субшкала «Общее политическое поведение» (GPB)	0,81 (0,77)	0,81 (0,77)	-

Название шкалы	α до исключения пунктов	α после исключения пунктов	Исключенные пункты (обратные)
Субшкала «Соглашательство (Идти вместе, чтобы добиться успеха)» (GA2GA)	0,90 (0,88)	0,90 (0,87)	GA2GA_1, GA2GA-2
Субшкала «Политика оплаты труда и карьерного продвижения» (P_PP)	0,76 (0,77)	0,81 (0,80)	P_PP_2

дежности, исключение ведет к небольшому росту надежности субшкалы «Политика оплаты труда и карьерного продвижения». Шкала в целом имеет показатель 0,91–0,93, что говорит о ее согласованности.

Обсуждение результатов

Шкала «Восприятие организационной политики» (Perception of Organizational Politics Scale, POPS) М. Качмар и Д. Карлсон (1997) направлена на субъективную оценку политизированности организационной среды – переживаемой меры, в которой, по мнению сотрудника, другие люди вокруг него ведут себя корыстно, используют ситуацию в собственных интересах для реализации амбиций и получения выгод. В нашем исследовании было показано, что трехфакторная структура опросника, заложенная авторами методики, воспроизводится и для русскоязычной версии. Важно отметить, что обратные пункты шкалы формируют при поисковом анализе отдельный фактор, вносят искажение в факторную структуру шкалы. Их исключение улучшает качество модели, поэтому мы предлагаем пользоваться сокращенной версией опросника, без обратных суждений, состоящей из 13 пунктов (Приложение 1). Преимуществом этой версии является не столько меньшее количество вопросов, сколько большая уверенность в интерпретации стоящих за шкалами конструкторов.

Надежность шкалы в целом составила 0,91–0,93 (α Кронбаха), все субшкалы методики обладают хорошими показателями надежности:

- «Общее политическое поведение» – $\alpha = 0,77–0,81$;
- «Соглашательство» – $\alpha = 0,87–0,90$;
- «Политика оплаты труда и карьерного продвижения» – $\alpha = 0,76–0,81$.

Проверка факторной структуры сокращенной версии опросника методом конфирматорного факторного анализа показала, что модель с 13 пунктами и 3 указанными факторами соответствует данным: все значения индексов соответствия модели данным превосходят пороговые, что говорит о хорошем качестве моделей. Для версии из 16 вопросов показатели соответствия модели также удовлетворительны, но уступают версии без обратных пунктов. Поисковый факторный анализ на сокращенной версии методики показал, что 3 фактора объясняют 54% дисперсии и формируют факторы, соответствующие ожиданиям авторов методики. Качество русскоязычной версии шкалы сходно качеству оригинальной версии на английском языке [15].

Оказалось, что женщины склонны ставить более высокие оценки по шкалам соглашательства и общего политического поведения, чем мужчины. И чем старше человек, тем выше будут его оценки по шкале соглашательства (см. табл. 1 Приложения 4 RusPsyData [2]). Эти

результаты кажутся логичными, хотя Дж. Феррис и М. Качмар не находили таких взаимосвязей [10]. Поэтому исследование гендерного и возрастного аспектов восприятия политики имеет актуальность и ориентирует на то, чтобы понять, что стоит за этими корреляциями.

Следующим шагом в исследовании психометрических свойств русскоязычной версии должна быть проверка конвергентной и дивергентной валидности. Сложность этого шага заключается в том, что методики, использованные авторами для валидации оригинальной шкалы, недоступны в русскоязычном варианте. Тем не менее результаты настоящего исследования позволяют нам быть оптимистичными и использовать русскоязычную версию, состоящую из 13 вопросов и имеющую большую историю использования в исследованиях организационной политики.

Ограничения. Данное исследование имеет ряд ограничений. Одним из них является то, что выборка, на которой происходила вторая итерация проверки моделей, состоит только из женщин. Частично это ограничение преодолевается тем, что главная выборка — выборка поискового анализа — уравновешена по полу. Это особенно важно, учитывая обнаруженные различия между мужчинами и женщинами в восприятии организационных политик. Нами не была проверена ретестовая надежность методики, ее валидность. Валидизация методики — это длительный процесс, в котором нам удалось сделать первый шаг — проверить внутреннюю структуру и надежность методики.

Мы также не можем говорить об эквивалентности предложенной русскоязычной версии оригиналу (хотя мы не знаем, как ведут себя обратные пункты в англоязычной версии — такой анализ,

насколько нам известно, не проводился), поскольку нами было принято два решения: 1 — дополнить шкалу, которая в оригинальной версии включала всего два пункта; 2 — предложить исключить 3 обратных пункта и 1 пункт, который не дал разброса ответов, из оригинального опросника.

Заключение

Восприятие организации как политизированной имеет много значимых как для самого человека, так и для самой компании последствий: начиная от эффективности и удовлетворенности работой, желания уйти или остаться, заканчивая разрушением организации, ее инновационным потенциалом. Механизмы, которые стоят за восприятием политики организации, очень важны, несмотря на разработанность таких понятий, как политические навыки и воля у работающих людей. Самая загадочная часть — где реальное политическое поведение встречается с восприятием других людей и их действий, — изучена недостаточно. Представление о восприятии политики организации, заложенное в шкалу «Восприятие организационной политики» (POPS) и предложенное еще в 90-е годы прошлого века, практически никак не изменилось, а сама методика все еще является актуальным инструментом исследования.

В данном исследовании были проверены внутренняя согласованность и структура шкалы восприятия организационной политики М. Качмар и Д. Карлсон (POPS). Анализ показал, что шкала обладает высокой внутренней согласованностью, а структура, заложенная авторами, воспроизводится, особенно при исключении обратных пунктов. Перспективой исследований в рамках адаптации методики POPS может стать ее дальнейшая валидизация с расширением

круга респондентов, проверка структуры (с обратными вопросами и без) на выборке мужчин и сопоставление полученных результатов в совместном использова-

нии с другими связанными феноменами, что позволит нам расширить понимание конструкта «восприятие организационной политики».

Приложение 1

Бланк методики восприятия организационной политики (POPS)

Инструкция

Отметьте, пожалуйста, насколько каждое из предложенных ниже описаний соответствует компании, в которой Вы работаете сейчас, где:

- 1 — совершенно не согласен(-а),
- 2 — скорее не согласен(-а);
- 3 — в чем-то согласен(-на), в чем-то нет;
- 4 — скорее согласен(-а),
- 5 — полностью согласен(-а).

Также Вы можете отказаться от ответа, выбрав «затрудняюсь ответить/отказываюсь отвечать».

Бланк методики

№ п/п		совершенно не согласен(-а)	скорее не согласен(-а)	в чем-то согласен(-на), в чем-то нет	скорее согласен(-а)	полностью согласен(-а)	затрудняюсь ответить/отказываюсь отвечать
1	В этой компании сотрудники стремятся продвигаться вверх по карьере, подсиживая других	1	2	3	4	5	
2	В этой компании всегда есть влиятельная группа людей, которым никто и никогда не осмелится «перейти дорогу»	1	2	3	4	5	
3	В этой компании вес сотрудника определяется не занимаемой им должностью, а тем, приближен ли он/она к влиятельным людям	1	2	3	4	5	
4	В этой компании есть такие сотрудники, которые могут не подчиняться общим для всех требованиям, для них всегда будет сделано исключение	1	2	3	4	5	
5	В этой компании лучший способ поведения — не противоречить руководству	1	2	3	4	5	
6	В этой компании лучше «не раскачивать лодку»	1	2	3	4	5	

№ п/п		совершенно не согласен(-а)	скорее не согласен(-а)	в чем-то согласен(-на), в чем-то нет	скорее согласен(-а)	полностью согласен(-а)	затрудняюсь ответить/отказываюсь отвечать
7	В этой компании иногда проще промолчать, чем противостоять системе	1	2	3	4	5	
8	В этой компании говорить другим то, что они хотят услышать, порой лучше, чем сказать правду	1	2	3	4	5	
9	В этой компании безопаснее действовать, как вам говорят, а не проявлять инициативу	1	2	3	4	5	
10	В этой компании ни одна из выплаченных мне премий не соответствовала официальной политике компании в отношении оплаты труда	1	2	3	4	5	
11	Декларируемая политика повышений и оплаты труда этой компании не имеет никакого отношения к тому, как это происходит на самом деле	1	2	3	4	5	
12	В этой компании никакие официальные нормы и положения не принимаются в расчет, когда речь идет о продвижении и оплате труда	1	2	3	4	5	
13	В этой компании повышения мало связаны с достижениями и деловыми качествами, потому что они происходят по политическим мотивам	1	2	3	4	5	

Ключ для подсчета баллов

Пункты, на которые дан ответ «затрудняюсь ответить/отказываюсь отвечать», исключаются, по остальным пунктам для субшкал считается среднее арифметическое, а шкала POPS — как сумма значений по субшкалам. Субшкалы принимают значения от 1 до 5, шкалы — от 3 до 15.

Субшкала «Общее политическое поведение» (GPB): вопросы 1–4.

Субшкала «Соглашательство (Идти вместе, чтобы добиться успеха)» (GA2GA): вопросы 5–9.

Субшкала «Политика оплаты труда и карьерного продвижения» (P_PP): вопросы 10–13.

$$POPS = GPB + GA2GA + P_PP$$

Литература/References

1. Зубарев Г.А. Организационная политика и манипуляции как источники власти в организации // Современная экономика: проблемы и решения. 2016. № 2(74). С. 41–46. DOI:10.17308/meps.2016.2/1394

Zubarev G.A. Organizatsionnaya politika i manipulyatsii kak istochniki vlasti v organizatsii [Institutional Policies and Manipulation as a Source of an Organisation Power]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economics: Problems and Solutions*, 2016. Vol. 2, no. 74, pp. 41–46. DOI:10.17308/meps.2016.2/1394 (In Russ)

2. Марарица Л.В., Кинунен Т.А., Гуриева С.Д., Якушнова А.С., Яничева Т.Г., Юмкина Е.А. Адаптация методики восприятия организационной политики (POPS) М. Качмар и Д. Карлсон: база данных и статистика [Набор данных] // RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. М., 2024. DOI:10.48612/MSUPE/z4dz-71dv-nmnnv

Mararitsa L.V., Kinunen T.A., Gurieva S.D., Yakukhnova A.S., Yanicheva T.G., Yumkina E.A. Adaptatsiya metodiki vospriyatiya organizatsionnoi politiki (POPS) М. Качмар и Д. Карлсон: база данных и статистика [Adaptation of the Perception of Organizational Policy Scale (POPS) М. Качмар and D. Carlson: dataset and statistics][Набор данных] [Dataset]. *RusPsyData: Repozitorii psikhologicheskikh issledovaniy i instrumentov [Psychological Research Data & Tools Repository]*. Moscow, 2024. DOI:10.48612/MSUPE/z4dz-71dv-nmnnv

3. Allen R.W., Madison D.L., Porter L.W., Renwick P.A., Mayes B.T. Organizational politics: tactics and characteristics of its actors // *California Management Review*. 1979. Vol. 22. P. 77–83. DOI:10.2307/41164852

4. Cropanzano R.S., Kacmar K.M., Bozeman D.P. Organizational Politics, Justice, and Support: Their Differences and Similarities // *Organizational Politics, Justice, and Support: Managing Social Climate at Work*. Westport, Conn: Quorum Books, 1995. P. 2–18.

5. Dipboye R.L., Foster J.B. Multi-level theorizing about perceptions of organizational politics // *Research in Multi-Level Issues*. 2002. Vol. 1. P. 255–270. DOI:10.1016/S1475-9144(02)01035-4

6. Drory A., Romm T. Politics in Organization and Its Perception within the Organization // *Organization Studies*. 1988. Vol. 9. P. 165–179. DOI:10.1177/017084068800900202

7. Drory A. Perceived Political Climate and Job Attitudes // *Organization Studies*. 1993. Vol. 14. P. 59–71. DOI:10.1177/017084069301400105

8. Dueber D.M. et al. To reverse item orientation or not to reverse item orientation, that is the question // *Assessment*. 2022. Vol. 29. № 7. P. 1422–1440. DOI:10.1177/10731911211017635

9. Ferris G.R., Harris J.N., Russell Z.A., Maher L.P. Politics in organizations // *The SAGE Handbook of Industrial, Work & Organizational psychology: Organizational psychology*. Sage Reference, 2018. P. 469–486.

10. Ferris G.R., Kacmar K.M. Perception of Organizational Politics // *Journal of Management*. 1992. Vol. 18. P. 93–116. DOI:10.1177/0013164491511019

11. Ferris G.R., Ellen B.P., McAllister C.P., Maher L.P. Reorganizing organizational politics research: A review of the literature and identification of future research directions // *Annual review of organizational psychology and organizational behavior*. 2019. Vol. 6. P. 299–323. DOI:10.1146/annurev-orgpsych-012218-015221

12. Ferris G.R., Russ G.S., Fandt P.M. Politics in Organizations // *Impression Management in the Organization*. Erlbaum, Hillsdale, NJ, 1989. P. 143–170. DOI:10.4135/9781473914957.n21

13. Hochwarter W.A., Rosen C.C., Jordan S.L., Ferris G.R., Ejaz A., Maher L.P. Perceptions of Organizational Politics Research: Past, Present, and Future // *Journal of Management*. 2020. Vol. 46. № 6. P. 879–907. DOI:10.1177/0149206319898506

14. Hochwarter W., Kacmar K., Treadway D., Watson T. It's all relative: The distinction and prediction of politics perceptions across levels // *Journal of Applied Social Psychology*. 2003. Vol. 33. P. 1995–2016. DOI:10.1111/j.1559-1816.2003.tb01872.x

15. Kacmar K.M., Carlson D.S. Further Validation of the Perceptions of Politics Scale (POPS): A Multiple Sample Investigation // *Journal of Management*. 1997. Vol. 23. P. 627–658. DOI:10.1177/014920639702300502

16. *Kacmar K.M., Ferris G.R.* Perceptions of organizational politics scale (POPS): Development and construct validation // Educational and Psychological Measurement. 1991. Vol. 51. P. 193–205. DOI:10.1177/0013164491511019
17. *Kaya N., Aydin S., Ayhan O.* The Effects of Organizational Politics on Perceived Organizational Justice and Intention to Leave // American Journal of Industrial and Business Management. 2016. Vol. 6. P. 249–258. DOI:10.4236/ajibm.2016.63022
18. *Kipnis D., Schmidt S.M., Wilkinson I.* Intraorganizational influence tactics: Explorations in getting one's way // Journal of Applied Psychology. 1980. Vol. 65. № 4. P. 440–452. DOI:10.1037/0021-9010.65.4.440
19. *Landells E.M., Albrecht S.L.* Perceived organizational politics, engagement, and stress: The mediating influence of meaningful work // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Article 1612. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01612
20. *Mintzberg H.* The Organization as Political Arena // The Journal of Management Studies. 1985. Vol. 22. P. 133–154. DOI:10.1111/j.1467-6486.1985.tb00069.x
21. *Nye L.G., Witt L.A.* Dimensionality and construct validity of the perceptions of politics scales (POPS) // Education and Psychological Measurement. 1993. Vol. 53. P. 821–829. DOI:10.1177/0013164493053003026
22. *O'Connor W.E., Morrison T.G.* A comparison of situational and dispositional predictors of perceptions of organizational politics // Journal of Psychology. 2001. Vol. 135. № 3. P. 301–312. DOI:10.1080/00223980109603700
23. *Robbins S.P.* The administrative process: integrating theory and practice. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976. 494 p.
24. *Vigil-Colet A., Navarro-González D., Morales-Vives F.* To reverse or to not reverse Likert-type items: That is the question // Psicothema. 2020. Vol. 32. № 1. P. 108–114. DOI:10.7334/psicothema2019.286
25. *Vigoda E.* Organizational Politics, Job Attitudes, and Work Outcomes: Exploration and Implications for the Public Sector // Journal of Vocational Behaviour. 2000. Vol. 57. P. 326–347. DOI:10.1006/jvbe.1999.1742
26. *Vigoda-Gadot E., Talmud I.* Organizational Politics and Job Outcomes: The Moderating Effects of Trust and Social Support // Journal of Applied Social Psychology. 2010. Vol. 40. P. 2829–2861. DOI:10.1111/j.1559-1816.2010.00683.x
27. *Woods C.M.* Careless Responding to Reverse-Worded Items: Implications for Confirmatory Factor Analysis // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2006. Vol. 28. P. 186–191. DOI:10.1007/s10862-005-9004-7
28. *Zalzenik A.* Power and politics in organizational life // Harvard business review. 1970. Vol. 48. P. 47–60. URL: <https://hbr.org/1970/05/power-and-politics-in-organizational-life> (Accessed 24.09.2023).

Информация об авторах

Марарица Лариса Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3858-5369>, e-mail: larisamararitsa@mail.ru

Кинунен Тамара Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7107-099X>, e-mail: kinunen@yandex.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный универ-

ситет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievsv@gmail.com

Яничева Татьяна Гелиевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0613-7353>, e-mail: yanicheva@ourfuture.ru

Юмкина Екатерина Анатольевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Information about the authors

Larisa V. Mararitsa, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3858-5369>, larisamararitsa@mail.ru

Tamara A. Kinunen, PhD in Psychology, Senior Researcher, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7107-099X>, e-mail: kinunen@yandex.ru

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievsv@gmail.com

Tatyana G. Yanicheva, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0613-7353>, e-mail: yanicheva@ourfuture.ru

Ekaterina A. Yumkina, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Получена 10.11.2023

Принята в печать 14.03.2024

Received 10.11.2023

Accepted 14.03.2024

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Утомленные социально — сегодня и навсегда?

Рецензия на книгу Бён-Чхоль Хана «Общество усталости.

Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива».

Москва: Издательство АСТ, 2023. 161 с.

Белинская Е.П.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru**

Рецензируемая книга представляет философский взгляд на ряд социальных и социально-психологических проблем современной эпохи, значительная часть которых проанализирована через призму субъективных переживаний человека, в том числе деструктивных. Распространенные сегодня депрессия, эмоциональное выгорание, синдром дефицита внимания и гиперактивности являются, согласно авторской позиции, закономерными следствиями нарастающей социальной тенденции — императива индивидуальных достижений, что характерно для общества, ожидающего от каждого своего члена подчинения требованиям многозадачности и постоянного ускорения. Такое общество закономерно заменяет открытое насилие над человеком практикой его самоэксплуатации, а его идеологическим основанием становится «позитивность» (ориентация на все положительное), приводящая к отрицанию реального социального разнообразия, а в итоге — к социальной атомизации. Конструктивный выход для человека «общества усталости» автор видит в необходимости не-действия и осознанного созерцания, имманентно подразумевающих открытость миру.

Ключевые слова: общество достижений; многозадачность; выгорание; депрессия; атомизация социального пространства; усталость; креативное созерцание.

Для цитаты: Белинская Е.П. Утомленные социально — сегодня и навсегда? Рецензия на книгу Бён-Чхоль Хана «Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива». Москва: Издательство АСТ, 2023. 161 с. // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 209–214. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150112>

Tired Socially – Now and Forever?

Review of the Book by Byung-Chol Khan “The Society of Fatigue. Negative Experience in the Era of Excessive Positivity”.

Moscow: AST Publishing House, 2023. 161 p.

Elena P. Belinskaya

Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

The reviewed book presents a philosophical view on a number of social and socio-psychological problems of the modern era, a significant part of which is analyzed through the prism of subjective human experiences, including destructive ones. Depression, emotional burnout, attention deficit hyperactivity disorder, which are widespread today, are, according to the author's position, the natural consequences of an increasing social trend – the imperative of individual achievements characteristic of a society that expects each of its members to comply with the requirements of multitasking and constant acceleration. Such a society naturally replaces open violence against a person with the practice of self-exploitation, and its value guideline is “positivity” (orientation to all positive things), leading to the denial of real social diversity, and eventually to social atomization. The author sees a constructive way out for a person of the “fatigue society” in the need for non-action and conscious contemplation, which immanently imply openness to the world.

Keywords: *achievement society; multitasking; burnout; depression; atomization of social space; fatigue; creative contemplation.*

For citation: Belinskaya E.P. Tired Socially – Now and Forever? Review of the Book by Byung-Chol Khan “The Society of Fatigue. Negative Experience in the Era of Excessive Positivity”. Moscow: AST Publishing House, 2023. 161 p. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 209–214. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150112> (In Russ.).

Рецензируемая книга немецкого философа корейского происхождения Бён-Чхоль Хана лишь одна из серии его работ (не многостраничных монографий, а, скорее, развернутых эссе), посвященных целому спектру проблем современной эпохи. Они объединены общей задачей осмысления социокультурных реалий общества пост-постмодерна и затрагивают множество его аспектов: от сложностей конструирования человеком своей идентичности до закономерностей развития нелиберализма, от субъективных

переживаний темпоральности до социальной атомизации, от изменения роли эротических отношений в межличностном взаимодействии до выгорания как доминирующего сегодня социального переживания. Выходящие на языке оригинала с 2009 года и по настоящее время, эти эссе не образуют какой-либо логической последовательности, но воссоздают мозаичную картину современного социального пространства. На русском языке четыре из них [1; 2; 3; 4]¹ выпущены в 2023 году в издательстве АСТ, войдя

¹ Все они вышли в переводах с немецкого А.С. Салина, под научной редакцией и с предисловиями А.В. Павлова, которые акцентируют именно социально-философскую призму заявленной Бён-Чхоль Ханом проблематики. В этой же серии ими готовятся к выходу в 2024 году «Топология насилия» и «Деконструкция западной страсти» того же автора.

в проект «Лед», ставящий своей целью знакомство наших читателей с современными зарубежными естественно-научными и гуманитарными исследованиями. Выбранная для рецензии «Общество усталости», с нашей точки зрения, является содержательно центральной и в максимальной степени интересной именно для социального психолога — прежде всего, в силу последовательного анализа социальных проблем через призму субъективных переживаний и того воссоздания социального контекста повседневного бытия субъекта, которые традиционно организуют предметное поле социальной психологии. Что происходит сегодня с человеком и обществом? Насколько возможные мотивации индивидуального выбора соотносятся с ценностями и идеалами человека? И — главное, — в каких онтологических реалиях это отражается? Насколько не определен сегодня общественный идеал и куда потенциально направлен(ы) вектор(а) социального развития? И — опять же, главное, — к каким социокультурным следствиям это может привести или уже привело?

Прежде чем перейти к попыткам краткого изложения ответов автора на поставленные вопросы, подчеркнем постоянно растущую сегодня популярность работ Бён-Чхоль Хана, чья известность на Западе началась не так уж давно, а именно с 2015 года, с началом переводов его работ на английский язык. Чем именно это было обусловлено, кроме привлекательного для любого современного читателя соединения традиций «западной» и «восточной» научной мысли, на что сразу намекает сама фамилия автора в сочетании с выбранной проблематикой? Представляется, что возможных причин как минимум две.

Во-первых, стиль рецензируемой книги (как и остальных эссе автора) отли-

чает фантастическая лаконичность, что временами создает ощущение на глазах рождающейся афористичности. Вот лишь несколько примеров оной, без воссоздания контекста: «депрессивное я-не-могу возможно только в обществе, которое верит, что нет ничего невозможного» [1, с. 64]; «промедление необходимо для того, чтобы действие не опускалось до уровня труда» [1, с. 97]; «в ходе всеобщего ускорения мы теряем способность к ярости» [1, с. 99]; «глубокая усталость ослабляет хватку идентичности» [1, с. 133]. Однако, как известно, лаконичность стиля отнюдь не означает простоты мысли: столь любимое сегодня многими «малобукофф» опирается на внутренние диалоги Бён-Чхоль Хана с Ф. Ницше и Ж. Бодрийяром, Х. Арендт и В. Беньямином, М. Хайдеггером и М. Прустом. Умение автора сказать о сложном кратко, смыслово емко и образно одновременно, безусловно, не только полностью соответствует современному стилю изложения научных идей любой дисциплинарной направленности, но и удовлетворяет ожиданиям достаточно широкого круга читателей. Последние, заметим, могут и не воссоздать всю полноту контекста авторской позиции. И потому думается, что некоторые упрощенные трактовки основных идей Бён-Чхоль Хана неизбежны. Прежде всего, с нашей точки зрения, это может касаться его понимания созерцания («созерцательной скуки», «одухотворенной усталости») — как того способа совладания, который единственный позволяет человеку противостоять изнуряющей многозадачности современного бытия.

Во-вторых, сегодняшняя популярность во всем мире работ Бён-Чхоль Хана в немалой степени вызвана, как думается, его приверженностью к определенному аналитическому тренду современности, а именно — установкой на своеобразную

психологизацию социальных процессов². Хотя авторское описание реалий социального пространства в основном опирается на философские традиции³, нельзя не заметить, что утверждение им собственной позиции и видение возможных выходов из «тупиков» современности, собственно, сам прогноз социального развития, находят сугубо в психологических рамках. Хотя «оппонентный круг» автора выбран преимущественно с опорой на представителей философии экзистенциализма, но характерным является психологический (вернее — социально-психологический) вектор его рассуждений. Обратимся к этому, в том числе и с целью представить краткое содержание рецензируемой книги.

Так, первая глава «Общества усталости» начинается с описания психических расстройств, свойственных нашему современнику (депрессии, синдрома дефицита внимания и гиперактивности, эмоционального выгорания и т.п.), которые Хан считает следствием той гонки за собственной эффективностью, в которой участвует каждый человек общества достижений. Переход к самоэксплуатации, наиболее ярко характерной для фрилансеров, которые являются «хищниками и жертвами сразу» [1, с. 42], во многом вызван, как отмечает Хан, изменениями в современном коммуникативном пространстве. Перепроизводство информации и избыток технологически опосредованной коммуникации, умноженные на глобализацию мира, приводят к так называемому «избытку позитивности» — как невозможности отличить «свое» от «чужого». Подчеркнем, что «позитивность» понима-

ется автором не столько в оценочно-нормативном смысле, сколько как объективное стирание социокультурных различий, приводящее к социальному однообразию. Итогом подобного «насилия позитивности»⁴ на уровне субъективных переживаний становится ощущение относительности любой и всяческой инаковости и, соответственно, исчезновение Другого как носителя каких-то отличных от собственных смыслов, чувств, действий. Тем самым, продолжим мы, механизм социального сравнения для современного человека просто перестает работать, заменяясь изнуряющей самооценкой по одномерной шкале попыток «стать самим собой», без той многовекторности динамики «Я», которая возможна в диалоге и в контакте с Другим.

Описание деструктивных субъективных переживаний человека продолжается и в следующих главах. В подобном, лишенном Другого и взаимодействия, обществе ведущей особенностью последнего становится атомизация социального пространства, а соответствующий ей дефицит межличностных отношений с неизбежностью приводит к депрессии. При этом хроническая неспособность что-то «мочь» переживается современным человеком не только в социально фрагментированном, но и в постоянно ускоряющемся мире, требующем от каждого все эффективно успеть еще вчера, что, по мысли Хана, заставляет отказаться от субъективных переживаний и прошлого, и будущего, постоянно оставаясь в некотором состоянии «без-времени», в хаосе моментов настоящего. Одинокая усталость от неспособности решить в этих

² Не случайно первым в английском переводе вышло именно рецензируемое «Общество усталости» — максимально психологизированное эссе автора, которое и определило его мировую известность.

³ При этом, как отмечает в своем предисловии А.В. Павлов [1], Бён-Чхоль Хана нельзя причислить к какому-то конкретному философскому направлению в силу присущего ему желания максимальных обобщений.

⁴ В отличие от традиционного, «негативного», насилия над личностью — физического или материального, со стороны других социальных субъектов.

условиях задачу собственной многозадачности приводит на уровне конкретных действий к неспособности остановиться, замедлиться, как-то прервать процесс своей бесконечной гонки, что объясняет, с точки зрения автора, актуальную частоту симптомов синдрома дефицита внимания и гиперактивности. Современному человеку, полагает Бён-Чхоль Хан, нужна не одержимость идеей многозадачности и собственной эффективности, а новые методы управления своим вниманием и временем, без которых он никогда не сможет вернуться в то состояние покоя («креативной скуки», «отрешенного не-действия»), которое единственное порождает нечто новое — как в плане индивидуального, так и социального бытия. Собственно, именно в этом он видит для всех возможность перехода от *vita activa* к *vita contemplativa* — от жизни, в которой господствует вынужденный труд, понемногу становящийся самоцелью, к жизни, полной осознанного и длящегося созерцания.

Завершающая глава, дублирующая название всей книги, подводит итог размышлениям автора про современное общество всеобщей усталости⁵. В этом социальном переживании Бён-Чхоль Хан разделяет два вида усталости — которые мы, по известной аналогии, могли бы назвать «усталостью от» и «усталостью для». Первая из них является следствием постоянной гонки человека за достижениями, это «одинокая усталость, разобщающая и изолирующая», когда «поле зрения занимает одно лишь Я» [1, с. 127] и при которой депрессия неизбежно переплетается с нарциссизмом. Вторая,

альтернативная, усталость базируется, по мысли автора, на осознанном принятии не-деяния⁶ и с необходимостью включает в себя открытость миру, понимание того, что многое из входящего в зону сугубо личных интересов можно оставить незавершенным. «Меньше Я — значит больше мира» и потому подобная усталость «ослабляет хватку идентичности» [1, с. 133]. Возникающая в итоге способность «мочь-не мочь», согласно авторскому названию, и создает возможность для подлинного действия, направленного на созидание нового.

Именно эта завершающая логика и вызывает, с нашей точки зрения, определенные недоумения. Прежде всего, остается непонятной экономическая основа так организованной человеческой общности: представляется, что далеко не все ее члены имеют необходимый материальный ресурс для ограничения пресловутой самоэксплуатации, и потому их непрекращающееся стремление к повышению собственной производительности может иметь не только социально-психологические причины. Далее, грядущее общество одухотворенной усталости характеризуется Ханом фактически как общество одиночек — из его анализа созерцания, ведущего к отрешенному недеянию, неожиданно полностью исчезает Другой, на взаимодействие с которым как с частью открывающегося мира, казалось бы, и должен быть направлен интерес и/или внимание социально усталого субъекта. И наконец, что представляется нам особенно важным, автором никак и нигде не рассматриваются ценност-

⁵ В своем предисловии А.В. Павлов отмечает, что англоязычный перевод книги содержит еще одну главу, где современная социальность характеризуется Бён-Чхоль Ханом как «общество выгорания», и достаточно подробно разбирает ее содержание, отмечая более выраженное в ней внимание автора к политико-экономической составляющей общественной жизни [1].

⁶ В качестве историко-культурного аналога такого состояния автор приводит шаббат — как день «ни-для-чего».

но-смысловые основания выбора (осуществляемого как индивидуальными, так и групповыми субъектами), а без них любое не-деяние очевидно превращается в не-бытие. Вопрос «делать или не делать», в котором подспудно подразумевается ответ, даваемый в пользу со-

зерцания (пусть креативного), рискует превратиться в вечный вопрос «быть или не быть», а не-деяние — трансформироваться в не-бытие... И именно в этом, как видится через социально-психологическую призму, и состоят онтологические риски нашего современника.

Литература

1. Хан Бён-Чхоль. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А.С. Салина, предисловие и научная редакция А.В. Павлова. М.: Издательство АСТ, 2023. 161 с.
2. Хан Бён-Чхоль. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания / пер. с нем. А.С. Салина, предисловие и научная редакция А.В. Павлова. М.: Издательство АСТ, 2023. 192 с.
3. Хан Бён-Чхоль. Агония эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе / пер. с нем. А.С. Салина, предисловие и научная редакция А.В. Павлова. М.: Издательство АСТ, 2023. 162 с.
4. Хан Бён-Чхоль. Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг / пер. с нем. А.С. Салина, предисловие и научная редакция А.В. Павлова. М.: Издательство АСТ, 2023. 160 с.

References

1. Han Byung-Chol. Obshchestvo ustalosti. Negativnyi opyt v epokhu chrezmernogo pozitiva [Fatigue Society. Negative experience in the era of excessive positivity]. Pavlov A.V. (eds.). Moscow: AST Publishing House, 2023. 161 p.
2. Han Byung-Chol. Aromat vremeni. Filosofskoe esse ob iskusstve sozertsaniya [The aroma of time. Philosophical essay on the art of contemplation]. Pavlov A.V. (eds.). Moscow: AST Publishing House, 2023. 192 p.
3. Han Byung-Chol. Agoniya erosa. Lyubov' i zhelanie v nartsissicheskom obshchestve [The agony of eros. Love and desire in a narcissistic society]. Pavlov A.V. (eds.). Moscow: AST Publishing House, 2023. 162 p.
4. Han Byung-Chol. Krizis povestvovaniya. Kak neoliberalizm prevratil narrativy v storitelling [Narrative crisis. How neoliberalism turned narratives into storytelling]. Pavlov A.V. (eds.). Moscow: AST Publishing House, 2023. 160 p.

Информация об авторах

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Получена 21.02.2024

Принята в печать 26.02.2024

Received 21.02.2024

Accepted 26.02.2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Теория и практика этнопсихологии: 20 лет в российском контексте

Гриценко В.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Павлова О.С.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

В статье представлен отчет о работе международной научно-практической конференции «Этнопсихология: теория и практика», которая проходила 16–17 ноября 2023 года в Москве и была посвящена 20-летию юбилею кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета «Социальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета. Отражено содержание пленарного и секционных заседаний, мастер-классов и круглых столов. Круг вопросов и проблем, поднятых в ходе работы конференции, отражает актуальную проблематику российских этнопсихологических исследований.

Ключевые слова: этнопсихология; кросс-культурная психология; психология религии; мультикультурный подход в психологическом консультировании; полевая этнопсихология.

Для цитаты: Гриценко В.В., Павлова О.С. Теория и практика этнопсихологии: 20 лет в российском контексте // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 215–223. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150113>

Theory and Practice of Cross-Cultural Psychology: 20 years in the Russian Context

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Olga S. Pavlova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

The article presents a report on the work of the international scientific and practical conference “Ethnopsychology: Theory and Practice”, which took place on November 16–17, 2023 in Moscow and

was dedicated to the 20th anniversary of the Department of Cross-Cultural Psychology and Psychological Problems of Multicultural Education, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education. The content of plenary and sectional sessions, master classes and round tables is reflected. The range of questions and problems raised during the conference reflects the current issues of Russian cross-cultural psychological research.

Keywords: *ethnopsychology; cross-cultural psychology; psychology of religion; multicultural approach in psychological counseling; field ethnopsychology.*

For citation: Gritsenko V.V., Pavlova O.S. Theory and Practice of Cross-Cultural Psychology: 20 years in the Russian Context. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 215–223. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150113> (In Russ.).

16–17 ноября 2023 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете (ФГБОУ ВО МГППУ) состоялась посвященная 20-летию кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Международная научно-практическая конференция «Этнопсихология: теория и практика», организованная факультетом «Социальная психология». В работе конференции приняли участие ученые из ведущих научных и образовательных центров Москвы, Белгорода, Волгограда, Ижевска, Казани, Калуги, Краснодар, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Смоленска, Тамбова, Тюмени, Черкесска, Читы, Хабаровска, а также ведущие ученые из Республики Беларусь, Республики Молдова, Индонезии.

Открыла конференцию и поприветствовала ее участников декан факультета «Социальная психология» МГППУ, профессор Т.Ю. Маринова. Она подчеркнула значимость научного обмена информацией о содержании и динамике этнокультурных феноменов в современном меняющемся мире для развития этнопсихологической науки; обратила внимание на важность обсуждения теоретических и практических результатов научных исследований в рамках данного научного форума с целью оптимизации

межэтнического, межкультурного и межконфессионального взаимодействия; отметила вклад членов кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования в разработку многих актуальных и социально значимых научно-практических проблем этнопсихологии.

Доклад доцента кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидата культурологии Е.А. Александровой был посвящен истории и основным вехам развития кафедры. Деятельность кафедры представили ее выпускники, которые рассказали о важнейших компонентах этнопсихологической подготовки и востребованных в современной психологии формируемых на кафедре компетенциях этнопсихолога.

На пленарном заседании было заслушано 5 докладов. Направление обсуждаемых на конференции проблем задал доклад д-ра психол. наук, директора Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ А.Н. Татарко на тему: «Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики». Докладчик подчеркнул, что одним из базовых психологических ресурсов для реализации стратегий совладания в сложившейся ситуации

выступает гражданская идентичность россиян. Именно она является психологическим ресурсом совладания с жизненными трудностями и может иметь позитивный эффект на ментальное здоровье россиян.

Актуальной проблеме академической адаптации студентов-иностранцев, которая, несмотря на солидный опыт российских вузов в их обучении, все еще относится к нерешенным вопросам, был посвящен доклад д-ра психол. наук, заведующего кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Р.М. Шамионова на тему: «О некоторых факторах академической адаптации студентов-иностранцев в российских вузах».

В докладе канд. психол. наук, научного сотрудника НИУ ВШЭ Д.С. Григорьева, подготовленного совместно с зарубежными коллегами из Канады, Гонконга, Испании, Нидерландов и США на тему: «Гипотеза интеграции: критическая оценка и многоуровневый метаанализ трех многонациональных наборов данных», были представлены эмпирические данные в поддержку гипотезы интеграции, которая в последнее время подверглась критике в зарубежной науке, особенно в отношении положительных показателей адаптации (например, удовлетворенности жизнью, самооценки).

Д-р психол. наук, заведующая кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета В.Ю. Хотинец в своем выступлении «Тенденции и перспективы психологических исследований полилингвального опыта» обратила внимание слушателей на одну из актуальнейших проблем полилингвизма в образовании, решение которой предполагает пересмотр учебных норм, исполь-

зование гибридных языковых практик и создание условий для развития новых культурных сценариев.

В заключение пленарного заседания прозвучал доклад д-ра психол. наук, профессора кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ В.В. Гриценко на тему: «Ценностные основания мотивов конструирования этнической идентичности у русских старшеклассников из Центрального и Дальневосточного регионов России», основным выводом которого является тезис о наличии различий в ценностных основаниях мотивов конструирования этнической идентичности у старшеклассников из Смоленска и Хабаровска, что свидетельствует о региональной специфике механизмов формирования и развития русской идентичности у этнического большинства российской молодежи, что, в свою очередь, важно учитывать при работе с молодежью по укреплению ее позитивной этнической идентичности.

В течение двух дней на конференции активно работали 7 секций, 4 круглых стола и 3 мастер-класса. С докладами в ходе конференции выступили более 150 человек, а всего для участия в конференции зарегистрировались более 500 человек, которые очно и онлайн приняли участие в мероприятиях конференции.

На секции «Методологические, теоретические и практические проблемы этнопсихологических и кросс-культурных исследований» (модераторы — д-р психол. наук А.В. Сухарев, канд. психол. наук А.М. Двойнин, канд. психол. наук В.А. Шорохова) обсуждались вопросы самого широкого теоретико-методологического характера. В частности, философско-антропологическая методология в этнопсихологических исследованиях

(А.В. Сухарев, ИП РАН, Москва); культурно-исторический подход к психологическому анализу религиозного сознания (А.М. Двойнин, ВШЭ, Москва); возможности использования культурного измерения «индивидуализм-коллективизм» как основного инструмента анализа сходств и различий культур (А.А. Галлямова, Д.С. Григорьев, ВШЭ, Москва); факторы подверженности человека информационно-психологическому влиянию со стороны деструктивных сообществ (В.К. Романцова, А.М. Двойнин, ВШЭ, Москва); культурная специфика формирования сюжета при запоминании визуального материала (О.Н. Арестова, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва); кросс-культурный анализ жизнеспособности бурятской и русской молодежи (С.Б. Дагбаева, Н.М. Сараева, А.А. Суханов, ЗабГУ, Чита); методы оценки агрессивности по обобщенным мужским портретам тувинцев-эрзинцев (А.А. Мезенцева, В.В. Ростовцева, ИЭА РАН, Москва); использование метода автоэтнобиографии для изучения этнической идентичности (В.Н. Муха, А.А. Шиповалова, КубГТУ, Краснодар).

Актуальными для обсуждения темами на секции «Психология межкультурного взаимодействия: теория и практика» (модераторы — д-р психол. наук Н.М. Лебедева, PhD А.В. Матвеев, д-р психол. наук В.В. Гриценко) стали роль восприятия культуры этнической группы в формировании содержания стереотипа о ней (Е.Ш. Комягинская, Д.С. Григорьев, А.А. Галлямова, ВШЭ, Москва); роль переводчика в межкультурном взаимодействии (Ю.Д. Гавронова, СГИИ, Смоленск); теоретические и практические проблемы формирования межкультурной компетентности (А.В. Матвеев, О.Е. Данчевская, МПГУ, Москва; А.Д. Эйтон, СПбГТУ, Санкт-Петербург);

представления о России у разных групп россиян (Н.М. Лебедева, Е.В. Бушина, Ю.С. Кузнецова, ВШЭ, Москва); взгляд в системе общения в Китае (Г.Л. Сперанская, БГУКиИ, Минск, Республика Беларусь); влияние культуры «ккондэ» в корейском обществе и связь между «душились» в России (Цой Гунвон, Финансовый университет, Москва).

В фокусе обсуждения участников секции «Этническая психология личности» (модераторы — д-р ист. наук, член-корр. АН РАН М.Л. Бутовская, д-р психол. наук И.И. Кауненко, канд. культурологии Е.А. Александрова) стали сообщения об особенностях толерантности к новизне у студентов в зависимости от их этнической принадлежности (Б.С. Алишев, ФГБОУ ВО КФУ, Казань), о чертах личности и установках на оказание помощи: на примере трех африканских этнических групп (М.Л. Бутовская, Д.А. Дронова, ИЭА РАН, Москва); о культурной специфике мечты у студенческой молодежи (И.И. Кауненко, ИКН, Кишинев, Республика Молдова, Л.Ф. Хорозова, КГУ, Комрат, Республика Молдова); о ценностях молодежи и людей старшего поколения, проживающих на юге Алжира (выпускница магистерской программы «Практическая этнопсихология» кафедры этнопсихологии В.Ю. Отмани, МГППУ, Москва), о культурологических особенностях развития социального характера личности (Р.Р. Накохова, СКГА, Черкесск), о личности отца в современной России и Беларуси (О.В. Семенова, В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская, ИЭА РАН, Москва, Е.Н. Каспарова, БГУ, Минск; А.М. Ермаков, ДГТУ, Ростов-на-Дону); о психологическом портрете современного российского казачества: результаты эмпирического исследования (А.В. Черная, ЮФУ, Ростов-на-Дону).

В рамках работы секции «Психологическая и культурная антропология» (модераторы — канд. культурологии Е.А. Александрова и И.С. Иванова) живой интерес вызвал доклад д-ра психол. наук, заместителя декана факультета психологии Исламского университета, (Джокьякарта, Индонезия) Эми Зулайфа (Emi Zulifah) на тему: «Семейная жизнь на расстоянии в Индонезии: требования к трудовой мобильности, вера и благополучие членов семьи».

Участники секции также обсудили проблемы ритуалов подношений в культуре повседневности латиноамериканских стран (И.С. Иванова, МИСИС, Москва); кросс-культурных различий в межполовом восприятии угрожающей и привлекательной внешности (В.В. Ростовцева, М.Л. Бутовская, А.А. Мезенцева, ИЭА РАН, Москва); опыт интеграции детей, принадлежащих к национальным меньшинствам (на примере детей племени Хамар, Эфиопия) (И.А. Хорошенький, РГГУ, Москва; Е.А. Александрова, МГППУ, Москва).

На секции «Психология миграции и аккультурации» (модераторы — канд. психол. наук З.Х. Лепшокова, канд. психол. наук Н.В. Муращенко, ВШЭ, Москва; Г.К. Есина, МГППУ, Москва) прозвучали вызвавшие широкое обсуждение доклады о трансформации идентичности иностранных студентов, обучающихся в российских вузах (В.В. Константинов, Н.В. Путилова, ПГУ, Пенза); о межкультурной адаптации иранских студентов в России (О.В. Маслова, М.Д. Осипян, Сеченовский университет, Москва); об эмоциональной стабильности, альтруизме и кросс-культурной адаптации китайских студентов в России (Ю.Н. Музыченко, Л.Г. Почебут, СПбГУ, Санкт-Петербург); о роли этнической дискриминации и этнической активности в сети в психологическом благополучии эт-

нического большинства (З.Х. Лепшокова, В.Н. Галяпина, ВШЭ, Москва); о социально-психологическом пространстве эмиграционных намерений российской студенческой молодежи (Н.В. Муращенко, ВШЭ, Москва; В.В. Гриценко, МГППУ, Москва; М.Н. Ефременкова, Клиническая больница «РЖД-медицина», Смоленск); о рефлексивности в зрелом возрасте как личностной детерминанте социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев (М.В. Серебряная, БелГУ, Белгород).

В рамках работы секции «Психология религии и межрелигиозного взаимодействия» (модераторы — д-р психол. наук О.Р. Тучина и канд. психол. наук В.А. Шорохова) особый интерес вызвали доклады Е.В. Мещерской-Робустовой (МПГУ, Москва) на тему: «Явление трюверия в эволюции религиозных представлений бесермян» и О.Р. Тучиной и Л.А. Посметюха (КубГТ, Краснодар) на тему: «Религиозная идентичность православной молодежи полиэтничного региона: ценностные основания и влияние на субъективное благополучие».

На секции «Этнопсихология и образование» (модераторы — д-р психол. наук В.Ю. Хотинец, канд. филол. наук Ким Хэ Ран, канд. психол. наук А.С. Кривцова) были заслушаны доклады Ким Хэ Ран (ВШЭ, Москва) о мультикультурном феномене и мультикультурном образовании в Южной Корее; А.В. Капцова (СФ МГПУ, Самара), Е.И. Колесниковой (СамГУ, Самара) о стадиях становления субъектности студентов, сформировавшихся в образовательных средах школ России и Казахстана; А.А. Крылова (ФГБОУ ВО ТГУ, Тамбов) о специфике профориентационной работы со старшими школьниками в различных социокультурных парадигмах; Ю.О. Новгородовой (УдГУ,

Ижевск) об особенностях когнитивной регуляции младших школьников-билингвов в процессе изучения третьего языка; М.Ю. Тихомирова (ФГБОУ ВО ВГСПУ, Волгоград) о культурных измерениях как этнопсихологических детерминантах образовательного процесса в вузе; а также А.И. Троянской (ФГБОУ ВО УдГУ, Ижевск) о взаимосвязи уровня адаптации и психологического благополучия студентов из Индии, обучающихся в России. В докладе А.В. Фридерикса (ФВА РВСН, Серпухов) основное внимание было уделено межкультурной осведомленности при обучении курсантов иностранному языку.

Результаты большого кросс-культурного коллективного исследования на тему: «Динамика агрессивного и тревожного поведения во время трех волн пандемии COVID-19 в России» были отражены в докладе В.Н. Бурковой, М.Л. Бутовской (ИЭА РАН, Москва), А.М. Ермакова (ФГБОУ ВО ДГТУ, Ростов-на-Дону), А.Б. Галимханова (ФГБОУ ВО УУНиТ, Уфа), А.В. Емельянова (ФГБОУ ВО «ТГУ имени Г.Р. Державина», Тамбов), Р.И. Зинуровой (ФГБОУ ВО КНИТУ, Казань), О.В. Калининченко (ФГАОУ ВО ДФУ, Владивосток), Н.В. Рымаренко (ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», Симферополь), Н.Ю. Симаква (ФГАОУ ВО МГИМО, Москва), В.И. Сподиной (Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск) и Ю.И. Феденко (ИЭА РАН, Москва).

На секции «Мультикультурный подход в психологическом консультировании» (модераторы — д-р психол. наук А.А. Нестерова, канд. психол. наук И.А. Новикова, канд. пед. наук О.С. Павлова) свои доклады, вызвавшие оживлен-

ную дискуссию, представили А.А. Нестерова (ГУП, Мытищи), которая рассказала об особенностях кросс-культурного консультирования и психотерапии; Р.Х. Ганиева (Центр психологической помощи, Магас), поделившаяся опытом практической работы с культурой клиента как ресурсом при оказании психологической помощи; И.А. Новикова, Е.Б. Башкин, П.В. Бычкова (РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва), А.С. Берберян (Российско-Армянский (Славянский) Университет, Ереван), чье исследование было посвящено психологическим факторам отношения к помощи в сфере психического здоровья у студентов из Армении и России.

Ю.А. Афанасьева (ФГБОУ ВО СОГУ, Владикавказ) поделилась результатами исследования о связи копинг-поведения с этнической принадлежностью и регионом проживания. О.С. Павлова (МГППУ, Москва) рассказала об основных принципах и подходах к психологическому консультированию мусульман, а М.Ю. Чибисова (МПГУ, Москва) — о проблемах обучения российских психологов мультикультурному консультированию. Выпускница магистерской программы кафедры этнопсихологии «Психология Востока» Н.Г. Баринаева (МГППУ, Москва) поделилась результатами исследования субъективного благополучия российских женщин в межкультурных браках с гражданами Объединенных Арабских Эмиратов.

Заседание круглого стола «Разработка и реализация программы психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан» (модераторы — канд. психол. наук М.Ю. Чибисова, д-р ист. наук Е.А. Омельченко, канд. пед. наук О.С. Павлова) было по-

священо обсуждению системы оценки особых образовательных потребностей несовершеннолетних иностранных граждан (М.Ю. Чибисова, МПГУ, Москва); проблем детей с миграционной историей в российских образовательных организациях (Е.А. Омельченко, МПГУ, Москва); организации работы общеобразовательной организации (через урочную, внеурочную деятельность и систему дополнительного образования) по обучению русскому языку как иностранному и психолого-педагогическому сопровождению несовершеннолетних иностранных граждан (Т.И. Сизова, М.Л. Солдатенкова, МГППУ, Москва); разработке программы психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации детей иностранных граждан, обучающихся в общеобразовательных организациях (Н.В. Ткаченко, МГППУ, Москва); разработке и апробации инструмента оценки отношения учителей к культурному разнообразию (Н.В. Тарулина, МГППУ, Москва). В дискуссии приняла участие Наталья Александровна Сизова, учитель русского языка и литературы МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33» города Калуги.

На заседании круглого стола «Полевая этнопсихология: методы и методология этнопсихологических полевых исследований» (модераторы — канд. психол. наук А.С. Обухов и канд. психол. наук Н.В. Ткаченко) обсуждались проблемные вопросы и предметное поле этнопсихологических полевых исследований. В дискуссии приняли участие Е.В. Бушина (ВШЭ, Москва), В.Л. Кляус (РГГУ, Москва), И.С. Конрад (МПГУ, Москва), Ю.С. Овчинникова (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва), О.С. Павлова (МГППУ, Москва), И.П. Шанцева (Институт социологии РАН, Москва).

Особое место в работе конференции было отведено проведению двух круглых столов, посвященных памяти доктора психологических наук Ольги Владимировны Хухлаевой (модератор — канд. психол. наук А.С. Кривцова) и доктора психологических наук Татьяны Гавриловны Стефаненко (модераторы — д-р психол. наук Н.М. Лебедева и канд. психол. наук М.В. Котова). Участники конференции говорили о вкладе О.В. Хухлаевой и Т.Г. Стефаненко в становление этнопедagogической и этнопсихологической наук, о развитии их идей многочисленными учениками и последователями, делились своими воспоминаниями, мыслями, чувствами об Ольге Владимировне и Татьяне Гавриловне.

Завершали работу конференции три мастер-класса.

Мастер-класс «Этнопсихологическое исследование: особенности полевой работы» (ведущая — аспирантка Института социологии РАН, выпускница магистратуры «Практическая этнопсихология» кафедры этнопсихологии МГППУ И.Н. Шанцева) был посвящен 3 основным этапам его проведения: 1. Подготовка полевого исследования: формирование гипотез, определение пула ключевых экспертов; 2. Работа в поле: налаживание контакта, возможные коммуникативные барьеры; 3. Интерпретация результатов полевого исследования: обработка массива качественных данных.

Мастерская-дегустиация «Учеба на перекрестке культур». Ведущие — ведущий тренер, методолог Еврейского музея и Центра толерантности (Москва, Россия) Е.В. Горинова и тренер Центра А.А. Глазкова — познакомили участников с интерактивными методами содействия адаптации детей из семей мигрантов и беженцев и профилактики мигрантофо-

бии среди обучающихся. Участникам был предложен один из интерактивных модулей программы, разработанных для учащихся 5–11 классов.

Мастер-класс «Применение этнокультурных прототипов в психологическом консультировании. Бестиарий» (ведущий — старший преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ И.Е. Любитов) был посвящен знакомству с методами и техниками, опирающимися на представления о душевном благополучии и неблагополучии и вписанными в культурно-исторический контекст. Они могут оказаться полезными для расширения инструментария специалиста, если рассматривать их не просто как метафоры или артефакты этнической или традиционной культуры, а, скорее,

как прототипы для создания техник или структурирования психологической работы с клиентом.

Подводя итоги, стоит отметить, что Международная конференция «Этнопсихология: теория и практика» продемонстрировала широкий интерес к заявленной проблематике не только со стороны маститых ученых, но и молодых: студентов, аспирантов. Надеемся, что в результате работы конференции научное сообщество получит более глубокое понимание содержания этнопсихологических феноменов, имеющих место в современном мире.

Материалы конференции «Этнопсихология: теория и практика» [1] опубликованы на портале психологических изданий Psyjournals.ru, свободный доступ к ним по ссылке: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ethnopsyconf2023>.

Литература

1. Этнопсихология: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ (16–17 ноября 2023 г.) / Отв. ред. В.В. Гриценко, О.С. Павлова. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. 187 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ethnopsyconf2023> (дата обращения: 20.11.2023).

References

1. Etnopsikhologiya: teoriya i praktika [Elektronnyi resurs] [Ethnopsychology: theory and practice]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu kafedry etnopsikhologii i psikhologicheskikh problem polikul'turnogo obrazovaniya FGBOU VO MGPPU (16–17 noyabrya 2023 g.) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Ethnopsychology: theory and practice»]. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2023. 187 p. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ethnopsyconf2023> (Accessed 20.11.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: grichenkvv@mgppu.ru

Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Information about the authors

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Olga S. Pavlova, PhD in Pedagogy, Head of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Получена 29.02.2024

Received 29.02.2024

Принята в печать 02.03.2024

Accepted 02.03.2024

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
Факс +7 (495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс — 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.pressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Корректор *А.А. Буторина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
fax: +7(495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index — 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.pressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Technical editor *A.A. Butorina*
Maker-up *M.A. Baskakova*